И.И. Лещиловская

Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития

inslav

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

И.И. Лещиловская

Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития

Москва 2013

inslav

И.И. Лещиловская. Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013. 460 с.

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.В. Горина
кандидат исторических наук Г.П. Мельников

Монография посвящена развитию культуры хорватского народа в контексте исторического процесса XVII–XIX вв. Отмечаются раздробленность территории проживания хорватов между Австрийской монархией, Османской империей и Венецианской республикой (в XIX в. между двумя первыми) и отсутствие единого культурного хорватского пространства.

В книге дана характеристика хорватского национального Возрождения (1796–1849), раскрыты его предпосылки, содержание, формы проявления. Рассматривается кульминация Возрождения – общественно-политическое и культурное движение, развернувшееся в Хорватии и Славонии в 30–40-х гг. XIX в. с откликом в других хорватских провинциях. Рассмотрено развитие всех видов культуры в Хорватии, Славонии и Далмации, стилевое движение художественной культуры (барокко, классицизм, романтизм), выражение в культуре хорватской идентичности. Показано формирование нового исторического типа культуры – хорватской национальной культуры Нового времени.

ISBN 10-5-7576-0264-3
13-978-7576-0264-6

© Лещиловская И.И., 2013
© Институт славяноведения РАН, 2013

inslav

Содержание

Введение 6

Глава I

Хорватская культура XVII в.

9–62

Глава II

Далмация и Дубровницкая республика на хорватском культурном пространстве XVIII в.

63–114

Глава III

Культурная жизнь в Хорватии и Славонии в XVIII в.

115–208

Политическое положение Хорватии, Славонии и Военной Границы в XVIII в. 115

Общественные условия развития хорватской культуры в XVIII в. 125

Градостроительство и архитектура. Барокко 128

Научная мысль 137

Северохорватская литература 150

Изобразительные искусства. Музыка. Театр 171

Образование. Школьная реформа 70-х гг. XVIII в. 179

Прочие формы социальной деятельности 188

Бытовая культура и повседневная жизнь городского населения Хорватии и Славонии в XVIII в. 190

Глава IV

Хорватское национальное Возрождение

209–276

Положение Хорватии, Славонии и Далмации в первой половине XIX в. 209

Идейная атмосфера в Хорватии и Славонии в первой трети XIX в. 232

Иллиризм 244

inslav

Глава V
Формирование хорватской национальной культуры
277–380

Мировоззренческие аспекты новой культуры 277
Литературно-языковой вопрос 285
Литература 293
Изобразительное искусство 321
Музыка 327
Театр 337
Наука и образование 341
Публицистика. Периодическая печать 355
Культурные учреждения и общества 365

Глава VI
Хорватская национальная культура в контексте европейского культурного развития
381–420

Под знаком славянской взаимности 381
Иллиризм и Россия 389
Связи иллиризма с немецкоязычной культурой 405

Глава VII
Город в Хорватии и Славонии в годы хорватского национального Возрождения
421–440

Вместо заключения 441

Иллюстрации 445

inslav

Светлой памяти
незабвенной матери
Варвары Николаевны Лещиловской

inslav

Введение

Эта книга написана историком. В основу монографии положена концепция истории хорватского народа XVII–XIX вв. со специальным выделением культуры ввиду ее особой общественной роли в судьбах хорватов. Хронологические рамки исследования ограничены с одной стороны «бунтарским» XVII в. и агрессивным продвижением на запад Османской империи, с другой – поражением революции 1848–1849 гг. в Европе и завершением хорватского национального Возрождения.

Основными задачами монографии являются исследование эволюции хорватской культуры как части исторического процесса при самостоятельности ее внутренних законов развития, показ сложных взаимодействий культуры с политикой и, хотя отдаленно, экономикой, раскрытие вклада культуры свойственными ей способами в постановку и решение актуальных общественных задач на разных этапах истории хорватского народа.

Особенность исторического развития хорватов состояла в том, что его этническая территория в рассматриваемое время была разделена между тремя государствами: Австрийской монархией, Османской империей и Венецианской республикой (в XIX в. между первыми двумя), которые проводили угнетательскую политику в отношении хорватского народа. При этом государственное разграничение между христианским и османским мирами носило цивилизационный характер. Это вызывало необходимость раскрытия внешних обстоятельств истории хорватской культуры и их влияния на ее развитие.

inslav

В монографии изучение хорватской культуры проведено с охватом всех ее отраслей и видов на основной территории расселения хорватов – в Хорватии, Славонии и Далмации.

Государственная раздробленность хорватского этноса с ее разными условиями, темпами, традициями и внешними влияниями в ходе истории хорватов усугублялась внутренней гетерогенностью хорватской культуры. Она развивалась тремя потоками, обусловленными разностью письменных диалектов с их литературными традициями. Культура хорватов существовала в условиях отсутствия у народа единого культурного пространства. В задачу монографии входит изучение формирования единого хорватского культурного пространства, что протекало параллельно со складыванием национальной идентичности хорватов.

Получила отражение в монографии большая и важная проблема места и роли католической церкви в культурном развитии хорватского народа при неразвитости общественных условий.

Центральное место в монографии занимает исследование хорватского национального Возрождения, развернувшегося в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. (1796–1849 гг.). Раскрываются его предпосылки, содержание, внешние влияния и формы проявления. Кульминацией хорватского национального Возрождения стало общественно-политическое и культурное движение, развернувшееся в Хорватии и Славонии, с некоторым откликом в других хорватских провинциях, в 30–40-х гг. XIX в. Его отличительной чертой была направленность на единение и сотрудничество всех южных славян. На первом этапе освободительное движение носило культурный характер, свидетельствующий об исключительно важной роли культуры в хорватском национальном Возрождении, в 40-х гг. политическая борьба в Хорватии и Славонии сочеталась с активной культурной деятельностью.

Следующей задачей монографии является рассмотрение процесса формирования хорватской культуры нового исторического типа – национальной хорватской культуры Нового времени, соответствовавшей складыванию хорватской идентичности. Раскрыто обновление литературы, изобразитель-

inslav

ных искусств, музыки, театра, науки и образования, публицистики и периодической печати, а также создание культурных учреждений и обществ. Рассмотрена стилистическая картина художественной культуры в условиях провинциализма Хорватии и Славонии.

Для хорватских интеллектуалов исстари была характерна славянская традиция – сознание целостности славян. В книге показаны ее развитие и углубление в понимании славян с перерастанием в реальную практику межславянского сотрудничества под эгидой учения о «славянской взаимности» в XIX в. В годы освободительного движения впервые в истории были установлены связи хорватов с русской культурой.

Конкретная история хорватской культуры XVII–XIX вв. имеет большую научную литературу. Это коллективные труды, индивидуальные монографии, статьи, в которых показаны отдельные отрасли культуры или раскрываются частные вопросы. В 1985 г. в Загребе вышел фундаментальный труд «Хорватское национальное Возрождение», юбилейное издание, посвященное 150-летию хорватского пробуждения к национальной жизни. Оно представляет собрание статей по разным вопросам хорватской культуры того времени в комплексе с каталогом архивных документов. В СССР и России исследователи занимались историей хорватской литературы. Она получила, в частности, освещение в коллективном труде «История литератур западных и южных славян» (М.,1997). Солидным вкладом в исследование славянских культур стала трехтомная «История культур славянских народов» (тт. I–II, охватывающие историю до XX в., – М., 2003, 2005). Все имеющие значение работы использованы и указаны в тексте настоящей монографии.

Великая крестьянская культура являлась составной частью национальной культуры. Но по своей масштабности и значению она представляет самостоятельный объект научного исследования и потому в настоящей книге не охвачена.

inslav

Глава I

КУЛЬТУРА ХОРВАТСКОГО НАРОДА XVII в.

XVII век был едва ли не самым тяжелым периодом в истории хорватского народа эпохи Средневековья и Раннего Нового времени.

Некогда величественное Триединое королевство (официальное название со второй половины XVI в. королевств Хорватии, Славонии и Далмации), простиравшееся от Дравы до Адриатического моря, представляло государственные развалины. С XV в. континентальная Хорватия испытывала нараставший вал турецких нападений. В 1493 г. хорватские войска потерпели на Крбавско поле (близ Удбины) тяжелое поражение от турок, после которого Хорватия лишилась сил для серьезного сопротивления. В результате турки заняли всю Славонию и часть Хорватии вдоль реки Дравы, территорию между реками Савой и Уной.

В 1526 г. после победы 300-тысячной армии турок над хорватско-венгерскими войсками в 25 тыс. человек при Мохаче на Дунае Хорватия как часть Венгерского королевства признала власть Габсбургов. Представлявшая, в глазах современников, «остатки остатков славных королевств Хорватии и Славонии» Хорватия находилась в состоянии прифронтовой зоны, принимая на себя волны турецких вторжений.

Вхождение Банской Хорватии в состав государства Габсбургов имело для нее противоречивые последствия. С одной стороны, объединенными силами было легче проти-

inslav

востоять турецкому нашествию, с другой, – это сказалось на ее территориальной целостности и статусе.

В XVI в. на австро-турецком пограничье, на территории Хорватии началось формирование Военной Границы – милитаризованной зоны как барьера на пути турецкого продвижения на запад. Габсбурги постепенно изымали Границу из юрисдикции хорватского са́бора и бана, укрепляя свою власть на этой земле. В 1578 г. был основан Дворцовый военный совет в Граце, которому была подчинена основная часть Хорватской Границы. Это означало дальнейшее урезание хорватских «остатков».

В 1627 г. Военная Граница была организована как особая австрийская территория. Военное командование здесь было немецким. Этот комплекс расширялся за счет областей в бассейне Дуная в ходе их освобождения от власти турок.

В то же время формирование австрийского абсолютизма сопровождалось его давлением на политические права хорватских аристократии и дворянства, получавшие выражение в автономном статусе Королевства Хорватии.

Положение Хорватии на переднем крае борьбы с османской агрессией, разрушительные последствия турецких вторжений, эмиграция хорватов из родных мест в соседние, более спокойные края, утрата привычных торговых связей – все это обусловило долговременный застой ее хозяйства.

Далмация, находившаяся с XV в. под властью Венеции, стала объектом столкновения интересов Османской империи и Республики Св. Марка. Ее континентальная часть почти вся была занята турками, за исключением узкой прибрежной полосы. Дубровник в свою очередь признал в XV в. верховную власть султана, выражением чего стала ежегодная дань Порте. Но он сохранил относительную политическую самостоятельность, никогда не входил в состав Османской империи, продолжая вести прибыльную посредническую торговлю по всему бассейну Средиземноморья.

В XVII в. Далмация и Дубровник пережили исторические события и природные явления, имевшие разрушительные последствия. В течение четверти века (1645–1669) Далмация и Бока Которская подвергались опустошению в

inslav

ходе кровопролитной венецианско-турецкой войны, получившей название Кандийской - по городу Кандии, столице острова Крит. Ситуация усугублялась торговой политикой Венеции в ущерб далматинским приморским городам. На этом фоне в 1649 г. Далмацию охватили страшная эпидемия чумы, пришедшая из Османской империи, а затем и голод. Дубровник пережил в 1667 г. мощное землетрясение, за ним последовал пожар, продолжавшийся 20 суток. В результате катастрофы «славянские Афины», средоточие хорватских муз и умов Возрождения, лежали в руинах. Восстановление города проходило тяжело и медленно. Оно затруднялось и перемещением мировых торговых путей в Атлантику, и конкуренцией Венеции.

Катастрофа у Мохача в 1526 г. и падение Клиса в Далмации в 1537 г. открыли период тяжелейшего кризиса в жизни хорватского народа. С турецкой агрессией перед хорватами встала первоочередная задача освобождения и собирания отторгнутых у них земель. С течением времени она преобразится в стратегическую перспективу соединения в целое хорватского народа.

Разделение территории проживания хорватов между разными государствами усугубляло слабость хозяйственных связей между севером и югом, культурную изолированность Хорватии и Далмации друг от друга, группировку интересов по провинциям.

И все же на фоне невзгод в положении хорватов появились первые проблески надежды. В 1593 г. боснийский санджак-бег Хасан-паша вступил в решительную схватку за крепость Сисак, последний укрепленный пункт перед Загребом *. Однако турки были вынуждены отступить под натиском войск, которыми командовали хорватский бан и

* В Средневековье на месте современного Загреба существовали свободный королевский город Градец, церков ная собственность Капитул и предместья. В 1850 г. они были объединены в целостный городской организм – Загреб. В литературе это название употребляется и для более раннего времени, прежде всего применительно к Градецу.

inslav

австрийские генералы. И сам Хасан-паша утонул при бегстве в реке Купе. С последовавшей затем австро-турецкой войной, завершившейся в 1606 г. Житванским миром, сложилось хрупкое равновесие сил между Австрийской монархией и Турцией. Хорватско-боснийская граница на целое столетие установилась по нижнему течению Купы. Военные действия переместились в сторону Венгрии. Победа хорватов под Сисаком положила начало освобождению хорватских земель от власти турок.

Крупным событием стало сокрушительное поражение турок в 1683 г. под Веной от объединенных австро-польских войск под командованием польского короля Яна Собеского. В свою очередь и хорваты постепенно начали очищать свою землю от агрессора, освободив территорию вдоль рек Дравы, Савы, Купы, Уны, Крки. На опустошенные земли стали прибывать южнославянские переселенцы с Балкан.

В конце XVII в. произошел поворот в международной обстановке в Центральной Европе. Война 1683–1699 гг. Священной лиги – коалиции в составе Австрийской монархии, Венецианской республики, Речи Посполитой и с 1686 г. России – против Турции показала способность христианских государств мериться силами с Османской империей. Поражение в этой войне стало началом заката ее мощи. Мирный конгресс 1699 г. в городе Сремски-Карловци лишил Турцию значительной территории в Подунавье – Славонии, части Срема и Бачки.

Центральным событием внутренней истории Хорватии в XVII в. был антигабсбургский заговор аристократии во главе с графами Николой (1620–1664) и Петаром (1621–1671) Зринскими и князем Франом Крсто Франкопаном (ок. 1643–1671).

Знатные роды Зринских и Франкопанов были крупнейшими среди хорватской магнатерии. Основу их политического веса составляли обширные владения, простиравшиеся от реки Муры до Адриатического моря. Зринские происходили из Далмации (князья Шубичи-Брибирские). Они собственными силами активно боролись против турецкого нашествия. В течение двух столетий (до 1670 г.) члены

inslav

этой семьи предприняли 50 крупных военных акций против турок [1]. Зринские были неизменными носителями банского достоинства.

В XVI в. воинскими подвигами прославился Никола Зринский, хорватский бан, затем воевода в Венгрии на правом берегу Дуная. В 1566 г. он возглавил славную оборону крепости Сигет в Венгрии (теперь город на севере Румынии на реке Тисе). Сулейман II Великолепный со 100-тысячной армией, подкрепленной мощной артиллерией, предпринял 13-й поход на север. Но у Сигета, который прикрывал путь на Буду, он встретил отчаянное сопротивление хорватско-венгерского гарнизона численностью в 2300 человек. Город был сожжен, защитники его погибли, включая самого Николу Зринского. Месячная осада крепости стоила жизни 25–30 тысячам турок. Под ее стенами смерть застала и Сулеймана II. Героическая защита Сигета произвела сильное впечатление на современников и получила отражение в хорватской литературе. А Никола Зринский стал символом хорватского патриотического сопротивления [2].

Правнук героя Сигета, также Никола Зринский, получил гуманитарное образование в Граце и Трнаве. В 1647 г. он был назначен баном (официальное возведение в должность состоялось в 1649 г.). Сторонник активной политики в отношении Турции, он напористо действовал в войне 1663–1664 гг. в южной Венгрии и Меджимурье. Однако Вашварский мирный договор 1664 г., означавший необоснованные уступки Порте, убедил его в нежелании австрийского монарха Леопольда I вести наступательную политику на востоке. В 50–70-х гг. восточное направление действительно оставалось для Габсбургов второстепенным. Их внимание было сосредоточено тогда на борьбе с Францией за влияние в Западной Европе. Никола Зринский погиб во время охоты в результате нападения на него дикого вепря [3].

Николу Зринского сменил на посту хорватского бана в 1665 г. его брат Петар (инсталляция состоялась в 1668 г.). Петар был также сильной личностью. И он отличился в войне 1663–1664 гг. Его части нанесли поражение боснийскому войску под Оточацем.

inslav

Заговор хорватских и венгерских аристократов против господства Австрии продолжался в течение 1664–1670 гг. В Венгрии, которая испытывала более жесткое давление со стороны Габсбургов, нежели Хорватия, его социальная база была несравненно шире. С хорватской стороны заговор был вызван опасениями за автономию Хорватии перед лицом габсбургского абсолютизма, вялостью политики венского двора в отношении Турции, стремлением Габсбургов вычленить формировавшуюся Военную Границу из состава Хорватии, бесчинствами австрийской военщины на этой территории.

Заговорщики рассчитывали на помощь Франции, обещая за военную и денежную помощь в войне против Турции избрание Людовика XIV венгерско-хорватским королем. Однако, заключив в 1668 г. тайное соглашение с Веной о разделе наследства испанской ветви Габсбургов в связи со смертью короля, версальский двор прекратил отношения с ними. Тщетно Петар Зринский пытался найти опору в Речи Посполитой или Венеции. После этого заговорщики предприняли неожиданный и рискованный шаг. Бан Петар Зринский через своего посланца вступил в контакт с турками. Он соглашался за помощь Стамбула подчинить Хорватию и Венгрию верховной власти султана и выплачивать ежегодно 12000 талеров в качестве дани при условии сохранения в Венгрии и Хорватии существующих порядков и признания Петара и его потомков верховными правителями в них. Это означало вассальное положение Хорватии и Венгрии в составе Османской империи, подобное статусу Трансильвании.

Турки сделали вид, что заинтересовались этим предложением. Петар Зринский и Франкопан приступили к подготовке восстания. Тем временем против заговорщиков были двинуты австрийские войска, которые быстро заняли владения Зринского. Бан и Франкопан поняли, что помощь из Стамбула не придет, и, поверив обещаниям двора о помиловании, отправились с повинной в Вену. Здесь они были вероломно схвачены, брошены в тюрьму и в 1671 г. казнены, как и несколько венгерских магнатов. Их огромные

inslav

земельные владения были конфискованы, частично разграблены, а семьи уничтожены.

Заговор носил сложный хорватско-венгерский характер, за шесть лет прошел разные фазы, меняя свое содержание. В хорватской части он преследовал цель защиты прав и привилегий местного дворянства, а тем самым самостоятельного политического статуса сословной Хорватии. Это была первая акция противодействия абсолютистским тенденциям Габсбургов в отношении Хорватии и Венгрии [4]. Трагический конец самых богатых и влиятельных хорватских родов имел тяжелые последствия для Хорватии, ослабив на долгое время местные политические силы для сопротивления австрийскому абсолютизму, а также для созидательной деятельности в самой Хорватии. Гибель Зринских и Франкопанов означала большой урон для хорватской культуры, и потому что они сами были творческими личностями, и потому что выступали меценатами.

В XVII в. сложные условия жизни хорватского народа – экономический упадок Хорватии и Далмации, постоянная угроза со стороны агрессивной исламской Турции, утрата в результате захвата турками целых областей, давление Австрии и Венеции, наконец, переходившее из века в век духовное разъединение хорватов по провинциям – все это затрудняло развитие хорватской культуры, рождало проблемы и противоречия, решение которых растянулось на последующие века.

Принципиальным обстоятельством развития культуры хорватского этноса в рассматриваемое время было отсутствие у него единого литературно-языкового пространства. И это выражалось не только в бытовании у хорватов разных европейских языков (в Далмации – латинского и итальянского, в Хорватии – латинского, немецкого и в начальной стадии венгерского), но, главное, в существовании разных письменных языков на народно-разговорной основе.

У хорватов были три основных речевых диалекта, получивших название по произношению местоимения «что» (кай, што и ча), – кайкавский, штокавский и чакавский. На кайкавском диалекте говорило население северо-западной

inslav

Хорватии. Чакавский диалект господствовал в Приморье и Далмации. Наиболее распространенным был штокавский диалект, которым пользовались жители в междуречье Савы и Дравы (Славонии), Дубровника, а также все сербы.

Утверждение названных диалектов в хорватской письменности общественного значения началось в позднее Средневековье и продолжалось в Раннее Новое время. В северной Адриатике преобладающим языковым слоем поэзии Возрождения стал народный язык – чакавский диалект. Им пользовались в литературных кругах Сплита, Задара, острова Хвар, а также Дубровника. В эпоху Возрождения чакавский диалект в литературе достиг вершины своего развития, но затем началось его постепенное ослабление.

В литературе Дубровника в конечном итоге возобладал штокавский диалект. Он достиг высокой степени совершенства в сочинениях Ив. Гундулича и И. Джурджевича [5].

Истоки кайкавской письменности восходили к старым глаголическим религиозным текстам и отдельным средневековым повествованиям.

Первые опыты литературного творчества на кайкавском диалекте относились к середине XVI в. и были связаны с замком Озаль в бытность пребывания там Зринских и их круга, сочувствовавших протестантизму («озальский круг»). Первой печатной книгой на кайкавском диалекте стал «Декретум» Ивана Пергошича (?–1592), секретаря городского и жупанийского (областного) управления в Вараждине. Это был сборник правовых текстов, переведенных с латинского и венгерского языков из книги «Трипартитум» венгерского законодателя и политика И. Вербёци (1517). Его феодальный свод законов оставался в силе до середины XIX в. Пергошич посвятил свой труд графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского. «Декретум» был напечатан в 1574 г. в имении Ю. Зринского Неделишче в передвижной типографии. Через несколько лет, в 1578 г., в Любляне вышло историческое сочинение священника Антуна Врамеца (1538–1587) «Хроника», в котором были изложены события всеобщей и хорватской истории от сотворения мира до 1578 г. Эти книги имели светское содержание,

inslav

а их кайкавский диалект включал в той или иной мере и штокавские элементы [6]. Старая кайкавская литература просуществовала в Хорватии до середины XIX в.

Особенностью культурной ситуации в Приморье, северной и средней Далмации было сохранение здесь средневековой глаголической традиции, которая, однако, с XVI в. отошла на периферию культурной жизни. Носителями письменности на глаголице и церковнославянском языке с примесью местных разговорных элементов были в основном священники – глаголяши. Она существовала преимущественно в церковной сфере. Но Зринские, Франкопаны и другие аристократы поддерживали глаголяшей, их церкви и монастыри как исконно хорватские явления. В частной переписке они и сами пользовались иногда глаголической письменностью [7].

Разность письменных языков на народно-разговорной основе сказывалась на всем духовном строе хорватов, их самосознании, далеко выходя за рамки литературы.

Хорваты на севере и на юге в силу политических обстоятельств соприкасались с разными иноземными культурами и испытывали неодинаковые влияния: северные хорваты – преимущественно австрийское и венгерское, адриатические – итальянское.

Если Далмация и Дубровник оказались в XV в. в лоне итальянского Возрождения, то северную Хорватию коснулась своим крылом Реформация. Это было сложное движение, вызванное в целом ростом городов в Европе и направленное против католической церкви как средневекового учреждения и его идеологии. Но это не значит, что дворянство не было затронуто Реформацией. В Венгрии оно частично оказалось втянутым в это движение, рассчитывая решить с его помощью свои проблемы. В Хорватии же в нем участвовали лишь отдельные дворяне. Большинство господствующего сословия, материально и численно ослабленного, ожидало от Габсбургов поддержки в противостоянии туркам.

В XVI в. Реформация в хорватской среде получила распространение через словенские земли, Венгрию и Венецию главным образом в Истрии, хорватском Приморье, Во-

inslav

енной Границе, Меджимурье, а также в части Славонии, находившейся под властью Турции. Порта по политическим мотивам не препятствовала распространению Реформации. Протестантизмом были захвачены города Карловац и Вараждин. К нему склонялись сыновья Николы Зринского Сигетского – Никола и Юрай. Но все же позиции Реформации в Хорватии были слабыми, и она вскоре была задушена.

Тридентский собор католической церкви (с 1545 г. с перерывами до 1563 г.) заложил программу Контрреформации – реставрации и реформирования римской церкви с целью восстановления ее поколебленного авторитета. На этом соборе был впервые сформулирован принцип непогрешимости папы в делах вероучения, что упрочило идеологические позиции католической церкви. В 1604 г. хорватский сабор постановил (в 1609 г. австрийский монарх санкционировал), что в королевствах Хорватии и Славонии признается только католицизм. В Загребе (1606), Вараждине, Риеке появились иезуиты – воинствующий полумонашеский орден, главный проводник Контрреформации. Вместе с тем широкое наступление Контрреформации на территории проживания хорватов сопровождалось усилением общего влияния Европы на культуру хорватского народа, влияния неоднозначного и противоречивого.

Сложность политического положения раздробленного хорватского народа, разнородность внешнего культурного воздействия обусловили существенные особенности общественно-политической мысли хорватов в разных землях. Но были и общие черты их интеллектуальной жизни.

«Турецкий страх» оживил сознание общности славян. Гуманистическое мышление вызвало интерес к прошлому своего народа и потребность понимания его места в славянском мире. Раньше всего это проявилось в Далмации и Дубровнике. Первым среди гуманистов писал о едином «славянском царстве» неолатинский поэт Илия Криевич (Червин) (1463–1520). Оно простиралось, в представлении дубровчанина, от Иллирии до Балтийского и Черного морей, вплоть до Московии [8].

inslav

В 1525 г. свои взгляды на славянство высказал доминиканец, профессор теологии Винко Прибоевич. Он происходил из горожан острова Хвар. Город-коммуна занимал очень выгодное географическое положение и имел удобную гавань, куда заходили все суда, следовавшие в Венецию или возвращавшиеся из нее. Благодаря развитой торговле и судоходству Хвар стал самой богатой коммуной венецианской Далмации. Он был важным центром хорватского гуманизма и культуры в целом.

Прибоевич получил высшее образование в Италии и Польше. Находясь под влиянием итальянской и польской исторической и публицистической мысли своего времени, он выступил перед согражданами Хвара с докладом на латинском языке «О происхождении и успехах славян». В 1532 г. доклад был издан в Венеции, а в 1595 г. вышел его перевод на итальянский язык.

Прибоевич высказал идею широкой славянской общности, к которой принадлежали хорваты и остальные южные славяне. Он рассматривал последних как автохтонное население Далмации. Автор причислял к славянам Александра Македонского, Аристотеля, Св. Иеронима и многих других лиц, которые получили известность благодаря своей учености, храбрости, военному искусству. Все это служило мыслителю обоснованием не только многочисленности, но также силы и исторической роли славянства. Давая географическое описание и краткую историю своего края, он возвеличивал прошлое, экономическую и культурную значимость Далмации и родного Хвара. Прибоевич стал предтечей многих знаменитых носителей славянского сознания у южных славян.

Литература Дубровника подхватила мысль о славянской общности, которая позволяла преодолеть чувство незначительности крошечного вассального государства и придать ему вес и ценность как составной части огромного славянского мира.

В первой четверти XVI в. Лудовик Криевич (Церва) – Туберон (ум. в 1526 г.), получивший образование в Париже, дубровницкий патриций, аббат бенедиктинского монастыря, написал на латинском языке исторический труд с охва-

inslav

том событий от кончины короля Венгерского королевства Матьяша Хуньяди (Матвея Корвина) в 1490 г. до смерти римского папы Льва X в 1522 г. Частично он был опубликован во Флоренции в 1590 г., после смерти автора, а полностью вышел во Франкфурте–на–Майне в 1603 г. Книга получила европейскую известность под названием «Комментарии», но в 1734 г. была запрещена Римской курией за критику верхов католической церкви.

Церва-Туберон с его независимостью суждений высказал мысль о «русской» прародине всех славян – некоей древней Скифии или Сарматии. Он утверждал, что славяне являлись потомками «русских» и готов. Около 600 г. они вторглись в Иллирию, вместе с ними пришли и болгары, занявшие восточную часть Балкан. Язык, употреблявшийся в Иллирии, по оценке автора, почти во всем схож с «русским». В свободном полете мысли Туберон видел «русские» корни и в образовании чешского и польского государств [9].

Теория языкового и этнического родства славян была поддержана Фаустом Вранчичем из Шибеника, разносторонне образованным гуманистом. В 1595 г. в Венеции он издал многоязычный латинско-итальянско-немецко-далматинско-венгерский словарь, в котором развил положение о близости языка, употреблявшегося в Иллирии, с «русским» [10].

С конца XVI в. идея целостности славян вошла в пропаганду Контрреформации, программа которой предусматривала объединение Восточной и Западной христианских церквей во главе с римским папой. В 1596 г. Брестской унией было создано христианское греко-католическое объединение, подчиненное Римской курии, – униатская церковь. Она оставляла православным их богослужение и его язык.

Однако в те годы не только сугубо церковная мотивация побуждала Римскую курию стремиться к сближению славян между собой, но и потребность совместного противостояния туркам. Все это под эгидой католической церкви.

Идейные установки Контрреформации как нельзя лучше отвечали интересам Загребской епископии в связи с так называемым «влашским вопросом». Влахами назывались православные переселенцы, бежавшие из Османской

inslav

империи в Хорватию. Военные власти размещали их на австро-турецком пограничье, на заброшенных землях, подлежащих юрисдикции Загребской епископии. В 1630 г. австрийский монарх Фердинанд II издал диплом, вошедший в историю под названием «Влашского статута». Этот акт изымал влахов из-под власти хорватского сабора и бана, способствуя тем самым обособлению Военной Границы от Хорватии. Но вопрос о вероисповедании влахов остался открытым. В Далмации в свою очередь государственные власти оказывали давление на православное население с целью подчинить его католической иерархии и привести к унии [11].

Контрреформация в определенной мере укрепляла хорватских мыслителей в сознании общности славян и в желании уяснить место Далмации и Хорватии в целостной славянской истории. Но «славянская идея» становилась орудием разных церковных и политических интересов, а также культурной ориентации.

Каноник из Шибеника Томко Мрнавич выразил интеграционное сознание в терминологии. В 1603 г. в сочинении на латинском языке «Об Иллирике и иллирийских императорах» он впервые ввел понятие «иллирийское» для обозначения населения на территории от Дравы до Адриатического моря в историческом обозрении [12].

В рассматриваемое время интеграционному славянскому сознанию в хорватской интеллектуальной среде трудно дать однозначную оценку. Оно включало плодотворное понимание родства славян, особой близости между собой южных славян, принадлежность хорватов к многочисленному славянскому миру. Но одновременно во многих случаях на него накладывались далекоидущие виды Контрреформации. Грань между славянством хорватского патриотизма и наступлением на православие католицизма провести не всегда возможно.

В XVII в. хорватская художественная культура, хотя в отдельных землях с разной интенсивностью, приобщалась к барокко, проявляя тем самым себя в общеевропейском русле культурного развития. Освоение барочной эстетики объяснялось изменениями духовных потребностей общества –

inslav

желанием глубже понять окружающий мир и самого человека. Философия и эстетика барокко, при всей их разности в отдельных культурах и социальных слоях, открывали эту возможность, понимая жизнь, в отличие от гармоничной и жизнерадостной парадигмы Возрождения, в ее сложности, многообразии и изменчивости и преодолевая прямолинейную трактовку гуманистами человека под знаком абсолютизации его физического и духовного совершенства.

Вместе с тем на идейный облик барокко в Западной Европе, откуда шло его распространение на Восток, оказала влияние и Римская курия. Она внесла в него идеи бренности, быстротечности и иллюзорности земной жизни, страданий и вечного покаяния человека. В таком виде католическая церковь сыграла значительную роль в утверждении в искусстве барокко как одного из главных стилевых направлений.

Деятельность иезуитов была направлена на разжигание пламенного религиозного чувства у верующих, доведения их до экстаза живыми картинами страстей и мучений Христа. Эстетика барокко позволяла решить эти задачи, давая возможность представить источником религиозных переживаний божественную плоть. А барочная пышность католического культа утверждала веру в торжество поколебленного Реформацией католицизма.

В культуре хорватов, как и ранее, доминировали Дубровник и Далмация, чему способствовала близость итальянской культуры. В республике Св. Влаха, проводившей тонкую политику в отношении султаната, до катастрофы продолжалась активная творческая жизнь. В то же время ослабление североадриатических городов отрицательно сказывалось на состоянии культуры в Далмации.

Одним из наиболее характерных проявлений гуманистической деятельности были исторические исследования.

Новый век открыл своим творчеством бенедиктинец из Дубровника Мавро Орбин (середина XVI в. – 1611). В 1601 г. в Пезаро вышла его книга на итальянском языке, получившая известность как «Славянское царство». Это была первая попытка дать историю южных славян в Средние века.

inslav

М. Орбин стоял на позиции целостности славян, их автохтонности в Юго-Восточной Европе. Автор впервые рассматривал историю южных славян как неразрывную часть прошлого «царства славян». При этом он причислял к славянам и некоторые германские народы. Его книга была проникнута восхвалением славян, особенно южных. Для доказательства своих утверждений Орбин привлек около 280 авторов, архивные материалы и устные предания. При всей предвзятости замысла, отсутствии критической оценки источников книга Орбина в плане развития хорватской исторической мысли имела несомненные достоинства привлечением заслуживающего внимания фактического материала, особенно по истории Дубровника и соседних с ним земель, османских завоеваний на Балканах. Труд имел ценное приложение – итальянский перевод средневекового источника «Летописи попа Дуклянина» (середина XII в.).

В 1722 г. в переводе Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, серба-дубровчанина, переехавшего в начале века в Россию и ставшего ближайшим сподвижником Петра I, сочинение Орбина вышло в Петербурге под названием «Книга историография». Труд Орбина в оригинале и русской версии получил широкий резонанс на славянском юге, оказав влияние на формирование общеславянского сознания и развитие исторической мысли у хорватов и сербов вплоть до середины XIX в. [13].

Почти одновременно с книгой Орбина появились исторические сочинения Динко Заворовича из Шибеника (ок. 1540–1608). Он принадлежал к известной дворянской семье, закончил по традиции университет в Падуе по праву. Заворович активно участвовал в городской жизни, занимая разные должности. В 1580-х годах он жил в Хорватии и Венгрии, участвовал в пограничных столкновениях с турками. За военные заслуги Заворович получил хорватовенгерское дворянство. По возвращении в Шибеник он написал на латинском языке историю родного города (1597), а затем историю Далмации (1602), доведя ее до 1437 г. Автор, помимо литературы, привлек письменные источники, документы, городские акты. Однако ему не хватало кри-

inslav

тичности в работе с ними. Тем не менее сочинения Заворовича остались первыми у хорватов книгами, в которых была изложена систематизированная история Шибеника и Далмации, а также Хорватии.

Основы хорватской исторической науки Нового времени заложил Иван Лучич (Луцич) из Трогира (1604–1679). Он получил университетское образование в Риме и Падуе, изучив право. Как патриций Лучич по возвращении в 1625 г. в Трогир участвовал в управлении городом. Тогда же он начал собирать материал для исторического труда, привлекая к этому делу большое число соратников из разных далматинских городов. Для сбора источников Лучич сам отправился в 1654 г. в Рим, где вращался в кругу интеллектуалов. Здесь на рубеже 1661–1662 гг. он закончил свое исследование.

Основной труд Лучича в шести томах «О королевстве Далмации и Хорватии» (Амстердам, 1666, 1667, 1668), написанный, как и все сочинения автора, на латинском языке, преследовал политическую цель – обосновать право Венеции на ранг королевства даже в случае потери ею Крита (шла Кандийская война). Но несмотря на прагматическую заданность, труд Лучича благодаря драгоценным материалам и новому критическому методу исследования стал научным вкладом в изучение прошлого хорватского народа.

Автор охватил понятием «Хорватия» территорию от Дравы до Адриатического моря, но фактически ограничился изучением истории южных земель с античных времен до 1480 г., времени утверждения власти Венеции в северной Адриатике. Он добросовестно изучил и впервые критически осмыслил многочисленные источники, опубликовав немало документов, важных летописей и хроник, в том числе «Историю» архидьякона Фомы Сплитского (1266) и «Летопись попа Дуклянина». Лучич привлек архивные материалы из разных областей, включая Хорватию. Историк составил шесть историко-географических карт. Ему принадлежали и другие работы. В 1673 г. вышла его история Трогира до середины XV в. Лучич заложил солидную и надежную фактологическую основу исторических знаний о хорватском

inslav

Средневековье. По методу исследования он был на уровне современной ему европейской исторической науки [14].

В 1604 г. была создана первая грамматика «иллирского» языка, написанная по образцу латинских грамматик того времени. Ее автором был иезуит Бартол Кашич. Еще в конце XV в. в Дубровнике появились первые сочинения на штокавском диалекте. Вскоре католическая церковь стала издавать книги для простого народа в духе Контрреформации на этом диалекте как наиболее распространенном в тех краях (первое сочинение латиницей вышло в 1582 г., кириллицей – в 1583 г.). Иезуиты писали на штокавщине. По их заказу и была составлена Кашичем грамматика боснийского штокавского диалекта. Хотя ее появление было связано с церковными интересами, она знаменовала собой зарождение у хорватов языкознания.

Опыт Кашича получил развитие в работе итальянского иезуита лексикографа Якова Микальи. В 1649–1651 гг. вышел его хорватско-итальянско-латинский словарь «Blago jezika slovinskoga» *. Лексический фонд в словаре состоял из чакавских и штокавских слов. Он был снабжен небольшой грамматикой, написанной на основе работы Кашича. Сам Микалья отдавал предпочтение «боснийскому языку», т. е. штокавскому диалекту.

Жили в Дубровнике и городах Далмации в то время интеллектуалы с научным образом мышления. Для них была характерна комплексность научных интересов. По традиции молодые хорваты получали университетское образование в Падуе. Обычным делом для состоятельных горожан было посещение Италии, хорватские интеллектуалы, случалось, надолго задерживались в итальянских культурных центрах. В свою очередь итальянские ученые-гуманисты

* В литературе XVII в. понятия «словинцы» или «словенцы» нередко означали население Хорватии, понятие «словинский (словенский) язык» относилось к хорватскому языку, но могло означать и «славянский язык». См. Hrvatski kajkavski pisci. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. I. S. 343.

inslav

посещали Далмацию и Дубровник. Так научная информация переносилась в хорватскую образованную среду.

Хорватские интеллектуалы трудились также за пределами своей родины, в первую очередь в соседних странах, особенно в Италии.

Известным в свое время математиком был Марин Геталдич (1568–1626), вернувшийся в начале XVII в. после многих лет пребывания за границей в свой родной Дубровник. Его работы по геометрии, привлекшие внимание современников, продвинули развитие математики.

Пытливый ум вышеупомянутого Фауста Вранчича (1551–1617) охватывал физику, математику, инженерное дело, философию, историю, лингвистику. Уроженец Шибеника, он получил образование в университете в Падуе, жил в Риме и Венеции. Помимо лексикографического труда, Вранчич выпустил ряд ученых книг по логике и этике. В сочинении «Новые машины» (Венеция, 1595, 2-е издание ок. 1615–1616 гг.) автор на пяти языках описал 49 разных эскизов и проектов, в том числе свои изобретения. Среди них были проекты моста с гаванью, мельницы на приливе и отливе и, главное, парашюта, который изобретатель на практике испытал, прыгая с башен и утесов в Венгрии и Италии [15].

Научные поиски интеллектуалов в Дубровнике и Далмации были необходимым звеном в процессе развития научных знаний у хорватов как важного условия исторического прогресса.

Характер и состояние хорватской художественной культуры в Дубровнике и Далмации определялись условиями жизни хорватов и влиянием общеевропейской культурной ситуации.

В XVII в. развитие далматинско-дубровницкой литературы протекало под знаком постепенного угасания Возрождения с его просветленным духом и ощущением радости жизни и нарастанием барокко с присущими ему тревогой, надломом, утратой естественности, тягой к экспрессии. В переходное время общеевропейские черты, прежде всего итальянской литературы, сочетались с продолжением мест-

inslav

ной традиции – привычными темами, образами и лексикой. Новая же идейно-художественная тенденция имела особенности, проистекавшие из хорватских условий жизни.

В рассматриваемое время в далматинско-дубровницкой литературе было разноязычие. В творчестве многих авторов сохранял свои позиции чистый, блестящий латинский язык. На протяжении всего столетия поддерживалась также практика писания на итальянском языке. Это была языковая сфера научных трудов, исторических сочинений, писем, в то время как поэзия и театральные пьесы создавались на родном языке. Но уже с середины XVI в. в Дубровнике и Далмации начало преобладать творчество на штокавском и чакавском диалектах [16]. В этом отразилось понимание в городах общности с окружающим сельским миром.

На начальной стадии новые тенденции в литературе проявлялись в ощущениях перемен, настроениях непостоянства мира, нарастании религиозного и морально-дидактического сочинительства. Одновременно шли поиски обогащения лексики, усовершенствования ритмики, обновления рифмы и образов. Переходный характер литературной ситуации на закате Возрождения и подходе к барокко получил выражение в той или иной форме в творчестве значительных дубровницких поэтов рубежа XVI–XVII вв. Д. Ранины и Д. Златарича. Последний отличался высокой образованностью, был видным переводчиком Софокла («Электра»), Овидия («Пирам и Тизба»), Тассо [17].

В поэзию в свою очередь проникали общеславянские мотивы. Этим было отмечено, в частности, творчество Ю. Бараковича (1548–1628), одного из последних поэтов Возрождения и провозвестника барокко в Далмации. Священник-глаголяш из Задара, он в своем главном сочинении «Славянская вила» (1613 г.) прославлял родной город, защищал славян и их язык от «латынян». Его стихи были близки к мотивам народной эпической поэзии [18].

Высшим достижением хорватской поэтической культуры позднего Средневековья и Раннего Нового времени явилось творчество Ивана Франова Гундулича (Дубровник, 1589(?) – 1638). Потомок знатного рода, он рос в образо-

inslav

ванной семье. Всю жизнь Гундулич был связан с Дубровником, получил здесь образование, занимал административные должности, в 1634 г. стал сенатором, а в 1638 г. – членом Малого совета Республики. Гундулич был большим патриотом своего города.

Творчество Гундулича отразило движение дубровницкой литературы от художественных установок Возрождения к эстетике барокко. В молодости поэт увлекался любовной лирикой и пасторалью. Он создал ряд пасторальных драм с античными мифологическими сюжетами – «Галатея», «Диана», «Ариадна» и др. Они были поставлены на дубровницкой сцене в вокальном и инструментальном сопровождении. В этой жанровой разновидности Гундулич не был оригинален, подражая итальянским образцам, прежде всего пасторали итальянского поэта Возрождения и барокко Торквато Тассо.

В 20-е годы идиллическое мировосприятие Гундулича сменилось религиозными настроениями. Он перевел псалмы («Покаянные псалмы царя Давида» – 1621), создал поэтические религиозно-дидактические сочинения «Слезы блудного сына» (Венеция, 1622), «Песнь о величии божьем». Они были проникнуты идеями аскетизма, согрешения и покаяния. Тогда же Гундулич написал патриотическую пастораль «Дубравка», которая была показана в Дубровнике в 1628 г. В ней на фоне социальных мотивов и прославления города поэт выразил чувства беспокойства и смутной тревоги. Это произведение стало философской прелюдией к главному произведению автора – эпической поэме «Осман» (1632–1637), в котором получило самое сильное выражение поэтическое творчество хорватов в XVII в. [19].

Замысел поэмы был навеян Гундуличу героической поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (издания 1580 г.), посвященной взятию города в 1099 г. войском Готфрида Бульонского. Импульсом к созданию монументального произведения послужило хорватскому поэту крупное военно-политическое событие – разгром турецких войск объединенными силами поляков и казаков под крепостью Хотином летом 1621 г. Оно получило широкий резонанс в

inslav

Центре и на Востоке Европы. Первоначальная религиозная установка Гундулича на изображение столкновения христианского и мусульманского миров, типичная для Европы после Тридентского собора, была ослаблена патриотическим антиосманским пафосом поэмы.

Эпос «Осман» имеет сложное идейное содержание. Но через всю поэму проходит излюбленный принцип философии барокко – принцип изменчивости и непостоянства мира, прихотливости судьбы. Важной мировоззренческой категорией была для Гундулича свобода. Поэт провозглашал:

«Есть ли худшие невзгоды,
Хуже зла и смерти боле,
Чем остаться без свободы
И душою жить в неволе!» [20].

Многоплановой является сюжетная канва поэмы. Главной темой эпоса выступает трагическая судьба молодого султана Османа II. Она имела историческую основу. Готовя поход в знак отмщения победителям в Хотинской битве, Осман пытался навести порядок в турецкой армии для восстановления военной и политической мощи государства. Однако его действия привели к бунту янычар и гибели султана. В широком историко-философском контексте поэмы смерть Османа представляется пророчеством краха самой Османской империи.

Поэма пронизана верой в неотвратимое падение султаната. Автор видит его предвестники в разложении турецкой армии, потере ею боеспособности, продажности военачальников, власти денег. Поэт раскрывает эти стороны жизни Стамбула в живописных картинах. Заключительные строки поэмы звучат как заклинание:

«Но предвижу: сгинет к счастью
Твой закон, как наважденье,
И погибнет божьей властью
Злого дьявола ученье» [21].

inslav

Вторая идейно-тематическая линия книги также основана на историческом материале и связана с Польшей и королевичем Владиславом. Поэт с ментальностью господствующего в Дубровнике католицизма возлагает на католическую Польшу мессианскую роль в деле сокрушения Османской империи и освобождения христианских народов от власти Турции.

Гундулич представляет реальную мощь Польши в ее многочисленной рати. Он называет участников Хотинской битвы прежде всего из городов и земель, входивших во времена автора в состав Речи Посполитой. Это отряды из Литвы, Ливонии, Украины, Полоцкой земли, Смоленщины, Подляшья, Замостья, Волыни, Мазовии, а также подольцев, белорусов. «Польская рать» усилена ротами из жителей прибалтийских земель, отрядами франков, немцев, казаков [22]. Польша была поставлена, не без преувеличения ее возможностей, во главу христианского мира как антиосманская твердыня. Главным позитивным героем поэмы является польский королевич Владислав, «Победитель сил Востока | Под защиту Север взявший». Гундулич изображает его как главнокомандующего «польской ратью» под Хотином. Но в действительности он возглавлял лишь половину войска, в то время как другой – командовал гетман Ходкевич. В довершение всего непосредственного участия в битве Владислав не принимал, так как был в тот момент тяжело болен [23].

Поэт воспевает Владислава, видя в нем олицетворение могущества и незыблемости христианства:

«В нем, прославленном, таится
Мощь и сила христианства».

И далее:

«Владислав обороняет
Христианство всей вселенной» [24].

Автор пророчит ему «сто корон златых» – престол воображаемой всехристианской державы.

Третья сюжетная линия поэмы находится в русле «вечных» мотивов человеческих судеб. Она раскрывается

inslav

как через исторических персонажей, так и вымышленных лиц. Поэтическим вымыслом автора стали образы сильных женщин – девы-воина Крунославы в польском стане и воительницы Соколицы, возлюбленной Османа.

Богатство идейно-тематического содержания эпоса «Осман» названными сюжетными линиями не исчерпывается. Поэт воспевает в нем свой Дубровник, с его свободами, стабильностью и миром, выступает проповедником общественного долга и самопожертвования во имя любви.

Имеются в поэме и славянские мотивы. Говорится о тяжелом положении славян:

«Там, меж пастью злой Дракона
И когтями Льва, без славы,
В рабстве чуждого закона
Все славянские державы» [25].

В рабстве и все соседние народы. «Зло там процветает».

Интерес поэта к славянам прочитывается в образе Орфея – мифического героя, которого Гундулич считает болгарином, – с его песнями о славных деяниях славян. Автор выражает страдания народа, описывая тяжкую участь вымышленной сербской девушки Сунчаницы, насильно взятой в султанский гарем. Однако по месту и значимости в написанных Гундуличем песнях славянская тема уступает объединительному всехристианскому пафосу эпоса.

Хотя антитурецкая тема звучала в далматинско-дубровницкой латинской поэзии еще в XV–XVI вв. (Шижгорич, Марулич, Ветранович [26]), в поэме «Осман» она получила трагический характер, сочетаясь с пониманием важности единения христиан перед лицом турок и верой в неизбежное крушение Османского государства. Написанная восьмисложным стихом поэма воплотила основные принципы барокко и особенности его проявления в хорватской литературе – проникновение в жизненные проблемы своей родины.

Гундулич обогатил жанр эпической поэмы соединением вымысла с описанием исторической действительности, придав эпике реалистические элементы. Яркое и вырази-

inslav

тельное отражение реальности достигается не в последнюю очередь благодаря привлечению народной поэзии и преданий. Поэму украшают образы античной мифологии и аллегорические картины. Широта эпического размаха, необычайная напряженность и страстность в изображении батальных сцен сочетаются в ней с выражением страданий угнетенного народа и непосредственных чувств героев. Поэма «Осман» – это симбиоз таланта, свободолюбия и чувства современности автора.

Гундулич работал над эпосом с 1632 г. и до кончины, но так и не завершил его. В нем по неизвестным причинам отсутствовали XIV и XV песни, и долгое время он оставался в рукописном виде. Дубровницкие власти, опасаясь осложнений в отношениях с Турцией ввиду антиосманской направленности поэмы, наложили запрет на ее издание. Тем не менее сочинение Гундулича пользовалось известностью в Дубровнике и за его пределами. Оно распространялось в рукописных копиях, которых насчитывалось до 80. Творение Гундулича оказалось востребованным в новую эпоху, с развитием хорватского освободительного движения. В 1826 г. поэма была напечатана в Дубровнике. А в 1844 г. она была издана в Загребе с дописанными талантливым поэтом Иваном Мажураничем XIV и XV песнями и составленным им же толковым словарем. При этом Мажуранич усилил в ней славянские мотивы, дописав о тяжкой участи славян и указав на причину их несчастий – межславянскую рознь. В таком виде эпос был воспринят современниками на славянском юге как мобилизационное послание, призыв к единению и сотрудничеству славян. В славянской тональности поэма вошла и в историю хорватской литературы. Имя Гундулича осталось в ряду наиболее выдающихся славянских поэтов прошлого.

В первой половине XVII в. видное место в культуре Дубровника занимала литературная деятельность Ивана-Дживо Бунича Вучича (1591–1658). Он принадлежал к известной нобильской семье, учился в родном городе, с молодости вел самостоятельный образ жизни. Бунич был крупным землевладельцем, при этом успешно занимался торгов-

inslav

лей и отправлял высокие государственные должности. Он пять раз был на посту князя Республики, многократно избирался членом самых высоких республиканских органов.

Поэт испытал сильное влияние итальянской литературы барокко. Ему принадлежали сборник классических пасторалей «Пастушеские разговоры», небольшой сборник любовных стихов, получивший позднее название «Бездельничанье», и единственное напечатанное при жизни автора сочинение – поэма «Кающаяся Магдалина» (1630, 1638). Бунич был отчетливо выраженным лириком, с ясными образами, чувством музыкальности и блестящим языком. Его сборник «Бездельничанье», проникнутый наслаждением жизнью, стал образцом хорватской гармоничной барочной поэзии. В поэме, также отмеченной чертами барокко, поэт выражал любовные переживания, обращенные к небесам, но без религиозной экзальтации. Той же эстетике следовал он и в религиозных стихах, отстоявших от средневековой аскетической морали. Бунич оказал большое влияние на последующих поэтов [27].

В Дубровнике с его сценической традицией прославился на ниве драматургии Юние Палмотич (1607–1657). Нобиль по происхождению, он уже в 20 лет заседал в Большом совете – главном государственном органе Республики, всю жизнь отправлял различные выборные должности, был князем в местности Конавле и на острове Ластово.

Палмотич ранние стихи писал на латыни, но затем перешел на родной язык. Он был плодовитым драматургом, создал 15 мелодрам в стихотворной форме, черпая материал для них из мифологии и сочинений античных и итальянских писателей. Дубровницкий автор переносил действие на родную почву, вводил некоторые исторические лица и образы из народной поэзии. Наиболее оригинальной и известной была его драма «Павлимир» (1632), основанная на «Летописи попа Дуклянина» и старой дубровницкой легенде. Это была патриотическая пьеса об основании Дубровника. В 1632 г. она была поставлена на сцене в день Св. Влаха (3 февраля), небесного покровителя города.

inslav

Палмотич выражал в своих сочинениях преданность вере и почитание христианской морали, наполнял их любовью к свободе и родному городу, проявлял воодушевление «славянством». Он сплетал в мелодрамах разные темы и мотивы, строил их в соответствии с поэтикой барочного театра, наполненного игрой, музыкой и сценическими эффектами. Популярный в свое время писатель Палмотич сыграл важную роль в развитии дубровницкого театра, поставляя в течение 20 лет любительским труппам драмы на родном языке [28].

Последним крупным представителем барочной литературы Дубровника был Игнят Джурджевич (Дубровник, 1675–1737). Он происходил из нобилей, получил образование в родном городе, занимал различные должности в Республике. При посещении Рима он вступил в орден иезуитов, однако позднее покинул его. Вернувшись в Дубровник, Джурджевич примкнул к бенедиктинцам. Но вошел в конфликт с Сенатом и некоторое время жил в бенедиктинском монастыре в Италии. Свой жизненный путь дубровчанин закончил на родине.

Джурджевич писал на родном и латинском языках. Природная катастрофа и войны ушли в прошлое, дубровчане наслаждались мирным временем. Лирические стихи Джурджевича были полны ощущения гармонии, удовольствия от общения с природой. Ему принадлежала барочная поэма «Вздохи кающейся Магдалины», проникнутая больше чувством, нежели мистицизмом. Джурджевич выступал также как прозаик, занимался историей и историей литературы [29]. Его творчество связало дубровницкую литературу XVII и XVIII вв.

Постепенное и неудержимое ослабление Венеции, связанное главным образом с перемещением основных морских путей из Средиземноморья в Атлантику в результате Великих географических открытий, сказывалось и на ее периферийных владениях на северном побережье Адриатики. Далматинские города-коммуны, не в последнюю очередь из-за давящей торговой политики Венеции, а также под влиянием турецких завоеваний, утрачивали свое торговое значение, теряли богатство и блеск. Это получало вы-

inslav

ражение в том числе в сокращении объема и падении качества художественной деятельности в городах, в уменьшении заказов в местных мастерских. Состоятельные горожане все более удовлетворяли свои эстетические потребности венецианскими изделиями или прибегали к услугам иностранцев.

Далматинско-дубровницкая литература была тесно связана с театром. В городах северной Адриатики, как вообще в средневековой Европе, издавна разыгрывались религиозные мистерии, на городских площадях давали представления бродячие актеры, использовавшие гротеск, пантомиму, карнавальные маски. В период Возрождения в приморских городах появился светский любительский театр на литературной основе.

Зрелищная жизнь была наиболее живой в Дубровнике, где любовь к театру передавалась из поколения в поколение. Театральные представления давались обычно на масленицу. Наиболее массовым местом постановок в городе была площадь перед Княжевым двором («Прид двором»), где собиралось наибольшее число зрителей разных сословий и достатка (именно здесь была показана «Дубравка»). Представления устраивались также в вечнице Княжева двора – в зале заседаний Большого совета Республики, пышно украшенном золотом и лазурью, с роскошными сидениями. Это было место собрания нобилей, но на театральные представления допускались и простолюдины, насколько позволяли размеры зала. Наконец, спектакли проходили во время пиров, которые нобили устраивали в своих городских домах и загородных дворцах. Представления давали любительские труппы, состоявшие из молодых горожан.

На смену возрожденческой комедии XVI в. на сцене утвердилась мелодрама с музыкой, песнями и танцами, похожая на оперу. Дубровницкий театр в рассматриваемое время имел в творчестве Гундулича и Палмотича талантливую хорватскую драматургическую основу. В драмах Палмотича большое место занимали «чудеса», призванные удивить и поразить зрителей. Это был излюбленный прием в театре барокко. Видимо, использовалась при этом и техни-

inslav

ка. «Павлимир» был показан на сцене 1632 раза. Вместе с тем театр заполняли переводы, переработки, компиляции сочинений античной и итальянской литературы, сделанные безликими местными драматургами.

После землетрясения на протяжении полутора десятка лет дубровницкий театр замер. Когда же в 1682 г. группа молодых нобилей возобновила сценическую деятельность, в театр вернулась комедия. Но это были художественно слабые переработки пьес более раннего времени или переводные произведения с итальянского языка [30].

Предположительно в 1681 г. в Дубровнике был открыт театр в арсенале (театр Орсан). На его сцене выступали разные местные труппы, а в XVIII в. и итальянские. На острове Хваре в 1612 г. возобновились театральные представления, прекращенные в 1571 г., в надстройке обновленного арсенала. Здесь разыгрывались трагедии, комедии, мелодрамы и пасторали. В самом конце XVII в. театральное помещение появилось и в Задаре. Постоянная сцена в закрытом обустроенном зале расширила возможности театрального зрелища.

В XVII в. в изобразительном искусстве Далмации не было крупных живописцев. Талантливый художник Федерико Бенкович, родившийся в 1677 г., вероятно, в Далмации, получил образование в Венеции и Болонье. Он прожил жизнь в Венеции, Вене и Горице, где и умер в 1753 г. Бенкович обогащал своим творчеством западную культуру.

Местные мастера, как и работавшие в Далмации венецианские художники, исходили из венецианского опыта и не оставили оригинальных, заслуживающих внимания произведений. К этому времени угасла и самостоятельная дубровницкая школа живописи, давшая когда-то высокие образцы искусства Возрождения. Одинокие местные художники работали изолированно, больше копировали иностранных, в основном итальянских, живописцев, и их картины общего самостоятельного направления не составляли.

Далмация, земля каменоломен, славившаяся ранее своими скульпторами и каменотесами, не дала в этом веке ни одного талантливого барочного мастера.

inslav

В стиле раннего барокко развивалась музыкальная культура хорватов, испытывавшая сильное итальянское влияние. Дубровник был ее центром. Одним из главных ее направлений была церковная музыка. В город постоянно прибывали органисты из Флоренции, Любляны, Загреба. Это были профессионалы, передававшие свое мастерство ученикам. Профессиональными музыкантами были княжеские служащие, игравшие в оркестре. Заметное место занимала в Дубровнике театральная музыка. Спектакли непременно проходили в сопровождении инструментальной музыки и пения.

Другим важным местом духовной и светской музыки был Сплит. Здесь при кафедральном соборе трудился композитор Иван Лукачич родом из Шибеника (ок. 1584–1648). В вокальных многоголосных произведениях он обогатил музыкальные традиции новыми тенденциями. В Сплите же Юрай Алберти создал первую в Далмации справочную книгу по теории музыки. Музыкальная культура была сосредоточена также на Хваре. Здесь музыкой были насыщены церковные мистерии [31].

В XVII в. строительная деятельность в Далмации протекала еще под знаком турецкой опасности. Поэтому возводились новые укрепления, обновлялись существующие фортификационные системы (Задар, Сплит, Клис). На строительстве были заняты главным образом иностранные мастера, использовавшие венецианский строительный опыт, но привлекались также и местные умельцы.

Церковная и светская репрезентативная архитектура в Далмации имела богатую традицию Возрождения, которая своими насыщенностью и качеством оставалась живым образцом для заказчиков и исполнителей. Поэтому новые барочные приемы, приносимые иностранными строителями, утверждались в местной архитектуре медленно. При этом пришлые мастера нередко копировали венецианские памятники. Так, в разных местах на территории от Ровиня (Истрия) до далматинского города Макарска варьировались колокольни, повторяющие характерные черты колокольни собора Св. Марка в Венеции.

inslav

Серьезной причиной художественной слабости местных строителей и каменотесов была ограниченность задач, которые они решали. На их долю приходились, как правило, заказы на сооружение скромных объектов в маленьких городках и селах. В этих условиях местные мастерские ограничивались внешними элементами нового стиля – орнаментально-декоративными деталями на зданиях, которые по своей пространственной концепции продолжали строительную традицию прошлых веков (например, приходская церковь в Омише).

Тем не менее отдельные хорватские мастера создавали церковные здания высокого строительного искусства. Таким сооружением был кафедральный собор на Хваре (конец XVI – начало XVII вв.). Его архитектура представляла органический синтез форм Возрождения и раннего барокко с присутствием в колокольне элементов и более ранних веков. Высокий уровень художественности показывала также колокольня церкви Св. Креста в Сплите.

Проникновение стиля барокко в архитектуру жилых домов в Далмации в условиях обеднения городов протекало на фоне сохранения традиций позднего Возрождения и готики (дворцы Чиндро, Милеси в Сплите). Барокко выражалось в отдельных декоративных украшениях (окна, балконы, порталы), подчеркивающих центральную ось, в то время как сами концепции пространства были подчинены скромной функции или представляли варианты более раннего типа зданий.

В Дубровнике после катастрофы 1667 г. развернулось широкое строительство. Потребность быстрого восстановления главной городской улицы (Страдуна) вызвала, правда, типовую постройку скромных, простых зданий. Зато в последние десятилетия XVII в. в городе началось строительство трех церквей в стиле высокого и позднего римского барокко [32].

Загадкой истории хорватской культуры в Далмации была ситуация, при которой материальный достаток городов-коммун, высокая образованность их интеллектуальной элиты, блестящее Возрождение уживались с отсутствием в

inslav

провинции общедоступных школ. Только на Хваре действовала городская школа. На пути развития среднего образования в Далмации стояла Венеция. Даже в XVIII в. власти Республики Св. Марка отказывались дать разрешение на создание среднего учебного заведения в провинции, например в Сплите. Деятельность церкви на ниве образования в свою очередь не оставила заметного следа.

В Дубровнике существовала латинская школа. В 1557 г. был составлен школьный статут. Городские власти регулярно приглашали для работы в школе преподавателей из Италии. Но в связи с землетрясением она прекратила существование. В 1684 г. иезуиты открыли в Дубровнике коллегию, которая имела три разряда и трех преподавателей.

Ввиду социальных условий, но также из-за отсутствия школьного образования в Далмации лишь немногие молодые хорваты из богатых семей могли учиться в университетах Италии, в иезуитских коллегиях Рима, Болоньи и Лоретты. Дубровницкие власти иногда выделяли для этого стипендии.

Еще в XVI в. в период расцвета духовной жизни в Дубровнике и Далмации у местных интеллектуалов появилась тяга к творческому общению, обмену опытом, взглядами. Эта тенденция получила выражение в образовании академий – обществ писателей и ученых с целью развития литературы и науки. Внимание их членов сосредоточивалось на гуманитарных знаниях, в то время как естественнонаучные вопросы оставались вне поля зрения.

Со второй половины XVI в. в Дубровнике действовало общество интеллектуалов «Академия согласных». Оно было создано по образцу итальянских академий. Здесь встречались представители образованной элиты, в том числе поэт Д. Раньина, ученый Н. Гучетич, писавший на итальянском языке в духе Платона философские работы. По всей видимости, участники академии обсуждали и комментировали создававшиеся ими сочинения.

Около 1695 г. дубровницкие интеллектуалы объединились в «Академию праздных» по примеру римской академии «Аркадия». Задачами этого общества были подготовка ла-

inslav

тинско-хорватско-итальянского словаря, чтение поэтических сочинений, обсуждение вопросов культуры. В него входило большое число образованных дубровчан, особенно нобилей и священников. Действовали академии также в Задаре. Так удовлетворялась потребность в общественной оценке творчества [33].

Хорватские интеллектуалы участвовали также в работе итальянских обществ, объединений соотечественников за границей. И. Лучич был членом и некоторое время председателем хорватского общества интеллектуалов в Риме, названного в честь Св. Иеронима.

Хорватская культура в городах-коммунах Далмации и Дубровнике испытывала мощное энергетическое излучение, исходившее от более высокой итальянской культуры. Это способствовало синхронному развитию хорватской культуры с итальянской, хотя итальянский опыт и авторитет не могли не подавлять в какой-то мере более слабые творческие потенции хорватов. В XVII в. хорватская культура в этом регионе поднялась на новый уровень, обогащая своей оригинальностью и неповторимостью общеевропейский культурный фонд.

В других условиях развивалась и с иными задачами сталкивалась культура хорватов на севере. Главным обстоятельством было то, что эта часть народа не имела за плечами блестящего и жизнерадостного Возрождения.

В XVII в. в произведениях письменности, имевших общественное значение, использовались в Хорватии латинский, венгерский и родной языки, последний в разных вариантах.

В отличие от предыдущего столетия с его единичными кайкавскими сочинениями значительно вырос в Хорватии фонд кайкавской письменности, как в количественном отношении, так и по жанровому составу. Он включал многочисленные церковные и полуцерковные сочинения – обрядовые, проповеднические, морализаторские; духовную рукописную и печатную поэзию, представлявшую в основном перевод или переработку венгерских, латинских и немецких оригиналов; единичные светские стихотворения в пестрых по составу рукописных сборниках; научные сочине-

inslav

ния и разного рода документы. На кайкавском диалекте имелись рукописные переводы европейской средневековой беллетристики. Создателями произведений кайкавской литературы в ее широком значении были в основном духовные лица (иезуиты, францисканцы, белые католические священники), но также отдельные аристократы, дворяне и горожане. Она и функционировала в соответствующих кругах [34].

В кайкавской среде была неоднозначная литературно-языковая ситуация. Одни авторы писали на родном диалекте. Другие образованные хорваты, не только представители католической церкви с ее интеграционными тенденциями, сознательно или несознательно, ощущая потребность выйти за узкие рамки кайкавской Хорватии, сделать свои сочинения понятными в соседних краях, но также из-за недостаточной развитости кайкавщины, дополняли родной диалект чакавскими и штокавскими языковыми элементами («озальский круг»). Распространенным приемом было «нанизывание» синонимов, родственных слов [35].

Частью литературно-языковой ситуации было появление в Хорватии лексикографических работ. Это стало ответом на потребность образованной части общества в познании родного языка и упорядочении его функционирования в литературе. Начало им положил Юрай Габделич (1609–1678). Он родился в дворянской семье в Турополе, посещал иезуитскую гимназию в Загребе, продолжил образование в Вене, затем в Граце, слушая в местном университете философию, наконец, в Трнаве, где изучал теологию. В дальнейшем он получил звание доктора философии. Габделич стал иезуитом, преподавал в гимназиях ордена в Риеке, Вараждине и Загребе, был ректором иезуитских коллегий в Вараждине и Загребе, занимал разные церковные должности. Он выступил одним из инициаторов основания в Загребе университета. Габделич пользовался большим уважением и влиянием у современников. В связи с его смертью все колокола в Загребе звонили два дня в знак траура [36].

Габделич издал хорватско-латинский словарь, в котором было собрано 12000 кайкавских слов с латинским переводом (Грац, 1670). Эта книга употреблялась в Хорватии

inslav

в качестве учебника в XVII–XVIII вв. Габделичу принадлежали также книги морально-поучительного содержания, написанные на кайкавском диалекте [«Первый отца нашего Адама грех» – (1674) и др.]. В них получили отражение многие стороны жизни хорватов.

Лексикографическую работу продолжил в Хорватии Иван Белостенец, принадлежавший к литературному кругу Петара Зринского.

Иван Белостенец (1594(?) – Лепоглава, 1675) родился в кайкавской среде, вероятно, в Вараждине или его округе. Он получил образование в церковных заведениях в Вене и Риме. Белостенец, рано связавший свою жизнь с паулинским орденом, был настоятелем его монастырей в Лепоглаве, Светици близ Озаля и Св. Елены у Чаковаца. По делам церкви он неоднократно посещал Истрию и жил некоторое время там, бывал на адриатических островах и в Винодоле. Подвижной и активный деятель церкви был знаком с жизнью населения разных хорватских краев.

На практике Белостенец мог убедиться, что кайкавский, штокавский и чакавский диалекты представляют один и тот же язык. В своих сочинениях – проповедях, изданных в Граце в 1672 г., и, главное, в латинско-хорватском и хорватско-латинском словаре он предпринял попытку соединить на кайкавской основе словарный состав этих диалектов путем использования синонимов. Для преодоления наиболее значительных фонетических различий между диалектами автор ввел особые графические знаки [37].

Большой словарь увидел свет лишь после смерти Белостенеца в 1740 г. Его подготовили к печати члены паулинского ордена Йер. Орлович и А. Мужар [38]. Словарь употреблялся в школах, оказал влияние на лексику кайкавской литературы и дальнейшие лексикографические труды.

Лингвистические работы были в русле развития научных знаний. Вместе с тем в них отражалось состояние общественной мысли у кайкавских хорватов – ощущение родственности кайкавского, штокавского и чакавского диалектов. И это в условиях невостребованности тогда в Хор-

inslav

ватии далматинско-дубровницкой литературы. Схожие мысли проникли и в область исторических знаний.

В рассматриваемое время в Хорватии ее представлял прежде всего Юрай Ратткай (Ратткаи, Раткай) – (Велики-Табор, 1612 – Загреб, 1666). Его родиной было Хорватское загорье, колыбель кайкавщины. Он происходил из аристократической фамилии, находился в дальних родственных связях со Зринскими и Франкопанами. Ратткай получил образование в Граце и Вене. В 28 лет он стал загребским каноником, занимал разные церковные должности, в качестве хорватского делегата участвовал в работе Венгерского государственного собрания, работавшего в Пресбурге (хорв. Пожун). Ратткай был талантливым оратором. Одно время он состоял в иезуитском ордене, но вскоре вышел из него. Незаурядная личность, он был участником военных действий против турок, а также сражений в Тридцатилетней войне (1618-1648), в которой были задействованы Габсбурги.

Ратткай выступил автором первого крупного систематизированного сочинения по хорватской истории. В 1652 г. в Вене вышла на латинском языке его шеститомная «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (второе издание – 1772 г.). В самом названии этого труда была заложена мысль о нерасторжимости в прошлом названных земель.

Хорватский автор придерживался позиции автохтонности славян в Юго-Восточной Европе. Он рассматривал близкую ему Крапину как родину легендарных братьев Чеха, Леха и Руса, положивших начало, согласно преданию, чешскому, польскому и русскому государствам. Труд был проникнут неприязнью к немцам и протестантизму. Историческую канву XVI–XVII вв. Ратткай восстановил на основе архивных документов, а также личных впечатлений о событиях, современником и участником которых он был. Это придало неповторимость и живость сочинению автора – воина и церковника.

«История» Ратткая вошла в историю исторической науки, помимо прочего, как первое печатное выражение славянской идеи в континентальной Хорватии с упором на

inslav

нее как прародину славян. Этот вариант славянской идеи получил среди мыслителей в Хорватии большой резонанс.

Ратткаю принадлежал также перевод с латинского языка на кайкавский диалект с примесью штокавских и чакавских языковых элементов сочинения австрийского иезуита В.Г. Ламормена, исповедника Фердинанда II,– «Добродетели Фердинанда II» (Вена, 1640). Это сочинение Ратткая способствовало развитию кайкавского письменного диалекта.[39]

В XVII в. в Хорватии на фоне преимущественно религиозной литературы появились крупные светские писательские имена и значительные художественные сочинения. Писателями светского направления выступили Никола и Петар Зринские и Фран Крсто Франкопан.

Братья Зринские выросли в атмосфере итальянской культуры. Библиотека родного дома располагала множеством книг на латинском и итальянском языках. Среди них были и сочинения далматинских и дубровницких писателей. По завершении образования для расширения знаний молодые аристократы путешествовали по Италии. Они были захвачены итальянской литературой, архитектурой, изобразительным искусством. Поэтому неудивительно, что на их творчество наложила печать итальянская культура.

В 1657 г. Никола Зринский издал в Вене на венгерском языке эпическую поэму «Сирена Адрианского моря». В основу ее сюжета была положена героическая оборона крепости Сигет от турок. Создавая эпос, автор опирался на поэтическое сочинение Брне Карнарутича «Взятие города Сигета» (Венеция, 1584). Карнарутич, патриций из Задара, использовал хронику «Осада и падение Сигета», составленную участником битвы, казначеем Зринского Ф. Чрнко. В эпической поэме, посвященной графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского, прославлялись подвиги героя Сигета. Автору «Сирены» принадлежали также прозаические сочинения «Не трогай венгров», «Храбрый витязь».

Никола Зринский стремился вдохновить современников описанием героических действий предков на борьбу против турок. В одном из частных писем, отвечая, видимо,

inslav

на упреки в выборе для поэмы венгерского языка, он подчеркивал свою принадлежность к хорватам [40].

В 1660 г. Петар Зринский перевел поэму брата на родной язык. Изданная в Венеции, она получила известность под названием «Падение Сигета». Он придал эпосу патриотический хорватский характер и антинемецкий мотив. Язык перевода представлял в основе чакавскую традицию, вобравшую в себя элементы штокавского диалекта. В составе поэмы было несколько небольших лирических и религиозных песен. Хорватский вариант поэмы отразил приобщение светской литературы в северной Хорватии к барокко [41].

Род Франкопанов происходил из Приморья. И Фран часто бывал в Италии. Он находился в родственных связях со Зринскими – его сестра Катарина была замужем за Петаром. Это была одна культурная среда.

Франкопан рано начал заниматься литературным творчеством. Подражая Вергилию и Овидию, он создал на латинском языке стихотворение «Элегия». За свой короткий век Фран написал на родном языке ряд любовных и религиозных поэтических сочинений, в том числе в духе народной поэзии десятистопным стихом. Он первый в Хорватии начал переводить произведения современной ему западной художественной литературы. Франкопан сделал перевод комедии Мольера «Жорж Данден». Поэтическим творчеством на кайкавском диалекте занималась также его жена Ана Катарина Франкопран-Зринская. Ее перу принадлежали несколько религиозных стихотворений. Но сочинения Франкопана были открыты лишь во второй половине XIX в. [42]. Творчество писателя не оказало влияния на литературный процесс, но отразило направление его развития.

Оригинальным мыслителем, писателем-публицистом и историком был Юрай Крижанич (ок. 1618–1683). Это была во многом загадочная личность со сложной судьбой. По происхождению он принадлежал к мелкому дворянству. Его родина находилась в междуречье Купы и Уны, в районе Бихача. По завершении иезуитской гимназии в Любляне молодой Крижанич прошел курс философии в Граце, затем изучал теологию в Болонье и Риме. Он владел шестью

inslav

языками. В круг его интересов входили философия, богословие, история, экономика, эстетика, музыка.

В 1642 г. Крижанич вернулся в Хорватию доктором теологии. Он получил место священника в Неделишче, затем в Вараждине и сочетал церковную службу с литературным трудом. В 1646 г. Крижанич был направлен в распоряжение униатского епископа в Смоленск, который в то время входил в состав Польши. В следующем году хорватский священник в качестве члена польского посольства в первый раз посетил Москву. В поле его зрения были славянство (видимо, под влиянием польской литературы о славянской истории), Россия и уния [43].

В последующие годы Крижанич посетил в качестве секретаря венского посольства Стамбул, долгое время жил в Риме, занимаясь разнообразной культурной деятельностью. В 1658 г. он, вопреки запрещению Римского папы, вторично отправился в Россию [44].

Крижанич прибыл в Москву в середине 1659 г. под именем «сербиянина» Юрия Билиша, сына Иванова. Утаив свой духовный сан, он получил при дворе место государева служащего. Но в 1661 г. по неясным причинам, скорее всего из-за своего пристрастия к унии, Крижанич был отправлен в ссылку в Сибирь [45].

15 лет хорватский мыслитель провел в Тобольске, отдаленном, но крупном административном и торговом городе Сибири, посвятив себя литературному труду. Здесь он написал свои главные сочинения. Это были прежде всего лингвистические работы о славянской орфографии (1661) и грамматике «русского» языка (1666). Обуянный мечтой о культурном объединении славян, Крижанич разработал принципы реформирования орфографии, во многом предвосхитив реформу кириллицы, проведенную в XIX в. применительно к сербскому языку выдающимся сербским ученым Вуком Караджичем, а также сформулировал нормы стандартного языка для всех славян. Автор назвал этот смешанный язык «русским», но в действительности он имел русскую и хорватскую речевую основу [46]. Крижанич применил его в своем главном политическом труде «Разговоры

inslav

о правлении», над которым работал с 1663 г. Он вошел в историю под названием «Политика».

Это было обширное собрание различных текстов. Крижанич наиболее полно выразил в «Политике» свои взгляды на Россию XVII в. В своем понимании политической ситуации в Русском государстве и направления необходимых, с его точки зрения, преобразований хорватский автор не вышел за рамки средневековых порядков. Он выступал за сословный строй, не замечая при этом крепостного права, за абсолютную монархию, правда, в сочетании с благими законами, видел в ней гарантию равновесия и мира в сословном государстве. Писатель, критикуя «чужебесие» (преклонение перед чужестранцами), был сторонником полной хозяйственной самостоятельности России. Он призывал к устранению порядков, при которых немецкие торговцы занимали привилегированное положение на внутреннем и внешнем рынках России. Усиление ее государственной мощи Крижанич рассматривал как главный фактор будущности славянского мира. Хорватский мыслитель видел задачу московских государей в помощи славянам в деле их освобождения от власти Турции и Австрии и достижения самостоятельности [47].

Излюбленной идеей Крижанича, которую, он пронес через всю свою жизнь, была идея объединения разрозненных славянских народов в религиозном отношении и на основе единого литературного языка. До конца своих дней он сохранял убежденность в нераздельности католицизма и славянства. В трактатах на религиозную тему, написанных в том числе и в ссылке, он доказывал преимущества католицизма перед православием. Однако в зрелые годы хорватский мыслитель думал о примирении христианских религий в такой форме, чтобы не было подчинения одной из них [48].

С переменой на московском престоле Крижанич в 1676 г. был возвращен из ссылки, а через два года навсегда покинул Россию. Он оказался в Польше, где вступил в орден доминиканцев. Здесь была написана им «История Сибири». Писатель мечтал о Риме, но возвращение туда ему было запрещено. Тогда Крижанич присоединился к войску

inslav

польского короля Яна Собеского, направлявшемуся на помощь осажденной турками австрийской столице. В 1683 г. Крижанич погиб под Веной [49].

В течение двух веков имя хорватского мыслителя и писателя оставалось в забвении. Но в середине XIX в. русский славист П.А. Бессонов предпринял издание некоторых его сочинений, а затем и хорватский историк, писатель, общественно-политический деятель Ив. Кукулевич-Сакцинский напомнил соотечественникам о хорватском авторе. С тех пор жизнь и творчество Крижанича привлекали и привлекают внимание как русской, так и национальной науки [50]. Это объясняется прежде всего непреходящей значимостью «славянской идеи». Творчество Крижанича поразному воспринималось в научной среде, и его оценки имели амплитуду от панегириков до разоблачений. Но так или иначе хорватский автор по широте своих взглядов, актуальности поставленных им вопросов российской и славянской жизни, поискам их решения занял видное место в истории хорватской общественно-политической мысли.

Хорватская литература в Далмации, Дубровнике и Хорватии при всех местных особенностях имела единый вектор развития – барокко. Этот стиль, охвативший период с начала XVII в. до середины следующего столетия, характеризовался в литературе южных и северных краев хорватских земель общими чертами. В идейно-тематическом и жанровом отношениях в хорватской литературе значительное место занимал прежде всего эпос с современным и историческим патриотическим содержанием. Этой литературе была свойственна также поэма, стихотворное лирико-эпическое сочинение, связанное с историческим событием или мифологией. Пользовалась популярностью религиозная поэма, особенно посвященная святым грешницам. Драматургия, в первую очередь мелодрама, также опиралась на хорватскую историю или мифологию. Барокко получило выражение и в лирической поэзии, и в прозе [51].

Новым явлением литературного процесса были наметившиеся поиски преодоления плюрализма диалектов и

inslav

выработки общего литературного языка хорватов (и вообще южных славян).

Изобразительное искусство в Хорватии носило преимущественно церковный характер. Церковь выступала главным заказчиком художественных произведений. Близость Австрии определяла их эталоны, как и исполнителей. Это были главным образом пришлые мастера, в основном австрийские немцы и словенцы, хорошие профессионалы, работавшие в духе современной им австрийской барочной живописи.

Среди местных художников выделялся неординарный живописец Бернардо Бобич (умер между 1694 и 1699 гг.), живший в Капитуле. Его кисти принадлежали алтарные картины в иезуитской церкви Св. Катарины в Загребе, цикл алтарных образов, посвященных королю Ладиславу в загребском кафедральном соборе. Его работы отразили барокизацию хорватской церковной живописи. Для них была характерна диагональная композиция, игра света и тени на переднем плане, взволнованная тональность, подчеркнутая жестикуляция фигур и живая мимика лиц, экспрессивная цветовая гамма. Слабостью картин Бобича была неточность в анатомии и перспективе. Вместе с тем в живописи Бобича имелся реалистический компонент, который проявлялся, в частности, в политическом подтексте. На картине, изображающей хорватских аристократов перед королем Ладиславом и королевой Еленой, персонажи облачены в одежды XVII в., хорват в поклоне королю держит в руках гербы Хорватии, Славонии и Далмации. Не трудно уловить в этом мысль о целостности и нерасторжимости хорватской территории. Бобич обращался также к светским портретам.

Музыкальная активность в Хорватии также проявлялась главным образом внутри католической церкви, орденов. Иезуитская гимназия в Загребе очень рано стала центром музыкального образования. В 1632 г. на освящение церкви Св. Катарины были приглашены из Целоваца семь музыкантов. Так было положено начало постоянному оркестру с певцами при этой церкви [52]. В церковной музыке обрядовые песни на латинском языке сочетались с хорватскими

inslav

песнопениями. В середине XVII в. началось издание религиозных песенников и музыкальных сборников. Ставший особенно известным большой сборник «Cithara octochorda» («Восьмиструнная цитара». Вена, 1701) содержал латинские и кайкавские церковные песни, мелодии которых были записаны нотами. Наряду с традиционной обрядовой музыкой в нем чувствовалось дыхание народных напевов [53].

В Хорватии с ослаблением натиска турок и умиротворением на хорватско-боснийской границе развернулась большая строительная деятельность. Ввиду многовекового разрушения старых церквей и невозможности возведения новых из-за военной обстановки, а также частых пожаров средневековые здания нуждались в обновлении или перестройке, была потребность в новых церквах. В Хорватии обосновались католические ордена иезуитов, францисканцев, капуцинов, паулинов, кларисс. Все они обустраивались с помощью сабора, аристократии, дворян.

В рассматриваемое время епископы требовали восстановления старых и строительства новых церковных зданий в устоявшейся архитектурной стилистике. В 1642 г. был сконструирован новый свод в ризнице загребского кафедрального собора в типичных формах поздней готики. В 1676 г. был создан в готическом стиле свод церкви в Лепоглаве. Готическая интерпретация распятия получила свое продолжение через Возрождение и в барокко (тип «больного Христа»).

Вместе с тем в церковную архитектуру неумолимо проникали черты раннего барокко среднеевропейского типа. Этот процесс облегчался ввиду слабости и обветшалости позднеготической традиции. Распространению нового стиля способствовала деятельность иностранных мастеров, которые охотно привлекались к строительным работам, поскольку навыки художественных решений в архитектуре у местных строителей не отвечали новым потребностям и заказам. Среди пришлых мастеров были лица, которые довольствовались единичными заказами, но были и специалисты, которые задерживались в Хорватии на многие годы

inslav

и даже заканчивали здесь свой жизненный путь. Они естественно входили в культурную обстановку этой земли.

Пространные каменные комплексы монастырей характеризовались простотой, они были закрытыми, с аркадами во внутреннем дворе (монастырь кларисс в Загребе) или с функциональным рядом окон на фасаде (иезуитский монастырь в Градеце).

В 1620–1631 гг. иезуиты реставрировали в Загребе церковь Св. Катарины по типу распространенного в Европе церковного здания с одним продольным нефом и боковыми часовнями. Страшные городские пожары 1645 и 1674 гг. уничтожили все, что могло гореть в этой церкви и вокруг нее, но она всякий раз возрождалась под знаком крепнувшего барокко. По тому же типу были построены иезуитская церковь Св. Марии в Вараждине (1642–1646) и францисканские церкви в Загребе и Вараждине. В 1669 г. в последнем городе была сооружена нарядная церковь Св. Флориана, в 1691 г. – паулинская церковь в стиле барокко. Вараждин играл временами роль административно-политического центра Хорватии. В нем располагалось немецкое командование северной части Военной Границы. И он выделялся среди городов Хорватии по числу и архитектурной декоративности зданий в стиле барокко.

Иезуиты возводили и свои школьные строения с учетом новых веяний. Солидное для старого Градеца здание конвикта было украшено с уличной стороны открытыми аркадами. Трехэтажный дом конвикта в Вараждине стал самой заметной постройкой раннего барокко в городе.

Барочные элементы появились на кафедральном соборе в Загребе. После пожара в 1624 г. каменотес К. Мюллер, воздвигая новый портал, исполнил его основную композицию по старому образцу, но скульптуры на нем выполнил в стиле барокко. Четверть века работал в Загребе немецкий мастер Иван Албертал (ок. 1630–1655), который воздвиг колокольню с характерными мотивами барокко и придал новый вид кафедральному собору. После пожара 1674 г. на его колокольне были сооружены большие часы как напоминание о быстротечности жизни.

inslav

Повсеместно в Хорватии и вне городов строились скромные церкви с декоративными элементами барокко, в том числе деревянные на селе. В архитектуре церковных зданий напряжение занесенных ввысь остроконечных готических конструкций постепенно сменяли мягкие полукружия сводов или куполов.

Заметные изменения происходили в церковном интерьере. Кроме деревянной скульптуры – статуй святых, алтари и кафедры проповедников стали украшаться резьбой по дереву. В обновленной францисканской церкви в Вараждине находилась одна из самых красивых проповеднических кафедр в Хорватии (1670). Богато украшенная резьбой по дереву в сочетании с мрамором, она являла собой типичные стилевые черты барокко. В 1696 г. в кафедральном загребском соборе была возведена большая мраморная проповедническая кафедра работы люблянского мастера М. Кусы. С этого времени и жертвенники стали создавать из мрамора. Нарядность церковному интерьеру придавали живопись и обстановка. Он становился частью целостной архитектурной концепции.

Светское строительство в Хорватии решало прежде всего задачи обороны. Возводились фортификационные сооружения. На Военной Границе в 1579 г. была заложена крепость Карловац, важный стратегический пункт на реке Купе, позднее основана Костайница. Во владениях аристократов вне городов возводились новые дворцы. Они представляли преимущественно закрытые композиции по типу «замков», иногда с угловыми башнями (Кралевица – «старый замок» Франкопанов). Прилив в Хорватию из соседних земель Австрийской монархии, из находившейся под властью Турции Славонии, с Балкан ремесленников и торговцев, некоторое обогащение горожан, переселение отдельных аристократов и дворян в города, особенно в Загреб и Вараждин, – все это способствовало оживлению жилого строительства в городах. Построенный в конце XVII в. в Градеце дом Адама Зринского представлял просторное здание с рядом окон, но в архитектурном отношении был простым. Дома дворян и горожан, как правило, оставались скромными дере-

inslav

вянными строениями. Но постепенно их заменяли каменные небольшие постройки с барочными чертами. Часто они формировали стройные композиции в центре городов (Загреб, Вараждин, Карловац, Крижевци и др.) [54].

В целом, архитектура Хорватии XVII в. характеризовалась освоением барокко при живучести еще позднеготических форм. Она относилась к среднеевропейскому типу, но, за исключением отдельных сооружений, здания и в конструктивной основе, и в декоративных элементах являли собой провинциальную интерпретацию.

В Хорватии в XVI в. были заложены основы церковного и светского образования. В 1576 г. в Загребе была открыта семинария для подготовки католических священников. В Градеце и Вараждине существовали светские школы. В каждой из них преподавал один учитель. Школы находились на попечении городских властей.

С приходом иезуитов церковная школа в Хорватии переживала подъем. В крупных городах они открыли хорошо организованные шестиразрядные гимназии: в Градеце (1607), Риеке (1627), Вараждине (1636), Крижевцах (1695) и Пожеге (1698). Иезуиты создали также конвикты – интернаты для малообеспеченных или проживавших далеко от городов учащихся. В Загребе такое заведение было основано в 1632 г., в Вараждине – в 1672 г. Конвикты существовали на разовые пожертвования и за счет фондов, основанных пожертвователями. После ликвидации иезуитского ордена загребский конвикт был преобразован в Королевский дворянсий конвикт [55].

Иезуиты проявили особый интерес к устройству гимназии в Загребе, поскольку этот город находился вблизи турецкой границы и из него было легче оказывать влияние на население, находившееся под властью Турции. Гимназия расположилась в бывшем полуразрушенном доминиканском монастыре. Здание и двор были очищены от развалин, мусора и приведены в порядок. Открытие учебного заведения было обставлено весьма торжественно. Оно было приурочено к заседанию хорватского сабора. В Градеце собрался цвет хорватского общества – аристократы, дворяне,

inslav

духовные лица, горожане. Под звон колокола от гимназии двинулось многолюдное шествие с пением гимна к церкви Св. Марка. Здесь состоялось богослужение, после которого была прочитана «латинская беседа» (проповедь). По ее завершении процессия с пением религиозных песен отправилась назад к школе. Торжества сопровождались пушечными залпами и оружейной стрельбой. Центр города был окутан дымом. Это вызвало беспокойство окрестного населения, вообразившего, что на город напали турки [56].

Обучение в иезуитских учебных заведениях было бесплатным. Это обстоятельство, как и наличие в Загребе конвикта, способствовали привлечению в гимназию молодежи из разных краев проживания хорватов. Сам бан И. Драшкович записал в загребскую гимназию своего сына. За ним потянулись и дворяне. Уже вскоре после открытия в ней обучались до 100 дворянских детей и 200 учащихся из других сословий. В 1615 г. в гимназии насчитывалось 400 учеников [57].

Иезуиты отводили гимназии в Вараждине особую роль. На расположенной вблизи части Военной Границы было много влахов. Католическая церковь стремилась привести их к унии. Этому должна была способствовать местная гимназия, куда принимались и влахи. Всего в вараждинской гимназии обучалось 200–300 учеников.

Учебный процесс в иезуитских гимназиях строился на основе типового документа «Ratio Studiorum» (Научной основы). Преподавание велось на латинском языке. Круг предметов составляли латинский язык, греческий язык (впрочем, из-за сопротивления родителей только его основы), римские классики, история (с элементами географии), вероучение (катехизис). На VI, последнем году обучения вводилась риторика. Школьная программа предусматривала организацию конкурсов, академий *, выставок работ успевающих гимназистов. По составу учеников, образовательным дисциплинам гимназии носили светский характер.

* Это слово означало и общество лучших учеников, и вид школьного мероприятия (например, занятия с вопросами и ответами на заданную тему).

inslav

В глухом краю Хорватского загорья Лепоглаве при паулинском монастыре еще с XVI в. действовала небольшая гимназия. Хотя ее задачей была подготовка клириков, гимназию посещали и миряне – дети дворян и горожан из округи. В 1656 г. в этом заведении было введено преподавание философии. В 1662 г. и при гимназии в Градеце было организовано трехлетнее изучение философии. На этом своего рода факультете в программу были включены логика, математика, физика (в философском смысле), метафизика с этикой. Уже в первом учебном году здесь было 50 учащихся [58]. В обществе назрела потребность в развитии высшего образования.

Загребские иезуиты обратились к австрийскому монарху с просьбой утвердить новую «академию» в ранге университета с подобающими ему правами, привилегиями и свободами. В 1669 г. Леопольд I издал соответствующий диплом, который был утвержден и хорватским сабором. Однако генерал и старейшины иезуитского ордена воспрепятствовали созданию в Загребе университета. В течение столетия, до ликвидации в 1773 г. иезуитского ордена, число учащихся в гимназии и академии Градеца регулярно составляло 500–700 человек, из них около трети были слушатели философии [59].

По завершении среднего образования молодые хорваты либо выбирали путь служения церкви, либо продолжали учебу в Австрии или за границей, прежде всего в учебных заведениях иезуитов. С 1608 г. действовала Хорватская коллегия в Граце, объединенная в 1624 г. с Хорватской коллегией в Вене. В немецко-венгерском заведении в Риме хорваты имели несколько стипендиатских мест.

В отличие от образовательной деятельности других католических орденов, которые занимались подготовкой молодежи для себя, иезуиты открывали школы в первую очередь для мирян. При этом они создавали библиотеки в городах, где действовали их гимназии. Иезуиты способствовали развитию светского образования в Хорватии, но подчиняли его интересам Контрреформации и укреплению власти Римской курии.

inslav

Со школой была тесно связана театральная культура в Хорватии. Большую активность проявляли в театральном деле иезуиты, которые включали представления в школьную программу как общеобразовательные и воспитательные мероприятия. Задачами школьного театра были расширение знаний учащихся, тренировка памяти, практика в латыни, овладение ораторским искусством, воспитание у молодежи благочестия. Помимо учебного процесса школьный театр, по замыслу иезуитской коллегии, должен был облегчать усвоение верующими идей Контрреформации.

В Загребе первое сценическое действие, исполненное гимназистами, состоялось в 1607 г. на площади у церкви Св. Марка. Это был своеобразный отчет об учебной работе. Учащиеся разыграли аллегорическое представление о Хорватии. Была исполнена, в частности, песня, в которой воспевались красоты и плодородие родной земли, обычаи и достоинства народа, его герои. Это невиданное зрелище привлекло массу горожан, заполнивших всю площадь. Так было положено начало школьному театру. В Вараждине он возник в 1637 г.

Школьные представления были публичными. В Градеце они устраивались в помещении гимназии и под открытым небом, во дворе, на площадях у церквей Св. Марка и Св. Катарины. Сценические действия приурочивались к крупным событиям в жизни Загреба, приезду почетных лиц, церковным праздникам, школьным торжествам. Участниками школьного театра были прежде всего ученики, но также и учителя – постановщики спектаклей, привлекались и любители, которые исполняли женские роли. Языком представлений был латинский. Но в середине XVII в. на школьную сцену стал проникать и родной язык. В 1637 г. вараждинские гимназисты разыграли сценические картины на хорватском языке. Это стало событием в жизни города, собравшим уйму народа, в том числе из округи дворян и крестьян [60].

Репертуар школьного театра составляли спектакли на библейские темы, большей частью из «Ветхого завета», разыгрывались сюжеты из агиографии, а также разного рода

inslav

легенды (в частности о Чехе и Лехе), ставились пьесы на материале истории, в том числе хорватской, моральные драмы, воплощавшие добродетели и пороки, исполнялись драматические панегирики и аллегории в честь высокопоставленных лиц, легкие комедии (например, «Крестьянин, который учится хорошим манерам») и пр. Школьный театр был барочного типа, большая роль отводилась в нем сценическому реквизиту и костюмам. В XVII–XVIII вв. через загребскую школьную сцену прошло самое малое 400 различных пьес. Школьный театр оперировал главным образом положительными примерами, моральной программой, но вместе с тем, выходя за рамки иезуитской пропаганды, доносил до зрителя и патриотические идеи.

Загребские учащиеся давали представления также в Карловаце, куда они выезжали в 1646, 1647 и 1648 гг. Они исполняли сцены на латинском языке. Но в 1648 г. им были предпосланы «декламации» с разъяснением предстоящего действия на родном языке. Связанные с иезуитами школьные театры просуществовали до запрещения ордена в 1773 г. [61].

Школьный театр, включенный в учебный процесс, выполнял учебную, дидактическую и рекреативную (развлекательную) функции, прежде всего в рамках школы, но и шире – выходя в разнородную городскую среду. Этот театр имел ограниченную доступность для публики ввиду языкового барьера. Но главное, отношения школьного театра с общественной средой регулировались иезуитскими коллегиями, что лишало его как институции самостоятельности общественного организма. Тем не менее школьный театр выработал театральный опыт, подготовивший возникновение в новых условиях самостоятельного театра с широкой общественной программой.

Перемены коснулись и бытовой культуры хорватского «праздного класса». Его тяга к репрезентативному облику жилья, разнообразию обыденной жизни породила заказы на художественные изделия в быту. Это привлекало иностранных мастеров в Хорватию и стимулировало деятельность художественных мастерских в городах и церковных

inslav

центрах. Аристократы украшали свои дворцы дорогими вещами. Во дворце Николы Зринского в Чаковеце в Меджимурье имелись богатая библиотека, собрания оружия, старинных монет и картин. Граф имел склонность к собиранию коллекций. Из родового замка Зринских Озаль близ Карловаца после казни П. Зринского были вывезены оружие, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями, дорогие картины, множество рукописных и печатных книг и другие дорогие предметы. Все было конфисковано и разграблено.

Не чужды были хорватской аристократии музицирование и другие виды искусства. Катарина Зринская была поэтессой. Юрай Франкопан искусно играл на ряде музыкальных инструментов, рисовал и ваял. В инвентаре (1650) разрушенного замка Белц в Хорватском загорье были перечислены многие музыкальные инструменты, которые могли бы составить небольшой оркестр. О вкусах отдельных аристократов свидетельствует следующий факт из жизни рода Драшковичей. Около 1685 г. граничарский капитан граф П. Драшкович подарил обновленной паулинской церкви в Каменском алтарь Св. Креста. Картина «Распятие», входившая в его композицию, рассматривается специалистами как шедевр XVII в.[62].

Хорватская культура развивалась в XVII в. под знаком освоения раннего барокко. В континентальной Хорватии этот процесс протекал под влиянием западноевропейского опыта, в Далмации и Дубровнике – при доминирующей роли Венеции в Адриатике. Стилевые характеристики раннего барокко осваивались в Хорватии дворянством, церковью, горожанами и низами при разности идейного наполнения, охватывая практически все основные сферы культуры. На Адриатике, как и ранее, состояние культуры определялось жизнью городов-коммун. Раннее барокко существовало в Далмации и Дубровнике наряду со стилевыми формами Возрождения, в Хорватии – готики.

Вектор развития хорватской культуры от Средневековья к Новому времени в Далмации и Хорватии был общим. Но проявлялся процесс неодинаково. В Далмации, по срав-

inslav

нению с Возрождением, наблюдался спад или замедление в ряде областей культурной деятельности. В Хорватии процесс культурного развития оживился. Культурная жизнь протекала в Далмации и Хорватии изолированно друг от друга. Но появилась тенденция к их сближению в литературном языке. Это позитивное явление имело особое значение как предвестник будущих перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 777. Материалы энциклопедии использовались и в других разделах.

[2] *Šidak J.* Nikola Šubić Zrinski u svom vremenu // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 67–69.

[3] Enciklopedija... S. 777.

[4] *Šišić F.* Posljednji Zrinski i Frankopani na braniku domovine // Posljedni Zrinski i Frankopani. Zagreb, 1908; *Šidak J.* Urota zrinsko-frankopanska kao historiografski problem // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća... S. 148–167.

[5] Enciklopedija... S. 294.

[6] *Šojat O.* Pregled hrvatske kajkavske književnosti od polovine 16. do polovine 19. stoljeća i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma // Hrvatski kajkavski pisci. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. I. S. 21–22; *Idem.* Ivanuš Pergošić // *Ibid.* S. 75; *Idem.* Antun Vramec // *Ibid.* S. 103 i sl.

[7] Enciklopedija... S. 158.

[8] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963. С. 46; *Он же.* Поэты Далмации эпохи Возрождения // *Голенищев-Кутузов И.Н.* Славянские литературы. М., 1973. С. 58.

[9] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение... С. 32, 110, 328.

[10] Там же. С. 110.

[11] *Šidak J.* Hrvatsko društvo u Križanićevo doba // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 74, 75, 76.

[12] История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I. С. 763.

inslav

[13] См. *Лещиловская И.И.* Иллиризм. М., 1968. С. 55; *Она же.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С. 135.
[14] Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. 4. S. 10; Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 342.
[15] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение... С. 70, 72.
[16] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение... С. 112; *Он же.* Поэты Далмации... С. 61; История литератур... С. 717, 723, 724.
[17] История литератур... С. 749–752.
[18] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение... С. 80.
[19] О творчестве И. Гундулича см.: Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 197 i sl.; *Зайцев В.К.* Между Львом и Драконом. Минск, 1969.
[20] См. *Гундулич Иван.* Осман. Перевод В.К. Зайцева. Минск, 1969. Песнь VII. С. 117, 119, 121.
[21] Там же. Песнь XX. С. 389.
[22] Там же. Песнь XI. С. 194, 195.
[23] *Зайцев В.К.* Эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман» // *Гундулич Иван.* Осман. С. 16.
[24] *Гундулич Иван.* Осман. Песнь VI. С. 109, 110.
[25] Там же. Песнь VIII. С. 145
[26] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение... С. 124.
[27] Povijest hrvatske književnosti. S. 211 i sl.
[28] Ibid. S. 223 i sl.
[29] Ibid. S. 283 i sl.
[30] Ibid. S. 226–227; *Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 199, 201, 202.
[31] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 27.
[32] Ibid. S. 29.
[33] Ibid. S. 298; Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1138.
[34] Sm. Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. T. I–II.
[35] *Šojat O.* Antun Vramec // Hrvatski kajkavski pisci. I. S. 113–114; *Šidak J.* Hrvatsko društvo... S. 82, 83.
[36] *Šojat O.* Juraj Habdelić // Hrvatski kajkavski pisci. 17. stoljeće. II. S. 42–44.
[37] *Šojat O.* Ivan Belostenec // Hrvatski kajkavski pisci. II. S. 250 i sl.

inslav

[38] Ibid. S. 258.

[39] О Ратткае см. *Šojat O.* Juraj Ratkaj Velikotaborski (1612–1666) // Hrvatski kajkavski pisci. I. S. 341–345. Идея целостности славян впервые была выражена в Хорватии в 1643 г. Протонотар (секретарь) Хорватского королевства Иван Закмарди украсил ящик для хранения важных документов латинскими стихами, в которых Хорватия прославлялась как колыбель «Чешской земли» и «Польского королевства». См.: *Šidak J.* Hrvatsko društvo... S. 84.

[40] Povijest hrvatske književnosti. S. 245; Historijski zbornik. 1970–1971. Zagreb, 1972. S. 540.

[41] Povijest... S. 245, 248.

[42] *Zrinski, Frankopan, Vitezović.* Izabrana djela. Zagreb, 1976; Hrvatski kajkavski pisci. II.

[43] *Šidak J.* Juraj Križanić i značenje njegova djela // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća... S. 126, 128.

[44] Ibid. S. 129.

[45] Обстоятельное освещение жизни и деятельности Ю. Крижанича, особенно его пребывания в России, см. в: *Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

[46] *Šidak J.* Juraj Križanić... S. 130.

[47] *Крижанич Юрий.* Политика. М., 1997. С. 22, 174, 176, 230, 267, 230 и др.; *Šidak J.* Juraj Križanić... S. 132.

[48] См.: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М., 1901; *Šidak J.* U povodu 350-godišnjice rođenja Jurja Križanića // Historijski zbornik. 1968–1969. Zagreb, 1971. S. 694.

[49] *Šidak J.* Juraj Križanić... S. 132.

[50] См.: *Šidak J.* Problem Jurja Križanića u hrvatskoj i srpskoj literaturi // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća... S. 87–123, 133.

[51] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 26.

[52] *Vanino M.* Isusovci i hrvatski narod. Zagreb, 1969. T. I. S. 230.

[53] *Šojat O.* Cithara octochorda // Hrvatski kajkavski pisci. 17. stoljeće. Zagreb, 1977. T. II. S. 399 i sl.

[54] Varaždin. Zagreb, 1975; Karlovac. 1579–1979. Karlovac, 1979; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987. S. 87, 91, 94 i dr.

[55] *Vanino M.* Isusovci... T. I. S. 230, 231.

inslav

[56] Ibid. S. 88.
[57] Ibid. S. 88, 107.
[58] Ibid. S. 149, 189.
[59] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 97, 99.
[60] *Vanino M.* Isusovci... Zagreb, 1987. T. II. S. 425–426.
[61] *Vanino M.* Isusovci... T. I. S. 89, 261–289; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 28; Karlovac. S. 447.
[62] *Šaban L.* Glazba u dvorovima Draškovića u 18. stoljeću // Kaj. Zagreb, 1972. Br. 11. S. 39; *Cvitanović Đ.* Rod Draškovića i umjetnost // Kaj. S. 40.

inslav

Глава II

ДАЛМАЦИЯ И ДУБРОВНИЦКАЯ РЕСПУБЛИКА НА ХОРВАТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XVIII В.

Карловацкий мир 1699 г., завершивший войну Священной лиги – Австрийской монархии, Венецианской республики, Речи Посполитой, а с 1686 г. и России – против Османской империи, принес расширение территории венецианского государства в северной Адриатике. К Республике Св. Марка, владевшей прибрежной Далмацией, отошла и значительная континентальная часть провинции. В 1714–1718 гг. вновь разразилась война христианских государств против Турции. В результате этой войны, последней в истории венецианско-турецких отношений, Венеция потеряла ряд территорий, но увеличила свои владения в Далмации вокруг города Имотски. На этой линии венецианско-турецкая граница стабилизировалась до конца столетия.

В XVIII в. блестящая Венеция, несмотря на территориальные приращения республики и сохранение позиции в мировой торговле, неуклонно катилась к упадку. Причины этого крылись в передвижении торговых путей на Атлантический океан, растущей конкуренции промышленного производства в Англии, Франции и Германии. Венецианская республика становилась второстепенной величиной. Ее общественная и культурная жизнь носила лихорадочный характер, представляя последние отблески былой славы.

Далмация переживала влияние отрицательных процессов, протекавших в венецианской метрополии. Экономическое ослабление Венеции усугублялось для нее ограничительной торговой политикой венецианских властей. В первой по-

inslav

ловине XVIII в. экономика провинции находилась в состоянии застоя. Ушла в прошлое автономия далматинских городов-коммун, которая была основой средневековой торговой и общественной деятельности.

Но с середины столетия в годы непрерывного мира наметилось общее оживление жизни в Далмации. Венеция по меркантилистическим мотивам ввела некоторые послабления для торговли провинции. Спрос в Европе на далматинские суда и вино дал толчок подъему судостроения и виноделия. Стали расти внешняя торговля и морское судоходство Далмации. Но особое значение в ее экономике получила транзитная торговля, связавшая Балканы и Италию.

На протяжении XVIII в. выросла численность населения в Далмации. Если в 1718 г. оно составляло 108090 человек, то в конце века на той же территории проживало 288320 человек, т. е. почти в три раза больше. Если административным центром провинции считался Задар, то главным торговым городом являлся Сплит. В конце XVIII в. он с предместьями имел более 8000 жителей, а включая котар (округу) – 12000. Это был крупный порт на восточном побережье Адриатики. Во второй половине XVIII в. начала складываться новая экономическая обстановка в Далмации, благодаря чему протекало укрепление городов, а в них торгово-предпринимательского слоя населения. Общество медленно накапливало силы, чтобы двинуться по пути обновления. Дубровник, находившийся в вассальной зависимости от Турции, благодаря торговой конъюнктуре также переживал подъем.

Развитие культуры в Далмации в значительной мере определялось жизнью городов-коммун. Потеря ими под венецианской властью автономии, общее ослабление в первой половине XVIII в. повлекли за собой затухание культурной деятельности. Далмация и Дубровник утрачивали ведущую роль в хорватском культурном процессе в целом.

Но с середины XVIII в., с оживлением общей обстановки в Далмации и Дубровнике наметились активизация культурной жизни и появление в ней новых черт.

В XVIII в. в толще жизни южных славян разворачивались процессы, которые при влиянии Западной Европы обу-

inslav

словили изменения в общественном сознании. Постепенно крепнувшая и обострявшаяся коллективная память народа, объединяя людей с разной психологией, неодинаковыми житейскими интересами, различным уровнем образования, порождала потребность понять, кто они, где их корни, что с ними стало и как выжить в складывавшихся условиях. Так на первых порах в форме исторического мышления наиболее талантливые и чуткие одиночки задумались над судьбами своих народов.

Почти одновременно в середине XVIII в. у хорватов, сербов и болгар появились сочинения, обращенные к истории и содержавшие в той или иной мере осмысление актуальных вопросов современности. Первыми выступили в печати далматинские хорваты францисканские монахи Филип Грабовац с книгой «Цвет беседы народа и языка иллирского или хорватского» (Венеция, 1747) и Андрия Кашич Миошич с сочинением «Приятный разговор славянского народа» (Венеция, 1756). Затем серб Захария Орфелин, живший тогда в Сремски-Карловцах, издал в Венеции же стихотворное произведение «Плач Сербии» (1762) и болгарин монах Хиландарского монастыря на Афоне Паисий написал «Историю славяноболгарскую» (1762), оставшуюся в рукописи, но получившую в списках широкое распространение в народе.

Эти сочинения, созданные в разных условиях, объединяли обращение авторов к простым людям на их родном или максимально близком к нему языке, напоминание о славном прошлом своих народов, наконец, призыв к народному пробуждению, первоочередному условию выживания. Названные авторы, ощутившие на ранней стадии дыхание эпохи, принесшей в Западной Европе появление национальной идеи, предвосхитили грядущее национальное Возрождение южных славян. Типологическая общность их сочинений вобрала в себя закономерность и своеобразие развития общественной мысли на славянском юге в процессе духовного преображения.

Далматинские хорваты находились под сильным влиянием умственной и художественной жизни в Венеции. В 60–80-х гг. XVIII в. в Республике Св. Марка зародилось и развернулось культурное движение под знаком идей Просвещения.

inslav

Они получили наибольшее развитие в Венеции и Падуе. Одной из главных особенностей идеологии венецианского Просвещения было переосмысление роли церкви и религии в государстве, а также отношений церкви и государства в русле нового видения мира [1].

В идейном пространстве венецианского Просвещения находился молодой хорват Иван Ловрич (1754–1777). Он происходил из состоятельной семьи города Синя, учился в Венеции, затем продолжил медицинское образование в Падуе. Будучи студентом, Ловрич издал в 1776 г. в Венеции на итальянском языке книгу «Заметки о путешествии по Далмации Альберто Фортиса» [2]. Его побудило к этому сочинение итальянского аббата ученого-естественника, известного представителя венецианского Просвещения Альберто Фортиса «Путешествие по Далмации» (Венеция, 1774). Оно было переведено на немецкий, французский и английский языки и получило широкую известность в Европе. Исходя из знания народной жизни своего края, Ловрич нашел в работе итальянского автора много неточностей в описании крестьянского быта и обычаев в Далмации, как и неполноту приведенных им сведений [3].

Книга хорватского автора содержала большой фактический материал о природных достопримечательностях далматинского Загорья, его малой родины, об остатках римской старины здесь, а главное – о народной жизни, прежде всего морлаков – загорских крестьян. В ней досконально описаны верования, обычаи, образ жизни, методы ведения хозяйства сельского населения континентальной Далмации. Наблюдения автора сопровождались замечаниями, оценками и советами. Эта книга явила собой зарождение национальной этнографии в Далмации. В то же время она стала документом обретения хорватской общественной мыслью новых современных черт.

Ловрич выступил как большой патриот Далмации и ее народа. Он с гордостью писал, что из его среды вышли интеллектуалы, заслужившие похвалу самых культурных европейцев. Ловрич назвал при этом старого далматинского мыслителя М.А. де Доминиса и Р. Бошковича, «одного из первых

inslav

европейских математиков». Эти «два светила», продолжал автор, убедительно доказывали, до какого совершенства могли возвыситься природные умственные способности далматинцев. Он указал также на «знаменитого и вовеки бессмертного» Ивана Гундулича из Дубровника, отмечая «возвышенность мысли, сладость стихов и естественность рифмы» поэта. Ловрич назвал Гундулича гордостью «иллирского народа» и сравнил его с Гомером [4]. Автор выражал восхищение деятелями, которые достигли вершин в науке и искусстве хорватов.

Ловрич видел природную одаренность крестьянства, в массе которого были ловкие резчики по дереву, искусные гончары, другие умельцы. Он высоко ставил народные песни, содержавшие, по его словам, важные сведения по отечественной истории и созданные по правилам стихосложения, при том что их творцы не имели понятия о стихе [5].

Тем с большим сожалением этнограф писал об отсутствии возможности у далматинцев, особенно у морлаков в Загорье, совершенствовать свой ум и способности за неимением средств. Поэтому они полны суеверий, «абсурдных мыслей» и незнания [6]. «Самое большое счастье (морлаков. – *И.Л.*) состояло бы в том, – продолжал автор, – если бы они освободились от старых предрассудков. Таким путем они стали бы трудолюбивыми в мирное время и храбрыми в войне. Просвещенный народ творит счастье свое и своего правителя» [7]. Разоблачение предрассудков и борьба против застоявшихся форм жизни, традиционализма были краеугольным камнем идейной платформы европейского Просвещения. И Ловрич, придерживаясь взгляда на мир, основанного на разуме и знаниях, видел путь к возвышению населения Далмации до уровня просвещенных европейских народов через преодоление привычных ложных представлений и темноты.

Молодой хорватский автор был сторонником распространения книг, отказа от философии Аристотеля и перехода к новым философским методам, изучения современной физики и пр. Но прежде всего ученый – этнограф ратовал за приобщение простого народа к элементарному образованию [8]. Это особенно актуально было в Далмации, где не сложилась школьная система.

inslav

Ловрич указывал на виновников духовной убогости крестьян. Это были те, кто извлекал для себя пользу из незнания простолюдинов и действовал по принципу «разделяй и властвуй». Автор осуждал и соплеменников, которые проявляли безразличие к несчастью «боязливого народа» [9]. Среди них были служители католической и православной церквей.

Хорватский этнограф с осуждением писал, что темнотой крестьян без зазрения совести пользовались монахи, как православного, так и католического обрядов, в целях их подчинения себе и поборов. Автор ставил даже вопрос о секуляризации монастырской земли. В отношении православного монастыря Драгович он замечал, что монахи имели достаточно земли, «которую очень хорошо можно было бы употребить в помощь некоторым бедным морлакским семьям, которые ее не имеют» [10]. Осуждение монашества за мздоимство автор подкреплял ссылкой на церковную политику Петра Великого в России.

Критика Ловрича была обращена и в адрес белого католического духовенства. Отмечая общую малограмотность жителей города Синя, он замечал: «Уметь читать, писать и иметь немного поверхностного знания арифметики – вот и вся наука этого края, а кто знает больше, того считают еретиком, особенно священники. Все они – католики, которых в настоящее время насчитывается не более двенадцати. Их знания состоят в переписывании, переиначивании и уродовании философии Аристотеля и в философском битье друг друга, которое набожно совершается в темноте. Речь идет о самых ученых» [11]. Обвинения Ловрича в адрес священников находились в созвучии с политикой Венецианского государства, направленной против попыток римской курии вмешиваться в его внутренние дела. В 60-х гг. XVIII в. Сенат предпринял антицерковные реформы, задачами которых были усиление светской власти, ограничение деятельности и доходов католического духовенства и секуляризация церковного имущества [12]. Антиклерикальная политика Республики пользовалась поддержкой венецианских просветителей. На страницах печати развернулась полемика философов-эрудитов с их оппонентами.

inslav

Находясь в Падуе, Ловрич был в гуще споров. Светское положение автора освобождало его творчество от полагавшегося в Далмации контроля со стороны монастырских старейшин. А бурная идейная обстановка в самой Венеции и отмена Сенатом Республики в 1765 г. церковной цензуры сделали издательскую деятельность в этой части свободной.

Взгляды Ловрича были окрашены религиозной веротерпимостью. Он не противопоставлял католиков и православных в Загорье, рассматривая их как один народ, часть великой славянской общности.

Как следствие духовной неразвитости, но также и непрестанных войн, Ловрич отмечал примитивность земледелия и скотоводства у морлаков. В меру своих знаний и особенностей мышления автор давал в книге советы по улучшению сельского хозяйства. Главным из условий он считал появление патриота – соотечественника, способного показать пример рационального хозяйствования. Сам он рекомендовал посадку тутовых деревьев и развитие шелководства. «Было бы поистине замечательно, – заключал автор, – если бы этот народ начал свой прогресс с земледелия, к которому народы возвращаются только тогда, когда уже станут воспитанными» [13]. Все это было благородной утопией, но она отражала озабоченность Ловрича бедственным материальным положением далматинских крестьян.

Патриотическое настроение и вера в природный талант крестьян определяли отношение Ловрича к народному языку. Воздавая должное старой хорватской литературе, особенно дубровницкой, за то, что она была на родном языке, автор с сожалением отмечал отход от него современных ему образованных поэтов. «А некоторые от страха, чтобы не казаться варварами, – писал он, – говорят даже и то, что не знают и языка (полагая глупо, что это заслуга» [14]. Выступая в поддержку литературного языка на народно-разговорной, т. е. штокавской, основе, далматинский интеллектуал обращал внимание на сохранение его чистоты. Он считал, что народный язык наименее подвергался внешним воздействиям вдали от городов (Дубровника). В начале XIX в. именно на эти края как колыбель нетронутой городом народной штокав-

inslav

ской речи будет ориентироваться выдающийся сербский ученый – лингвист Вук Караджич в своей реформе сербского литературного языка [15]. Ловрич проявлял близкое понимание литературно-языкового развития штокавских хорватов с теми же издержками языкового пуризма.

В поле зрения Ловрича, как и некоторых образованных хорватов того времени, был «славянский язык». Не представляя себе историю литературно-языкового развития славян и языковую иерархию в славянском мире, он воспринимал его как данность. «Обилием слов и силой выражения, наряду со своей большой распространенностью, – писал он, – этот язык возвышается над всеми остальными. В нем, кроме того, замечается естественность старых языков» [16]. Ловрич обращал внимание на широту распространения, чистоту и древность «славянского языка». Эти взгляды имели прямую связь с представлением о некоей славянской общности, которое с XVI в. присутствовало в хорватской литературе Далмации и Дубровника. Морально поддерживая интеллектуалов в трудные периоды исторического развития, оно утверждалось как идейная традиция.

Идейный облик Ловрича включал патриотизм, расположенность к крестьянству, славизм в сочетании с элементами критической мысли и просветительской утопии.

Книга Ловрича не осталась незамеченной. Францисканцы в Далмации встретили ее враждебно. Но она получила известность в Европе. Французский писатель – романтик Ш. Нодье использовал материал из нее в своем творчестве [17]. Монография вошла в науку своим обилием историко-этнографических данных о патриархальной среде на юго-западе Балкан.

В XVIII в. хорватскую общественную мысль в Далмации затронуло своим крылом Просвещение, хотя оно не развернулось здесь в зрелую систему. Тем не менее этот факт имел принципиальное значение, поскольку знаменовал собой подъем хорватского общественного сознания на уровень восприятия и осмысления действительности с позиции рационализма.

Оживление с середины XVIII в. умственной жизни в Далмации и Дубровнике получило выражение в подъеме науки. Желание интеллектуалов понять место своего народа в

inslav

кругу других народов, осознать традиции и пути выстраивания взаимоотношений с ними в менявшемся мире привели к увеличению числа, расширению тематики и обновлению методов исторических работ.

В Дубровнике интеллектуалы проявляли особый интерес к своей «малой» родине и ее знаменитостям. Они оставили в рукописи сочинения по истории города и местной церкви. Расширялось изучение литературных явлений. Росла потребность изучения биографий видных дубровницких писателей. Пытливые умы активно занимались собиранием литературной старины. Видный поэт Иг. Джурджевич составлял жизнеописания с характеристикой литературного творчества некоторых видных дубровчан. Но работа осталась незавершенной. Доминиканец С. Криевич (Церва) создал сборник на латинском языке, включив в него биографии 435 дубровницких знаменитостей, в том числе и музыкантов. Но его «Bibliotheca Ragusina» также осталась в рукописи. Были и другие попытки того же рода (С. Долчи-Сладе, Дж. Башич). Авторы использовали архивные материалы и документы, изучали литературные тексты. При этом скрупулезное исследование источников сочеталось с некритическим воодушевлением биографиями и творческими достижениями земляков – знаменитостей [18].

Своеобразным обобщением этой деятельности на исходе века стало двухтомное сочинение на итальянском языке дубровчанина итальянского происхождения пиариста, преподавателя, а затем ректора местной гимназии Франьо М. Аппендини (1768–1837) «Исторические и критические заметки о древностях, истории и литературе Рагузы» (Дубровник, 1802–1803). Это было первое фундаментальное исследование по истории литературы знаменитого города.

Недостаточно критический в археологическом и историческом планах труд Аппендини тем не менее, основанный на рукописных и печатных материалах XVI – первой трети XVIII вв., благодаря большому биобиблиографическому фонду долгое время оставался научной базой для изучения истории дубровницкой литературы. Желание образованных и просто грамотных дубровчан больше узнать о прошлом своего народа и его видных деятелях встречалось с патриотическим

inslav

стремлением интеллектуалов раскрыть культурное достояние и тем самым значение Дубровника.

В Далмации подъем интереса к прошлому пришелся на 70–80-е гг. XVIII в., хотя и ранее публиковались работы как хорватских авторов, так и иностранцев по истории отдельных местностей и Далмации в целом. Вышли из печати книги исторического содержания Джованни (Ивана) Россиньоли и Петара Нутрицио Грисогоно из Трогира, Луки Владимировича, Р.А. Михиели Виттури, Томко Мрнавича и др. Историографическую культуру Далмации дополняли биографические сочинения Петара Богетича из Сплита о видных спличанах (1784) и Михиели Виттури о старых далматинских мыслителях (1778). Книги издавались на итальянском языке и были ориентированы на городскую образованную среду. Много текстов осталось в рукописи. Большинство исторических работ были в русле критического изучения источников о прошлом Далмации [19].

Несколько выделялся из круга сочинений трактат Петара Нутрицио Грисогоно «Исследование о теперешнем состоянии Далмации. Экономико-политическое сочинение» (Флоренция, 1777). Он был обращен к современности [20].

Исторические сочинения, помимо познавательной функции, формировали в хорватском обществе историческую память – коллективные представления о прошлом народа, родины, – которая играла важнейшую роль в процессе его самоидентификации, ориентации в мире, понимании своего места в нем. Хотя итальянский язык большей части работ с историческим содержанием сужал социальное пространство их восприятия.

На фоне историографической активности в Далмации пробудился интерес к археологии. Этому способствовало античное прошлое провинции. В 1750 г. в Сплите архиепископ основал за свой счет «Музей Сплитской архиепископии», в котором быстро образовалось богатое собрание археологических экспонатов. Это подтолкнуло любительские занятия археологией. Возникли частные музейные собрания. Особой известностью пользовалась солидная археологическая коллекция задарского врача А. Даниели.

Большой интерес властей и отдельных эрудитов вызвали в 1771 г. неожиданные открытия остатков строений ран-

inslav

несредневекового хорватского Солина, одного из центров государства Трпимировича. Началось изучение той местности, которое проводилось лицами без специальной подготовки, но тем не менее было полезным. В 1789 г. в Задаре при рытье котлована для фундамента здания были обнаружены разные серебряные предметы, а несколько позднее вблизи города были найдены римские урны, стеклянная посуда, медные медали и другой археологический материал. Вещественные предметы поступали, как правило, в закрытые коллекции.

С накоплением археологических находок появилась потребность их описания. Предположительно еще в 1759 г. Петар Ферро с острова Корчула изучал надписи на античных памятниках в городе Скрадине. Первой научной работой далматинской археологии было исследование Михиели Виттури, посвященное античной Салоне, главному городу римской провинции Далмации. Оно вышло на итальянском языке в Венеции. Десятью годами позже священник Иван Павлович Луцич описал археологические находки в приморье города Макарска, а в 1796 г. издал работу с описанием дворца императора Диоклетиана в Сплите [21].

На начальном этапе археология в Далмации сводилась к бессистемному собиранию вещественных предметов и их первичному описанию. При этом развивалось коллекционирование частных лиц и закладывались начатки музейного дела.

Утверждение в литературе штокавского диалекта активизировало в Дубровнике и Далмации лингвистические исследования. В 1754 г. в Венеции вышла книга францисканца из Дубровника С. Долчи (Сладе) с многозначительным названием «О древности и распространенности иллирского языка».

В 1728 г. по поручению сплитского архиепископа иезуит Арделио Делла Белла составил и издал в Венеции «Словарь итальянско-латинско-иллирский» и «иллирскую» грамматику *. Это было сделано с целью повышения грамотности хорват-

* В названиях многоязычных словарей на латинском языке использовались понятия «illirico», «illiricum», «linguae Illiriae». В кн. «Povijest hrvatske književnosti» эти понятия переведены как «хорватский».

inslav

ского духовенства, из числа которого половина исполняла службу на церковнославянском языке [22].

В 1781 г. в Венеции же вышло третье издание «Латинско-иллирской грамматики» Л. Ситовича (Любушича), в которой были рассмотрены многие грамматические вопросы хорватского языка. В 1808 г. увидела свет новая грамматика Аппендини. В завершение этого этапа появился лексикографический труд – фундаментальный трехъязычный латинско-итальянско-хорватский словарь францисканца Й. Стулли (1810). В научной лингвистической атмосфере Дубровника и Далмации набирала силу тенденция к стандартизации штокавского диалекта.

В обстановке, когда в Далмации было немало дворян, которые не знали родного языка или сознательно не хотели говорить на нем, задарский архиепископ М. Караман опубликовал в 1763 г. в Венеции «Букварь славянской письменности» с целью приобщить соотечественников к обучению письму на родном языке. Эта книга пользовалась спросом и в 1769 г. выдержала второе издание. Были и другие лингвистические работы [23].

В Далмации и Дубровнике создавались научные, прикладные и учебные работы по разным областям знаний. Появились книги по юриспруденции. Разрабатывались вопросы церковного права. В 1778 г. каноник А. Коста, родом из Синя, опубликовал в Венеции «Церковный закон», первый учебник канонического права на хорватском языке. Это было авторитетное в свое время издание. Выходили работы на медицинские темы, по гидрологии. Францисканец М. Зоричич выпустил в 1766 г. в Анконе «Арифметику», первую книгу по математике на хорватском языке, написанную по методике П. Ферри [24].

Увеличение объема и расширение сферы научных исследований, гуманитарных и естественных, были показателями состояния не только науки, но и шире – общественного сознания, углубления запросов общества в познании жизни.

Ввиду трудных условий для развития науки в Дубровнике и Далмации наиболее талантливые ученые покидали родину и работали в Европе. Бенедиктинец А. Бандурович-Бандури проявил себя как один из самых известных в свое время византологов и нумизматов. Врач Дж. Арменац-

inslav

Баливи, рано покинувший Дубровник и трудившийся в римском университете, получил известность как один из первых анатомов, теоретиков и практиков медицины. Выходцы из Дубровника и Далмации сохраняли подчас тесные контакты с родиной, способствовали ознакомлению соотечественников с естественнонаучными и гуманитарными знаниями, поддерживали отечественные таланты.

Подлинным научным колоссом, выдающимся ученым с европейским именем был Руджер Бошкович (1711–1787) – физик, математик, астроном и философ. Он родился в Дубровнике, но еще в ранней молодости покинул город, чтобы в Римской иезуитской коллегии получить образование. Здесь он стал членом иезуитского ордена. Ряд лет, с 1740 до 1757 гг., Бошкович, профессор философии и математики, преподавал математику в Римской коллегии, затем был профессором в университете Павии. Находясь вдали от Дубровника, ученый сохранял тесные контакты с ним. Патриот города, он оказывал влияние на его политическую жизнь.

Бошкович совершил многочисленные поездки с дипломатическими и научно-исследовательскими целями. Он посетил Париж, Лондон, Венецию, Стамбул, Варшаву. В 1763 г. ученый вернулся в Рим. Некоторое время Бошкович преподавал в университетах Парижа и Лондона, возглавлял во французской столице учреждение «Оптика», связанное с морским флотом. В 1782 г. он оставил Францию и приехал в Италию, где и умер в Милане.

Бошкович вошел в науку серией статей о закономерностях в природе, написанных в первый римский период жизни. Мировую славу и признание ученый получил благодаря фундаментальному труду «Теория естественной философии» (Вена, 1758; Венеция, 1763). Опираясь на сформулированные И. Ньютоном законы механики, Бошкович развил качественную теорию строения вещества и высказал гипотезу о зависимости характера (притяжения или отталкивания) сил взаимодействия частиц от расстояния между ними. Восторженный поклонник Ньютона, он тем не менее критиковал введенное английским математиком понятие «абсолютное пространство» и считал пространство относительным. Тем

inslav

самым Бошкович предвосхитил некоторые положения теории относительности и квантовой физики XX в.

В конце жизни Бошкович издал работу в пяти частях из области оптики и астрономии. Ученый разработал методику определения движения комет. В практической астрономии он предложил методику исправления ошибок и пр. Его труды были написаны на латинском языке.

Бошкович был членом ряда европейских академий и научных обществ – академии «Аркадии» в Риме, общества Royal Society в Лондоне, членом-корреспондентом Французской академии, иностранным почетным членом Петербургской академии наук [25].

Обладая литературным даром, Бошкович изложил некоторые свои научные работы в стихах («О затмении солнца и луны» – 1735, второе расширенное издание – 1760). Плодотворным было его научное и поэтическое сотрудничество с философом, математиком, знатоком латинского языка Б. Стаем-Стойковичем (1714–1801). Ученый обратил внимание на первые научные и литературные сочинения молодого Стая, выпускника Дубровницкой коллегии, – стихотворное переложение на латинский язык философии и физики Декарта (Венеция, 1744, в последующие пять лет вышло еще два издания). Под влиянием Бошковича Стай приобщился к философии Ньютона. Плодом их совместного творчества стали «Десять книг новейшей философии в стихах» (т. I–III. Рим, 1755, 1760, 1792). Стай изложил здесь закон всемирного тяготения, основное содержание «Оптики» Ньютона и привел собственные математические выкладки, теоремы и доказательства. Самостоятельная работа Стая получила высокую оценку Бошковича. Первые два тома ученый снабдил введением, пространными комментариями и дополнениями (третий том не был завершен) [26].

Руджер Бошкович принадлежал к ренессансному типу универсальных мыслителей. Его научные открытия были солидным вкладом в понимание жизни. Но принадлежность к иезуитскому ордену делала его общественную позицию противоречивой. Ученый скептически относился к России, старался изолировать Дубровник от нее, не одобрял антиклери-

inslav

кальную позицию французских энциклопедистов, выступал за сохранение латыни как языка науки.

В рассматриваемое время в Далмации и Дубровнике вырос объем научной деятельности, углубилась дифференциация науки. В ряде гуманитарных и естественных исследований были заложены основы научных знаний Нового времени, появились большие словари. Научная мысль переходила от описания к объяснению явлений действительности на основе свободного от теологии ее понимания. Именно в научных работах проявлялись новое видение мира, углубленное понимание жизни.

В XVIII в. литература в Далмации была представлена почти исключительно поэзией. По жанровому составу это были преимущественно стихи, написанные по какому-либо случаю, как правило, в честь видных особ в связи с днем их рождения, венчания, служебного продвижения, и лирика дидактическо-морализаторского характера. Такого рода сочинения создавались доморощенными стихотворцами на латинском и итальянском языках. Отдельные интеллектуалы пытались сочинять песни на родном языке, но они в подавляющем большинстве остались в рукописях. Пользовались популярностью комедии, написанные в подражание, в частности К. Гольдони, на итальянском или хорватском языках и предназначенные для чтения в узком кругу лиц, а не для сцены [27].

С середины XVIII в. церковные лица во множестве издавали небольшие книжки на хорватском языке с целью просвещения верующих в вопросах религии, церковной морали, канонического права и пр. Они были рассчитаны как на широкую читательскую публику, так и образованный клир. Эти книги пользовались большим спросом [28].

Наряду с конфессиональной письменностью и сочинениями заурядных стихотворцев появились новые виды литературы, проникнутые ожившим историческим сознанием и интересом к устному народному творчеству. Патриотическое направление выдающихся писателей, озаривших своими книгами ярким светом литературную жизнь, сложилось как антитеза обособлению от этноса католического дворянства и

inslav

горожан в провинции в результате усвоения ими итальянского языка и бытовой культуры.

Ответы на вопросы современников в процессе этнической самоидентификации, «каковы были времена стародавние», пытался дать в своих сочинениях Филип Грабовац. Он родился в Подосое близ Врлики в 1697 или 1699 г., в сельской среде. Это был край, переживший три венецианско-турецких войны, опустошенный, подверженный грабежам дружин ускоков. По окончании церковной школы юноша вступил в францисканский орден в монастыре Заострог. Высшее образование (по философии и теологии) Грабовац. по всей вероятности, получил в Италии. Будучи священником, он читал проповеди прихожанам, преподавал. В 1729 г. Грабовац стал капелланом в хорватской кавалерийской части, находившейся на службе у венецианского государства. В этой должности он оставался в Вероне до 1747 г.

Хорошо познав быт и нравы хорватских военных на итальянской службе, Грабовац выступил в 1729 г. в печати со стихотворением, в котором осудил их моду отказываться по прибытии в Италию от хорватской одежды и обычаев. Этот шаг молодого священника сразу породил недоброжелательство к нему в далматинских конформистских кругах.

В 1747 г. Грабовац издал в Венеции свою главную книгу «Цвет беседы народа и языка иллирского или хорватского». Она имела отчетливо патриотическую направленность. По доносу хорватских офицеров венецианские власти книгу конфисковали, и весь тираж (400 экземпляров) был сожжен на главных площадях Задара, Сплита и Синя. Лишь несколько книг «Цвета» сохранилось. Сам автор как бунтовщик и предатель был брошен в венецианскую тюрьму. Затем ввиду его болезни он был переведен в монастырь на острове Сан Спирито, где располагалась тюрьма для духовных лиц. Там священник-патриот и умер в 1749 г. [29].

Грабовац был первым далматинским хорватским писателем, который обратился на родном языке к сельской среде. «Цвет беседы» был написан на штокавском икавском диалекте. По жанру книга сочетала в себе поучения и литературное

inslav

творчество. Идейно она выделялась из круга далматинской хорватской литературы.

«Цвет беседы» состоял из двух частей. В первой содержались написанные преимущественно стихами «духовные разговоры» разного содержания. Эта часть, построенная в форме диалога юноши и старца, носила религиозно-морализаторский характер. В разделе о нравственности автор устами героев отмечал, что в мире «нет ни правды, ни любви», все живут в грубости, «в народе нет согласия», людьми правят неверие и ненависть друг к другу. Грабовац писал о падении нравов в обществе [30].

Вторая часть книги имела историческую основу, охватывая «времена, народы и королевства». Она написана частично стихами, но преимущественно прозой. Основное место в ней заняла Далмация. Вместе с тем Грабовац отчетливо выразил хорватское самосознание. В центре его внимания были жизнь и судьба «рватов» (хорватов). В отношении языка автор отождествлял понятия «иллирский», «словиньский» и «рвацкий».

В этой части выделялось стихотворение «Слава Далмации», которое проникнуто любовью к родной земле. Автор, полный гордости за славное прошлое Далмации, выражал горечь по поводу ее упадка:

«Что так низко нынче пала,
В землю себя закопала?
Где твоя старая сила,
Которой столь в тебе было?
Изменники теперь тебя топчут.
То, чем была ты, не чтут» [31].

В другом стихотворении «О природе и нравах хорватов» Грабовац называл причины плачевного состояния народа и показывал путь выхода из него:

«Если б хорваты согласны были,
Горькой чаши бы не пили» [32].

Автор призывал к сплочению и единению хорватов, чтобы занять достойное положение.

inslav

Эти стихотворения Грабоваца, опередившие свое время, были на славянском юге первыми «будницами» – песнями с призывом к пробуждению народа.

С большой творческой силой будительско-патриотическую линию в хорватской литературе продолжил Андрия Качич Миошич (1704–1760). Он родился в селе Брист, расположенном близ францисканского монастыря Заострог, в приморье города Макарска, начальное образование получил в монастыре. В 1720 г. юноша принял монашеский постриг. Предположительно он получил философское и богословское образование в Буде.

С 1730 г. Качич Миошич в монашеском чине преподавал в философской школе в Шибенике, основанной в 1726 г., а с 1735 г. стал уже «lector generalis» в духовной семинарии того же города. По прошествии десяти лет он ушел в монастырь Сумартин на острове Брач, где в 1747 г. стал старейшиной. С 1750 г. Качич Миошич жил в Заостроге. За это время он совершил поездку в Венецию, где пробыл почти год, посетил Задар.

Францисканские монастыри, расположенные на границе Далмации с Боснией и Герцеговиной, были своего рода региональными социокультурными и военными центрами. Братию составляли выходцы из сел, говорившие на «боснийском языке» (штокавском диалекте), хорошо знакомые с жизнью аграрной части Далмации с ее традиционной народной культурой. Важно и то, что до 1735 г. Босния с Герцеговиной и Далмация входили в одну францисканскую провинцию и между монахами внутри нее поддерживались тесные связи. В Заостроге Качич Миошич и закончил свой жизненный путь [33].

В Заостроге Качич Миошич написал две книги на «боснийском языке» – «Приятный разговор славянского народа» (Венеция, 1756, второе расширенное издание – 1759) и «Кораблица» – ковчег (Венеция, 1760) [34].

«Разговор» – это хроника событий в стихах и прозе из истории хорватов, других славян, а также соседних народов. В первой части книги, где излагаются события с древних времен до падения Константинополя под натиском турок в

inslav

1453 г., преобладают прозаические тексты. Во второй части, посвященной истории до XVIII в., больше стихов. Качич Миошич следовал за Грабовацем и в изложении фактов, и в чередовании прозы и стихов. Но их разнило отношение к Венеции.

В предисловии «Любезному читателю» ко второму изданию «Разговора» Качич Миошич писал, что он черпал материал из книг латинских, итальянских и хорватских авторов, из различных песен, дипломов, постановлений венецианского дожа, аттестатов, а также свидетельств старцев, монахов и мирян [35].

Книга предназначалась «бедным земледельцам и пастухам славянского народа» [36].

В «Кораблице» Качич Миошич раскрыл состав «славянского народа». Это – «московы, поляки, амазоны, богемы, моравы, словаки, тоты, краньцы, истрияне, рваты, славонцы, сервияне, рашияне или сербы, валахи, молдавы, булгары, бошняки, далматины, верхние скендерцы и многие другие». К славянам автор относил древних иллирийцев, Александра Великого, императора Константина, Скандербега и др. [37].

Представления Качича Миошича о славянах были весьма туманными. Но одно в его сознании было непреложным – убежденность в древности, многочисленности и величии славян, давших миру знаменитых личностей. Книги Качича Миошича, проникнутые идеей общности славян, наиболее выразительно продолжили славянскую традицию в хорватской далматинской литературе в XVIII в.

Качич Миошич писал, что земли, в которых был распространен «славянский язык», простирались от латинского моря до ледяной Балтики. Автор подчеркивал «великолепие» и «величавость» славянского языка, так как, по его словам, он был дарован Богом, в то время как другие языки были составлены людьми. Писатель обращался к читателям с призывом не стыдиться говорить на своем «славном языке». А если кого спросят, какого он народа, продолжал автор, отвечай: «Я далматин, хорват, босняк или славянин» [38]. Но при всем своем славянском кругозоре Качич Миошич на практике дал в «Разговоре» поэтизированную историю прежде всего хорватов и других южных славян.

inslav

Францисканский монах, создавая свою книгу, преследовал три задачи. В предисловии к первому изданию «Брату читателю» он писал: «В естестве каждого человека – свой народ хвалить, возвышать и возвеличивать» [39]. Поэтому свою первую задачу автор видел в том, чтобы дать простым людям представление о славной истории своего народа. Качич Миошич хотел показать современникам подвиги их предков, чтобы гордиться ими. Наконец, он считал необходимым запечатлеть на века имена мудрых и справедливых властителей и храбрых юнаков [40]. Их подвиги должны были стать ориентиром для настоящего и будущих поколений.

При этом, зная о печальной участи Грабоваца (оба были связаны с Заострогом), Качич Миошич избегал критики венецианских властей. Наоборот, он восхвалял «светлого» дожа и «счастливое и райское существование» Далмации под крылом Венеции [41].

«Приятный разговор славянского народа» – книга особенная для своего времени. В предисловии к первому изданию Качич Миошич отмечал: «Бог дал нашему народу такой естественный разум, чтобы он то, что другие народы хранят в книгах, сохранял в уме», распевая песни о своих королях, банах, витязях и героях. Эти песни, продолжал автор, «хотя и не совсем истинные, тем не менее каждая содержит твердую основу правды» [42]. Исходя из факта широкого распространения на славянском юге народных песен – живой исторической памяти народа – и ощущая дух времени с его пробуждавшимся общественным интересом к народной поэзии, Качич Миошич талантливо изложил в своей книге исторические события в стилизованных стихотворениях «под эпос» на языке, близком к штокавской народной речи, включив в сборник и три подлинные народные песни. Тем самым он сделал свою книгу близкой и понятной простому человеку на славянском юге, а с другой стороны, подтвердил историческую основу народной поэзии.

Качич Миошич стремился глубже проникнуть в поэтику устного народного творчества. Все свои песни (кроме двух) он написал десятистопным стихом (десетерцем). Он заимствовал из фольклора постоянные эпитеты, устойчивые выра-

inslav

жения и даже целые стихи. Его песни были проникнуты народной интонацией. Сам автор выступил в образе старого певца Милована, который ходил с гуслями по пространству «от Скадара до Задара, от Мостара до Котара» и пел [43].

Качич Миошич изложил в стихах исторические факты, как он их представлял на основе литературы. Он не позволял себе фантазии и вымысла. Но это не лишало его песен поэтического вдохновения и чувства (например, «Песнь о короле Владимире»).

Главным предметом «Разговора» была история борьбы с турками. Герои Качича Миошича – «люди разного рода и занятий». Автор выразил свое кредо словами: «Все мы от одного отца и матери рождены» [44]. В этой позиции было недалеко до признания просветительского «естественного закона».

С момента выхода «Разговор» Качича Миошича был воспринят в Далмации как книга для чтения. Она пробуждала у читателей достоинство и чувство гордости за свой народ. Песни Качича Миошича с их героикой и народной стойкостью отвечали потребности людей в жизнеутверждающем слове.

В XVIII в. вышло четыре издания сборника. Он получил огромную популярность не только среди хорватов, но и шире – на славянском юге. Уже вскоре после публикации книга появилась в библиотеке иезуитской коллегии в Пожеге. Известный кайкавский комедиограф Тит Брезовачки отдал дань Качичу Миошичу, написав в его честь два стихотворения штокавским десетерцем.

Выдающийся сербский писатель-просветитель Досифей Обрадович признавался, что сочинения Качича Миошича придали ему уверенности писать на народном штокавском языке. В 1794 г. в сербской газете «Славено-сербския ведомости», выходившей в Вене, впервые у сербов было напечатано сочинение хорватского автора. Это была «Песнь Стефана II Немани, короля сербского» из книги Качича Миошича. Она получила распространение и у болгар, оказав влияние, в частности, на «Зографскую болгарскую историю». Сборник был известен Фортису. При этом он считал собранные в нем песни подлинно народными, а автора рассматривал как собирателя фольклора [45].

inslav

Сочинение Качича Миошича стало вкладом в расширение связей между южными славянами. Оно способствовало также укреплению славянского самосознания как духовного фактора в решении жизненных задач этих народов.

За свою историю книга выдержала 50 изданий. Она стала самой распространенной и читаемой у хорватов [46].

«Кораблица» Качича Миошича представляла хронику главных мировых событий от сотворения мира до 1760 г. с публицистическими вставками. Книга разделена на две части – до и после рождения Христа. Опираясь на Библию, автор использовал, по его словам, сочинения латинских, итальянских авторов, а также «Хронику» загребского историка П. Витезовича. Сочинение написано прозой на «боснийском языке». «Кораблица» стала историческим дополнением к «Приятному разговору славянского народа».

Францисканец Качич Миошич не мог не знать о литературной и церковно-просветительной деятельности собратьев по ордену в Боснии и Герцеговине. Они утверждали практику писания религиозно-дидактических книг и учебников на народном языке – боснийском штокавском диалекте, защищали хорватскую старину, поддерживали у населения любовь к родной земле [47]. Но литературная деятельность Качича Миошича, прежде всего его «Приятный разговор славянского народа», отличалась от творчества боснийских монахов, как отличалась от традиционного церковного просветительства в целом с его сосредоточенностью на церковном учении и житейской добродетели. Она представляла новое явление благодаря антиосманскому пафосу, вере в жизнестойкость народа и практической опоре на его духовную мощь.

В отличие от хорватской литературной практики XVI–XVII вв. у Качича Миошича был иной подход к народной поэзии. Он впервые увидел в устной культуре форму исторической памяти широких масс, а для себя – источник поэтического вдохновения. В центре внимания Качича Миошича были простые земледельцы и пастухи, у которых песня была неотъемлемой частью их жизни. На них был ориентирован в своем творчестве автор, к ним непосредственно он обращался, стремился быть

inslav

понятным простому человеку. Поэзия Качича Миошича была шагом на пути демократизации хорватской литературы.

Творчество Качича Миошича обострило в образованных кругах Далмации и Дубровника интерес к народным песням. Этому способствовало также издание Фортисом книги «Путешествие по Далмации». Описывая крестьянскую культуру, автор опубликовал в оригинале и итальянском переводе славянскую мусульманскую песню «Хасанагиница». В переводе И.В. Гёте она была включена И.Г. Гердером в собрание «Народные песни» (1778) и стала общепризнанным достоянием европейской культуры.

Внимание к этнографии и народному творчеству со стороны интеллигенции Далмации и Дубровника проявлялось в разных формах – в описании быта крестьян, подражании народным песням, собирании и публикации фольклора. Впервые записи текста и напевов двух рыбацких песен сделал в XVI в. поэт П. Гекторович. В рассматриваемое время в числе собирателей народных песен, не только текстов, но и мелодий, были в Дубровнике М. Бруеревич, священник Дж. Маттеи. Достоверные фольклорные записи оставил деятель культуры в Сплите Ю. Баямонти. Священник Дж. Ферич обращался к народным песням и пословицам, создавая на их основе сочинения на латинском языке, в частности басни (1794) [48]. Приобщение к фольклору, хотя в это время большей частью поверхностное, как явление литературной жизни Далмации и Дубровника стало одним из предвестников наступавших перемен в литературном процессе.

В Дубровнике интерес литераторов к устному народному творчеству сочетался с подражанием античному наследию. На традиции латинской дубровницкой поэзии налагался культ античности заявлявшего о себе классицизма. Хорошее знание греко-римских классиков давала образовательная программа иезуитской коллегии, где получали образование состоятельные молодые дубровчане. Поэтому не случайно в Дубровнике в XVIII в. наблюдалась «латинизация» литературного творчества. Местные писатели, в основном духовные лица, а также отдельные нобили – любители, пользовались латинским языком и античной стихотворной техникой.

inslav

Формы обращения дубровницких писателей к античному литературному наследию были разные. Поэты писали на латинском языке оригинальные послания, оды, элегии. Выше уже говорилось о своеобразном сочетании науки и поэтического мастерства в книгах Бошковича и Стая.

Большое место заняла переводческая деятельность с греческого языка на латинский. В вековых традициях латинского стихосложения знаток древностей иезуит Р. Кунич, дубровчанин, работавший в Риме, перевел «Илиаду» Гомера (Рим, 1776). Ему принадлежали также другие переводы с греческого языка и оригинальные стихотворения на латинском языке. Его ученик монах Б. Джаманич (Заманя) сделал перевод на латинский язык «Одиссеи»(1770) и других произведений греческих авторов. Он издал также несколько книг оригинальных стихотворений на латинском языке преимущественно моралистического содержания.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Дубровнике писательской деятельностью на латинском языке занимались вышеупомянутый Джуро Ферич (1739–1820) и Джоно Растич (1755–1815). В 1791 г. в Дубровнике вышла книга псалмов в переложении латинскими стихами гекзаметром Ферича. Интересуясь народным творчеством, он пытался соединить фольклорную традицию с латинизмом. Ферич издал на латинском языке гекзаметром книгу оригинальных стихов с описанием дубровницкого края (Дубровник, 1803). Он занимался также переводом с латинского на родной язык. На двух языках он опубликовал сборник сочинений римского баснописца Федра (Дубровник, 1813).

Растич, потомок родовитой дубровницкой фамилии, князь Республики, был разносторонне образованным человеком. Помимо литературы, он занимался геометрией и физикой, был известным юристом. В области литературы Растич был сатириком консервативных убеждений. Его сочинения на латинском языке посмертно издал Аппендини (Падуя, 1816).

На родной язык античных писателей (Анакреона, Овидия, Горация, Вергилия) переводили Й. Бетондич, Л. Бунич, Ф. Соркочевич. На рубеже веков в литературе Дубровника в духе вре-

inslav

мени, под влиянием итальянской культуры сложилась своеобразная школа классицизма на новолатинском языке [49].

Новым явлением в дубровницкой культуре XVIII в. было освоение французской литературы. Образованные дубровчане учили французский язык, но знакомились с французской культурой и опосредованно через Италию. Были сделаны переводы или переработки на родной язык почти всех комедий Ж.Б. Мольера, которые вошли в репертуар разных любительских театральных трупп.

В XVIII в. замедлились темпы развития и уменьшился объем литературы в Далмации и Дубровнике. Писательским творчеством занимались преимущественно представители католических орденов и немногие дворяне – любители. Но на этом тернистом пути были достигнуты важные рубежи: утвердились позиции новоштокавского диалекта в литературе, усилилась ее идейная патриотическая направленность с охватом простого народа, окрепла и обрела новые черты связь литературы с фольклором, началось ее приобщение, правда, через «латинизацию», к классицистическому направлению, расширились литературные связи с Западной Европой.

В XVIII в. изобразительное искусство в Далмации и Дубровнике носило провинциальный характер. Известная живописная школа в Дубровнике зачахла. Местные живописцы, лишенные полета мысли и воображения, трудились изолированно, выполняя мелкие заказы. Они испытывали влияние Венеции, чаще Южной Италии и Рима, но вносили в свои работы и особенности, порождаемые местными условиями. Потребности католической церкви и нобилей в произведениях искусства удовлетворяли большей частью венецианские мастера.

Наиболее известным местным художником, работавшим в стиле барокко, был в Дубровнике Петар Маттеи (1670–1726). Выходец из простонародья, он тем не менее получил образование в Венеции и Неаполе. Творческая атмосфера этих двух городов сказалась на его творчестве. Венецианский колорит и композиция сочетались в его работах с декоративностью неаполитанского барокко.

inslav

На исходе века в Дубровнике трудились два художника, осваивавшие новую стилистику. Петар Катушич (1767–1788), простолюдин, благодаря городской стипендии, полученной по рекомендации Стая, учился в Риме у известного художника А. Марони, приверженца классицизма. Не завершив учебу, он по болезни вынужден был вернуться на родину, где вскоре умер. Катушич за свою недолгую жизнь написал с натуры портреты Стая, Кунича и Замани, заложив основы отечественной школы портрета. Но они не сохранились.

Портретную практику Катушича продолжил Рафо Мартини (1771–1846). Он родился в Дубровнике, на стипендию, как и его предшественник, получил художественное образование в Италии, обучаясь в мастерской Марони. Он также в Риме заболел, вернулся раньше времени в Дубровник, но все же затем продолжил учебу, покинув Рим окончательно в 1795 г. Некоторое время Мартини преподавал рисование в новом дубровницком лицее, с 1821 г. служил «подинспектором» отдела древностей Солина при основанном Археологическом музее в Сплите. Мартини окончил свой век в Дубровнике. Он создал портреты Растича, Аппендини, Казначича и других видных современников. Но из его творческого наследия остались лишь единичные работы. По косвенным данным хорватские исследователи установили, что Катушич и Мартини эстетически развивались в классицистическом направлении [50]. Оба художника работали в портретном жанре, проявляя в поисках модели интерес к творческой личности.

В области музыкальной культуры выделялся Дубровник. На протяжении столетия здесь выросло число музыкантов. Сюда приезжали исполнители из разных городов Италии, Германии, Греции. Они обзаводились семьями и оседали в Республике. Были и местные профессиональные музыканты. На исходе столетия в Дубровнике протекала кипучая музыкальная жизнь.

На профессиональной основе были организованы оркестры князя Республики – духовой состав исполнял большей частью марши, сопровождая выходы князя, и основной оркестр с разнообразным репертуаром. В 1774–1777 гг. по решению Малого совета он дважды в месяц выступал с кон-

inslav

цертами, в программе которых были сложные инструментальные композиции. Музыкальные инструменты приобретались большей частью в Италии (Венеция, Неаполь).

В Дубровнике поддерживалась традиция театральной музыки. В представления включались музыкальные интермедии. В их исполнении принимали участие местные любители и дубровницкий оркестр. Отдельные музыкальные номера получали самостоятельную жизнь и исполнялись горожанами при разных случаях. Власти направляли талантливых молодых людей в Неаполь на учебу в консерватории. В 1794 г. в Дубровнике итальянские труппы исполнили первые оперы [51].

В музыкальной культуре Дубровника важные позиции занимала католическая церковь. Кафедральный собор имел свой оркестр, капельмейстера и постоянного органиста. Но все же центром духовной музыки в Дубровнике всегда был францисканский монастырь Малой братии. Большое число монахов здесь занимались не только вокалом, но и игрой на музыкальных инструментах. В монастырской церкви постоянно были два органа, воздвигнутых венецианскими мастерами. Духовная музыка сопровождала литургию, церковные обряды и исполнялась в других случаях [52].

Помимо публичных мест, светских и церковных, музыка звучала в домах состоятельных дубровчан, особенно по праздникам. В домашнем музицировании практиковались светские виды вокального и инструментального искусства.

Высоким профессионализмом было отмечено творчество талантливых композиторов Луки Соркочевича Сорго (1734–1789) и его сына. Они принадлежали к дубровницкому патрициату. В родном городе Л. Соркочевич провел большую часть жизни, занимая государственные должности. С дипломатическими поручениями он много ездил по Европе. Музыкальное образование Л. Соркочевич получил, вероятно, в Дубровнике и Риме. Он стал первым хорватским светским композитором, автором семи небольших симфоний. Ему принадлежали также вокальные и инструментальные произведения, в том числе сольные сонаты, характерные как жанр для классицизма [53].

Антун Соркочевич (Дубровник,1775 – Париж,1841) был высокообразованным человеком, занимался политикой, ув-

inslav

лекался историей, изучал естественные науки, знал несколько европейских языков. В 1794 г. он был избран в Большой совет Республики и стал последним посланником Дубровника в Париже. Жизнь в культурном центре Европы сделала его большим поклонником французской литературы, изобразительного искусства и науки.

А. Соркочевич написал четыре симфонии, несколько камерных сочинений, а также ряд церковных композиций. Творчество А. Соркочевича соединило хорватскую музыкальную культуру XVIII и XIX вв. [54].

В Дубровнике трудились на профессиональной основе выходцы из Италии – капельмейстеры, органисты и композиторы.

В Далмации музыкальная жизнь была наиболее развита в Сплите, Шибенике и Хваре. В Сплите средоточием духовной музыки был кафедральный собор. С ним была связана деятельность большинства музыкантов. Еще в XVI–XVII вв. в соборе были сооружены органы. Церковное пение здесь с давних времен было столь профессиональным, что служило примером для певческого искусства в других далматинских городах.

В XVIII в. в Сплите устраивались также светские музыкальные мероприятия. Обычно они состояли в исполнении религиозных песнопений и инструментальных произведений. Однажды была исполнена оратория композитора Ю. Баямонти, написанная по типу барочной мелодрамы. Случалось местные дилетанты – дворяне и горожане – ставили целые оперы. Такие любительские музыкальные коллективы существовали и в других городах провинции [55].

Со Сплитом было связано творчество яркого деятеля хорватской культуры Юлие Баямонти (Сплит, 1744 – Сплит, 1800). Это была увлекающаяся личность с неуемной жаждой знаний и деятельности. По окончании семинарии в Сплите он получил медицинское образование в Падуанском университете. В 40 с лишним лет Баямонти переселился на остров Хвар, где получил должность коммунального врача. Он сочетал врачебную практику с работой органиста в местном кафедральном соборе, с занятиями литературой, историей, археологией, философией, математикой, метеорологией и другими предметами. Баямонти писал стихи на итальянском и

inslav

латинском языках. Кроме них, он владел немецким и французским, отчасти английским и греческим языками.

В 1790 г. Баямонти вернулся в Сплит. Здесь он, частный врач, был одновременно дирижером и руководителем хора в кафедральном соборе, создавал музыку, написал около 140 музыкальных сочинений, большей частью церковных и полуцерковных. Некоторые из них были весьма обширными. Композитор выступил автором почти 50 мотетов (хоровых произведений), осваивая утонченное итальянское хоровое мастерство. Среди его светских сочинений были мадригалы, арии, хоры, симфония. Баямонти выступил в числе первых собирателей народных напевов в Далмации. Он оставил после себя также незавершенный музыкальный словарь.

Деятель культуры активно участвовал в театральной и концертной жизни Сплита. В 1793 г. композитор и местные любители устроили в городе благотворительную акцию в пользу бедных.

Баямонти был известен и пользовался признанием в Далмации и вне ее. Ему не хватало свежей струи в духовной атмосфере Сплита, и он находил отдушину в живой переписке с видными учеными и деятелями художественной культуры Задара, Дубровника, Венеции и пр. Хорватский деятель сопровождал Фортиса в его поездке по Далмации [56].

По широте интересов и образу деятельности Баямонти был близок к ренессансному типу личности. И в то же время он испытывал духовные искания художника своего столетия.

Важным культурно-художественным центром в Далмации был Хвар. До 1774 г. здесь зимовал венецианский флот, затем власти перевели его в Боку Которскую. Пребывание флота в значительной мере обеспечивало материальное благополучие города. А присутствие здесь епископской кафедры поднимало его духовный авторитет. Местные властели и горожане отличались гуманистической культурой.

Хвар издавна славился своими пышными церковными мистериями. Они появились у хорватов еще в XV в. под влиянием Италии. В мистериях разыгрывались религиозные сцены в форме простой, невысокой поэзии. В них включались музыкальные номера. Некоторые мистерии целиком были в вокальном исполнении, превращаясь таким образом в музыкально-

inslav

драматические оратории. Эта традиция продолжалась в XVIII в., перешагнув хронологический рубеж и XIX столетия [57].

В Далмации трудились композиторы и музыканты П. Кнежевич, А. Альберти, Б. Пеллинари, Й. Рафаелли, М. Стратико и др. Они сочетали игру на скрипке с сочинительством церковных и светских произведений. В Далмации и далеко за ее пределами пользовался известностью конструктор органов Петар Накич. Он создал около 500 этих инструментов [58].

Хорватская духовная музыка в Далмации еще в XVII в. достигла вершины своего развития. В XVIII в. появились крупные имена светских композиторов и музыкантов, расширилась сфера присутствия светской музыки, родились музыкальные жанры, характерные для классицизма. Отныне именно с этим направлением в первую очередь было связано обогащение хорватской музыкальной культуры.

Тесно связан был с музыкальной культурой театр. Особенностью развития сценического искусства в Далмации было отсутствие школьного театра. И представления в городах носили как правило общедоступный характер. Еще в XVII в. в ряде городов появились постоянные сцены для выступлений временных любительских трупп. Эта тенденция нарастала в XVIII в.

В 1770 г. в Сплите было обновлено помещение, предназначавшееся исключительно для сценических постановок. Локальными центрами театральной культуры были Шибеник, Трогир и Хвар. В Шибенике представления давались в здании княжеской резиденции. Настоящие театральные торжества периодически устраивались на Хваре, где еще в XVII в. театр постоянно расположился в надстройке арсенала. Репертуар любительских представлений составляли небольшое число переводных пьес преимущественно итальянских драматургов (мелодрамы С. Маффеи и П. Метастазио, комедии К. Гольдони) [59].

Но главные события театральной жизни Далмации развернулись в Задаре. Здесь для представлений был отведен зал в княжеском дворце. Эти мероприятия носили торжественный характер. На них присутствовали городские чины со своими свитами, как, впрочем, и остальные горожане.

В 1784 г. в далматинской столице был открыт постоянный общедоступный театр. Здание для него было построено

inslav

на пожертвования дворянских семей. Задарский театр был организован на профессиональной основе. Руководство им осуществляли директор и несколько импрессарио, в ведении которых были кадровая политика, репертуар, реквизиты, костюмы и пр. Уже в 1788 г. был приглашен из Италии профессор музыки, который тотчас основал музыкальную школу игры на скрипке с целью создания театрального оркестра. Тогда же были ангажированы в Италии еще несколько профессиональных музыкантов, артистов и танцовщиков. Этого было достаточно, чтобы театр давал регулярно несколько представлений в год. Его профессионализация требовала качественного репертуара, который составляли многочисленные драмы, комедии и оперы. Особой популярностью у публики пользовалась опера-буфф итальянских композиторов. Первый профессиональный общедоступный театр в Задаре представлял новое явление в истории хорватской сценической культуры [60].

В первой половине XVIII в. в хорватскую культуру южных земель началось проникновение французского влияния. Это было особенно заметно в Дубровнике. Нобили и состоятельные горожане прониклись французской модой, усиленно учили французский язык. Всеобщая галломания сказалась и на театральной жизни города.

С конца XVII в. сценические представления в Дубровнике проходили на постоянной сцене – в переоборудованном помещении арсенала. Театр получил название Орсан. Здесь он функционировал до 1817 г., когда арсенал сгорел. Исполнителями сценических действий были разные любительские труппы, местные, а в XVIII в. и итальянские. Репертуар составляли пьесы местных авторов. Последними комедиографами в Республике, писавшими на родном языке, были Ф. Путица, М. Бруеревич и В. Стулич (Стулли). Но их пьесы ставились мало. В основном преобладали переводные комедии, прежде всего французские. Петар Бошкович, брат известного ученого, перевел трагедию «Сид» П. Корнеля, представителя французского классицизма XVII в. Но поистине господствовали на дубровницкой сцене социально-бытовые комедии Ж.Б. Мольера. Из 34 сочинений французского ко-

inslav

медиографа были переведены и поставлены 24. Они пользовались большим успехом у публики, которую составляли представители всех слоев городского населения.

Популярность Мольера среди дубровчан объяснялась в немалой степени особенностями литературного перевода и постановок его комедий. Переводчиками выступали главным образом молодые нобили. Пьесы французского автора переводились как правило в прозе. При этом хорватские литераторы обращались с оригиналом очень свободно, используя его в качестве основы и приспосабливая содержание к реалиям дубровницкой жизни. Переводчики переносили место действия в свой город, давали хорватские имена персонажам, меняли события, вводили колоритные мотивы. Приемы адаптации и локализации пьес Мольера сочетались с простым разговорным языком действующих лиц. Ситуации и персонажи становились узнаваемы для публики. В сценическую жизнь комедий вносились хорошо известные приемы: куплеты, танцевальные номера с музыкальным сопровождением, элементы комедии дель арте с ее масками, импровизацией и буффонадой. Все это делало представления более зрелищными и развлекательными [61].

В первой половине XVIII в. в силу количественного и качественного снижения дубровницкой литературы, повышения театральных запросов местной образованной публики и усиления культурного влияния Западной Европы на дубровницкой сцене возобладали образцы мировой драматургии – комедии Мольера, которые в облегченном виде как нельзя лучше отвечали задачам местного театра, дидактического и развлекательного. Опыт обработки Мольера в соответствии с местными общественными условиями в рассматриваемое время и позднее имел место в театральных культурах и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы [62].

Освоение творчества Мольера дубровницким театром способствовало его эстетическому развитию, воспитанию вкуса публики, упрочению литературного языка на штокавской основе. Но преобладание комедий Мольера в местном театре не привело к глубокому воздействию Франции на ма-

inslav

лочисленных нобилей, которые еще играли в Республике главную общественную роль.

Во второй половине XVIII в. в Дубровнике и далматинских городах стали появляться профессиональные труппы из Италии. С 1778 г. эти приезды получили регулярный характер. Гастролеры ставили драматические спектакли, главным образом мелодраму (П. Метастазио), а также оперу-буфф на итальянском языке. В конце столетия после тридцатилетнего перерыва в Дубровнике вновь возродился интерес, не без влияния внешней обстановки, к переводной французской комедии [63]. Все это расширяло рамки сценического искусства на хорватском юге. Но на пороге XIX в. перед театром вставали уже иные задачи.

XVIII век в истории далматинской и дубровницкой архитектуры стал временем барокко. Но условия для его развития, особенно в Далмации, не были благоприятными. Прежде всего этот стиль требовал высокопрофессиональных архитекторов и строителей. В Далмации же, как правило, строительные навыки передавались из поколения в поколение в рамках местных семейных мастерских. Сооружение барочных зданий было связано с большими материальными затратами, это при оскудении приморских городов превращалось для потенциальных заказчиков – дворян и горожан – в серьезную проблему. Наконец, барокко предполагало наличие свободного для строительства пространства, что в скученных средневекового типа городах сложно было найти. Поэтому в Далмации, особенно в первой половине XVIII в., строительные работы сводились к поправке фортификационных сооружений, возведению небольших церквей, реставрации, достройке или частичной перестройке старых городских зданий.

В Далмацию барокко пришло из Италии. Его принесли главным образом венецианские и римские зодчие. Местные мастера учились на практике у них и, как умели и могли, вникали в сущность нового стиля, хотя так и не смогли его понять до конца. Жизненные обстоятельства определили особенности барокко в архитектурном облике далматинских приморских городов. Оно практически не проявлялось самостоятельно, но налагалось, переплеталось, сосуществовало с

inslav

более ранними стилями. За плечами местных мастеров были устойчивое совершенство романского, готического и ренессансного строительства и богатый опыт династий, что затрудняло разрыв с традицией и переход к новой архитектурной концепции.

В XVIII в. пользовались известностью семейные архитектурно-строительные мастерские Скоко, Форетичей и Макановичей. Местные зодчие работали в основном в церковном строительстве, решая ограниченные архитектурные задачи и возводя скромные культовые и жилые здания. Они сводили освоение нового стиля к внешним деталям или нагромождению украшений. Это не исключало, однако, проявления у наиболее талантливых мастеров хорошего вкуса, устойчивого чувства гармонии и пропорции, умения формировать небольшое городское пространство.

Богатые заказчики видели скромные возможности местных строителей и для решения крупных проектов стремились привлекать иностранных архитекторов. Их услуги стоили дорого, поэтому далматинским заказчикам приходилось довольствоваться зодчими «средней руки». Итальянским архитекторам, последовательно следовавшим принципам барочной эстетики, принадлежали самые репрезентативные, монументальные сооружения в городах Далмации. Свободно владея приемами барокко, они умело использовали их и при реставрации зданий прошлых времен [64].

Из крупных сооружений в это время был построен кафедральный собор в городе Макарска, подверглись обновлению церкви в Задаре и Шибенике, возводились и перестраивались колокольни. Городская архитектура включила несколько больших объектов военного и торгового назначения (арсеналы, лазареты * и пр.). Строительство и ремонт защитных сооружений в далматинских городах проводились под руководством венецианских военных инженеров, но при участии местных строителей [65].

* Помещения, где пережидали карантин от чумы люди, скот и товары, прибывавшие из Османской империи.

inslav

В XVIII в. в Сплите еще достраивался большой дворец Циндро, в архитектуре которого сочетались позднеренессансные черты венецианских зданий и барокко. Поворот к новым приемам виден в доминирующих трифориях на втором и третьем этажах по центральной оси здания, в мотиве балконов с каменной оградой, характерной мансарде. Красива была палата семьи Грисогоно с выдвинутыми балконами, встроенная между арками на площади Диоклетианового Перистила. Одним из красивейших в Далмации был сплитский дом семьи Милеси, строительство которого было также завершено в XVIII в. Эта семья до конца века принадлежала к низшему слою городского населения, а затем получила дворянство. Фасад дома, расчлененный большим продольным балконом на втором этаже, имел ряд окон с маленькими балконами, украшенными барочной оградой.

Сущность барокко в архитектуре составляла новая концепция пространства и включения строения в ближайшую среду. Из нее проистекали все остальные главные черты стиля. В архитектуре выразительно проявлялись отход от плоскостности стены, расчлененность поверхности фасада, выделение центральной оси здания. К числу важнейших признаков барокко относились порталы с треугольным фронтоном, который раздвигался на две части и в образовавшемся проеме помещалась скульптура ангела или святого – защитника в плаще с играющими складками. Принадлежностью барокко были длинные балконы с каменной оградой, мансарды, многочисленные окна, соединенные попарно или трифории, наконец, буйный декор, элементами которого все еще оставались розетки в виде каменного кружева и все чаще становились кудрявые головки ангелов.

Колокольни возводились с открытыми проемами, создающими контрастную игру света и тени, иногда они имели завершение в форме луковицы. В фортификации элементы барокко присутствовали в устройстве и орнаментации ворот и окон.

В интерьере новый стиль давал о себе знать в функциональном распределении пространства, размещении внутренних лестниц, освещенности помещения через большие окна, в церквах – в подчеркнутом выделении главного алтаря [66].

inslav

Городской пейзаж создавали не только монументальные здания, но и многочисленные небольшие каменные и даже деревянные дома мелких торговцев, ремесленников, рыбаков, крестьян. Атмосфера барокко сказалась и на этих скромных постройках. В рассматриваемое время сложился тип каменного дома с небольшой внешней лестницей в несколько ступенек, помещением для проживания, кухней и погребом. Этот тип складного и удобного дома получил распространение во всей провинции. Он хорошо гармонировал с окружающей средой [67].

Чем дальше располагались населенные пункты от приморских городов в глубь континентальной Далмации, тем устойчивее было присутствие в архитектуре церквей и жилых строений приемов и форм предыдущих времен, но и здесь на фасадах зданий угадывались элементы украшений в духе провинциального барокко.

В городской архитектуре Далмации господствовал эклектизм – поверхностное наложение барочных приемов на романскую и готическую основу. При этом далматинское барокко, сочетаясь с ушедшими стилями, отражало более продвинутое понимание задач зодчества Оно было призвано ответить на возросшие потребности человека в комфорте жизни (пространство, функциональность жилья, освещенность, нарядность и пр.).

В отличие от Далмации, в Дубровнике барокко в архитектуре выступало в более чистом виде. Это объяснялось наличием свободного пространства в городе после разрушительного землетрясения и многодневного пожара в 1667 г., практически уничтоживших город, и притоком благодаря исключительной торговой конъюнктуре больших денег в руки местных судовладельцев, торговцев и дворян. В таких условиях итальянские зодчие получили широкие возможности для своей деятельности.

При восстановлении Дубровника власти стремились сохранить его старую планировку. Знаменитые стены города, памятник европейской фортификационной архитектуры Средневековья, выдержали удары подземной стихии при небольших разрушениях. Их ремонт проводился с учетом новых веяний.

inslav

Ускоренная застройка главной улицы города Страдуна проходила однотипными домами. Это были трехэтажные здания, на первом этаже которых размещались лавки, а два верхних этажа предназначались для жилья. Плоскостной фасад украшали окна с нарядными наличниками по 3–4 на каждом этаже. Вход был сбоку. Архитектурный облик таких домов был незатейливым, но легким и элегантным [68].

Вершины барочная архитектура в Дубровнике достигла в храмовых сооружениях. Власти Республики возложили задачу восстановления кафедрального собора в городе на уроженца Дубровника Степана Градича (1613–1673). Это был историк, поэт, дипломат. Он много лет прожил в Риме, служил хранителем, а затем управляющим библиотеки в Ватикане и выполнял обязанности неофициального посланника Республики Св. Влаха при папском дворе [69].

Градич выступил идейным вдохновителем проекта. Он представлял римскую церковную строительную концепцию своего времени, которую считал продолжением ренессансной архитектурной традиции. По его рекомендации проект разработал итальянский архитектор Андреа Буффалини. В самом Дубровнике строительством руководили, сменяя друг друга, ряд итальянских архитекторов, а на завершающей стадии местный зодчий И. Катичич. Строительство началось в 1673 г., а освящение собора состоялось в 1713 г. Это монументальное и гармоничное здание стало типичным памятником высокого римского барокко на хорватском юге.

К монументальным архитектурным сооружениям в стиле барокко относились еще два храма в Дубровнике. В 1699–1725 гг. была построена иезуитская церковь по проекту видного архитектора ордена Игнацио Поццо. С 1706 г. почти 10 лет велось строительство церкви Св. Влаха, духовного покровителя города. Она стала творческим достижением венецианского зодчего и скульптора Марино Гропелли. Ему принадлежали и другие работы в городе.

В комплекс крупных сооружений в Дубровнике, отвечавших барочной эстетике, входила большая лестница. Ее спроектировал в 1738 г. римский архитектор Пиетро Пасса-

inslav

лаква. Прообразом для нее послужила знаменитая лестница в Риме, вознесшаяся от Испанской площади [70].

Архитектура Дубровника освоила объемно-пространственные сооружения при главенстве храмов и новые принципы градостроительной целостности.

Городки в Боке Которской, бухте на юге Адриатического моря, в свою очередь застраивались домами с архитектурными мотивами барокко. Эта территория, где проживали сербы и хорваты, также находилась в составе венецианского государства.

В силу отсутствия крупных заказов в Далмации сворачивалась деятельность некогда процветавших мастерских резьбы по камню. Изделия местных мастеров, работавших в основном для церкви, уступали готовым произведениям из мрамора, во множестве ввозимым из Венеции. Зато переживала расцвет резьба по дереву. Из местных мастеров талантливым резчиком был Ф. Бакотич. Работы в стиле барокко украшали алтарь церкви Св. Андрии на острове Раб (1765), интерьер собора на острове Корчула. Здесь в 1795–1796 гг. работал местный мастер В. Тирони с острова Брач, создавший резные скамьи и богато украшенную кафедру. В Далмации успешно трудились резчики по дереву иностранного происхождения, оставившие высокохудожественные барочные алтари со скульптурами [71].

В результате ограничительной политики венецианских властей в Далмации не сложилась система образования. Начальное обучение дети и подростки из состоятельных семей в приморских городах получали с помощью пришлых учителей, прежде всего из Италии. Коммуны оплачивали их труд. Кроме светских учителей, начальную грамотность давали своего рода школы при католических монастырях и приходах. Здесь дети, в том числе из ближайших сел, бесплатно обучались чтению и письму. В Далмации действовали кратковременно разного рода небольшие частные школы. Так было на острове Крк, в Подгоре близ города Макарска, в Нине.

Подготовка священников для службы на латинском языке проводилась с 1700 г. в семинарии Сплита. В ней учились и миряне. В 1712 г. в семинарии насчитывалось 60 учеников, в том числе 24 клирика и 36 мирян. Сюда съезжа-

inslav

лась молодежь из всех далматинских городов. Возможно, некоторые прелаты за свой счет открывали небольшие школы, где готовились молодые кадры церковнослужителей. Но все это было недостаточно для обеспечения местной католической церкви образованным духовенством.

Глаголическое духовенства получало образование отдельно. Молодежь обычно обучалась в селах у священников. Отношение к глаголице и священникам – глаголяшам было в определенной мере проявлением родолюбия в то время. Писатель М.А. Кухачевич критиковал жителей родного Сеня за отречение от старых обычаев – глаголической традиции. Ее защитником выступал церковный деятель и плодовитый писатель В. Змаевич из Пераста в Боке Которской. Будучи задарским архиепископом, он основал в городе семинарию для воспитания молодых глаголяшей. Но глаголическая традиция исторически себя изживала [72].

Мирская молодежь для получения высшего образования отправлялась учиться в университеты Венеции и Падуи. Молодые люди изучали здесь право, медицину и, возможно, технику. Но для поступления в падуанский университет требовалось отличное знание латинского языка, что представляло для далматинцев большую трудность в силу отсутствия на родине средних школ с классическим в то время образованием. Поэтому получило распространение среди далматинской молодежи так называемое «заочное» обучение, когда юноши проходили предметы самостоятельно дома, а затем сдавали экзамены в каком-нибудь венецианском университете. Но такого рода образование в глазах общества имело невысокую цену. В свою очередь получившие знания выпускники нередко оставались в городах Венецианской республики. Духовные особы высшее теологическое образование получали в Италии (Лоретто и Рим).

В 1759 г. в Вероне открылась военная школа, где многие юноши из Далмации обучались военному делу. В 1781 г. в связи с растущими потребностями Венеции в офицерах была основана по образцу веронской военная школа и в Задаре. Первые два года кадеты изучали здесь арифметику, геометрию и военное строительство, а с 1783 г., кроме того,

inslav

черчение, тактику, итальянский и хорватский языки. Теоретические предметы подкреплялись практикой военного дела. Школа работала очень успешно. Это было первое профессиональное учебное заведение в Далмации [73]. В Дубровнике действовала иезуитская школа.

В рассматриваемое время произошли сдвиги в сфере хранения и распространения культурных ценностей. В начале XVIII в. в Сплите появилась первая в Далмации публичная библиотека. При многих монастырях и капитулах существовали книгохранилища, фондами которых пользовались члены обителей. Многие представители интеллигенции – учителя, юристы, врачи, а также епископы и священники имели частные библиотеки, которые часто насчитывали по несколько сот церковных и светских книг на латинском, итальянском и французском языках. Дворянские семьи приобретали целые комплекты Французской энциклопедии и другие сочинения французских энциклопедистов и приверженцев рационалистической философии [74]. Это было в русле общественного интереса к Франции как следствия моды, но и, возможно, духовного обновления. В целом, расширение сети библиотек разного рода в Далмации отражало повышение общего культурного уровня грамотной части населения.

Первая типография на хорватском юге появилась в 1783 г. в Дубровнике. Лишь в 1792 г. венецианским типографом Боболином было основано печатное заведение в Далмации. Венецианские власти не разрешали ранее создание типографии в этой провинции прежде всего из экономических соображений, чтобы сохранить типографам Венеции хорошие заработки, которые они получали от издания многочисленных книг далматинских авторов. Кроме того, монополия Венеции на выпуск книг облегчала центральной власти цензуру далматинских изданий, так как без государственного разрешения ни одна книга в Республике Св. Марка не могла выйти в свет [75]. Появление типографии в Далмации было важным условием для развития литературы в провинции. Оно изменило ситуацию и на книжном рынке.

На протяжении ряда столетий Венеция была самым важным типографским и книготорговым центром для Дал-

inslav

мации. Незадолго до конца столетия в некоторых городах провинции появились свои книжные лавки. Одни торговали смешанным товаром, другие специализировались на продаже книг. В Задаре, например, работали две книжные лавки, принадлежавшие выходцам из Венеции Баттаре и Риболини. Последний продавал даже запрещенные книги [76]. Это была приближенная к потребителю форма распространения книжной продукции. Вместе с тем книжные лавки, как и публичная библиотека, служили местом встреч и дискуссий образованных людей.

Еще в начале XVII в. власти основали в Задаре первый провинциальный («государственный») архив – хранилище документов, который действовал до конца венецианского господства. В нем работал архивариус, который обеспечивал хранение документов и за установленную плату выдавал их дубликаты. Должность эта была выборная и хорошо оплачиваемая. В архиве была проведена инвентаризация документов и составлена систематизированная опись фондов, которая больше являлась имущественной книгой, нежели информационным средством.

В Задаре действовал коммунальный архив при княжеской канцелярии, основанный за счет города. В нем хранились документы, которые не использовались в каждодневной оперативной работе. Это были не только официальные материалы, но и частные, принадлежавшие наиболее видным городским семьям.

В Задаре архивная служба включала, наконец, хранилище документов по пограничным вопросам.

Коммуна Сплита, как и менее значительные административные единицы провинции (Лошинь, Крк, Книн) имела свои архивы, в которых хранились местные материалы. В Дубровнике архивные собрания документов возникли еще в средневековье [77].

Налаживание и функционирование архивного дела в Далмации отражало осознание в обществе важности сохранявшихся бумаг, их значения и роли. Архивы входили в систему культурных ценностей Далмации.

Как и в XVII в., в прибрежных городах Далмации и Дубровнике писатели и ученые группировались в академиях, од-

inslav

ни из которых были недолговечны, другие существовали длительный срок. В Сплите с 1704 г. некоторое время действовала «Иллирская (словинская) академия». Ее члены ставили задачу развития родного языка и помощи в издании книг на нем. Наиболее авторитетным членом этого общества был поэт Е. Каванин. В 1752 г. в Задаре на смену старым академиям возникло обновленное объединение интеллигенции, которое, однако, вело тусклое существование. В таком же положении находилась старая академия в Дубровнике. Тогда вокруг поэта Иг. Джурджевича образовалась Иллирская академия, а около Ф. Геталдича – Академия сверчков. Последняя академия старого типа была основана в 1802 г. А. Казначичем. Члены этих академий читали на заседаниях свои стихотворные произведения и обсуждали вопросы литературы [78].

Во второй половине XVIII в. в Далмации появились академии, преследовавшие практические хозяйственные цели. В 1767 г. в Сплите была основана «Сельскохозяйственная академия», переименованная в 1774 г. в Экономическое общество. Ее члены занимались изучением новых методов работы в сельском хозяйстве, рыболовстве, ремесле и торговле для их применения в Далмации. Общество имело опытный сад, где осваивались новшества. В 1781 г. сплитская академия провела акцию по обучению грамоте крестьян околицы, чтобы они могли пользоваться печатными рекомендациями по рациональному ведению домашнего хозяйства и земледелия. Несколько позднее опыт работы этой академии использовала аграрная академия в Трогире. В 1787 г. в столице Далмации была основана Академия экономико-литературная, которая занималась вопросами развития литературы и хозяйства. В эти же годы в Задаре работала и чисто литературная академия [79].

С середины XVIII в. в Далмации стали возникать казино, которые вскоре превратились в культурно-просветительные клубы. Первое из них было основано в 1753 г. в Задаре. Оно стало местом сбора и общения местной интеллигенции. В Шибенике подобное заведение появилось в 1775 г. В это же время было открыто казино и в Сплите, где его члены собирались для чтения и обсуждения высокой литературы. Казино работали в Трогире и Паге. Большинство этих заведений,

inslav

которые посещали представители высших и средних слоев городского общества, были хорошо организованы [80]. Это была новая форма общественной жизни. В ней сочетались интенсивная литературная деятельность, развлечения, но и азартные игры.

Повседневная жизнь горожан в приморских коммунах Далмации протекала привычным образом и с новыми явлениями.

Сами города во многом сохраняли средневековый уклад. Улицы были узкими, что затрудняло проход горожан. Только в Задаре имелась главная относительно широкая улица, по которой могла пройти повозка. Во многих городах (так было и в Венеции) вдоль улиц были вырыты канавы для сбора мусора. Стоял смрад, а дорога покрывалась нечистотами.

В 1785 г. в Задаре была организована служба, которая на профессиональной основе должна была обеспечивать чистоту городских улиц. Были запрещены проезд повозок по главной улице и прогон скота. В начале 1797 г. генеральный провидур провинции запретил под угрозой денежного штрафа выброс отбросов на улицу и обязал собственников домов и лавок содержать в чистоте прилегающую к ним территорию. Материальные расходы по поддержанию чистоты в городе были возложены на самих горожан [81].

Во второй половине XVIII в. в облике и жизни городов появилось такое новшество, как ночное освещение улиц. В Задаре оно было введено в 1771 г., раньше, чем во многих крупных западноевропейских городах. Затраты на эту коммунальную услугу покрывали горожане. В 1792 г. была организована «ночная полиция», которая следила за порядком на слабо – или вовсе неосвещенных улицах. В 1797 г. в Задаре было установлено 63 фонаря, что стоило горожанам 5000 лир ежегодно. Освещенность города при этом значительно улучшилась. На исходе века ночное освещение было организовано в Шибенике, а, возможно, также в Сплите и Трогире. Облик далматинских городов обретал более цивилизованный вид. Бичом скученных далматинских городов, где значительную часть жилого фонда составляли деревянные постройки, были пожары. В 1772 г. властями было издано распоряжение

inslav

о превентивных мерах по предупреждению пожаров и их быстрой ликвидации. Зарождалась пожарная служба [82].

В Далмации не существовало гостиниц или постоялых дворов. Лишь к 70-м годам XVIII в. в Задаре и Сплите появилось несколько трактиров, где офицеры и иностранцы могли получить еду. Но для загорцев, которые в большие праздники посещали города, здесь открывались корчмы, в которых продавались вино и печеное мясо [83].

Устоявшимися формами отдыха и развлечений горожан, а также празднеств были церковные и официальные церемонии. Помимо торжественной литургии особое внимание горожан привлекали церковные процессии. Это было красочное зрелище, собиравшее население целого города. Такие процессии устраивались для прославления святых, но иногда и «по случаю», например с мольбой о дожде.

В Дубровнике особенно популярным был праздник Св. Влаха. Он отмечался пышно и шумно. Активное участие в торжествах принимали музыканты, которые были на службе у городских властей. Атмосферу наполняли звуки органов, инструментальной музыки, монашеских хоров. Праздничные торжества перерастали в народные гуляния [84].

Обычную размеренную жизнь Сплита оживляли официальные церемонии. Например, торжественное посещение князем архиепископа по случаю занятия им кафедры и ответный визит прелата или обмен визитами князя и капитана галеры по прибытии ее в Сплит. Торжества в сплитской гавани сопровождались салютом, пением гимна, наплывом разношерстной публики.

Расширились виды развлечений городского населения. Выше уже говорилось о популярности театральных представлений и музыкальных вечеров. Они были событием как для устроителей и исполнителей, так и для простых горожан. При этом в области сценического искусства видные дворяне и торговцы проявляли высокий вкус. Они развлекались также на маскарадах. В конце столетия в Сплите и, возможно, в Задаре устраивались балы. Все большую популярность среди зажиточной части населения получали общественные лотереи [85]. Публичные развлечения не только удовлетворяли воз-

inslav

росшие потребности горожан в отдыхе, но и расширяли круг общения их между собой.

Важной формой проведения городским населением досуга были спортивные игры и состязания. Особый вид спортивных игр в Далмации представляли алки – конные состязания, при которых всадники на полном скаку должны были попасть копьем в подвешенное кольцо – алку. Они вели свою историю от рыцарских турниров. Открытию состязаний предшествовали торжественные и красочные церемонии. Наиболее известные алки устраивались в Сине, Задаре и Паге. Славилась гребными регатами Макарска. Они собирали множество народа, в том числе из соседних мест.

С середины XVIII в. в некоторых городах (Задар, Шибеник, Трогир, Сплит) работали кофейни. Здесь удовольствие от напитка посетители подкрепляли игрой в карты и бильярд. Велись неторопливые беседы, обсуждались последние новости. Кофейни играли тогда роль политических клубов. Власти с опаской относились к таким заведениям [86].

Еще в период Возрождения у нобилей, творческой интеллигенции и состоятельных торговцев Далмации и Дубровника была заложена культурная традиция путешествий. Они предпринимались прежде всего в Италию для получения образования и знаний. Потребность разнообразить обыденную жизнь, расширить круг впечатлений, приобрести новый жизненный опыт в сочетании с изменившимися эстетическими ценностями обогатила традицию, придав иные формы путешествиям. Они, как никогда ранее, становились самостоятельной и самоценной досуговой деятельностью.

В XVIII в., особенно во второй его половине, повседневная жизнь зажиточной части населения далматинских городов и Дубровника все больше определялась не только самыми настоятельными, «базовыми» потребностями, но и высшими формами в их иерархии – социальными потребностями: стремлением к саморазвитию, познанию жизни, общению, взаимному пониманию, культурному диалогу и пр. [87]. Историческое развитие Далмации и Дубровника характеризовалось, в частности, тем, что население городов-коммун еще в годы Возрождения выражало социальные потребности в том или ином их виде. Это проявля-

inslav

лось в театральной увлеченности, в тяге горожан к публичным мероприятиям, спортивным играм, путешествиям. К XVIII в. они превратились в устойчивые формы проведения досуга и вошли, став традицией, в быстроменяющуюся жизнь городов. А она между тем наполнялась новыми интересами и видами досуговой деятельности населения.

В селах протекала отличная от городов замкнутая, традиционная, великая своими духовными ценностями жизнь.

* * *

XVIII век был переходным временем в истории хорватского народа. При всех перипетиях судьбы Далмации и Дубровницкой республики процесс развивался в направлении Нового времени. Черты некоторой модернизации экономики и общества в этих землях стали особенно заметными во второй половине столетия. Историческое развитие привело к решению одних общественных вопросов, обострению других и появлению новых задач.

Развитие культуры, определявшееся повышением и усложнением потребностей хорватского народа, проявилось прежде всего в сдвигах в общественном сознании. Важным показателем было обострение регионального хорватского самосознания с проблесками понимания сопричастности судеб Далмации и Хорватии в наступившем тревожном мире конца столетия.

Эти чувства присутствовали, помимо других мотивов, в стремлении части дворянства, духовенства, богатых торговцев Далмации в 1797 г., в связи с падением венецианского государства, к воссоединению Далмации с Хорватией и тем самым включению ее в состав Венгерского королевства. Такие настроения особенно окрепли после вступления в Далмацию летом 1797 г. австрийских войск под командованием хорвата барона Матии Рукавины.

Особенностью умственного развития интеллектуалов в Далмации и Дубровнике, начиная с XVI в., было сознание славянской общности, языковой близости славян. При всей смутности и неоформленности эти идеи уверенно заявляли о себе в XVIII в., разрывая духовную изолированность хорватов на юге Адриатики от славянского мира.

inslav

Принципиальным моментом в развитии хорватского общественного сознания в XVIII в. была идейная дифференциация на социальной основе. В литературе в широком ее значении зародились будительско-патриотическое и просветительское на основе рационализма течения, отразившие в большей или меньшей степени, в смутной или более зрелой форме образ мышления, настроения и предчувствия людей в менявшееся время. Идейная дифференциация была наиболее убедительным показателем сдвигов в духовном развитии подвижников хорватского общества в сторону новых ценностных ориентиров. Все это происходило на фоне традиционного просветительства церковного характера, сосредоточенного на чистоте вероучения и христианских нравственных ценностях.

В рассматриваемое время в далматинско-дубровницком культурном регионе в пестрой литературно-языковой ситуации обостренно присутствовал вопрос о главном литературном языке. В 1711 г. в ходе обсуждения правил дубровницкой академии ее члены приняли решение о главном латинском языке в работе академии из трех официальных языков – латинского, итальянского и хорватского, - но уже в следующем году предпочтение было отдано родному языку.

Другой стороной лингвистических интересов и занятий была стандартизация штокавского диалекта. В середине XVIII в. в далматинско-дубровницкой литературе победил новоштокавский диалект, распространенный в Далмации, Дубровнике, Герцеговине, Славонии и части Боснии. Шел процесс его стандартизации, так что в нем установилось грамматическое, лексическое и фразеологическое единообразие, предпринимались и первые попытки нормирования. Но оставался открытым вопрос об иекавском и икавском говорах. С XVI в. утверждался латинский алфавит, однако правописание было неупорядоченным и пестрым. Однотипные действия предпринимались писателями и лингвистами в Славонии [88]. Так процесс литературно-языкового упорядочения протекал у штокавских хорватов, культурная же судьба кайкавских хорватов оставалась отдельной.

В рассматриваемое время художественное мышление далматинских хорватов было отмечено уникальным явлении-

inslav

ем – глубоким и проникновенным соединением литературного творчества с фольклором.

Стилевой облик хорватской художественной культуры в Далмации и Дубровнике был многоликим. Барокко в архитектуре сосуществовало с формами ушедших времен, в поэзии, светской музыке и портретном творчестве во второй половине столетия проявились признаки классицизма. При этом становилась все более явственной «провинциализация» искусства, особенно изобразительного искусства и архитектуры. Беднела творческая мысль, слабела ее реакция на современные европейские художественные явления, она не выходила из круга второстепенных эстетических задач. Но Дубровник благодаря итальянским зодчим достиг в градостроительстве вершин барокко при понимании красоты как богатства и пышности.

Имевший устойчивые традиции общедоступный любительский театр на родном языке в Далмации и Дубровнике был на подъеме. Этому немало способствовало появление еще в конце XVII в. постоянной сцены в Дубровнике и «театральных» городах Далмации. Важным событием стало функционирование в Задаре профессионального хорватского театра. Но этот период театральной деятельности на родном языке («народного театра») по существу завершился в 1778 г., когда его стали вытеснять профессиональные итальянские труппы. Течение времени поставило задачу создания театра с оригинальным драматургическим репертуаром на хорватском языке и на новой эстетической основе.

Наметились некоторые сдвиги в сферах хранения и распространения культурных ценностей. Появились первая публичная библиотека, книжные лавки, частные музеи, устойчивой была работа архивов. Повседневная жизнь городского населения стала более разнообразной и насыщенной. Далмация и Дубровник подошли к новому столетию с богатыми духовными традициями, самостоятельной культурой и расширявшимися связями с Западной Европой. Но судьба уготовила крутой поворот в их истории.

В 1797 г. по Кампоформийскому миру, заключенному по окончании войны между Францией и Австрией, прекратила су-

inslav

ществование Венецианская республика, а ее адриатические владения перешли под власть Габсбургов. В 1806 г. французские войска оккупировали Дубровник. В 1808 г. Республика Св. Влаха также утратила самостоятельность. Наполеоновские войны вызвали сложные перипетии в судьбах хорватского народа, его политическая жизнь стабилизировалась лишь с разгромом Наполеона. Но это была уже новая эпоха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Карпова Е.С.* Проблемы церкви и религии в венецианском Просвещении второй половины XVIII века. Автореферат канд. дисс. М., 2000.

[2] В переводе на сербскохорватский язык: *Lovrić I.* Bilješke o putu po Dalmaciji opata Alberta Fortisa. Zagreb, 1948.

[3] *M.K.* Pogovor // Lovrić I. Bilješke...S. 221 i sl.

[4] *Lovrić I.* Bilješke... S. 108, 137.

[5] Ibid. S. 108, 138–139.

[6] Ibid. S. 136–137.

[7] Ibid. S. 180.

[8] Ibid. S. 137, 138.

[9] Ibid. S. 138.

[10] Ibid. S. 27, 28.

[11] Ibid. S. 49.

[12] *Карпова Е.С.* Проблемы... С. 6.

[13] *Lovrić I.* Bilješke... S. 140, 142, 146, 147.

[14] Ibid. S. 108.

[15] Ibid. S. 63; *M.K.* Pogovor // *Lovrić I.* Bilješke... S. 224.

[16] *Lovrić I.* Bilješke... S. 62, 63.

[17] *M.K.* Pogovor. S. 227.

[18] Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 300–301.

[19] *Peričić Š.* Dalmacija uoči pada Mletačke republike. Zagreb, 1980. S. 218–220.

[20] *Novak G.* Povijest Splita. Split, 1978. III. S. 1435.

[21] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 217, 218.

[22] По переписи 1697 г. в Сплитской архиепископии насчитывалось 134 священника и 26 клириков, из них 77 назвали себя «иллирами». *Novak G.* Povijest *Splita.* S. 1476.

inslav

[23] *Novak G.* Povijest... S. 1452, 1453; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 209–210.
[24] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 220.
[25] Povijest hrvatske književnosti. S. 296, 298.
[26] Povijest... S. 306, 307; *Данилова А.В.* Хорватская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 146–147.
[27] *Peričić Š.* Dalmacija. S. 208–209.
[28] Ibid. S. 209.
[29] Povijest hrvatske književnosti. S. 317, 318; *Švelec F.* Filip Grabovac // *Grabovac F.* Cvit razgovora. Split, 1986. S. 9, 10.
[30] *Grabovac F.* Cvit razgovora. S. 47.
[31] Ibid. S. 260–261.
[32] Ibid. S. 276.
[33] *Matić T.* Život i rad Andrije Kačića Miošića // Djela Andrije Kačića Miošića. Zagreb, 1942. Knj. I. S. V–X; Povijest hrvatske književnosti. S. 319.
[34] Djela... Knj. I. Razgovor ugodni naroda slovinskoga; Djela... Zagreb, 1945. Knj. II. Korablica.
[35] Djela... Knj. I. S. 103.
[36] Ibid. S. 5.
[37] Ibid. Knj. II. S. 12.
[38] Ibid. S. 13, 14.
[39] Ibid. Knj. I. S. 5.
[40] Ibid. S. 5, 103–104.
[41] Ibid. S. 5.
[42] Ibid.
[43] Ibid. S. 614.
[44] Ibid.
[45] *Matić T.* Život i rad Andrije Kačića Miošića. S. XXXI–XXXVII, XLI.
[46] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 262.
[47] Povijest hrvatske književnosti. S. 315, 316.
[48] *Andreis J., Cvetko D., Đurić-Klain S.* Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji. Zagreb, 1962. S. 49, 60; Povijest hrvatske književnosti. S. 308, 317.
[49] *Данилова А.В.* Хорватская культура. С. 147–148.

inslav

[50] *Prijatelj K.* Umjetnost XVII. i XVIII. stoljeća u Dalmaciji. Zagreb, 1956. S. 77; *Idem.* Klasicistički slikari Dalmacije. Split, 1964. S. 10, 11, 13, 16, 17.
[51] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 24, 28, 59, 60.
[52] Ibid. S. 25, 60.
[53] Ibid. S. 60–61; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 607.
[54] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 61, 62.
[55] Ibid. S. 34; *Novak G.* Povijest Splita. S. 1448, 1449, 1522.
[56] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 64 i sl.; *Novak G.* Povijest Splita. S. 1435; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 18.
[57] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 44, 45.
[58] Ibid. S. 68 i sl.; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214, 215.
[59] Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 28; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214.
[60] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 213–214.
[61] Povijest hrvatske književnosti. S. 351–353.
[62] См.: Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. М., 1976.
[63] Povijest hrvatske književnosti. S. 352.
[64] *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji // *Horvat A., Matejčić R., Prijatelj K.* Barok u Hrvatskoj. Zagreb, 1982. S. 690 i sl.
[65] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214.
[66] *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji. S. 662, 663, 679.
[67] Ibid. S. 687.
[68] Ibid. S. 712.
[69] Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 177.
[70] *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji. S. 713, 716, 724.
[71] Ibid. S. 767 i sl.
[72] Povijest hrvatske književnosti. S. 300, 315.
[73] О состоянии образования в Далмации в XVIII в. см.: *Novak G.* Povijest Splita. S. 1414, 1416, 1418–1419; Peričić Š. Dalmacija... S. 207–208.
[74] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 222.
[75] Ibid. S. 210.
[76] Ibid. S. 211; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 293.
[77] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 221–222.
[78] *Novak G.* Povijest Splita. III. S. 1438, 1439; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 211; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 298.

inslav

[79] *Novak G.* Povijest Splita. III. S 1439; *Peričić Š.* Dalmacija... S 205.
[80] *Peričić Š.* Dalmacija... S 212.
[81] *Novak G.* Dalmacija god. 1775/6 gledana očima jednog suvremenika // Starine. Zagreb, 1959. Knj. 49. S. 14; *Peričić Š.* Op. cit. S. 223.
[82] *Peričić Š.* Dalmacija... S 231–232.
[83] *Novak G.* Dalmacija god. 1775/6... S. 14.
[84] *Andreis J. i dr.* Historijski rasvoj... S. 24.
[85] *Novak G.* Povijest Splita. S. 1517, 1522.
[86] *Peričić Š.* Dalmacija... S. 233.
[87] Об иерархии потребностей см.: Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 64.
[88] Povijest hrvatske književnosti. S. 312, 313.

inslav

Глава III

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ В XVIII в.

Политическое положение Хорватии, Славонии и Военной Границы в XVIII в.

Карловацкий мир 1699 г. внес существенные изменения в политическую карту Центральной Европы. Австрийская монархия существенно продвинула свои границы на восток. Под власть Габсбургов перешли Венгрия, Славония, часть Срема, исторические области на юго-востоке Лика и Крбава. В 1714–1718 гг. вновь разразилась война христианских государств против Османской империи. По Пожаревацкому миру Австрия получила оставшуюся часть Срема, северный район Сербии с Белградом, Боснийскую Посавину, Малую Валахию и Банат.

Однако в 1739 г., потерпев поражение в очередной войне с Турцией, Австрия по Белградскому миру утратила земли за Савой и к югу от Дуная. Последняя в XVIII в. австро-турецкая война 1788–1791 гг., протекавшая в союзе с Россией, завершилась присоединением к владениям Габсбургов территориального пояса в Боснии. С тех пор австро-турецкая граница стабилизировалась на многие десятилетия на линии Дунай – Сава.

Хорватия и Славония были ареной опустошительных военных кампаний. Однако переход к Австрийской монархии Славонии, Лики и Крбавы не означал их возвращения под власть хорватского сабора и бана, несмотря на обещания венского двора. Лика, Крбава, Славонская Посавина и часть Срема вошли в состав Военной Границы. Район между река-

inslav

ми Купа и Уна был присоединен к Банской Границе, остававшейся под юрисдикцией бана. Во второй половине XVIII в. территория Военной Границы была расширена также за счет приморского пояса от Сеня до Карлобага, который до этого времени находился в подчинении у Вены.

В 1745 г. как награду за участие в войне за «австрийское наследство» хорватских и граничарских войск (1741–1748) часть Славонии, находившейся до этого времени в прямом ведении австрийских центральных властей, была воссоединена в административно-политическом отношении с Банской Хорватией. Однако они были территориально разделены вклинившимся между ними участком Военной Границы, в положении Славонии имелись некоторые отличия, население провинций говорило на разных диалектах, в целом между Хорватией и Славонией были в то время слабые связи. В 1785 г. здесь проживало немногим более полмиллиона человек [1]. Но так или иначе воссоединение Хорватии и Славонии явилось самым крупным политическим событием в истории этих земель в XVIII в.

С этого времени наименование «Хорватия» закрепилось за территорией на запад от Военной Границы, а название «Славония» – за областью между нижним течением Дравы и Военной Границей.

В XVIII в. Австрийская монархия, территория которой в результате войн и дипломатических маневров значительно расширилась, стала великой европейской державой. В ней развернулись важные процессы. Увеличение территории государства за счет плодородных земель в условиях прекращения турецкой агрессии, потребность растущих городов и армии в продовольствии и сельскохозяйственном сырье двинули вперед экономику страны с появлением в ней новых, свободных форм.

Период правления Марии Терезии (1740–1780) ознаменовался проведением ряда реформ. Преобразования в последние годы ее жизни и особенно нововведения ее сына, соправителя, а затем преемника Иосифа II (1780–1790) получили характер «просвещенного абсолютизма». Реформы были вызваны зарождением новых форм хозяйствования, а также международной обстановкой – опережающим развитием ев-

inslav

ропейских государств и усилением австро-прусского соперничества в германских делах. Целью реформирования было приспособление существующего общественно-политического строя к запросам времени, повышение экономического и военного потенциала государства и укрепление власти Габсбургов над пестрым конгломератом владений, разнившихся между собой по этническому составу населения, социально-экономической структуре и политическому устройству. Преобразования охватили экономическую, политическую, церковную и культурную сферы жизни. Их содержанием были укрепление абсолютизма, централизация управления, ликвидация вопиющих противоречий в обществе.

Генеральные реформы «просвещенного абсолютизма» оказали противоречивое влияние на положение хорватского народа.

Хорватия и Славония на основе старинных «муниципальных прав» (ограниченной автономии) входили в состав Венгерского королевства, которое, пользуясь средневековой конституцией, было частью Австрийской монархии. Политическое положение Хорватии и Славонии на протяжении столетия определялось абсолютистской политикой венского двора и зависело от колебаний австро-венгерских отношений, как и потребностей использования хорватского потенциала. После неудачи заговора Зринских и Франкопана, расправы над главными аристократическими родами и общего ослабления хорватского дворянства оно было вынуждено постоянно маневрировать в зависимости от ситуативных обстоятельств между Веной и Будой.

В 1712 г. в жизни Хорватии произошло заметное событие. В начале XVIII в. в Венгрии развернулось антигабсбургское движение под руководством Ференца II Ракоци. Оно не встретило поддержки со стороны хорватов. Движение потерпело поражение. Сатмарский мир 1711 г. закрепил господство Габсбургов над Венгрией, допустив и ряд уступок ей. В этой сложной обстановке хорватское дворянство, чтобы добиться от двора подтверждения своих прав, использовало вопрос о престолонаследии, который получил в правление

inslav

Карла VI особую остроту и международное значение ввиду отсутствия у него наследников мужского пола.

Хорватский сабор по инициативе двора признал право наследования престола за женской линией Габсбургов. Этот акт, получивший название «Хорватской прагматической санкции», стал самостоятельным шагом хорватского дворянства перед лицом Венгрии, означавшим его приверженность двору и желание теснее связаться с внутриавстрийскими наследственными землями. С этого времени хорватские «чины и сословия» стали использовать противоречия между Будой и Веной для сохранения своей самостоятельности, а те в свою очередь искусно маневрировали в междоусобной борьбе хорватскими интересами.

В ответ на Хорватскую прагматическую санкцию Карл VI в письме хорватским «чинам и сословиям» обещал сохранить «права, привилегии и свободы» Хорватского королевства.

Вскоре, в 1715 г., венгерское Государственное собрание признало юридическую силу внутреннего законодательства Хорватии. Знаменитая статья 120 закрепила историческое право Хорватии на территориально-политическую самостоятельность от Венгрии. Но Венгерская прагматическая санкция 1723 г. определила статус Хорватии как нераздельной части Венгрии.

В 1767 г. Мария Терезия, без одобрения и в обход хорватского сабора, основала Королевское вече во главе с баном в качестве верховной административной власти в Хорватии и Славонии. Его местопребыванием до пожара 1776 г. был Вараждин, что подняло значение города. Этому в немалой степени способствовал и тот факт, что через Вараждин проходил важный торговый путь из Венеции в Вену и Пешт.

В 1770 г. Мария Терезия, также без санкции сабора, ввела новую систему налогообложения в Хорватии, подобную венгерской, а в 1772 г. вообще лишила Хорватию собственного бюджета. Это стало тяжелым ударом по хорватской самостоятельности. Зато в 1776 г., проводя очередной политический маневр, Мария Терезия соединила с Хорватией приморские города Риеку, Бакар, Бакарац и Кралевицу.

inslav

В 1779 г. Мария Терезия ликвидировала Королевское вече, подчинив Хорватию и Славонию в административном отношении венгерскому Наместническому совету. Так Хорватия и Славония впервые оказались в прямой зависимости от Венгрии. Приморский пояс, состоявший из Риеки и ближайшего ее окружения, в 1786 г. составил особое Венгерское приморье, которым управлял риекский губернатор. Все эти меры значительно сузили территорию и автономные права Хорватии.

В XVIII в. основательному реформированию подверглась Военная Граница с целью превращения граничарского ополчения в регулярную армию и возложения на Границу финансового содержания ее войсковых частей. В 1754 г. она получила устройство на основе законодательных правил («граничарских прав»). Граница складывалась как территория военных поселений с прямым подчинением верховному австрийскому командованию. Стержнем реформы было превращение земельных участков граничар, являвшихся их собственностью, в наследственное ленное держание на условиях несения военной службы. Были ликвидированы остатки самоуправления граничар. Милитаризация охватила все стороны жизни Военной Границы. При этом офицерский состав был здесь, как правило, австрийским, а в качестве официального вводился немецкий язык. Граничарские полки, вошедшие в состав регулярной армии, широко использовались австрийским двором на европейских театрах военных действий.

В конце XVIII в. население Военной Границы составляло 547000 человек [2]. Ее преобразования продолжались до 1807 г., когда был принят «Основной закон Военной Границы», закрепивший ее особое положение в государстве.

Всеобъемлющие реформы «просвещенного абсолютизма» начались с изменения положения церкви в государстве. В 1773 г. папа Клемент XIV под давлением Испании и Франции ликвидировал орден иезуитов, затем прекратили существование и другие католические ордена. В 1781 г. Иосиф II издал знаменитый «Патент о религиозной толеранции», которым в Австрийской монархии вводилась, хотя и с ограничениями, свобода христианского вероисповедания. Эдиктом

inslav

1782 г. Иосиф II подчинил церковь государственной власти. Он взял под свой контроль связи римской курии с епископами во владениях Габсбургов, ликвидировал множество монастырей, а их имущество подверг секуляризации, исключил церковных лиц из органов государственной власти, издал ряд законов, которые регулировали многие вопросы церковной жизни. Тщетно римский папа, посетивший Вену, пытался отвратить Иосифа II от церковных реформ. Монарх был непреклонен.

С церковной политикой «просвещенного абсолютизма» было тесно связано состояние школьного дела в государстве. В 1774–1777 гг. Мария Терезия провела всеобъемлющую школьную реформу. Она была вызвана общим ходом экономического развития, ростом городов и созданием регулярной армии, потребностями страны в грамотных и образованных людях, а также политическими обстоятельствами. «Просвещенный абсолютизм» решал задачи интеграции разрозненных и разноязычных регионов Австрийской монархии в целостное имперское государство, в том числе путем унификации образовательной системы, укрепления самого государства в результате ослабления позиции церкви разных конфессий. Школьная реформа означала, что образовательная сфера стала предметом внимания высокой государственной власти.

Содержание реформы сводилось к введению всеобщего школьного начального образования, изъятию школ из церковной юрисдикции, установлению полного контроля государства в области образования, унификации учебных программ в соответствии с разрядами школ во всей монархии, единообразию учебников. Задачей школьного образования должно было стать воспитание лояльных престолу граждан, владеющих реальными знаниями на уровне требований экономики и военного дела. Было установлено двухступенчатое обучение: начальные (основные) школы с преподаванием на родном языке и средние учебные заведения – гимназии. Преобразования осуществлялись за счет средств, полученных в результате конфискации огромного имущества иезуитского ордена.

inslav

Возглавил проведение школьной реформы И.И. Фельбигер, аббат монастыря ордена августинцев в Сагане (Силезия), разработавший систему школ и организацию учебного процесса в них. Решающую роль он отводил учителю. Его методика включала урочно-классную форму обучения, совместные занятия, практику вопросов и ответов, использование наглядных пособий, прежде всего таблиц, и пр. Это была прогрессивная педагогическая система, хотя и несколько формализованная.

Реформа Марии Терезии продвигала в начальные школы общеобразовательные знания, преодолевала церковную концепцию образовательных учреждений, но огосударствление школы отчуждало ее от национальной среды.

Следуя генеральной линии централизации управления, Иосиф II издал в 1784 г. указ, согласно которому через три года немецкий язык должен был стать единственным официальным языком во всей Австрийской монархии. А в следующем году Иосиф II ликвидировал в Венгрии, Хорватии и Славонии традиционное административное деление на комитаты (жупании) с их дворянским самоуправлением. Территория Венгерского королевства была разделена на 10 округов, которые возглавили королевские комиссары. Хорватский сабор и бан превратились в декоративные органы.

Реформы «просвещенного абсолютизма» в Австрийской монархии во многом носили позитивный характер, ликвидируя вопиющие остатки средневековья. Не случайно деятели Просвещения разных народов одобряли политику Иосифа II (йозефинизм). Однако при этом из их поля зрения исчезали усиление бюрократического давления венского двора на неавстрийские народы и сохранение основ старой общественно-экономической системы.

Иосиф II проводил активную восточную политику. Она получила, в частности, выражение в тяжелой войне против Турции. Она велась совместно с Россией в 1788–1791 гг. в условиях острого конфликта Австрии с Пруссией и революции в Бельгии, которая находилась под властью Габсбургов. Финансовое истощение казны побудило австрийский двор обратиться к венгерским и хорватским «чинам и сословиям»

inslav

за предоставлением новых средств. Это стало последним толчком, которое взорвало венгерское и хорватское дворянство, недовольное абсолютистским произволом и новациями Иосифа II, особенно попытками экономических реформ. Накануне смерти в 1790 г. Иосиф II отменил все свои законы, кроме патентов о веротерпимости и освобождении крестьян от личной зависимости. Однако усмирить Венгрию было уже невозможно.

Развернулось мощное венгерское национально-освободительное движение, в котором решающую роль играло среднее дворянство. С самого начала оно получило противоречивый характер. Стремление к достижению самостоятельности Венгрии сочеталось у его руководства с попытками национального подавления невенгерских народов в Венгерском королевстве. Появился новый политический фактор – мадьяризация населения.

В борьбе против реформ Иосифа II, в страхе перед Французской революцией произошло тесное сближение венгерского и хорватского дворянства. В 1790 г. хорватский сабор санкционировал даже подчинение Хорватии и Славонии в административном отношении (при некоторых условиях) венгерскому Наместническому совету и отказался от финансовой самостоятельности Хорватии. Однако постановление венгерского Государственного собрания 1791 г. об обязательном изучении венгерского языка на территории королевства насторожило хорватские политические круги, хотя хорватский сабор в том же году согласился с введением в школы венгерского языка в качестве необязательного предмета. Австрийский двор, испытывая мощный напор венгров и лавируя между национальностями, утвердил факультативное изучение венгерского языка в невенгерских школах королевства.

На рубеже XVII–XVIII вв. освобождаемые от турок территории в Подунавье серьезно пострадали в ходе военных действий. Особенно сильная разруха наблюдалась в Славонии. Она была совершенно опустошена. Вся первая половина XVIII в. ушла на восстановление здесь жизни.

Ускоренное развитие городов и хозяйства в наследственных австрийских землях, активная меркантилистическая

inslav

политика двора, хотя и проводимая в первую очередь в интересах австро-чешских земель, способствовали оживлению экономики Хорватии и Славонии. Хозяйственный подъем стал особенно заметным с 70-х гг. XVIII в.

Хорватские провинции разнились между собой размерами дворянских владений. Хорватия была областью преимущественно средних и мелких дворянских хозяйств, в Славонии же в результате распродажи австрийским двором земель после изгнания турок сложились латифундии, собственниками которых выступала в основном венгерская и немецкая знать.

С 70-х годов XVIII в. дворянские хозяйства осваивали новые культуры, особенно картофель, поставляли в растущих размерах на австрийский и внешний рынки зерно, скот и другую продукцию, хотя ее большую часть составляли натуральные подати крестьян. Втягивание господ в рыночные отношения сопровождалось насильственным увеличением аллода за счет крестьянских земель и увеличением повинностей кметов.

На фоне расцвета цехового ремесла появились новые отрасли производства, предприятия с наемным трудом. В Хорватии работали мануфактуры по изготовлению одежды, бумаги, фаянса, алкоголя, основанные на разделении труда мельницы, шелкопрядильни, винокурни и др., хотя такие предприятия были недолговечны. При этом австрийские власти ставили препоны развитию промышленности в Венгрии, Хорватии и Славонии, стремясь превратить их в аграрно-сырьевые придатки австрийской метрополии. Это была одна из причин недовольства двором.

С ростом производства наступило время живой торговли, внутренней и внешней. Этому способствовали строительство дорог, соединивших Хорватию с морем, свобода плавания на Адриатическом море, провозглашенная Карлом VI в 1717 г., упорядочение речного сообщения, объявление в 1719 г. Триеста и Риеки свободными портами, денежная реформа. Особое значение имела для Хорватии и Славонии транзитная торговля. Через них проходили важные торговые пути, главным из которых был путь Подунавье – Сава – Ад-

inslav

риатическое море. На них располагались торговые центры Хорватии и Славонии: Вараждин, Загреб, Сисак, Осиек и Карловац, который на основе грамоты Иосифа II от 1781 г. был выведен из состава Военной Границы и получил статус свободного королевского города, что способствовало его торговому росту. Риека стала главным хорватским портом на Адриатике. По словам современника, в то время «торговал каждый». Торговля выполняла связующую функцию в экономике и способствовала интеграции общества.

Увеличение повинностей крестьян в сочетании с сокращением их землепользования, а также налоговые поборы и общественные работы, на Военной Границе – лишение граничар былых свобод, введение новых платежей и обязанностей, усиление власти военных чинов в процессе реформирования этой территории – все это вызвало в середине XVIII в. волну социальных выступлений. Современник событий загребский каноник, историк Б.А. Крчелич назвал 1755 год «зловещим» из-за почти повсеместных волнений крестьян и граничар. В Загребе они породили общий страх. Загорское дворянство бежало, чтобы укрыться от гнева крестьян, в Вараждин. Крестьяне жгли и грабили усадьбы. В свою очередь и войска обирали и убивали крестьян. Кругом были грабеж, насилия и смерть. Через Загреб тянулись бесконечным потоком стада захваченного скота [3].

Волнения были жестоко подавлены войсками, но они вынудили австрийский двор ограничить произвол и самоволие господ. С целью упорядочения аграрных отношений в Славонии (1756) и Хорватии (1780) были введены генеральные урбарии, законодательно закрепившие за крестьянами наделы и регламентировавшие повинности с них, а также упорядочившие монопольные права дворянства («малые королевские права»). В 1785 г. Иосиф II распространил на Венгерское королевство изданный для австрийских наследственных земель патент о ликвидации личной зависимости крестьян. Эти меры позволили кметам более активно вести себя на рынке. На селе развернулся процесс распада громоздких по числу семей задруг.

inslav

Но все допущенные «просвещенным абсолютизмом» экономические послабления, как и известная поддержка торговли и мануфактур не затрагивали устоев сословно-принудительного строя и интересов метрополии в ущерб периферии полиэтнического государства.

После смерти Иосифа II на австрийский престол вступил Леопольд II, который проводил реставрационную политику. Венгерское Государственное собрание в 1790–1791 гг. восстановило в Венгерском королевстве экономические и политические отношения времен Марии Терезии.

Общественные условия развития хорватской культуры в XVIII в.

На пути исторического развития хорватского народа забрезжила заря Нового времени. Это происходило в условиях действия общеевропейских факторов: процессов национального разграничения и самоидентификации народов, идейно – культурного феномена Просвещения. В конце столетия Европу потрясла Великая Французская революция. Жизнь хорватов, находившихся в тесном соседстве с продвинувшимися европейскими народами, протекала под воздействием внутренних сил и импульсов, традиционных обстоятельств, с одной стороны, и всеобъемлющих европейских новаций, с другой.

В XVIII в., особенно во второй его половине, в Хорватии и Славонии стали заметны общественные перемены. Дворяне торговали продукцией своих поместий, некоторые из них заводили мануфактуры, горожане сочетали торговлю с разнообразным предпринимательством, среди них выделялись жители Карловаца благодаря успешной торговле. Стал оформляться социальный слой интеллигенции из лиц разного социального происхождения. Развитие хозяйства и образовательного процесса приносило свои плоды. Наиболее востребованными становились юристы и адвокаты. Аристократ Оршич, отмечая в то время большое число адвокатов, предсказывал, что вскоре оно «превысит число процессов» [4].

inslav

С XVI до середины XIX вв. загребские епископы были наместниками бана, поэтому католическая церковь играла особую роль в политической и культурной жизни Хорватии. Славония и западный Срем после изгнания турок находились в составе боснийской, с 1773 г. объединенной боснийско-сремской, епископии с центром в городке Джаково. Это обстоятельство, помимо речевых различий населения, особенностей его этно-социальной структуры и некоторых отличий политического положения Славонии, дополнительно отдаляло Хорватию и Славонию.

Хорватская культура в разных провинциях по-прежнему развивалась в одном направлении, но разными потоками, различавшимися диалектами письменного языка на народной основе, культурными традициями, связями и темпами роста. Принципиально важным обстоятельством стало образование во второй половине XVIII в., наряду с Далмацией и Хорватией, культурного центра в Славонии.

В XVIII в. стабилизировались границы распространения хорватских диалектов. Некогда широкая чакавская область в ходе миграционных движений населения свелась к узкому поясу территории приморских городов на Адриатике и близких к нему островов. Постепенно чакавщина в хорватской литературе угасла. Кайкавский диалект сосредоточился в хорватском Загорье. А все старые области чакавского и кайкавского диалектов от Дравы до Адриатического моря заселили сербские и хорватские носители штокавского диалекта. А поскольку Герцеговина и Черногория поставляли основную массу мигрантов, то их штокавский диалект с местным иекавским произношением распространился на территории от реки Моравы в Сербии до реки Купы в Хорватии [5].

Книжная культура в Хорватии характеризовалась вековыми традициями латинского языка. Это был язык католической церкви и государственного управления, что определяло необходимость его знания по крайней мере верхними и средними слоями общества. В Хорватии было хорошо поставлено классическое образование с успешным преподаванием латыни. В Европе наука функционировала на латинском языке. Поэтому латинский язык занимал устойчивое положение в Хорватии, а затем и

inslav

Славонии, во многом определяя духовную атмосферу. Эта приверженность латинскому языку затрудняла развитие общезначимой письменности на родных диалектах.

Во второй половине XVIII в. языковая ситуация в северохорватских землях осложнилась в результате широкого распространения немецкого языка в среде дворянства и горожан, активно насаждаемого Иосифом II. На Военной Границе он был официальным языком управления. В дворянских семьях немецкий язык стал языком повседневной жизни, оттесняя родной диалект. В начале XIX в. наиболее видные общественные деятели в Хорватии лучше знали немецкий язык, чем родную речь. Вывески в крупных хорватских городах были сплошь на немецком языке. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что многие горожане были австрийскими немцами. Знание этого языка облегчало приобщение грамотных хорватов к богатой немецко-язычной культуре. Однако приоритет его был опасен ввиду заинтересованности австрийских властей в германизации населения.

На исходе XVIII в. хорватское общество столкнулось с насильственной мадьяризацией.

В Хорватии и Славонии при духовном господстве католической церкви были разные носители и потребители светской «высокой» культуры. Хорватия была областью хорватской дворянской культуры. В Славонии сложился слой немецкой и венгерской аристократии, в результате чего у социальных верхов этих провинций отсутствовала общая устоявшаяся культурная традиция. На Военной Границе образованный слой представляло офицерство, особый отряд формирующейся хорватской интеллигенции.

Основную массу хорватского этноса составляло крестьянство, которое создало свою непреходящую народную культуру. Словесный фольклор функционировал на разных диалектах, но народные песни на штокавском диалекте были в значительной мере общим достоянием хорватов, проживавших в разных провинциях, и сербов. При языковых различиях народные песни заключали сходные героические идеалы, историческую память об антиосманском противостоянии и стихийные эстетические представления крестьян.

inslav

Градостроительство и архитектура. Барокко

Карловацкий мир 1699 г. нанес сокрушительный удар по агрессивным устремлениям Турции на Запад. Хорватия вступила в долгожданный мирный период жизни, хотя турецкие нападения на хорвато-боснийском пограничье продолжали беспокоить население. С окончанием войны Хорватия, а с середины века и Славония переживали подъем строительства. Он охватил в первую очередь города, но также и села. Народ быстро привыкал к миру. В города потянулись мастаки – ремесленники и расторопные торговцы. Постепенно начали приобщаться к городской жизни представители немногих аристократических семей и состоятельные дворяне. Этот процесс еще раньше захватил Центральную Европу. Если в XVII в. урбанистический облик городов в Хорватии определяла церковная архитектура по количеству зданий, высокому качеству строительства, типологическому разнообразию, то в XVIII в. ведущая роль переходила к светской архитектуре. Старые города меняли облик. На Военной Границе появились молодые города.

В Банской Хорватии наиболее значимыми городами были Загреб и Вараждин, первый из них имел в конце века около 7000, второй – 5000 жителей. В Славонии выделялся Осиек. В 1742 г. в Загребе было всего 560 домов в городской, капитульской и епископской юрисдикции. Из них 1/3 находилась в городской общине – Градеце [6]. Но при этом неуклонно росли политический вес и экономическое значение Загреба. Если в 60-х гг. XVIII в. хорватский сабор, Банский стол (верховный суд) попеременно заседали в Загребе (Градеце или епископской резиденции) и Вараждине, то после пожара 1776 г., нанесшего значительный ущерб Вараждину, местом постоянного пребывания верховных властей Хорватии (сабора и бана), судебных и школьных учреждений стал Градец. Политическому укреплению Загреба способствовали также местонахождение здесь епископской кафедры, хранение в Капитуле важнейших грамот и других документов, определявших государственно – правовое положение Хорватии. Ио-

inslav

сиф II разместил в Загребе единое военное командование хорватской части Военной Границы [7].

В XVIII в. города в Хорватии и Славонии переживали процесс обновления. Реставрировались старые постройки, но главное – возводились новые жилые дома, церкви, монастырские здания, строения административного и военного назначения. Каменное зодчество, означавшее достижения строительной техники, принесло не только прочный строительный материал, но и новые архитектурные формы.

С изменением жизненных условий состоятельной части городского населения, повышением потребностей людей менялся архитектурный облик городов. Стилевую основу градостроительства составляло барокко. Оно появилось в Хорватии еще в XVII в., приспосабливаясь тогда к позднеготическим формам. Новый стиль проник сюда из Среднего Подунавья, из Австрии и Венгрии, но также из Северной Италии. В XVIII в. это была уже зрелая градостроительная культура, захватившая, правда в неравной степени, не только города, но и села. В XVII в. идейными носителями нового стиля выступили в первую очередь иезуиты и представители аристократии. В XVIII в. к нему приобщились дворяне и зажиточные городские слои, а исполнителями были иностранные зодчие, натурализовавшиеся в Хорватии мастера, но также и местные строители [8].

Изменения в облике городов были наиболее заметны в жилом зодчестве в Загребе и Вараждине. В Градеце безраздельно господствовавшие скромные деревянные одноэтажные постройки постепенно уступали место домам с каменным низом и деревянным верхним этажом. Представители аристократии и крупные дворяне возводили каменные двух – трехэтажные здания [9]. В зависимости от состоятельности собственника дома они в той или иной мере несли на себе печать барокко – от скромных декоративных украшений на главном фасаде до решения в новом стиле более сложных архитектурных задач. При этом многие ремесленники и торговцы имели дома как в Градеце, так и на территории Капитула. Так новые градостроительные веяния, несмотря на требования епископата реставрировать и строить новые като-

inslav

лические здания в устоявшейся культовой традиции, проникали и распространялись на территории под церковной юрисдикции.

Аристократические дома в Градеце, достойно представлявшие весомость и богатство хозяев, представляли собой солидные каменные сооружения, чаще всего с боковыми крыльями, внутренним двором и небольшим садом. Во внешней архитектуре дворцов использовались модифицированные ордера в виде пилястр и колонн, трактованных в стиле барокко. Главный фасад украшали также высеченные из камня порталы и декоративные рельефы вокруг окон. Первый этаж имел сводчатое строение и по обычаю предназначался для хозяйственных нужд, а на втором этаже, отражая новый уклад жизни, размещались светлые жилые комнаты и главное помещение – богатый салон, или зал, для приема гостей и проведения танцевальных вечеров. Здание отапливалось с помощью каминов и печей [10].

Красотой и великолепием выделялся дом Войковича. Последний, отличившись в Семилетней войне, получил титул графа и сменил фамилию на С. Войкффи. Дом был построен около 1764 г. В дальнейшем он перешел в руки Оршича, а затем Рауха. Двухэтажный особняк вытянулся вдоль узкой улицы. Его главный фасад, расчлененный 12 пилястрами, украшали 11 окон с богатой пластикой. На центральном ризалите находился портал с колоннами. На втором этаже, куда вела внутренняя парадная лестница, размещался зал в три больших окна. Богато декорированные с внешней стороны, они располагались на ризалите над порталом. Ризалит завершался барочным фронтоном в виде короны с изображением герба собственника дома и с обилием декоративных рельефных деталей, в том числе волют [11]. Дворец Войковича – Рауха остался примером роскошной барочной архитектуры Загреба XVIII в.

В стиле барокко были построены в середине века дома Б. Магдаленича, Ив. Бужана и др. Красотой расчлененного главного фасада с порталом выделялся также дом Рафая (в дальнейшем Патачичей, Елачичей, Кушевичей). Уличный фа-

inslav

сад дома Левачича (1778), украшенный эркером, был отмечен элементами стиля рококо.

Политические функции Вараждина на протяжении длительного времени в свою очередь способствовали переселению дворян в этот город. Кроме того, волнения крестьян и граничар, охватившие в середине XVIII в. северо-запад Хорватии, также побуждали дворян из близ лежащих мест укрыться за стенами города. Эти социальные перемещения получили отражение в его архитектурном облике. Из торгово-ремесленного центра он стал обретать урбанистические черты дворянско-чиновного города. Старый дом графской фамилии Драшковичей на главной площади Вараждина получил в XVIII в. барочный фасад, большой центральный зал, колоннаду во дворе. В 1764 г. граф Ф. Патачич построил в Вараждине трехэтажный особняк с прекрасным порталом и богатым декором на фасаде в стиле позднего барокко с элементами рококо. В конце века вечница (центр коммунальной жизни города) в результате перестройки обрела позднебарочно – классицистический фасад с башней на главной оси [12].

Дома городских торговцев и ремесленников оставались преимущественно деревянными, но появились и каменные постройки. На узких участках земли возводились дома, уходившие в глубь двора, с фасадом в 2–3 окна, а на двух и более участках – дома с барочными украшениями, с фасадом вдоль улицы [13].

Поскольку турецкая опасность еще не миновала, на Военной Границе сохраняли значение старые и возводились новые крепости. Внутри них размещались солидные каменные здания, массивные арсеналы, казармы (Петриня, Беловар, Стара-Градишка). Иногда рядом с крепостью возникало торгово-ремесленное поселение (Славонски-Брод). В 1710–1721 гг. была построена крепость на Драве в Осиеке, которая стала самым крупным, монументальным архитектурным комплексом на северохорватской территории [14].

Благодаря повышению материального достатка городского населения, близости Хорватии к Вене, что облегчало распространение строительных новаций на нее из культурного очага Европы, города в Хорватии и Славонии к исходу

inslav

столетия приобщились к урбанистическому типу, характерному для городов Центральной Европы.

Вне городов светская архитектура была представлена прежде всего дворянским строительством.

Хорватское дворянство было неоднородным. Оно включало не только разные в имущественном отношении группы людей, но и разные социальные типы внутри сословия. В него входили, в частности, дворяне – однодворцы, мало отличавшиеся в бытовой культуре от крестьян. В хорватском Загорье, особенно в автономной «благородной общине Туруполе», малограмотное население которой составляло «коллективное дворянство», было множество домов (курий), деревянных, с высокой крутой тесовой кровлей, в несколько окон на фасаде второго этажа. Обычно дома были окружены зеленью, хозяйственными постройками и угодьями (курия Шкаричево).

В XVIII в. получило широкое развитие усадебное строительство. В этом направлении перестраивались некоторые старинные замки (Вальпово, Церник, Северин на Купе) [15].

Вершиной усадебной архитектуры зрелого барокко в Хорватии стал дом в поместье Горня-Бистра графа К. Оршича. Он принадлежал к знатному хорватскому роду, получил хорошее образование в Болонье и Вене, был знаком с современными архитектурными веяниями. Двухэтажный дворец был построен в 1774 г. Он имел центральную зону, под купольным сводом овальной формы, и два боковых крыла. Фасад расчленяли 15 окон и три ризалита. Средний с изысканным барочным порталом, над которым был помещен герб Оршича с датой строительства (1773), возвышался над кровлей. В одном из боковых крыльев в 10 окон помещалась дворцовая капелла с башенкой. Над входом в нее, оформленным в стиле рококо, был проставлен 1774 г. Главный фасад дворца украшали тонкие рельефы. К дому вела тенистая грабовая аллея, переходившая в пейзажный парк. Усадебные дворцы создавались в единстве с природой.

В Славонии самым репрезентативным был дворец графа А. Янковича в городке Дарувар (1771–1777). Это было двухэтажное строение распространенной трехчастной пла-

inslav

нировки, с высокой кровлей, с промежуточным карнизом между этажами. Главный фасад имел по углам неглубокие ризалиты, а в центральной части дворца более подчеркнутый ризалит, входивший в зону кровли. Плоскость фасада была расчленена также пилястрами, многочисленными окнами в рельефном обрамлении. Из просторного холла лестница вела на второй этаж в парадный зал. В здании располагалась школа. А в благоустроенном погребе хранились бочки с отменным вином. Вокруг дворца был разбит парк с экзотическими растениями. Усадебный комплекс был построен по планам венских архитекторов. Дворцовая архитектура была свидетельством нового уровня жизни дворян.

В обновление городов большой вклад внесла католическая церковь. В первой половине XVIII в. в Загребе был построен трехэтажный епископский дворец. Он стал в Хорватии образцом каменного зодчества в стиле зрелого барокко. Его фасад был расчленен множеством пилястр, связывающих два верхних этажа. Само здание соединяло две массивные круглые ренессансные башни. Это импозантное сооружение органически вписывалось в кафедральный комплекс при архитектурном доминировании собора. В епископском дворце проходили заседания хорватского сабора.

В славонском Джаково также была построена резиденция местного епископа. Это красивое двухэтажное здание, фасад которого был расчленен пилястрами, имело великолепно отделанный портал, на окнах первого этажа – художественные решетки из кованого железа.

Не отставали в своем стремлении к жизненным удобствам и каноники загребского Капитула. Но их дома были более скромными, чем апартаменты светской родовитой знати. Фасады каменных зданий украшались барочными элементами, иногда досками с надписями и геральдическими знаками.

В XVIII в. важную роль в архитектурном развитии Хорватии и Славонии продолжало играть культовое зодчество. Строилось много новых храмов, реставрировались и перестраивались старые.

Еще во второй четверти XVII в. в Градеце иезуиты реставрировали церковь Св. Катарины, которая обновила суще-

inslav

ствовавшую в Хорватии культовую строительную концепцию. Она положила начало здесь среднеевропейскому типу раннебарочной храмовой архитектуры. Церковь представляла однонефное, светлое высокое вытянутое помещение с покрытием в форме бочкообразного свода. На каждой стороне имелись три боковых капеллы, которые составляли целое с главным помещением. Рядом с алтарем находилась пространная ризница. Фасад церкви был расчленен пилястрами, между которыми располагались ниши со статуями святых. Первоначально на нем имелось также несколько маленьких окон. Портал подчеркивал главную ось строения, которую над алтарем акцентировала небольшая звонница. Имя архитектора этой церкви осталось неизвестным.

Этот тип культовой архитектуры постепенно получил распространение в иезуитских и францисканских церквах в Вараждине, Осиеке, Самоборе, в обновленной францисканской церкви Загреба и других местах. Но долгое время еще в Хорватии продолжали строиться деревянные церкви в модифицированных барочными элементами готическом и ренессансном стилях [16].

Церкви, возведенные в XVIII в., представляли распространенный тип однонефных строений, как правило, вытянутых. Но осваивались также и усложненные решения с куполом центрального типа. Приметами барочных храмов были система боковых капелл, узкий и высокий главный фасад (как дань готическому вертикализму), органически возвышавшиеся над храмом звонницы. Но расположение их было разным: над фасадом, в середине здания, над алтарем. Фасадные поверхности церквей расчленялись пилястрами, между ними находились ниши со скульптурами, на фронтоне размещались декоративные вазы. Украшением фасада были порталы со ступенями, вытесанными из камня колоннами, вазами, гербом, статуями в нише. Входные двери – массивные деревянные с косо положенными досками или из кованого железа с богатым растительным орнаментом. Были распространены и кованые решетки [17].

Ярким образцом барочного храма стала церковь Рождества Христова в монастыре урсулинок в Вараждине (1712–

inslav

1726). Ее фасад, типичный для зрелого барокко, был расчленен окнами, пилястрами и нишами. На фронтоне имелись скульптурные декоративные детали и статуи. За ним располагалась вознесшаяся ввысь колокольня. Это был новый мотив в хорватском культовом зодчестве, отразивший вечную устремленность человека к небесам, к Богу. Он варьировался вплоть до XIX в. Пространственность архитектурного образа барочного храма сочеталась с идеей взлета вверх в форме колокольни [18].

Существенные изменения происходили в интерьере храмов. Каменные барочные своды уступали место ровным деревянным потолкам. В церквах возводились хоры в связи с распространением пения в сопровождении органа. Украшением интерьера стала мебель в стиле барокко. Широкое распространение в светской и церковной архитектуре получили решетки и другие детали из кованого железа и железных прутьев с барочными мотивами.

Уникальным явлением среди приходских церквей, получивших барочный вид, была церковь Марии Белоснежной в Белце близ Златара. Внешне это был простой, однонефный, небольших размеров храм привычной концепции, с колокольней при фасаде (1674). С пристройкой боковых капелл до ризницы около середины XVIII в. он получил пространственный вид креста. Но интерьер церкви был полным контрастом скромному внешнему облику здания. Пышный алтарь с многочисленными статуями, колоннами, разнообразной пластикой, иллюзорные стенные картины, роскошная мебель, деревянный резной инвентарь – все это создавало целостное пространство в стиле зрелого барокко середины XVIII в. [19].

В XVIII в. в городах и за их пределами продолжалось строительство монастырей. В Хорватии было сооружено около 30 обителей, половина которых принадлежала францисканцам. Большую строительную активность этот орден развил в Славонии.

Конструктивно-пространственной формой монастырского комплекса традиционно был квадрат с церковью. Он представлял замкнутую композицию с внутренним двором. Чрезмерная декоративность в архитектурном убранстве мо-

inslav

настырских строений не поощрялась церковными властями, поэтому они, как и прежде, отличались простотой. Но здания обрели барочные элементы: своды, порталы с колоннами, художественные кованые решетки на функциональных окнах главного фасада. В первой половине XVIII в. в поселении Славонски-Брод на Военной Границе францисканцы построили двухэтажный монастырь, который имел портал с массивными круглыми колоннами. Это было одно из наиболее видных барочных строений в Славонии [20].

После ликвидации ряда католических орденов их монастырские здания были превращены в казармы и другие государственные объекты. Монастыри внесли в архитектурный облик Хорватии и Славонии строительную монументальность, замкнутый архитектурный ансамбль. Они способствовали расширению общественного поля барокко.

Середина XVIII в. была в истории хорватской архитектуры временем зрелого барокко. Оно получило развитие в провинциальных условиях северохорватских земель. Здесь не было опытных подготовленных строителей, способных решать сложные архитектурные задачи. В Хорватии в основном работали зодчие из Австрии и Штирии средней квалификации. Среди них не было крупных имен, они остались в безвестности, не войдя в анналы истории хорватской архитектуры. Услуги же известных архитекторов, особенно итальянских, стоили для большинства хорватских заказчиков слишком дорого. Не поощряла вычурность и излишества в культовом строительстве и католическая церковь. В силу этих обстоятельств архитектурный облик зданий в стиле зрелого барокко выглядел в Хорватии и Славонии умеренным. Даже репрезентативные здания не отличались здесь грандиозностью, помпезностью и чрезмерной пышностью с ее динамикой и пафосом. Но среди пришлых архитекторов были талантливые люди, которые сумели придать даже скромным барочным строениям современность, изысканность и элегантность.

Трансформация архитектурных форм с готики до классицизма протекала таким образом, что сначала барокко со-

inslav

четалось с позднеготическими нормами, а в конце XVIII в. смешивалось с классицистическими элементами.

Особый архитектурный комплекс в Хорватии и Славонии представляло безбрежное крестьянское деревянное зодчество. Оно характеризовалось большой традиционностью, народной самобытностью и устойчивостью в материале и конструктивных приемах. Строительное дело крестьян слабо зависело от историко-архитектурного процесса и явлений. Но именно в крестьянской деревянной архитектуре были освоены многие базовые строительные приемы и ценности. Опыт, накопленный народным зодчеством, так или иначе, подготовил каменное строительство.

Научная мысль

Важным показателем состояния хорватского общественного сознания было научное мышление.

Духовная атмосфера в Хорватии и Славонии в XVIII в. определялась зарождением новых потребностей общества, появлением элементов рыночной экономики в этих землях во второй половине столетия, освобождением в результате победоносной войны Священной лиги над Турцией от власти последней ряда земель, в том числе Славонии, и ее соединения в 1745 г. с Хорватией.

Европейская обстановка Просвещения с ее рационализмом и приоритетом знаний способствовала активизации научной мысли в Хорватии и Славонии. Неустойчивое положение этих земель в составе Австрийской монархии в обстановке реформ Марии Терезии и Иосифа II побуждало интеллектуалов к познанию прошлого и настоящего своей родины, сложность литературно-языковой ситуации с ее многоязычием усиливала тенденцию к стандартизации литературного языка на живой речевой основе.

В XVIII в. в Хорватии и Славонии первенствовали исторические сочинения. Они создавались исключительно на латинском языке. В Хорватии научный интерес к отечественной истории проявлялся в разных формах. Прежде всего переиздавались исторические сочинения, вышедшие ранее. Это были труд Луцича «О королевстве Далмации и Хорватии»

inslav

(1758) и книга о хорватских королях и банах Ратткая (Вена, 1772). Создавались и новые работы с историческим содержанием.

В Хорватии впечатляющей личностью, связавшей культуру XVII и XVIII вв., был Павао Риттер Витезович (1652–1713), проявивший себя в разных сферах культуры. Он родился в городе Сене в Приморье, где господствовал чакавский диалект, был сыном австрийского офицера, потомка выходцев из Эльзаса. Семья получила дворянство. Начальную школу молодой Витезович, видимо, закончил в родном городе, где духовную обстановку создавали священники – глаголяши. Затем была учеба в загребской иезуитской гимназии. Уже в это время в нем проявился неспокойный дух. Бросив гимназию, он отправился в Рим, откуда после кратковременного пребывания перебрался в Крайну. Здесь Витезович два года провел во дворце известного историка И.В. Вальвасора, помогая ему в подготовке его знаменитого труда «Слава герцогства Крайны». Молодой человек освоил гравирование по меди, картографию и сам проникся интересом к истории.

В 1682–1683 гг. Витезович в качестве делегата г. Сеня участвовал в работе венгерского Государственного собрания, в 1684 г. он уже – посланник бана Н. Эрдеди при австрийском дворе. Витезович не имел в то время постоянного места жительства, устойчивых занятий и доходов.

Наконец, скитальческая жизнь его, казалось, закончилась. Он постоянно поселился в Загребе, оказавшись в окружении епископа Микулича, бывшего его одноклассника по гимназии. В 1694 г. хорватский сабор не без поддержки епископа передал Витезовичу в управление провинциальную («государственную») типографию, основанную в Загребе еще в 1664 г., но бездействующую. Энергичный управляющий вселил в нее жизнь. Она начала работать в 1695 г. под названием «Королевская типография». Витезович напечатал в ней около 50 книг – панегириков, календарей, исторических сочинений.

В 1699 г. после окончания войны Священной лиги с Турцией и заключения Карловацкого мира Витезович как

inslav

представитель сабора вошел в комиссию по демаркации новых границ Австрии с Турцией и Венецией и лично участвовал в демаркации границы с Турцией на хорватско-боснийском участке. По желанию председателя комиссии он написал обширную записку, в которой высказался за освобождение Австрией всех южнославянских земель от власти турок и при этом отрицал право Венеции на Далмацию. Это вызвало интерес Вены. В то же время, работая в демаркационной комиссии, Витезович с горечью наблюдал, с какой легкостью австрийские представители оставляли туркам и венецианцам хорватские села и даже районы.

По приглашению двора Витезович посетил Вену. Здесь он получил привилегий на пользование всеми хорватскими архивами. Он был удостоен звания придворного советника, а позднее и титула барона, но без земельного владения. Витезович дерзновенно занимался типографскими и издательскими делами, но с 1706 г. началась череда неприятных для него событий. В Загребе сгорел его дом, а с ним пострадала и типография. Вся вина за этот ущерб была возложена на управляющего. Витезович был отстранен от руководства типографией, к тому же он проиграл многолетний судебный процесс, связанный с недвижимостью. В 1710 г. хорватский историк и писатель навсегда покинул Загреб и переселился в Вену. В 1712 г. на коронационной сессии венгерского Государственного собрания он представлял еще родной Сень. Но Витезович чувствовал себя человеком без родины и племени, испытывая одиночество и бедность. В 1713 г. он скончался [21].

В биографии Витезовича было немало ситуаций, которые подталкивали его к занятию историей. Он писал свои сочинения в основном на латинском языке, но прибегал и к родному диалекту, привнося на чакавскую основу кайкавские и штокавские элементы. Витезович впервые выступил в печати на чаковском диалекте в 1684 г. с поэмой на историческую тему «Сигетское расставание» (Линц, 1684; Вена, 1685), написанной на родном языке. Она была посвящена героической обороне Сигета от наступления турок в 1566 г. Автор прославлял заслуги руководителя обороны Николы

inslav

Зринского (Сигетского) перед родиной и Австрией. Сочинение было отчетливо окрашено хорватским патриотизмом.

Главным историческим трудом Витезовича была «Хроника, или Память веков всего мира». Она вышла в Загребе в 1696 г. на смешанном языке. В ней автор продолжил изложение событий после «Хроники» Врамеца (1578 г.) до своего времени. Как следовало из предисловия, он предназначал свою книгу для ознакомления с историей малообразованного населения – «чтобы большинство ею пользовалось» [22].

Сочинение было написано сухо и скупо. Но иногда автор излагал события, не скрывая горестных чувств. Под датой 1690 год значилась запись: «Взяли турки и нижний Белград, большой красивый город, легко и без крови, на великую печаль и вред всему христианству» [23].

«Хроника» Витезовича была написана в традиционном стиле. Но она, помимо того что была для своего времени источником исторических знаний, представляет историографический интерес в мировоззренческом плане. В «Приложении» к ней автор отождествил слова «иллирский» и «словинский» (славянский) применительно к языку. В то время понятие «иллирский» употреблялось в хорватской литературе применительно к хорватским диалектам. Витезович распространил его как изначальное на всех славян. Он опирался, вероятнее всего, на легенду о братьях Чехе, Лехе и Русе, прародину которых, вслед за историком Ратткаем, находил в хорватском городке Крапине в хорватском Загорье [24]. Витезович был уже в это время в поиске формы славянского объединения, который вскоре привел его к провозглашению Хорватии как целостному понятию для всех южнославянских и соседних с ними земель (стихотворение «Воскресшая Хорватия» – Загреб, 1700).

«Хроника» Витезовича была широко востребована в хорватской среде. Она выдержала три издания (1696, 1744, 1762 гг.). На нее, в частности, среди прочих сочинений опирался знаменитый далматинский писатель Качич Миошич при создании своей книги «Кораблица».

В 1701 г. в Вене Витезович издал на латинском языке «Стематографию» – южнославянский геральдический сбор-

inslav

ник. В 1702 г. она вышла и в Загребе с дополнениями. В книге получили выражение южнославянские интересы автора. Она легла в основу первого сербского печатного издания – «Стематография» (1741). В следующем году увидело свет сочинение Витезовича «Два столетия плачущей Хорватии» – о трудной судьбе Хорватии в последние века. Оно имело стихотворную форму, было написано на латинском языке гекзаметром. В некоторых сочинениях Витезовича историография и литература выступали в нерасчлененном виде.

Витезович завершил занятия историей в 1712 г., издав в Трнаве труд «Пленница Босния». Тогда же он закончил историю Сербии в средние века, но она осталась в рукописи.

Витезович занял место в национальной историографии как зачинатель хорватской политической мысли, получившей печатное выражение. Это сказалось на его исторических работах, проникнутых хорватским патриотизмом, южнославянской ориентацией и неприятием турецкого ига.

Яркой фигурой, проявившей себя в середине XVIII в. в историографии и литературе, был Балтазар Адам Крчелич (1715–1778). Он родился в селе Брдовец близ Загреба в дворянской семье. Образование получил в Загребе, иезуитской Хорватской коллегии в Вене и Иллирской коллегии в Болонье. Крчелич имел степени доктора философии и теологии, солидную юридическую подготовку, владел, помимо латинского, итальянским и французским языками. По завершении учебы он короткое время служил приходским священником в Хорватии, а с 1747 г., будучи загребским каноником, находился в Вене в должности ректора Хорватской коллегии. В столице высокопоставленный хорват вошел в придворный круг Марии Терезии, которая передала ему рукописное наследие Витезовича. В 1749 г. Крчелич вернулся в Хорватию, где стал членом Судебного стола, а впоследствии и архидьяконом.

По инициативе комиссии венского двора Крчелич составил предложения о реорганизации политического устройства Хорватии. Он сделал это в пользу усиления власти Вены. В Загребе стала известна записка каноника, что вызвало отчуждение от него местной элиты. Затем он вошел в конфликт с епископом и капитулом, который перерос в многолетний

inslav

судебный процесс. Это усилило его изоляцию в Загребе, хотя он пользовался уважением как специалист по юридическим вопросам. Крчелич скончался в Загребе [25].

Б.А. Крчелич был высокообразованным и талантливым человеком, со сложными взглядами и острым умом. Приверженец австрийского абсолютизма, обретавшего черты «просвещенности», он оставался в то же время патриотом Хорватии, консерватизм церковника сочетался в его позиции с отрицанием церковных орденов и иезуитской схоластики, безоговорочная защита интересов и власти католической церкви – с рациональным одобрением секуляризации школы и отстаиванием пользы наук и знаний.

По словам Крчелича, любовь к родине пробудила в нем интерес к политико-исторической науке, чтобы, опираясь на документы и используя опыт французских, бельгийских и других авторов, вывести «из тьмы на свет» историю своей земли [26]. Так появились в 1770 г. на латинском языке два исторических труда автора: «История загребского кафедрального собора» и «Предварительные заметки о королевствах Далмации, Хорватии и Славонии». Из «Истории...» увидела свет лишь первая часть, в то время как вторая, доведенная до 1667 г, осталась в рукописи. В «Предварительных заметках...» Крчелич предпринял попытку показать в целостности хорватскую историю до 1606 г. Собственник рукописного наследия Витезовича Крчелич шел его путем хронологического изложения истории и политической тенденции. Он поддерживал право австрийских Габсбургов на южнославянские земли, обрушиваясь на многовековую оккупацию Далмации Венецией. В методах работы автор стремился к критичности, расширению документальной базы, проявлял интерес к народной поэзии как историческому источнику. Это позволило ему развенчать ряд историографических заблуждений, в частности опровергнуть взгляд на генетическую связь славян с древними иллирийцами. Но в целом Крчелич не достиг современного ему уровня европейской исторической науки [27].

Крчелич написал также ряд других работ на латинском языке и родном, кайкавском диалекте. Но главный его труд пролежал полтора века в рукописи. Это были «Анналы, или

inslav

История 1748–1767». Грандиозное по масштабу и сложное по содержанию сочинение было написано автором в 1764–1767 гг. на латинском языке и относилось к мемуарному жанру с примесями историографии и летописания. «Анналы», не в последнюю очередь из-за остроты содержавшихся в них характеристик представителей хорватской знати и духовенства, увидели свет в оригинале лишь в 1901 г. В переводе В. Гортана на современный сербскохорватский язык труд был издан в Загребе в 1952 г. Он стал первоклассным источником для изучения жизни хорватского общества середины XVIII в., как и личности самого автора.

В 1777 г., на закате жизни, Крчелич подарил Королевской академии, высшему учебному заведению в Загребе, свою библиотеку. Она стала основой академической библиотеки, в дальнейшем современной Национальной и университетской библиотеки Хорватии.

Паулин Йосип Бедекович, живший в первой половине XVIII в., проявлял особый интерес к истории Далмации. Он считал ее, а также славонские пределы и Меджимурье, хорватскими землями [28]. Крчелич неоднократно упоминал в своих «Анналах» Далмацию. Это было свидетельством присутствия в общественном сознании северных хорватов понимания целостности хорватской территории.

В конце XVIII в. иезуит талантливый историк Йосип Микоци, применяя критический метод в работе с источниками, изучал раннесредневековую историю Хорватии. Его труд «Otiorum Croatiae liber unus», написанный на латинском языке, был посмертно издан А.А. Баричевичем в 1806 г. в Буде. Микоци придерживался взгляда на славянский генезис древних обитателей Балкан – иллирийцев, но допускал переселение сербов и хорватов на Балканы. Предположительно, книга Микоци служила учебником по хорватской истории на философском факультете загребской Академии [29].

Ученым с широкими научными интересами и признанными достижениями был Матия Петар Катанчич (1750–1825). Он родился в Вальпово (Славония). Вступив в число францисканских воспитанников, он учился в разных местах Венгрии (Печух, Буда, Бая, Сегедин), а затем в Вене. Сред-

inslav

нюю школу молодой человек закончил в городе Осиеке, который был наиболее известным францисканским центром в Славонии. Здесь было хорошо поставлено преподавание теологии, философии и латинского языка. В Буде Катанчич в 1778–1779 гг. изучал эстетику и поэтику. Получив хорошее образование, он проникся интересом к древностям.

В 1779 г. Катанчич стал профессором гимназии в Осиеке, затем в Загребе. С 1795 г. он преподавал археологию и нумизматику в пештском университете. В 1800 г. ввиду слабости здоровья Катанчич ушел на пенсию, укрылся в монастыре и там среди книг скончался [30].

Классическое образование позволило Катанчичу проявить себя в разных гуманитарных областях науки. Он занимался археологией, историей, географией, нумизматикой, филологией, эстетикой. При этом он был талантливым поэтом. Научное и литературное творчество Катанчича было разнообразным, включая небольшие работы, книги, переводы, университетские заметки. Он владел, кроме родного, венгерским, латинским, греческим языками, пользовался немецким, итальянским и французским. Но Катанчич писал научные труды исключительно на латинском языке. Далеко не все его работы получили выход в свет, многие остались в рукописи [31].

Катанчич был первым хорватским археологом с полной научной подготовкой, соответствующей его времени. Его интересовали прежде всего старинные памятники, надписи и монеты. Катанчич писал также о римских городах в Паннонии, о римских провинциях в Подунавье. Его труды и в настоящее время не утратили научного значения [32]. Но заключения историка по сложному вопросу происхождения народов Балкан и Подунавья в основном были ошибочны, особенно в части его утверждения о родстве славян и иллирийцев и автохтонности южных славян на Балканах.

Сочинения Витезовича, Микоци и Катанчича оказали влияние на последующее развитие хорватской исторической мысли.

В XVIII в. историография у северных хорватов представляла собой разрозненные сочинения на латинском языке.

inslav

Но, продолжая опыт Ратткая (XVII в.), историческая мысль не упускала из виду былое Триединое королевство. Накопление интеллектуалами исторических фактов сочеталось с освоением методических приемов – описания, систематизации знаний. Критика источников не стала еще основополагающим условием работы. Сказывалась и ограниченность кругозора авторов – священнослужителей. Над историческим мышлением давлели политические обстоятельства, отсюда выдвижение на передний край вопросов происхождения славян, их генетического отношения с древними иллирийцами, появления хорватов на Балканах и т. д. Историография в Хорватии находилась в переходной стадии, постепенно превращаясь из средневекового историописания, скованного религиозными постулатами, в науку, способную дать ответ на социальные запросы общества, что предполагало выработку исторической концепции и методических принципов исследования.

XVIII век характеризовался дифференциацией наук. Хорватия не была в стороне от этого процесса. В это время появились историко-литературные и био-библиографические работы. Вышеупомянутый Б.А. Крчелич написал небольшую книгу, выходившую за рамки его политических и церковных научных интересов, – «Обозрение писателей королевства Славонии с XIV до XVII вв.». Она вышла под псевдонимом А. Барича в 1774 г. в Вараждине. Это был первый обзор литературы северных хорватов с далеких времен до Витезовича.

Загребский профессор Адам Алойзие Баричевич (1756–1806) издал на латинском языке книгу «Собрание писателей савской Паннонии». По его словам, он хотел описать жизнь и деятельность тех лиц, которые «процветали славой науки». Автор представил кайкавских писателей и упомянул литераторов из Славонии, Боснии, Далмации и Сербии, т. е. из штокавских краев. В рукописи сохранился составленный Баричевичем «Хронологический каталог книг, изданных в Загребе с 1690 до 1800 гг.». Загребский профессор переписывался с писателями, историками, лексикографами разных земель.

Современник Баричевича славонский францисканец Й. Якошич (1734–1804) также проявил понимание важности

inslav

литературно-библиографического труда. Он оставил в рукописи на латинском языке сочинение о жизни славонских писателей с библиографией их произведений [33].

Новым явлением было выступление Катанчича по вопросам теории литературы. Он предпринял на латинском языке первую попытку рассмотреть хорватскую поэзию с эстетической точки зрения. Еще в 1791 г. в сборнике стихов «Осенние плоды» Катанчич кратко коснулся хорватской просодии, выступая за применение в хорватской поэзии традиционной латинской метрики. Позднее, в 1817 г., он издал в Буде большую работу с изложением своей эстетической позиции, основным принципом которой было построение стихов на хорватском языке на основе греческой и латинской метрики. Для того времени это была устаревшая концепция [34].

Одновременно происходило изучение родного языка. В обществе были востребованы словари. Много труда вложил в лексикографические работы Витезович. Он составил «иллиро-латинский» и «латинско-иллирский» словари. Но они остались в рукописи, причем сохранился только последний. Витезович был сторонником хорватского литературного языка, основанного на лексике трех диалектов: чакавского, кайкавского и штокавского, что получило отражение в его словаре. Он предложил реформу латинской графики, исходя из принципа – для каждого хорватского звука одна буква. Для этого Витезович впервые ввел диакритические знаки. Графические новшества он проводил в своих сочинениях. В 1740 г. вышел в свет при финансовой поддержке хорватского бана Й. Эстергази под редакцией Й. Орловича и А. Мужара большой латинско-хорватский и хорватско-латинский словарь, составленный еще в XVII в. паулином Иваном Белостенецем. Словарь имел название «Gazophylacium», что означало «сокровищница». Основу лексики хорватской части составили в нем кайкавские слова, но дополненные далматинскими и славонскими штокавскими выражениями, как и турцизмами. В словаре получила отражение тенденция Белостенеца к созданию единого письменного языка путем слияния каким-то образом трех хорватских диалектов [35]. Витезович и Бело-

inslav

стенец наметили направление реформирования хорватской письменности.

В 1742 г. появился латинско-«иллирско»-немецко-венгерский словарь. Работу над ним начал Ф. Сушник (1686–1739), выходец из Меджимурья, а закончил и издал профессор теологии Андрия Ямбрешич (1706–1758), родом из околицы Загреба. В рукописи остался латинско-«иллирско»-немецкий словарь с кайкавской лексикой архиепископа А. Патачича. Это был не обычный троязычный словарь, но своего рода энциклопедия с разъяснением различных общественных и философских понятий [36].

Лексикографическая работа сочеталась с попытками нормирования правописания. Выше уже говорилось об опытах Витезовича в этом направлении. Ямбрешич в своем словаре также высказывался по вопросу графики и правописания родного языка.

Нужды школы обусловили появление учебников. В 1758 г. в Загребе вышла на кайкавском диалекте «Хорватская арифметика» М. Шилобода Болшича. Автор предназначал ее «не для ученых, но для простых людей просто». Появились учебники правописания для школ [37].

Школьная реформа Марии Терезии 70-х гг. XVIII в. дала новый толчок изданию учебных книг на родном языке и переводу учебников и пособий с других языков. Это актуализировало вопрос о грамматике и правописании кайкавского диалекта, о преодолении разноязычия населения Хорватии и Славонии. Рождались идеи решения проблемы в рамках широкой славянской общности. Так в 1779 г. Иван Виткович в своей грамматике хорватского языка для немецкой молодежи поставил в ряд с «тевтонским» языком «иллирский» в значении общеславянского языка, а «хорватский» (кайкавский диалект) рассматривал как «перворожденную дочь» настоящей иллирщины. При этом автор выражал пожелание, чтобы все славянские языки однажды были согласованы, и эту задачу автор возлагал на правителей [38].

В 1783 г. работала специально созданная Веной комиссия по упорядочению правописания диалектов, распростра-

inslav

ненных в Хорватии и Славонии. Но единое правописание принято не было.

Такого же рода работа велась и в Славонии со штокавским диалектом. В 1735 г. церковный писатель А. Канижлич издал на латинском языке брошюру, в которой объяснил «первые начатки языка Иллирии»». Граничарский офицер писатель-просветитель М.П. Релкович, руководствуясь практической надобностью, выпустил грамматику штокавского диалекта и немецкого языка «Новую славонскую и немецкую грамматику» (Загреб, 1767). При этом автор прибегал к штокавским далматинским и кайкавским словарям, использовал слова и грамматические формы дубровчан. Пособие Релковича было столь нужной книгой в условиях Военной Границы, где официальным являлся немецкий язык, что оно выдержало еще два издания в Вене в 1774 и 1789 гг. Тот же автор перевел с немецкого языка пособие по овцеводству (Осиек, 1776) и с латинского – учебник «Возникновение естественного права» (Осиек, 1794). Эти работы просветителя способствовали не только продвижению в славонскую среду научно-практических знаний, но и разработке на штокавском диалекте сельскохозяйственной и юридической терминологии. В связи со школьной реформой М. Ланосович выпустил на немецком языке «Новое введение в славонский язык» (Осиек, 1778). В Боснии францисканцы издавали латинскую грамматику с толкованием на штокавском диалекте [39]. Работа велась в направлении систематизации штокавского диалекта.

В XVIII в. в Хорватии получили распространение справочные издания на кайкавском диалекте – календари. Самый ранний сохранившийся кайкавский календарь относился к 1653 г. После него, предположительно, с 1691 до 1705 гг. выходил календарь Витезовича «Месячник». С 1770-х гг. в Загребе издавался «Новый календарь» (с 1812 г. «Хорватский календарь»). В них печатались календарные сведения, хозяйственные и медицинские советы, стихотворные и прозаические сочинения [40]. Календари были наиболее распространенным изданием, доступным массе населения. Они свидетельствовали о диверсификации кайкавской книжной продукции.

inslav

XVIII век обострил внимание науки к гуманитарным вопросам. В Хорватии и Славонии этому способствовали и ряд специфических факторов. В хорватских условиях выделились как самостоятельные научные знания история, археология, история литературы, лексикография, лингвистика. Здесь не было условий для развития точных и естественных наук. Давление политических интересов, классический характер образования в иезуитских гимназиях и Академии Загреба при господстве схоластики, узость научного кругозора большинства интеллектуалов – священнослужителей, характер библиотечного фонда, слабость научного опыта в Хорватии и его отсутствие в Славонии, малочисленность интеллектуальной среды, само исходное начало зарождения науки в виде грамматики и истории – все это определяло гуманитарный крен хорватского научного мышления. К тому же Хорватия в силу исторических обстоятельств, прежде всего не прекращавшейся длительное время турецкой агрессии, требовавшей для противостояния ей напряжения всех сил общества, не пережила Возрождения с его подъемом светской культуры, в том числе и знаний, не сложилась здесь и идейная система Просвещения, озаренного культом науки, «мыслящего разума», хотя его свет, исходивший из Европы, и затронул каким-то образом хорватское общество. В Славонии умственная культура на протяжении 150-летнего турецкого гнета вообще находилась в полуживом состоянии и воспряла к цивилизованной жизни лишь во второй половине XVIII в.

И тем не менее, вопреки всему в Хорватии и Славонии в XVIII в. незрелая наука, без крупных имен и мировой значимости открытий, решала локальные, практические, связанные с жизнью задачи. Были предприняты заметные усилия в этом направлении и сделан вклад в гуманитарные знания, необходимый для дальнейшего развития научной мысли. На рубеже XVIII–XIX вв. отдельные хорватские ученые проявляли высокий научный потенциал.

inslav

Северохорватская литература

В XVIII в. литература в Хорватии оставалась двуязычной. Она создавалась на латинском языке и кайкавском диалекте. Двуязычие проявлялось не только у разных писателей, но и в творчестве одного лица. По роду интересов и занятий многие создатели литературных произведений одновременно писали исторические сочинения, вели лексикографическую работу, составляя словари, издавали учебники и т. д. Это были не профессиональные писатели, а скорее носители книжной культуры.

Литература находилась главным образом в руках церковных лиц. Она решала прежде всего церковные задачи. Религиозная литература по своему содержанию, характеру и жанрам продолжала традиции XVII в. Она представляла поток катехизисов, сборников молитв, проповедей, «советов» религиозной и воспитательной направленности. При этом авторы широко иллюстрировали свои сочинения всевозможными притчами, имевшими разные источники, и оживляли духовными песнями, а то и вовсе создавали стихотворные тексты, подражая нередко стилистике народных песен и используя их метрику. Так или иначе церковные писатели отражали в своих сочинениях отдельные мирские явления, в частности реальной жизни Хорватии, расширяя кругозор читателей.

Плодовитым церковным писателем был загребский францисканец Стефан Загребец (1688–1742). Он мастерски компоновал притчи, устрашая грешников. Неустанно работая, Заграбец написал обширный проповеднический труд на кайкавском диалекте в пяти частях, которые выходили в основном в Загребе с 1715 по 1734 гг.

Одним из наиболее известных церковных кайкавских писателей был иезуит Юрай Мулих (1694–1754). Он был родом из дворянской общины Турополе. Это был человек подвижной, активный и в высшей степени консервативный. В его литературной деятельности церковное просветительство сочеталось с нападками на вольтерианцев и руссоистов.

inslav

Мулих составлял катехизисы и молитвенники на народных диалектах в зависимости от местности, где распространялись эти книги. Он много раз вдоль и поперек объехал и обошел Загребскую епархию и Венгрию, проповедуя католические ценности. Мулих писал также религиозные песни, которые умело снабжал моральными и церковными поучениями. Он распространял их в простом народе, стремясь вытеснить с их помощью из обихода народные песни.

Этому автору принадлежали как оригинальные, так и переводные сочинения с немецкого, латинского, испанского языков. Он пользовался в литературной работе родным кайкавским и штокавским икавским диалектами. При этом Мулих сознательно вносил в свой кайкавский текст элементы славонского штокавского диалекта икавского произношения. Это отвечало объединительным славянским традициям Римской курии, но также и пробивавшейся потребности в литературно-языковом сближении кайкавского и штокавского населения Хорватии и Славонии [41].

Видной фигурой кайкавской литературы того времени был паулинец Хиларион Гашпароти (1714–1762). Ему принадлежали четыре книги жизнеописаний святых и проповедей «Цвет святых» (1752–1761). Это были переводы, компиляции, а также оригинальные сочинения (в основном проповеди). Среди прочих авторов Гашпароти упоминал в энциклопедическом труде дубровчанина М. Орбина и Ф. Главнича из Истрии. Он преследовал задачу религиозного и нравственного просвещения населения. Но его книги благодаря привнесению в них автором иносказательных рассказов, исторических реминисценций стали увлекательным чтением, своего рода беллетристикой, способной захватить умы и души неискушенных грамотных хорватов [42]. Заметным культурным явлением стало первое печатное издание большого сборника «Cithara octochorda» – собрания религиозных песен на латинском языке и кайкавском диалекте, снабженных большей частью нотным текстом. Это были поэзия и музыка, веками функционировавшие на кайкавской территории. Сборник выдержал три издания (Вена, 1701, 1723; Загреб, 1757). Не-

inslav

обыкновенная красота многих песен обеспечила ему долгую жизнь [43].

Главной функцией церковной кайкавской литературы было разъяснение населению католического учения. В то же время она прививала прихожанам чувство значимости родного языка. Духовные писатели совершенствовали его, сознательно стремились иногда к сближению кайкавского и штокавского диалектов. Наиболее талантливые авторы вносили вклад в эстетическое обогащение литературы. Претерпевала изменения стилистика религиозных песнопений. Духовные писатели (Мулих, но особенно штокавцы боснийские францисканцы) создавали церковные песни в народном стиле, десетерцем (народным десятистопным стихом). На мелодии популярных народных песен «накладывались» религиозные стихи [44]. С одной стороны, это могло быть проявлением естественного процесса проникновения в церковную сферу элементов светской культуры. Но с другой – церковники предпринимали сознательные шаги, чтобы вытеснить народную и вообще светскую поэтическую стихию из жизни общества, сузить сферу ее функционирования.

Церковное просветительство представляло сложное явление. Решая свои традиционные задачи, оно выполняло специфические общественные функции. Но церковные писатели сочетали, как правило, религиозное поучительство с консерватизмом, излишним традиционализмом в сферах политики, культуры, быта.

Особое место в кайкавской литературе занимали рукописные стихотворные сборники, включавшие песни разных времен, начиная с древности. Им принадлежала ниша между словесным фольклором и книжностью. Входившие в эти сборники сочинения создавались анонимными авторами – дворянами, священниками, иными образованными людьми. Сборники носили целиком духовный или только светский, а также смешанный характер. Кайкавская духовная поэзия большей частью была переводной с латинского языка. Кайкавские рукописные сборники включали иногда песни на других хорватских диалектах, а также на латинском, венгерском и немецком языках. Содержание светских песен было

inslav

разнообразным, включая любовную лирику, стихотворения с описанием природы, исторические песни, связанные с конкретными событиями, шуточные сочинения. Они отражали мысли и чувства конкретного человека в разных жизненных обстоятельствах. В рукописных сборниках встречались иногда стихотворения, раскрывавшие богатство поэтической метрики, содержавшие свежие образы и отмеченные большими выразительными способностями кайкавского диалекта [45].

В XVIII в. в хорватской художественной культуре протекал процесс барокизации, начавшийся еще в XVII в. Он затронул в том числе светскую и полусветскую литературу. Ее представителем на рубеже веков был П. Витезович. Человек с широким кругозором, он во многом опередил свое время. Его многогранное творчество связало XVII и XVIII столетия.

Витезович был в Хорватии впечатляющей личностью, первым светским профессиональным писателем и историком. Ему принадлежала масса стихотворных произведений, приуроченных к какому-либо событию, поздравительных панегириков в честь видных и знаменитых лиц – Леопольда I, хорватского бана, венгерского палатина, епископов и многих других.

Как уже отмечалось, он впервые выступил в печати в 1684 г. с поэмой «Сигетское расставание», посвященной славной обороне Сигета от наступления турок в 1566 г. В предисловии «К читателю» автор писал, что он издал на родном языке это сочинение, «чтобы наш славный хорватский язык» не был предан забвению [46]. Оно было написано как воспоминание о защите Сигета и этим отличалось от более ранних произведений на сигетскую тему.

В наиболее известном стихотворении «Воскресшая Хорватия», написанном по следам победы Священной лиги над Турцией и изданном на латинском языке в 1700 г. в Загребе, Витезович предстал как политический мыслитель. В нем он охватил названием «Хорватия» территорию от междуречья Савы и Дравы до Приморья и от Альпийских гор до Сербии и далее на восток, т. е. населенные южными славянами и соседними народами земли. В этом угадывалось стремление автора к верховенству Хорватии в южнославянском регионе.

inslav

В 1703 г. увидело свет его стихотворное произведение «Два столетия плачущей Хорватии» – о трудной судьбе Хорватии в последние века. Оно было написано на латинском языке гекзаметром.

Сильное впечатление произвела на Витезовича победа Петра I над шведами под Полтавой в 1709 г. В лице России он увидел силу, способную разбить Турцию. Это получило выражение в созданном им в 1710 г. стихотворном венке из 20 анаграмм на латинском и родном языках. Автор призвал Петра I сокрушить Османскую империю и взять Царьград. Предположительно латинский вариант был напечатан, но сохранился он лишь в рукописи [47]. Это были первые упоминание в северной хорватской литературе о Петре I и выражение конкретного восприятия России.

Политическое мышление и исторические интересы Витезовича получали нередко в его творчестве стихотворную форму.

Идейная позиция Витезовича получила выражение и в сосредоточенности его научных интересов: в издании южнославянского геральдического сборника «Стематография», исторического сочинения «Пленница Босния», в работе над историей Сербии в средние века.

Хорватский деятель проявлял интерес к народному творчеству и собирал его. В 1702 г. в Загребе он выпустил сборник пословиц, которые ранее были напечатаны в его календарях [48].

Витезович с его разносторонними гуманитарными интересами, творческой активностью и научной интуицией внес много нового в культурное развитие хорватов и закрепил имевшиеся уже достижения. Он положил начало развитию в Хорватии политической мысли в духе раннего Нового времени, отмеченной, хотя и утопическими, раздумьями о судьбах родины, впервые набросал путь реформирования латинской графики, обогатил хорватскую историографию и литературу значимыми сочинениями. Деятельность Витезовича усилила культурное значение Загреба. Влияние его творчества испытали представители не только хорватской, но и сербской культур XVIII–XIX вв. Деятели хорватского на-

inslav

ционального Возрождения, начиная в 30-х гг. XIX в. литературно-языковые преобразования, не обошли вниманием первый опыт реформирования хорватской латиницы предшественником и его трехдиалектный принцип создания общехорватского литературного языка.

Сочетание в творческой деятельности занятий историей и литературой было характерно также для Балтазара Адама Крчелича.

В своем фундаментальном труде «Анналы» автор назвал и описал не связанные порой между собой главные события хорватской жизни, которые в целом представляли широкую панораму положения Хорватии. В труде были показаны должностные назначения, борьба среди верхушки дворянства за хорошо оплачиваемые места, церковные торжества, работа хорватского сабора, состояние торговли и участие в ней аристократии, внешняя политика австрийского двора, вклад хорватов в его военные действия, повседневная жизнь в городах и многое, многое другое. Крчелич впервые описал волнения крестьян и граничар в Хорватии и Славонии, считая поводом для них перепись населения в 1755 г. Это описание вошло затем в историографию восстаний.

Писатель не был бесстрастным фактографом. Его пытливый ум анализировал и оценивал действия хорватских властей, давал меткие и порой нелицеприятные характеристики хорватским политикам и видным лицам. Так, он писал о местной административно-политической верхушке рубежа 40–50-х гг., в частности о вицебане А. Найшице, казначее королевства Ив. Бужане, что они были не «богами королевства», как их называли современники, а «грабителями родины» [49]. Мемуарист отмечал моральные изъяны католического духовенства, которое больше заботилось, по его словам, об обретении богатства, нежели о спасении души [50]. Его беспокоило общее духовное разложение общества. «Роскошь, обман, ложь, безграмотность, – писал он, – вот современные божества и идолы» [51]. Крчелич, быть может, как никто другой в Хорватии, ощутил приближение иных времен, нестабильность и неустойчивость общества, казавшиеся ему крушением жизни. И не отсюда ли проистекали его политические

inslav

симпатии к Марии Терезии, вообще к австрийскому абсолютизму, обретавшему черты «просвещенности», как силе, способной якобы предотвратить и остановить разрушительный процесс.

Крчелич вел порой жесткий, порой взволнованный, порой непринужденный разговор с читателем, прямо обращаясь к нему – «знай, читатель!». «Анналы», сугубо светское сочинение, в отдельных частях представляли вполне реалистическое описание жизни и современников. Вот словесный портрет представителя хорватской элиты графа Б. Магдаленича: «Был прост и с добрым сердцем. Его украшала телесная красота, поэтому он был дорог женщинам, которых ни сам в молодые годы не чуждался и их легко заполучал. Впрочем, был истинный придворный, любил шутки и сам охотно шутил. Жил без напряжения и счастливо, легче добивался почета, чем его заслуживал, был очень гостеприимным и охотно угождал иностранцам. В еде и одежде держался золотой середины и постоянно имел у себя гостей. Благодаря всему этому пользовался уважением» [52]. Сочинение Крчелича заняло заметное место в истории хорватской литературы, однако не оказало влияния на литературный процесс.

Крчелич внес существенный вклад в хорватскую культуру еще и тем, что подарил Королевской академии в Загребе свою богатую библиотеку, состоявшую из книг и рукописей.

На стыке кайкавской и штокавской языковых зон, близ Госпича (Военная Граница), родился в 60-х гг. Й. Крмпотич (ум. ок. 1797 г.). Он стал капелланом и провел большую часть жизни в Вене. Крмпотич оставил след в хорватской литературе своими песнями «по случаю» и панегириками, в которых был слышен отзвук поэзии дубровницких авторов Гундулича и Джурджевича, а также славонца Канижлича. Одно из стихотворений – «Поездка Екатерины II и Иосифа II в Крым» (Вена, 1788) – автор посвятил встрече Екатерины II и Иосифа II на юге России в 1787 г. [53]. Так образ русской императрицы вошел в хорватскую литературу.

На исходе XVIII в. литературная ситуация в Хорватии была отмечена появлением сочинений, посвященных актуальным общественно-политическим вопросам текущей жиз-

inslav

ни. Революционные события во Франции не обошли своим влиянием Загреб. В 1794 г. на торговой площади города было воздвигнуто «Дерево Свободы», символ революции, с якобинским колпаком на его вершине. В середине 90-х годов в Загребе распространялись две рукописные листовки со стихотворениями на кайкавском диалекте. Они имели близкие содержание и форму, что дало основание хорватским исследователям предположить их принадлежность одному автору. По-видимому, это был смелый человек из круга аббата Иг. Мартиновича, возглавившего в 1794 г. «якобинское» тайное общество в Пеште. Оно было связано с Хорватией и Славонией.

Анонимный автор выражал поддержку Франции и идеям свободы, равенства и братства. Разделяя антифеодальное и антиклерикальное настроения, он выступал против зависимости кметов, за гражданское равноправие господ и крестьян. Листовки отвращали от войны против французов [54]. Это было время войны европейской коалиции с Францией, время термидорианской реакции и Директории в самой Франции, когда новая армия была еще овеяна славой революции. Стихотворения означали принципиальный сдвиг в развитии хорватской общественно-политической мысли, знаменуя собой зарождение гражданского сознания, а в литературе – зачатков гражданской поэзии.

Появление в Хорватии сочинений, проникнутых новыми передовыми идеями, не осталось без внимания консервативного большинства общества. В «Новом календаре на 1801 г.» известный писатель патер Гргур Малевац, который в то время был редактором загребского календаря, напечатал под псевдонимом Грегор Капуцин (Монах) стихотворение «Хорват хорвату по-хорватски говорит». В нем автор высказался против Франции и соответственно против революционных движений в Европе, доказывал необходимость сохранения в Хорватии кметства [55]. Это было первое противостояние в хорватской литературе реальных социальных сил в обществе.

В 1796 г. в Загребе вышла из печати книга, в которой получила выражение новая постановка литературно-

inslav

языковой проблемы, – «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям». Ее автором выступил Йосип Шипуш, житель города Карловаца, главного центра экспортной торговли хлебом. Он был образованный экономист и филолог, ученик известного историка, филолога и публициста Шлёцера. Книга была посвящена загребскому епископу М. Врховцу и напечатана в епископской типографии.

Сочинение было написано на языке, представлявшем смесь кайкавского, чакавского и штокавского диалектов. В предисловии к нему Шипуш высказался за единый литературный язык, правописание и терминологию для населения Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствовавших там диалектов. Он рассматривал этот вопрос, исходя из интересов процветания народа и свободной хлебной торговли [56].

Новизна этой книги, автор которой охватил в сознании основные хорватские пределы, состояла в постановке вопроса о языковой целостности населения Хорватии, Славонии и Далмации (без разделения при этом сербов и хорватов), в определении пути его объединения в литературном языке на основе наиболее распространенного в указанных землях диалекта, а таковым был штокавский диалект, возможно, с включением в общий язык элементов и других диалектов, судя по смешанному языку самого автора, наконец, в исходной мотивации такого объединения – общественных интересов. Впервые литературно-языковая проблема была публично поставлена как актуальная задача времени. Книга Шипуша стала знаковым событием, отразив предчувствия в обществе грядущих перемен и знаменуя собой зарождение в Хорватии публицистики.

В XVIII в. большой вклад в сокровищницу хорватской литературы внесли писатели Славонии. До середины века эта провинция была сферой исключительно народной поэзии и религиозной письменности на штокавском диалекте. Хранителями письма на народном языке выступали фпанцисканские монастыри. Книжники-францисканцы проявляли патриотическое отношение к родной речи. В Боснии, например, в условиях двуязычия (латынь и штокавщина) францискан-

inslav

цы Т. Бабич (1736) и Е. Филипович (1750) утверждали в своих книгах необходимость писать на народном языке [57]. Сама славонская книжность, носившая религиозно-дидактический характер, состояла из катехизисов, молитвенников, житий святых, сборников проповедей и духовных стихов.

На этом сером фоне развернулось яркое писательское дарование Антуна Канижлича (1699–1777). Уроженец города Пожеги, он получил среднее образование в иезуитских учебных заведениях родного города и Загреба, где и сам вступил в иезуитский орден. Канижлич учился в университете Граца и в Трнаве.

Завершив учебу, Канижлич служил профессором в Вараждине и Загребе, в 1728 г. был рукоположен в священники. Он занимал должность управляющего школами и просветительными учреждениями в Загребе, Пожеге, Осиеке, Петроварадине и Вараждине. Благодаря поездкам он познакомился с жизнью в разных краях. После ликвидации иезуитского ордена в 1773 г. священнослужитель стал председателем Консистории в Пожеге. Здесь он и умер.

Канижлич начал писательскую деятельность с молитвенников и катехизисов. В зрелые годы он написал два основных сочинения – «Истинный камень большого раздора» и «Святая Рожалия». Обе книги вышли в свет в 1780 г. (Осиек и Вена) посмертно.

«Истинный камень» представлял теологическое и историко-церковное сочинение, в котором автор пытался доказать, что некогда в церкви было единство, поддерживаемое авторитетом римского папы, но в результате отступничества константинопольского патриарха Фотия дело дошло до раскола. Автор клеймил его последователей – отцов церкви за предательство и иноверие. В контексте идейных установок курии Канижлич писал о родстве и близости славян, рассматривая каждый из этих народов как «благородный лист славного иллирского леса». Это сочинение вошло в историю хорватской литературы как первое оригинальное прозаическое произведение на новоштокавском диалекте икавского произношения [58].

inslav

Самое известное сочинение Канижлича – поэма «Святая Рожалия» – было посвящено популярной святой из Палермо (Сицилия). С ней были связаны разные легенды, согласно которым эта девушка из благородной семьи, жившая при королевском дворе, ушла в пустыню, чтобы служить Богу. В поэме рассказывалось об отшельническом периоде ее жизни.

В выборе темы сочинения Канижлич не был оригинален. Тема покаяния грешников и радости святой жизни была распространенной в далматинско-дубровницкой барочной литературе (Гундулич, Бунич, Вучич, Джурджевич). Оригинальность поэмы Канижлич состояла в том, что ее героиней была не грешница, а благородная девушка, которая отозвалась на зов «небесного жениха» [59]. В отличие от традиционной антитезы греха и милосердия, Канижлич воспел как подвиг религиозный экстаз и аскетический образ жизни. Поэма была запоздалым барочным сочинением. Черты барокко в ней получили выражение как в самом поэтическом жанре, так и в литературных приемах – описаниях, персонификации, аллегории, экзальтации и др.

По идейно-тематическому содержанию с его римско-католической религиозностью, барочной палитре, ограниченности церковными канонами художественного мышления автора поэма носила церковно-традиционалистский характер. Но ее богатый и выразительный штокавский язык, проблески в ней реалистического описания природы и бытовых жизненных реалий, перекличка местами с народной песней, наконец, высокое версификаторское мастерство автора сделали поэму достижением хорватской литературы.

С 60-х годов XVIII в. начались заметные сдвиги в литературном развитии Славонии: появилась светская литература на народном языке, проникнутая идеями, хотя и незрелого, Просвещения. Ее зачинателем выступил Матия Антун Релкович (Свиняр – теперь Давор-село, 1732 – Винковци, 1798).Он происходил из славонской граничарской семьи, сам начал службу граничаром. Но уже в Семилетней войне он участвовал в чине капитана. Оказавшись в плену, Релкович почти два года провел в Пруссии, посетив при этом и Саксонию. Здесь будущий писатель упрочился в знании немецкого

inslav

языка, выучил французский и познакомился с литературой на них. Пребывание в Пруссии в период правления там «просвещенного» монарха Фридриха II оставило глубокий след в сознании хорватского офицера. Он увидел «ухоженные города и села». Все, что окружало его, разительно отличалось от разоренной и заброшенной Славонии. У Релковича пробудилось желание с помощью литературы помочь воспитанию и просвещению соотечественников, что представлялось ему первоочередным условием улучшения жизни. Этой задаче он посвятил свое главное сочинение – поэму «Сатир, или Дикий человек», которую издал в Дрездене в 1762 г.

Релкович ввел в поэму мифологический образ Сатира – «дикого человека». Представления о «естественном человеке», жившем в гармонии с природой и наделенном нравственными преимуществами, были распространенными в западном Просвещении. Им отдали дань Ж.Ж. Руссо, Ф.М. Вольтер, Д. Дидро и другие, менее значимые авторы. В поэме Релковича простодушному дикарю противостоял мир жестокий и невежественный.

Хорватский автор написал поэму на родном штокавском диалекте, популярным в народе десятистопным стихом со смежными рифмами. Он включил в сочинение и прозаические вставки. Писатель был ориентирован на простых славонских крестьян и с ними вел разговор. Он обращался к ним со словами «мой дорогой Славонец», «дорогие братья и добрые земляки». Релкович хотел вернуть своим произведением долг «милому Отечеству». Патриотизм был побудительным мотивом его творчества.

Писатель нарисовал во вводной части поэмы картины родной Славонии, «земли благородной», украшенной зелеными лесами, омытой четырьмя реками. Бог одарил ее всяческими плодами, она родит виноград и пшеницу. Некогда Славония славилась и знаниями, она была матерью многих языков – венгерского, чешского, хорватского, польского, «вандальского», моравского и московского. Релкович выразил взгляд на благодатную Паннонию как колыбель венгров и всего славянства.

inslav

Однако турецкое завоевание, по мысли автора, привело Славонию к разорению и упадку. Для него было тягостным видеть современное состояние родного края: отсталость сельского хозяйства, примитивное земледелие, бездумное уничтожение лесов, бедность и убогость сел. Особое беспокойство писателя вызывали темнота и невежество крестьян, отсутствие общеобразовательных школ, отвращение сельских жителей к учению, почти поголовная неграмотность населения, духовный мрак. В поэме устами Сатира порицались косность патриархального семейного уклада, вредные, с точки зрения писателя, обычаи и обряды, пороки каждодневной жизни. Это посиделки с хороводами и попевками, служившие помехой сельским работам и наносившие вред нравственности, пристрастие мужчин к табаку и питью, выбор жениха или невесты в зависимости от степени богатства, а не по трудолюбию и нравственным качествам, непомерные для бедных расходы, связанные с затяжными и многолюдными свадебными празднествами и подарками, и пр. Осуждение писателя вызывало вырождение «мобы» (традиционной помощи сельчан вдовам и сиротам) в эксплуатацию бедняков богатыми крестьянами [60].

Показывая путь к искоренению недостатков в жизни славонцев, Релкович утверждал: «Нужны школы и другие знания» [61]. Хорватский автор поднял серьезную проблему – необходимости и права народа двигаться к цивилизованности и европейскому образованию.

Релкович не только критиковал темные стороны жизни славонцев, но давал в поэме практические советы по улучшению земледелия и содержанию скота, рациональному использованию угодий, правильному строительству жилья и др. Распространению полезных знаний в обществе служили и его переводные научно-популярные сочинения, и грамматика письменного языка, нацеленная на обучение ему полуграмотного населения. Релкович стремился в разных формах внести свой вклад в обновление жизни славонцев на «здравых» началах.

Поэма Релковича «Сатир» была отмечена новизной в тематическом, идейном и литературном отношениях. Это было

inslav

первое подлинно светское сочинение на северохорватской культурной территории, написанное светским человеком под прямым влиянием духовной атмосферы в Германии в век Просвещения. В нем впервые была нарисована картина современной сельской жизни с позиции рационалистического видения мира. Поэма представляла сплав реалистического нравоописания и публицистичности. В ней в стихотворной и прозаической формах получили выражение литературные возможности славонского штокавского диалекта. Отличительными чертами поэмы стали ее связь с реальной жизнью, искренность чувств автора, его свободное от традиций мышление, народный стих. Это глубоко патриотическое сочинение, вскрывающее недостатки в жизни Славонии и направленное на их искоренение и достижение процветания родины, было проявлением просветительского мышления. Автору грезилось славонское общество, основанное на знаниях.

Принципиальной особенностью поэмы в литературной ситуации в северохорватском регионе являлась ее приближенность к крестьянам. Сельчане были в центре внимания автора, и его целью была помощь им. Релкович–писатель выступил на стороне простого народа. Он писал живым разговорным языком, чтобы быть понятным ему и убедительным.

Поэма «Сатир», полуторатысячный тираж которой полностью разошелся, получила второе издание (Осиек, 1779). Она была автором переработана и расширена. На этот раз Релкович, разделяя иллюзии, связанные с «просвещенным абсолютизмом», показал обновленную Славонию в результате реформ Марии Терезии [62].

В этом издании, в частности, иначе выглядит отношение Релковича к народной поэзии, нежели высказанное им ранее порицание посиделок с попевками. В предисловии к нему автор писал: «Все мои земляки – певцы, и от природы стихотворцы: все свои героические подвиги они воспевают в песнях и хранят их в памяти» [63]. В этих словах выражены не только признание поэтической одаренности простого народа, но и ценность народной поэзии как сокровищницы его исторической памяти. Возможно, корректировка Релковичем

inslav

взгляда на устную поэзию была связана с новой концепцией поэмы.

Хорватский просветитель выступил также зачинателем художественного перевода на славонский новоштокавский диалект. Верный принципу «поучать, развлекая», он издал сборник притч и афоризмов «Обо всем» (Осиек, 1795), составленный из разных книг. Опираясь на опыт распространения басен у других народов, Релкович напечатал в прозаическом переводе (с французского и немецкого языков) басни Эзопа (1796) и подготовил к печати перевод басен Федра и «индийского философа» Пильпая [64]. Художественная переводческая деятельность Релковича имела морально-дидактическую направленность в просветительском варианте.

На творчество писателя оказала влияние античная литература. Оно особенно очевидно в его переводах. Использование автором античного наследия отвечало обновлению северохорватской литературы, сближая ее с классицизмом.

Релкович занимался также лексикографической и популяризаторской работой, ему принадлежали сравнительная грамматика штокавского диалекта и немецкого языка, практическое пособие по овцеводству в переводе с немецкого языка и с латинского – учебник по естественному праву.

Заинтересованное отношение Релковича к «благородному народу», ясность авторской позиции, новоштокавский диалект на народно-речевой основе – все это обеспечило интерес к поэме «Сатир» со стороны сербского населения Славонии. Свидетельством тому стало издание поэмы учителем в Осиеке Стефаном Раичем кириллицей (Вена, 1793; Буда, 1807). Издатель переложил сочинение с икавской формы диалекта на экавскую и ввел отдельные славянизмы, как это было свойственно тогда «славяно-сербскому» языку сербской литературы. Раич посвятил свой труд «достолюбезной сербской молодежи», указав при этом на воспитательный характер поэмы и ее «поучительный пример сочинения стихов на сербском языке» [65].

Творчество Релковича, прежде всего его поэма «Сатир», впервые поставило в литературе Славонии актуальные проблемы общественного звучания. Поэтому поэма вызвала от-

inslav

клики на родине писателя, как одобрительные, так и критические.

В разгоревшейся полемике сторонником Релковича выступил Вид Дошен (ок. 1720–1778). Он родился в Трибне, небольшом далматинском селе у моря в отроге Велебита (отсюда его самоназвание – «далматин с Велебитского моря»). Получив начальное глаголическое образование, Дошен был рукоположен в священники–глаголяши. Но затем, испытывая тягу к знаниям, он перебрался на север в Хорватию, где продолжил образование в Крижевцах и загребской Академии. По завершении учебы в Хорватии, молодой священник слушал теологию в университете Граца. Дошен получил хорошее для своего времени теологическое образование.

С 1768 г. Дошен был приходским священником в селе Дубовик в Славонии, сочетая в течение трех лет, в 1773–1776 гг., эту службу с обязанностями профессора моральной философии и директора гимназии в Пожеге. Дошен был образованным человеком, отличался высокой общей культурой. В его библиотеке в Дубовике, помимо литургических книг, имелась и общеобразовательная литература. Священники-глаголяши всегда отличались близостью к простому народу. В течение 20 лет Дошен находился в Славонии в его гуще. Поэтому не удивительно, что он проникся сознанием необходимости подъема культуры крестьян [66].

С именем Релковича было связано непосредственно первое сочинение Дошена – поэма «Эхо гор, которое откликается и отвечает на стихи Сатира и славонского тамбуриста» (1767). Автор решительно встал на защиту Релковича от нападок памфлетиста францисканского монаха, выступившего в 1767 г. в печати под псевдонимом Тамбуриста славонского. В прозаическом предисловии и в самой поэме Дошен высоко оценил сочинение Релковича. По его словам, хорватский офицер «написал книжицу, в которой стремился свою родину Славонию украсить должными добродетелями и очистить от гибельных недостатков» [67]. Дошен подчеркивал патриотизм Релковича и его заботу о процветании родины. Критика темных сторон народного быта, по мнению священника, преследовала цель, «чтобы народ принял то, что весь разумный свет

inslav

имеет!» [68]. Автор и сам приводил красноречивые примеры отсталости и темноты сельчан.

Дошен приветствовал также выход «Грамматики» Релковича. Ее задачу священник видел в том, чтобы помочь народу научиться «правильно писать» [69].

Второе сочинение этого автора «Семиглавая змея» косвенно также было связано с творчеством Релковича. В стихотворном эпосе, состоявшем из семи песен, он раскрывал семь смертных людских грехов на материале реальной жизни Славонии [70]. Дошен писал остро и непримиримо о человеческих недостатках и слабостях, о темных обычаях и предрассудках земляков.

В центре внимания Дошена были нравственно-бытовые стороны крестьянской жизни. Он заявил о себе как сторонник книг, знаний, образования, считая их условиями преодоления земляками нравственных недугов. При этом в поэме «Семиглавая змея» он пошел дальше Релковича, выразив протест против социальной несправедливости. Он с неодобрением писал, что «большие» люди живут легко и в изобилии, в то время как беднота проводит жизнь в тяжелом труде и пребывает в нищете [71]. Дошен был в числе тех писателей, кто приблизил славонскую литературу к реальной жизни.

Признаки нового мышления проявил в своем творчестве Адам Тадия Благоевич (ок. 1746–1797), мелкий чиновник центральных учреждений в Вене. Благодаря своему положению он хорошо знал обстановку на своей родине в Славонии. В небольшой поэме «Поэт – странник, или Некоторые события до и после путешествия Иосифа II по Славонии» (Вена, 1771) он показал ее через десять лет после первого издания «Сатира» Релковича. Это сочинение также было написано десятистопным стихом со смежными рифмами.

Автор, сторонник «просвещенного абсолютизма», отметил некоторое улучшение жизни в Славонии в результате проводившихся в стране реформ: оживление ремесла, подъем торговли, создание светских школ, улучшение культурной ситуации. Вместе с тем, вслед за Релковичем, Благоевич писал об общей духовной отсталости народа. Однако он не ограничился бытовой нравственной стороной крестьянской

inslav

жизни и первый в славонской литературе поднял социальные проблемы села. В жалобе крестьянина в поэме говорилось о тяжком бремени господской барщины, которая была мучительнее для подданных, чем турецкая дань. Выход из существующего положения писатель видел в пробуждении у земляков сознания былого величия своей родины и усвоении опыта продвинувшихся в развитии народов. Он особо подчеркнул также значимость кодифицированного литературного языка для приобщения славонцев к цивилизованным народам. Как и Дошен, Благоевич признавал значение созданной Релковичем грамматики родного языка.

Благоевич касался в поэме разных сложных вопросов современной жизни Славонии. Осознавая сложность литературно-языковой ситуации на родине, автор сочетал поддержку родного языка с пониманием важности знания соотечественниками и иностранных языков. Порицая укоренившийся у них страх перед всем чужеземным, писатель в то же время осуждал и слепое следование городского населения иностранной моде. Он видел в народной поэзии проявление природной одаренности простого народа, но вместе с тем причислял бытование фольклора к устаревшим обычаям и т. д. [72]. Благоевич заявлял о себе как сторонник Релковича и Дошена, выражая в развитие их писательской позиции ряд новых мыслей.

После создания поэмы Благоевич занялся переводческой деятельностью. Он сосредоточил внимание на современной европейской художественной прозе. В 1771 г. Благоевич выпустил в переводе (с немецкого издания) философский роман французского аббата писателя – просветителя Г.Ф. Куайе «Чинки, или Кохинхинские события, другим землям поучительные». В предисловии к нему писатель повторил мысль о пользе переводных книг для просвещения населения, а также для развития родного литературного языка, в нормировании которого он видел условие образованности и процветания народа [73].

Сам выбор для перевода романа, повествующего о разорении и мытарствах земледельца в вымышленной стране, определялся интересом Благоевича к положению славонских

inslav

крестьян и его сочувствием к участи бедных и отсталых тружеников села. Выступление писателя оказалось возможным благодаря политике австрийского «просвещенного абсолютизма», направленной на некоторое упорядочение аграрных отношений в стране в целях сохранения существующих устоев.

Европейское Просвещение не обошло своим влиянием Славонию, где назревшие вопросы общественного развития предрасполагали к этому. С Просвещением были связаны первые светские писатели в Славонии, разработка светских тем из реальной жизни, появление новых жанров в литературе (реалистическое нравоописание, переводные басня и роман), художественная окраска морально-дидактической письменности, словом, вызревание более свободного литературного мышления. Но идеи Просвещения проявлялись здесь в узких рамках и с точки зрения единичности их носителей (Релкович, Благоевич и отчасти Дошен), и с точки зрения кругозора писателей.

Ситуация представляла модификацию Просвещения в периферийной провинции, где морально-этические вопросы традиционно были прерогативами христианской церкви, находившейся к тому же в окружении и испытывавшей давление в течение 150 лет чуждой исламской цивилизации. В этих условиях традиционализм и устойчивость народного быта были формами защиты и способом религиозного и этнического выживания населения. Ситуация вызывала сосредоточение внимания писателей– рационалистов на морально-этических вопросах и их стремление обучить и просветить народ в каждодневной жизни, сделать его быт и поведение более цивилизованными, привить ему общую светскую образованность. Все это имело патриотическую мотивацию. Но уже были проблески понимания и социальной стороны проблемы. Рационализм, гуманизм и гражданственность были отличительными чертами новой хорватской литературы в Славонии. С творчеством писателей-просветителей начало меняться функционирование литературы на родном языке: она стала активнее внедряться в грамотные слои населения.

К концу XVIII в. просветительские тенденции в литературе Славонии постепенно ослабевали. Наступление реакции

inslav

в Австрийской монархии отразилось в творчестве Антуна Иваношича (1740–1800). Местом его рождения был Осиек. После учебы в Пожеге, Загребе, Вене и Болонье он был рукоположен в священники, некоторое время был военным священником. Иваношич служил в разных местах Славонии, знал ситуацию в ней и писал свои сочинения на штокавском диалекте, объясняя отдельные слова и выражения кайкавскому читателю.

В морально-дидактическом творчестве писателя («Всемогущему неба и земли творцу») сочетались неприятие предрассудков народа и жесткая критика новых идей, проникавших в Славонию. Он обрушился на «ядовитых писателей» – Вольтера, Руссо и всех тех, кто оперировал принципами «естественного разума». Защищая устоявшиеся прерогативы королевской, военной и церковной власти, Иваношич видел в новых учениях, отрицавших необходимость веры, большую общественную опасность. Кроме неверия, утверждал автор, они несли с собой непослушание королю и земельным собственникам.

Как военный священник Иваношич участвовал в пограничных боях с турками. Он воспел некоторые военные события народным стихом, подобно Качичу Миошичу. В творчестве Иваношича была также шуточная поэма о жизни славонского монаха – францисканца, который пренебрегал нормами поведения своего ордена и вел разбитную жизнь. Это был редкий памятник литературного юмора в Славонии в XVIII в.

Иваношич представлял в литературной жизни Славонии церковное просветительство, сочетавшееся с политическим консерватизмом. Его творчество преследовало цель оградить духовный мир населения строгими церковными канонами и внушить непреложность подчинения властям. Вместе с тем Иваношич был талантливым поэтом, знакомым с дубровницкой литературой. Он заимствовал из нее философские и литературные аллегории, поэтические интонации [74].

Литературный процесс XVIII в. в Славонии завершало поэтическое творчество крупного ученого М. Катанчича. Оно было двуязычным и развивалось несколько особняком. В

inslav

1791 г. в Загребе вышел небольшой сборник его стихов «Осенние плоды», в который вошли песни на латинском языке и штокавском диалекте. Они были написаны в латинской метрике. Поэзия Катанчича была в основном поздравительного характера, представляла отклики на текущие события, но включала и «пасторальные» сочинения, а также песни в народном духе, написанные десятисложным стихом. Поэтическое творчество Катанчича носило переходный характер. Он испытал влияние Горация. В его приверженности латинскому языку и воодушевлении античностью присутствовала дань «латинизму», но была здесь и реакция на классицистическую эстетику, с которой Катанчич мог познакомиться в бытность учебы в Венгрии. Катанчич занимался теорией литературы, хорватской просодией, отстаивая для современной ему поэзии латинскую метрику. В этой связи он цитировал или упоминал поэтов И. Джурджевича из Дубровника, П. Дивнича из Сплита, Качича Миошича, а также своего соотечественника М. Релковича [75].

Одним из носителей латинской поэзии в конце XVIII в. оставался также пожеганин Ф. Себастиянович, профессор теологии загребской Академии.

К исходу XVIII в. произошло идейно-тематическое обновление светской части хорватской литературы. В кайкавской Хорватии появились в зародыше гражданская поэзия, отмеченная антифеодальной мыслью, и зачатки общественно-политической публицистики, в Славонии сложилось рационально-просветительское направление.

Писатели-просветители провозглашали новые идеалы (общество, основанное на знаниях), ценности (здравый разум) и ориентиры (освобождение общества и личности от давления отживших традиций, канонов и авторитетов). Их искания были в значительной мере утопичными и в отсталой провинции ограниченными. Но заслугой этих подвижников было преодоление средневековых стереотипов мышления, в том числе в писательском творчестве. Были освоены новые темы, жанры, литература приблизилась к запросам реальной жизни, заключая в себе патриотическую мотивацию.

inslav

В стилистическом отношении литература в Хорватии и Славонии развивалась в общем русле барокко с его расцветом в середине века и последующим затуханием. Наиболее отчетливо его черты проявились в религиозной поэзии, не связанной с богослужением. В светской литературе давлела поэма, характерный барочный жанр, но с нравственно– дидактической направленностью.

Особенностью литературного процесса в Хорватии и Славонии в рассматриваемое время была слабая беллетризация литературы. Причины этого крылись в условиях исторического развития хорватов в этих землях. Культура их в силу нескончаемой турецкой агрессии не пережила стадии Возрождения на заре раннего Нового времени, которое у других народов положило начало светской художественной литературе. С этим было связано и долговременное господство церкви в литературе, хотя религиозные поэзия, проза и драматургия с их разнообразием жанров так или иначе развивали литературное мышление.

В XVIII в., особенно во второй половине столетия, более живыми стали творческие контакты между литераторами Хорватии, Славонии и Далмации. Расширился кругозор писателей, в него стала входить дубровницкая литература. Складывалось понимание ее богатства и ценности. Литературные контакты были более заметными внутри штокавского языкового ареала, но не оставалась в изоляции и кайкавская Хорватия.

Литературные контакты на хорватском этническом пространстве подкреплялись периодическими всплесками исторической памяти, напоминанием отдельных интеллектуалов о сопричастности судеб Хорватии и Далмации, как и поисками лексикографов, державших в поле зрения родственные диалекты и использовавших их словарный состав и грамматические формы. В целом, это были ситуативные действия. Но они выражали тенденцию культурного развития.

inslav

Изобразительные искусства. Музыка. Театр

В XVIII в. в Хорватии и Славонии усилились роль и участие изобразительных искусств в формировании архитектурных образов. В интерьере храмов получили распространение типичные для западноевропейского искусства XVII–XVIII вв. монументальные росписи, в которых границы между живописью и архитектурой как бы стирались, совмещая реальность и иллюзии (иллюзионизм). Эту изобразительную трактовку внес в стенную роспись церквей (Белец, Пурга, Лепоглава, Штригова) выходец из Тироля паулин Иван Рангер (1700–1752). Он написал знаменитые картины в лепоглавском монастыре, работал также в Вараждине и других местах. Мастерами монументальной росписи этого вида в Хорватии были Ф. Еловшек (Иловшек), который расписал францисканскую церквь в Самоборе (1752), А. Еловшек (Иловшек) – алтарь церкви Св. Катарины в Загребе (1762), И. Арьер и И. Лерингер – церковь Св. Ивана в Загребе (1792). В конце XVIII в. стенные росписи украшали и жилые дома знати (дворцы Брезовица, Горня-Бистра, Горне-Ярославье) [76].

Одновременно в Хорватии большое развитие получили ваяние, резьба по камню и дереву, а также художественное литье. Если в XVII в. в сакральном искусстве, на алтарях главную роль играли картины, то с середины XVIII столетия установилось на долгое время преобладание пластики. Алтари сооружались в стиле барокко разными по величине, формам и декору. Они представляли массивную архитектурную целостность, формирующую пространство.

Выдающимся скульптором и мастером резьбы по камню был Франческо Робба (1698–1757). Он родился вблизи Триеста, имел итальянские корни. Робба долгое время жил в Любляне, работал в Загребе в 1729–1738 гг. и после 1754 г. до своей кончины. Робба, ученик венецианской школы, имел дело исключительно с камнем, создавая преимущественно алтари, но пробовал свои силы и в портрете. В Загребе он сделал в храме Св. Катарины два мраморных алтаря и несколько жертвенников в кафедральном соборе. Наиболее ве-

inslav

личественной его работой в стиле высокого барокко в Хорватии был мраморный алтарь Св. Креста в кафедральном соборе (1756 г., позднее он был перенесен в церковь Св. Креста в Крижевцах). Робба продемонстрировал виртуозную обработку разноцветного мрамора. Алтарь Св. Креста стал образцом мраморной классики высокого барокко.

Учеником этого скульптора был Роттманн, уступавший в таланте своему учителю. Он создал главный алтарь Св. Марии в Загребе. В 1745–1752 гг. скульптор Йожеф Штрауб из Марибора выполнял ваятельные и резцовые работы на алтаре Св. Ив. Непомука в урсулинской церкви в Вараждине. Он также работал в капелле урсулинского монастыря. К исходу века мраморная скульптура утратила в Хорватии свое значение [77].

В XVIII в. произведения изобразительных искусств создавались в Хорватии как местными мастерами, так и в большинстве выходцами из Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны и Венгрии. Не многие из них были талантливыми. Но они на среднем уровне удовлетворяли потребности общества в художественных предметах.

В XVIII в. в Хорватии и Славонии достигли большого развития прикладные искусства. Разнообразные кованые предметы были распространены в то время повсюду. Видимо, имелось немало локальных мастерских, выполнявших заказы. Известными мастерами в Загребе были И. Корт, Ш. Шимага, францисканец С. Вагнер [78].

Еще в XVII в. загребский епископ П. Петретич организовал в своем дворце школу вышивания для отделки церковной одежды. После 1730 г. епископ Бранюг основал мастерскую резьбы по дереву и столярных дел. Здесь были созданы многочисленные алтари, кафедры для проповедей, исповедальни, органы, мебель для церквей епископата. Около 1730 г. мастера резьбы по дереву создали главный алтарь и проповедническую кафедру для церкви Св. Марка в Градеце.

В течение XVII–XVIII вв. ризница кафедрального собора пополнилась драгоценностями и множеством дорогих предметов, золотой и серебряной церковной посудой, обрядовой одеждой, епископскими посохами, митрами и пр. Это были

inslav

вещи, привезенные из Австрии и словенских провинций, но сделанные также и в самом Загребе.

Благодаря многочисленным заказам наряду с местными мастерами и мастерскими в Хорватии работали самые крупные представители австрийского и штирийского барокко [79].

Музыкальное искусство в Банской Хорватии в рассматриваемое время все еще было связано преимущественно с религиозной жизнью и иезуитскими учреждениями. В кафедральном соборе, храмах Св. Марка и Св. Катарины в Загребе, других церквах при совершении обрядов звучали орган и церковное пение. Пожегская коллегия имела оркестр и хор в основном для церковных и литургических надобностей. Певцы и музыканты были заняты также при совершении разных обрядов и вне церкви, на городских и жупанийских торжествах. Театральные представления гимназистов иногда имели музыкальное сопровождение. Уделялось внимание музыке в иезуитской коллегии Вараждина [80].

Главным событием в хорватской музыкальной жизни XVIII в. было издание сборника обрядовых песнопений и других песен «Cithara – Octochorda» (Восьмиструнная цитара) на латинском языке и кайкавщине с приложением нотных текстов. Два первых издания (1701, 1723) были напечатаны в Вене усилиями каноника И. Зники и историка Т. Ковачевича, третье издание вышло в 1757 г. в Загребе.

Иезуитская гимназия в Загребе рано стала центром музыкального образования. Оно было связано с выходцами из Штирии, Каринтии и Крайны, поселившимися в этом городе. В вараждинском конвикте иезуиты содержали несколько певцов и музыкантов. Это была первая музыкальная школа в Вараждине. В монастырях кларисс (Загреб) и урсулинок (Вараждин) занимались музыкальным воспитанием девочек [81].

Учащиеся церковных образовательных учреждений участвовали в распространении песенной культуры среди горожан. Раньше капитульские семинаристы Загреба в дни больших праздников и на масленицу давали на главной городской площади различные представления с пением, теперь и гимназисты выступали не только на школьных меропри-

inslav

тиях, но и публично, например на площади перед храмом Св. Катарины [82].

Светское начало вносили в музыкальную жизнь Загреба народные музыканты, участвовавшие в городских празднествах.

Светская музыка звучала во дворцах аристократов. Богатые меломаны содержали собственные капеллы, приглашали иностранных исполнителей. При этом музыканты нередко служили лакеями и исполняли другие необременительные обязанности. У некоторых аристократов существовали небольшие камерные оркестры, способные исполнять симфоническую и театральную музыку. В XVIII в. частные капеллы имели Дашковичи, Эрдеди, Кульмеры, Баттиани, Янковичи. А из прелатов на рубеже XVIII–XIX вв. особенно выделялся пристрастием к музыке загребский епископ М. Врховец. В домашнем музицировании на клавире исполнялись танцевальные мелодии, рондо, напевные кантилены, но и сонаты. Это были сочинения Ф.Й. Гайдна, И. Плейла и др. композиторов [83]. Аристократия при всем провинциализме Хорватии тянулась быть на уровне своего времени.

После ликвидации орденов в 1788 г. была основана светская музыкальная школа в Загребе. Первым учителем был Плейл из Вены, который до конца века обучал десяток учащихся школы пению, игре на клавикордах и органе [84].

В первой половине XVIII в. театральная жизнь в Хорватии и Славонии продолжалась в стенах иезуитских гимназий. Помимо Загреба и Вараждина, где школьные театры на латинском языке возникли еще в XVII в., подобные любительские театры появились также в Пожеге (1715) и в Осиеке. Они были однотипные, хотя между ними и существовали некоторые местные различия.

Первое школьное представление в Пожеге состоялось в дощатом бараке во дворе иезуитской коллегии. Сцена была опоясана в виде шатра полотнищем. Учащиеся, облаченные в театральные костюмы, во главе с монахом зазывали горожан в театр. Представление было публичным и его посещение – свободным. Большинство зрителей в своей жизни никогда не

inslav

бывали в театре, поэтому постановка произвела на них ошеломляющее впечатление [85].

Наиболее зрелищными были школьные сценические постановки в Загребе. Как и ранее, они устраивались в помещении гимназии, иногда в епископском дворце, на открытом воздухе перед храмом Св. Катарины. За время существования иезуитского театра на школьной сцене было поставлено самое малое 400 пьес. Гимназисты ежегодно давали в среднем четыре представления. Как правило, в школьных постановках принимали участие гимназисты одного разряда (класса), но случалось, в них была задействована и вся школа.

Помимо пьес, учащиеся в Загребе, Вараждине и Пожеге, обычно во время больших церковных праздников, разыгрывали декламации, «действия», «диалоги» без декораций и костюмов. Они проходили несколько раз в году. На Рождество, например, в церкви изображалась сцена перед яслями с новорожденным младенцем, на Страстную пятницу – муки Христа в ходе церковной процессии и т. д. На «декламациях» учащимся разрешалось читать и свои сочинения. Такие «сцены» исполнялись часто на родном языке, они собирали много народа из города и его окрестностей, нарушая монотонную серую жизнь.

Школьный иезуитский театр был отмечен чертами барокко. В представления иногда включались интермедии с песнями и танцами, связанные с сюжетом спектакля, – один из атрибутов барочной сценической эстетики. Театрализованные мероприятия традиционно входили в школьную программу [86].

Репертуар школьного театра в Загребе составляли пьесы на античные темы, библейские драмы, более 40 произведений о святых, легенды, исторические драмы, среди которых особое место занимали пьесы на темы хорватской истории. Это были драмы «Победа под Сисаком, счастливая для христиан, роковая для турок», «За Бога и короля», «Никола Зринский и Сигетский» и многие другие. Они были написаны местными профессорами и, возможно, даже гимназистами. Но большинство исторических пьес были заимствованы у других народов. Большая библиотека загребской коллегии

inslav

располагала достаточным числом печатных пьес. В отличие от загребского школьного театра, в Вараждине гимназисты играли гораздо меньше пьес на темы хорватской истории. В Пожеге школьный театр в целом был скромным и менее выразительным [87].

Комедии редко ставились на школьной сцене. В иезуитском театре каждое представление содержало примеры благочестивой жизни и карало греховные поступки и пороки. Иезуитский школьный театр был строго морализаторским.

Еще в XVII в. на школьную сцену стала проникать кайкавская драма. В 1766 г. состоялось представление на кайкавском диалекте в загребской гимназии. Через два года была напечатана первая переводная драма на кайкавском диалекте. В 1768–1770 гг. загребские гимназисты сыграли четыре пьесы на родном языке. В 1771 г. в Вараждине также впервые была представлена драма на родном языке «Томирида». По всей вероятности, в Загребе и Вараждине в 1772 и 1773 гг. состоялись постановки кайкавских пьес. В Пожеге в 1765–1772 гг. местные гимназисты в свою очередь дали четыре хорватских представления [88].

Иезуитский театр прекратил деятельность в Хорватии и Славонии с ликвидацией ордена и школьной реформой Марии Терезии. Но францисканский орден продолжил свое существование. Во второй половине XVIII в. его славонские братья устраивали школьные представления по примеру иезуитских училищ. Это побудило к сочинительству религиозных драм на хорватском языке. В основном делались переводы с итальянского языка [89]. Так постепенно расширялась сфера сценического функционирования хорватского языка в его разных диалектах.

Иезуитский школьный театр занял особое место в истории хорватского сценического любительства, во многом определявшееся противоречивой ролью образовательной деятельности иезуитов в Хорватии и Славонии в целом. С одной стороны, это были начатки приобщения хорватов к искусству сцены и в исполнительском отношении, и в плане формирования зрительской публики, с другой – театральная жизнь протекала в рамках иезуитского воспитания с его главной

inslav

целью укрепления всевластия католической церкви и строгой регламентацией дум и поведения учеников.

Однако история школьного любительского театра у хорватов на этом не закончилась. С 1791 г. действовал школьный театр загребской семинарии на Капитуле. Епископ Врховец, человек во многом современных взглядов, рассматривал его как морально-воспитательную институцию и влиял в этом направлении на его репертуар. Клирики играли в основном в кайкавском переводе и адаптации классиков и немецкоязычных авторов, особенно популярного в то время А.Ф. Коцебу. С 1796 г. драматические представления спорадически давались также в Дворянском конвикте, на немецком и родном языках. Школьный театр по-прежнему сохранял замкнутый характер и имел дидактическую направленность. Но в нем появились свежие веяния конца XVIII в., в частности, в репертуаре и в более уверенном присутствии кайкавского диалекта на сцене.

Одновременно наметилась и другая линия театральной культуры. Она была связана с появлением в Хорватии и Славонии светской постоянной сцены и профессиональных гастролирующих трупп. В 1777 г. в Осиеке, а затем в 1780 г. в Загребе выступала австрийская драматическая труппа на немецком языке.

В 1797 г. в Загребе открылся первый публичный постоянный «Театр Амадé». В нем давали представления гастролирующие иностранные, в основном австрийские, труппы. В то время они активно осваивали также чешскую и венгерскую сцены. Драматический театр на немецком языке стал частью культурной жизни Загреба, просуществовав до 1834 г. [90]. Он способствовал ознакомлению местной публики с достижениями более развитого театрального искусства, но в то же время выступал проводником противоречивого австрийского влияния и внедрения немецкого языка в хорватское общество. Перед хорватами вставала новая культурная задача создания театра на национальной основе, и австрийский немецкоязычный театр был на этом пути конкурентом.

inslav

Образование. Школьная реформа 70-х гг. XVIII в.

До 70-х гг. XVIII в. начальное образование в Хорватии и Славонии находилось в руках католических священников и монахов и было представлено малочисленными приходскими школами, влачившими жалкое существование. Время от времени работали городские школы.

Вместе с тем расширялась сеть иезуитских гимназий. Помимо существовавших с XVII в. гимназий в Загребе, Риеке, Вараждине, Крижевцах и Пожеге, появились средние учебные заведения в Карловаце (1736), Осиеке (1765), Винковцах (1779), а также в Беловаре на Военной Границе (1766). В течение ста лет число учащихся в загребских гимназии и Академии (высшем учебном заведении) регулярно составляло 500–700 человек, из них третья часть приходилась на слушателей философии и теологии (теологическое образование оформилось в середине XVIII в.). В 1763–1772 гг. в загребской гимназии в среднем обучалось около 350 подростков. Уменьшение числа учащихся в ней было связано с появлением гимназий в соседних городах. В середине XVIII в. в учебном заведении Вараждина ежегодно насчитывалось 400 учеников, в Пожеге в 1761 г. было 206 гимназистов [91]. Содержание и организация учебного процесса в иезуитских гимназиях сохранялись неизменными в течение столетия. Правда, в 1759/1760 учебном году на основании декрета Марии Терезии в них в качестве обязательного предмета была введена математика.

Во второй половине XVIII в. иезуитские образовательные учреждения, в которых обучение всегда было схоластическим и нацеленным на церковные интересы, со всей очевидностью изжили себя. Школьная реформа «просвещенного абсолютизма» в Австрийской монархии, вызванная потребностями жизни, внесла существенные изменения в образовательную систему государства.

Принципиальным событием в этом направлении стала ликвидация папой Климентом XIV в 1773 г. иезуитского ордена. Мария Терезия конфисковала в своем государстве его

inslav

несметное имущество, которое составило основу государственного школьного фонда. Позднее Иосиф II ликвидировал и другие католические ордена. В Хорватии были закрыты монастыри иезуитов, паулинов и кларисс. Монастырское имущество вошло в так называемый церковный фонд, предназначенный для улучшения приходской службы в городах и селах под надзором государства. Но в ходе конфискации из Хорватии были вывезены в Венгрию многочисленные драгоценные предметы искусства и богатые библиотеки [92]. Ликвидация иезуитского ордена открыла возможность в Австрийской монархии школьной реформы.

В силу близости образовательных задач, стоявших в Австрийской монархии и России, преобразовательная деятельность Марии Терезии привлекла внимание Екатерины II. В 1782 г. российская императрица, приступая к разработке школьной реформы, дала поручение послу России в Вене Д.М. Голицыну найти человека, «способного к заведению в нашем отечестве нормальных школ» по примеру австрийских. Таким лицом стал Теодор Янкович, серб по происхождению, организатор школьного дела и педагог-методист, возглавивший проведение школьной реформы в Банате. Янкович, переехав в Россию, получил здесь имя Федор Иванович Янкович де Мириево (Мириевский). Он сыграл новаторскую роль в реформировании школьной системы в России в правление Екатерины II. Используя организаторский и методический опыт, приобретенный в Австрийской монархии, Янкович обновил содержание обучения и методы преподавания в России, насколько это позволяли сделать общественные условия в стране.

В 1776 г. высочайшим декретом Марии Терезии школы были переданы в ведение государства. Тогда же был учрежден «Districtus studiorum Zagrabiensis». В него вошли все основные («народные») школы в Хорватии, Славонии, Меджимурье, Риеке с Приморьем; две низшие гимназии в Крижевцах и Руме; три высших гимназии в Вараждине, Пожеге и Осиеке; главная основная школа, Академия и главная гимназия в Загребе [93].

inslav

Руководство школьным дистриктом (округом) было возложено на специальную комиссию. Ее возглавил верховный управляющий Никола Шкрлец, подчиненный Хорватскому королевскому вечу. Он занимал эту должность до 1787 г. Н. Шкрлец (Загреб, 1729–1799), юрист, экономист, политик, принадлежал к числу наиболее видных дворян хорватского истеблишмента второй половины XVIII в. Он получил хорошее образование. Начав учебу в Загребе, молодой человек в гимназии Кисега (Венгрия) познал гуманитарные науки, в Пеште у пиаристов ознакомился с риторикой. В иезуитской Хорватской коллегии в Вене он прошел курс логики и физики, в Болонье слушал право, в Эгере (Венгрия) в юридической академии изучал муниципальные законы. Шкрлец владел латинским, немецким, венгерским, французским и итальянским языками. Его библиотека насчитывала около 6 000 книг. В 50–70-х годах Шкрлец занимал в Хорватии высокие должности: был членом Судебного стола, казначеем королевства, протонотаром (секретарем) королевства, членом Королевского веча. На склоне жизни он занял пост великого жупана (главы администрации) Загребской жупании. Ему принадлежали труды по правовым вопросам.

С позиции блюстителя сословных интересов хорватских дворян Шкрлец в области образования выступал против введения немецкого языка как языка преподавания в хорватских школах. Вместе с тем он осуждал иезуитскую схоластику и видел задачу школы в приобщении учащихся к реальным знаниям. «Повсюду его имя было очень славным, – писал о нем Крчелич, – благодаря достоинствам, которыми украшал службы, которые нес» [94].

Когда Хорватское королевское вече в 1779 г. было ликвидировано, его дела перешли в ведение Венгерского наместнического совета. Хорватия с ее школами впервые оказалась в административном подчинении у Венгрии. Это зависимое положение продолжалось до 1848 г. Перед лицом централизаторской и абсолютистской политики австрийского двора хорватский сабор узаконил в 1790 г., при некоторых условиях, административное и финансовое подчинение Хорватии венгерской власти. А в 1791 г. (окончательно в 1805 г.)

inslav

под давлением венгров он постановил ввести в латинские школы (школы с латинским языком в качестве языка преподавания) факультативное изучение венгерского языка. Вышла из печати грамматика венгерского языка на кайкавском диалекте. Но до 1847 г. в Хорватии и Славонии государственным языком оставался латинский язык [95].

В 1777 г. Мария Терезия подписала закон об организации школьного дела в Венгерском королевстве «Ratio educationis», который распространялся и на Хорватию со Славонией. Он устанавливал ступени школ, охватывающих начальное и среднее образование. Реформа предусматривала значительное расширение сети учебных заведений. Материальное положение школ было поставлено на твердую основу: содержание их и учителей было возложено на органы государственного управления. Устанавливалось единое преподавание в школах для всех подданных независимо от их веры, социального положения и имущественного состояния. Учителя назначались государственной властью без вмешательства церкви.

Основные, начальные школы были трех видов: в селах – трехлетние тривиальные школы, в окружных местах – четырехлетние главные школы, в центральных городах провинции – так называемые нормальные школы. Для подготовки учителей были организованы курсы при загребской нормальной школе.

Вводилось обязательное начальное обучение детей обоего пола с шести до девяти лет круглый год. Дети познавали грамоту, счет, религию, основы домоводства и сельского хозяйства. Языком преподавания в начальной школе устанавливался родной язык учащихся.

Школьная реформа Марии Терезии означала, что в образовательной сфере была установлена полная власть государства. Начальная школа стала всеобщей, обязательной и одинаковой для всех категорий населения. Она работала на основе единых принципов учебного процесса в соответствии с образовательным разрядом школ во всем государстве. Формально школа носила бессословный характер. Это был шаг на пути создания общеобразовательной системы.

inslav

Но в условиях подчиненного положения хорватского народа в Австрийской монархии жесткая унификация школ, как и полное огосударствление их неизбежно вели к усилению верховенства венгерских и австрийских властей в образовательной сфере, заключали в себе угрозу попрания хорватских национальных интересов в деле образования и воспитания молодежи и превращения школы в орудие австрийской политики.

Это особенно наглядно проявлялось на Военной Границе. Австрийские власти из практических надобностей обращали внимание на подъем начального образования на Военной Границе, которая находилась в ведении Дворцового военного совета. Официальным языком здесь был немецкий. С помощью немецких учителей и благодаря основным школам, где языком преподавания был немецкий, военные власти добивались поголовного знания немецкого языка населением милитаризованной территории. Хотя разрешалось за счет общин открывать и «народные» школы с преподаванием на народном языке, но с обязательным изучением немецкого языка [96].

При всех прогрессивных чертах школьной реформы Марии Терезии реальное положение начальных школ в гражданской части Хорватии и Славонии оставалось, за редким исключением, малообеспеченным. Не было подходящих помещений для школ, подготовленных учителей, да и сами родители-крестьяне чинили препятствия регулярному посещению детьми занятий [97].

До 70-х годов организационные формы обучения в иезуитских гимназиях оставались такими же, как в XVII в. Помимо занятий в классах, работа протекала в академиях – обществах лучших учеников, существовали дискуссионные клубы и пр. [98]. Постановлением Марии Терезии 1773 г. гимназии, находившиеся в руках иезуитов, временно были переданы в управление епископам.

В 1777 г. гимназии получили новую организацию. В них было введено пятилетнее обучение. В учебном процессе главным предметом оставался латинский язык. Гимназисты начальных классов изучали также закон божий, природоведе-

inslav

ние, арифметику и географию. В старших классах, помимо религии и природоведения, вводились еще логика, физика, геометрия и высшая математика. Языком преподавания остался латинский. Но в начальных классах гимназии допускалось преподавание и на родном языке учащихся. В 1771 г. по указанию двора в гимназиях был введен как обязательный предмет немецкий язык. Все предметы в каждом классе преподавал один учитель. Много внимания уделялось попрежнему религиозно-моральному воспитанию гимназистов.

Наряду с обмирщением школы протекал процесс расширения социального состава учащихся. В конце XVIII в. число учеников непривилегированного происхождения в хорватских гимназиях значительно превышало число дворянских детей [99].

После 1773 г. изменилось положение конвиктов, в которых проживали малообеспеченные гимназисты. Загребский конвикт был преобразован в Королевский дворянский конвикт, вараждинский – какое-то время находился в ведении государства, а в 1796 г. прекратил существование.

На исходе XVIII в. в Хорватии появились специальные, профессиональные школы, которые были призваны обслуживать нужды ремесла и торговли. Первоначально они устраивались в трехлетних главных школах в виде одногодичного класса дополнительного обучения, в ходе которого учащиеся изучали строительное дело, механику, товароведение, математику и черчение. Такие школы назывались чертежными, математическими, геометрическими или ремесленными. Кроме того, существовали воскресные чертежные школы. Их обязаны были посещать все ученики, занятые в ремесле и торговле. В селах существовали школы дополнительного (сверх начального) образования [100]. Школьное дело теснее связывалось с реальной жизнью.

С ликвидацией иезуитского ордена иезуитская Академия в Загребе, так же как гимназии, временно перешла под управление епископа. Загребский епископ Й. Галюф заменил преподавателей-иезуитов в Академии преимущественно белым духовенством. С начала нового учебного года в нее записалось 200 студентов на курсы философии и теологии.

inslav

В 1776 г. Мария Терезия в рамках реформы придала Академии статус, равнозначный еще четырем академиям в Венгрии. Отныне она стала Королевской академией наук – государственной высшей школой с философским, юридическим и теологическим факультетами. Но в 1784 г. Иосиф II передал теологию епископской семинарии, хотя и далее она сохраняла название факультета. Юридический факультет стал наследником Политико-камеральной (финансовой) школы, которая с 1769 г. действовала в Вараждине, чтобы путем обучения слушателей юридическим и экономическим наукам подготовить специалистов в области управления. Уже в 1772 г. эта школа переехала в Загреб и разместилась в здании Академии в Градеце, а в 1776 г. и вовсе слилась с ней [101].

До 1784 г. Академия имела три факультета: теологический, философский и юридический. Факультет во главе с деканом включал кафедры, охватывавшие один или несколько родственных предметов. К Академии была присоединена и «главная гимназия», находившаяся в таком положении до 1842 г.

В 1776 г. в Академии было 12 профессоров, утвержденных в должности Марией Терезией. Десять из них являлись священниками. На каждой кафедре имелся ординарный (штатный) профессор, который преподавал один или несколько предметов, в отличие от иезуитской школы, где на каждом курсе философии все предметы вел один человек.

Согласно «Ratio educationis» в 1777 г. были определены организация и система обучения в загребской Академии. Учебный план включал на философском факультете теоретическую и экспериментальную физику и механику, логику, метафизику, моральную философию и историю философии, элементарную математику, геометрию, архитектуру, гидротехнику, общую и литературную историю. Факультативно велось преподавание вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, нумизматики, дипломатики и библиографии. На юридическом факультете слушатели изучали каноническое, естественное, международное, общее публичное и гражданское право, а также административные и экономические дисциплины.

inslav

Философский факультет на уровне высшей школы давал общеобразовательные знания. Поэтому слушатели записывались на этот факультет и лишь по окончании двухлетнего обучения на нем продолжали занятия на других факультетах [102].

В учебном процессе Академии, а именно в курсе естественной философии впервые в Хорватии озвучивались новые научные идеи. С середины XVIII в. в обучение стали проникать ньютонизм, идея гелиоцентрической системы, взгляды о строении материи [103]. В философском курсе присутствовали, а тем самым и пропагандировались, хотя и в скромных размерах, точные и естественные знания. Учебный план в Королевской академии отошел от схоластики иезуитской школы и был более приближен к образовательным потребностям реальной жизни.

Языком преподавания остался латинский. Вместе с тем в учебном процессе не запрещалось использование и родного языка. Известно, что ряд учебников по венгерскому частному праву написал и издал преподаватель юридического факультета И. Домин на кайкавском диалекте [104].

В 1791–1795 гг. Академию по курсу философии закончили 122 человека, в 1796–1800 гг. – 260. Всего за десятилетие Академия выпустила 382 «философа». Это были молодые люди из Загреба (51 человек), хорватских жупаний (182 человека), Славонии (37 человек), Военной Границы (33 человека), Венгерского приморья (Риекской губернии – 16 человек), Венгрии (45 человек), австрийских земель (18) и других мест [105]. Академия привлекала молодежь с территории, далеко выходившей за рамки Банской Хорватии и Славонии. Все это свидетельствовало о возрастании авторитета Академии как образовательного учреждения и роли Загреба как культурного центра. Помимо высшей образовательной, Академия выполняла и интеграционную функцию.

Патент 1785 г. о личной свободе крестьян, развитие сети основных школ способствовали распространению грамотности среди крестьян, а учреждение стипендий для лучших учеников позволило крестьянским детям поступать и в гимназии. В 1785 г. из 409 гимназистов (кроме Загреба) 132 ученика были дворянского происхождения, 172 – принадлежали

inslav

к сословию горожан, а 105 – являлись крестьянскими детьми [106]. В Пожеге, например, многие гимназисты принадлежали к малообеспеченным семьям. В городе не было конвикта, и полуголодные гимназисты по вечерам обходили дома и просили на пропитание [107].

Реформа образования способствовала расширению социального состава и студентов Академии. В 1791–1800 гг. по социальной принадлежности 148 учащихся было из крестьян, 134 – из горожан, 73 – из дворян и 27 – из военных [108]. Однако результативность образовательной реформы в плане формирования хорватской интеллигенции значительно снижалась в условиях сословного строя общества. Если учесть, что многие студенты получали материальное содержание от церкви (в 1791–1795 гг. половина учащихся) и в сословной среде недворяне могли преуспеть в ее лоне, станет понятным значительное преобладание (в 1791–1800 гг. – 70%) среди выпускников философского курса Академии избравших церковную карьеру [109].

В самой Академии не угасала надежда на превращение ее в университет. Казалось, что события 1790 г. благоприятствовали этому. Война с Турцией вселяла надежды на освобождение южнославянских земель и пробуждала смутные мечтания об их присоединении к Хорватии. Академия обратилась тогда к хорватскому сабору с прошением о проведении в жизнь «университетского привилегия», который был выдан Леопольдом Академии в 1669 г. Эта акция Академии получила отклик в саборе, который в своей инструкции хорватским делегатам, отправлявшимся на сессию венгерского Государственного собрания, впервые выразил поддержку ходатайству Академии [110]. Но времена менялись, и мечтам о превращении Академии в университет не суждено было тогда сбыться.

Главным результатом образовательного процесса в Хорватии и Славонии в XVIII в. было расширение сети школ. Если в 1767 г. здесь насчитывалось всего 24 основные школы, то в 1770 г. их стало 60, в том числе 54 приходилось на село [111]. Школьное дело вошло в компетенцию органов государственной власти, что означало его секуляризацию, хотя като-

inslav

лическая церковь и далее сохраняла серьезное влияние на образование. Светская Королевская академия стала основным очагом подготовки хорватской интеллигенции в первом поколении, но процесс ее формирования протекал крайне медленно.

Судьба и развитие школы в Хорватии, Славонии и на Военной Границе в условиях германизации и наметившейся мадьяризации были сложными. С одной стороны, надобности жизни требовали от хорватов в полиэтническом государстве знания государственных языков. С другой – местная школа, находившаяся в подчинении у верховных венгерских или австрийских властей, превращалась в проводник государственной школьной политики, далекой от коренных интересов хорватов. На пороге XIX в. перед хорватским обществом встала как часть исторических задач необходимость решения этого важного вопроса.

Прочие формы социальной деятельности

В XVIII в., особенно во второй его половине, в Хорватии и Славонии заметно вырос объем печатной продукции. Это было связано с улучшением условий культурной жизни в Славонии, но также и с развитием типографского дела в этих провинциях.

Как уже отмечалось, в Загребе еще в XVII в. существовала типография, но она влачила жалкое существование, пока ее деятельность не оживил Витезович. Он же положил начало книготорговой деятельности в городе. После его отстранения в 1706 г. от руководства типографией на протяжении столетия сменилось несколько управляющих. Из ее стен вышли в свет книги Белостенеца, Крчелича, третий том музыкального сборника «Cithara», во множестве ежегодные календари и пр. В Загребе действовала также иезуитская типография, которая в 1738 г. была расширена и обновлена. Именно здесь был напечатан большой словарь Сушника-Ямбрешича. В 1768–1769 гг. издавал книги также Капитул. В его типографии были набраны, среди прочих, и некоторые сочинения Крчелича.

inslav

В 1773 г. венский типограф и книготорговец И.Т. Траттнер занялся печатным делом в Вараждине. Но в 1776 г. его типография сгорела. Новая типография стала работать в этом городе лишь в 1821 г. Траттнер же, потерпев неудачу в Вараждине, объявился в Загребе.

В 1794 г. епископ Врховец, тогда центральная фигура политической и культурной жизни в Хорватии, купил у него загребское предприятие и книжную лавку. Из него выходили книги на хорватском, немецком и латинском языках научного, хозяйственного и литературного содержания. Это были в числе первых сочинения Катанчича, Шипуша, историка А. Блашковича. Однако Франц I выразил недовольство мирской деятельностью епископа, и тот был вынужден продать типографию своему родственнику А. Новосёлу. После его смерти в 1800 г. формально делами предприятия занималась его вдова, сестра епископа. Но и сам Врховец вплоть до 1825 г. покровительствовал типографии. За это время здесь было напечатано около 300 книг. В Загребе типографским делом и торговлей книгами занимались также и другие лица.

В 1775 г. И.М. Дивалд основал типографию в Осиеке. Она печатала книги на штокавском диалекте и немецком языке (сочинения Канижлича, Релковича, Катанчича). Фамилия Дивалд держала это предприятие до середины XIX в. На рубеже веков было положено начало печатанию книг в Риеке. Но несмотря на продвижение типографского дела на культурном пространстве хорватов, издание книг на хорватских диалектах продолжалось преимущественно в Венеции и Буде [112].

Театр, школа, типографское дело, книготорговля были в разных формах распространителями духовной продукции в хорватском обществе. Так формировалось свойственное Новому времени коммуникативное пространство в Хорватии и Славонии. Хотя разность письменных языков в этих провинциях сдерживала этот процесс. В конце XVIII в. он протекал еще раздельно в северной и южной частях населенной хорватами территории.

С развитием административно-политической организации и потребностей жизни в Хорватии был основан муниципальный архив. Его прообраз восходил к XVII в. В 1643 г. ка-

inslav

значей королевства Иван Закмарди сделал дубовый кованый сундук для хранения привилегий королевства и законов. Сундук имел три художественных замка, от которых один ключ был отдан на хранение бану, второй – протонотару, а третий – загребскому Капитулу. Закмарди украсил его гербами Хорватии и Славонии и стихами на латинском языке. Долгое время сундук находился в заброшенном состоянии в ризнице загребского кафедрального собора, пока его в 1749 г. не обнаружил Крчелич, занимавшийся тогда историческими исследованиями. Он сообщил о находке хорватским властям, но они оставили этот факт без внимания. И только в 60-х годах протонотар Шкрлец занялся размещением, систематизацией и перепиской документов. Архивные дела были сосредоточены в административном доме, а затем в 1840 г. перенесены во дворец бана. С 1800 г. регулярно назначался управляющий архивом. В это время он был учреждением сабора и бана с функцией сбора и хранения прежде всего документов, входивших в их компетенцию [113].

В XVIII в. появились аптеки, обслуживавшие население. В Загребе с начала столетия работала аптека в Градеце, другая открылась в иезуитском монастыре, на исходе века была аптека и на Капитуле. С середины века жители Осиека пользовались городской аптекой. Работала аптека в Самоборе при францисканском монастыре [114].

В Градеце функционировали гостиницы. В середине XVIII в. возникли кофейни. Первым кофеваром в 1749–1751 гг. был Л.Д. Дун [115]. Они выполняли общественные функции, собирая в своих стенах посетителей, испытывавших потребность в общении, обмене новостями и мнениями.

В XVIII в. в городах Хорватии начался процесс складывания социальной инфраструктуры.

Бытовая культура и повседневная жизнь городского населения Хорватии и Славонии в XVIII в.

На протяжении XVIII в. изменился архитектурный облик городов в Хорватии и Славонии. Оживилась городская

inslav

жизнь. Произошли некоторые перемены в благоустройстве городов. Общинная управа Градеца прилагала усилия очистить улицы и площади от нечистот. Поскольку при домах горожан в большинстве имелись небольшие хозяйства, скот являлся одним из главных источников грязи на улицах. Власти строго запрещали держать его на территории общины, кроме коней. Горожане могли содержать свиней, но лишь в хорошо огражденных местах [116]. Но несмотря на усилия властей, санитарная обстановка в Загребе не была благополучной, и общая культурная атмосфера сохраняла еще черты средневековья. В городах и селах случалось пылали костры, на которых публично сжигались женщины и девушки, обвиненные в колдовстве. Эта варварская практика была запрещена Марией Терезией лишь в 1758 г.

Решающее влияние на бытовую культуру (кроме народной) оказывали католическая церковь и дворянство. Литургия, церковные шествия с пением религиозного гимна «Тебя, Бога, благодарим» и празднества касались всех и каждого, вовлекая верующих в водоворот общественной жизни, торжеств и развлечений. Все значительные события сопровождались религиозными действиями и неотъемлемой частью домашней жизни были обряды.

Большим церковным праздником было «Телово» («Тело Господне»). Церемония, которую иезуиты устраивали в тот день в Пожеге, была всякий раз для жителей города и его округи сенсацией. Из всего пожегского края собиралась уйма народа. Старшее поколение, которое еще помнило темные времена турок, было захвачено невиданной красотой торжества. Оно с воодушевлением участвовало в крестном ходе, который сопровождался звоном колоколов, пением духовных песен, оружейной и пушечной стрельбой. Ей эхом отвечали окружавшие город долины и холмы. В процессии участвовали цехи со своими знаменами, гимназисты младших классов с венками на головах, одетые в виде ангелов. Участниками торжества были дворяне, чиновники, горожане под ружьем, военный гарнизон. Кругом слышались музыка и пение. А собравшаяся из округи разношерстная публика, простолюдины

inslav

были восторженными зрителями этого театрализованного действа [117]. Процессия завершалась в церкви.

Торжественные официальные богослужения и церемонии сопровождались народными празднествами. Если дворяне присутствовали на самой литургии и полагавшихся затем приемах, то простолюдины ликовали на площадях. В 1748 г. после возведения на престол нового загребского епископа в кафедральном соборе из окон епископского дворца в собравшуюся на улице толпу пригоршнями сыпались деньги. Простолюдины были в восторге и кричали «Живио!». Неистовство толпы подогревала бочка вина, выставленная на улице. Беднота получала как милостыню хлеб и вино, а семинаристы – по два марьяша (мелкой монеты) [118].

Большими событиями в жизни Хорватии и Славонии были заседания хорватского сабора, Банского стола (высшего судебного органа), конгрегации – съезды областного (жупанийского) дворянства, в лице которого реализовывалось местное сословное самоуправление. В такие дни оживала серая жизнь городов, которые становились многолюдными и шумными. В 1764 г., например, в Вараждине в дни заседаний Банского стола устраивались танцы, давал представление комедий с наемными светскими артистами школьный иезуитский театр, организовывались разные игры и развлечения. Крчелич в своих мемуарах по поводу этих мероприятий замечал: «При негодовании многих, как это обычно бывает» [119]. В глазах церковника светские удовольствия были проявлением «разнузданности».

С неизменным интересом городская публика относилась к научным дискуссиям, или диспутам, которые устраивались в процессе изучения философии в учебных заведениях каждую субботу или ежемесячно, а также в конце обучения. Завершающие диспуты в Загребе проходили в особо торжественной обстановке и были публичными. На них присутствовали епископ и иногда даже бан в торжественной одежде, протонотар, жупаны, судьи, аристократы, дворяне, каноники и др. Из приглашенных были градоначальник и члены городской управы Градеца. Прибывали на диспут дворяне из

inslav

своих усадеб, даже издалека, аристократы в экипажах, запряженных четверкой лошадей. Градец в такие дни оживал.

Зал, в котором проходил диспут, был украшен цветами и зеленью. Заблаговременно здесь собирались профессора, учащиеся, общество. Многие держали в руках и изучали тезисы, которые печатались на отменной бумаге и были украшены символами, аллегориями, изображениями святых. Иногда тезисы помещались в начале книги, которая преподносилась приглашенным на диспут. Молодые бойцы занимали свои места. Последние сведения о философском диспуте относились к 1772 г. [120].

После гибели аристократического рода Зринских главную роль в политической и общественной жизни Хорватии все больше играло среднее и мелкое дворянство. Поселившаяся здесь иностранная аристократия и малочисленная хорватская знать преимущественно занимались делами в центре Австрийской монархии, в Вене или Пресбурге (Пожуне, где заседало венгерское Государственное собрание). Власть внутри Хорватии и Славонии они оставляли местному дворянству. Во главе этого сословного управления стоял подбан, который одновременно был великим жупаном Загребской и Крижевацкой жупаний (областей). В Вараждинской жупании Хорватии этой честью пользовались по наследственному праву члены графской семьи Эрдеди.

В середине XVIII в. реальная власть в Хорватии находилась в руках малочисленной группы высших королевских и жупанийских чинов во главе с подбаном Ив. Раухом, который ловко использовал в своих интересах частое отсутствие бана. Группа в составе Рауха, протонотара королевства А. Най-шича и казначея Ив. Бужана имела свободный доступ к хорватской казне. Среди верхушки дворянства шла непрерывная борьба за хорошо оплачиваемые должности [121].

До середины XVIII в. при поселении в Загребе, точнее в городской общине Градеце, дворяне отнюдь не стремились юридически входить в круг его жителей, горожан. Это было связано с обязанностью платить городу налог на дом и землю. Только в последних десятилетиях XVIII в. стало быстро расти число аристократов и дворян, которые становились

inslav

членами градецкой общины. В 1750–1800 гг. в нее вступили члены знатных семей Эрдеди, Драшковичей, Оршичей, Патачичей, Кульмеров, Бужанов, Раухов и др. Такие представители знати и рядового дворянства имели также усадьбы в Загорье и других краях Хорватии. Некоторые и в самом Загребе располагали, кроме городского дома с участком земли, угодьями в предместьях [122].

На исходе XVIII в. стал очевидным процесс социального «размывания» дворянства, особенно заметный в Хорватии ввиду преобладания здесь мелких и средних хозяйств. Современники отмечали имущественное ослабление этого сословия [123]. Жизнь с ее соблазнами цивилизации, возрастанием людских потребностей, неудержимым повышением власти денег поколебала строй дворянского уклада. Она побуждала одних дворян, ощутивших сложность своего положения, искать служебные места, особенно в армии, административном аппарате и крупных поместьях, других – загоняла в долги. Но немногие из них включались в водоворот деловой жизни, занимались торговлей и даже предпринимательством. Так, во второй половине века активно торговал пшеницей граф Адам Баттиани, председатель Банского стола (высшего судебного органа). Барон Игнят Магдаленич скупал зерно в Сисаке, куда оно поступало из плодородной Славонии, и продавал его в Загребе. Графы Сермаже, Ф. Патачич, К. Эрдеди вкладывали капиталы в торговые компании. В 1800 г. граф Ф. Войкффи основал в Крапине производство фаянсовой посуды. Несколько небольших мануфактур находились в собственности графа Ивана VIII Драшковича и т. д. [124].

Перемены в привычных устоях влекли за собой изменения в стиле жизни дворян. Состоятельные из них вели «двойной» образ жизни: зимой местом их пребывания стали города, летом остались усадьбы.

Произошли заметные изменения во внутреннем убранстве дворянских городских домов. В богатых из них мебель обычно была из дуба и ореха. Она включала постель, шкафы, сундуки, столы, стулья. Вместе с тем появились комоды с выдвижными ящиками, с верхним шкафчиком, шкафы для посуды и столовых приборов. В самых имущих домах были

inslav

письменные столы и книжные шкафы. Украшениями комнат стали ковры, зеркала в резных рамах, фамильные портреты, занавеси из элегантных тканей, картины, скульптуры. Особая мода была на многочисленные шкатулки для украшений, лекарств и кованые сундучки для документов и денег. В домах дворян, приходских священников (жупников) случались и библиотеки в несколько десятков, а то и сотен книг [125].

До середины XVIII в. в дворянских домах использовалась оловянная и медная посуда, майолика. Но во второй половине столетия на столах загребских состоятельных семей появились фарфоровая посуда, серебряные столовые приборы и серебряные подсвечники. Бо́льшая часть этих предметов ввозилась из Австрии и словенских краев, но и в самом Загребе пользовались известностью многие ремесленники различных специальностей [126].

Мода изменила закостенелый тип одежды, привязанный к сословиям. Торговые лавки предлагали разнообразные ткани и вообще текстиль, которые пользовались неизменным спросом. В середине XVIII в. в Загребе, Осиеке и других городах можно было купить голландские, английские, французские, моравские ткани, итальянский, швейцарский и французский шелк, бельгийское полотно и пр. В 1754 г. в торговых лавках славонских городов насчитывалось около 30 видов тканей. Ввозились в больших количествах восточные товары: македонский и египетский хлопок и пряжа, персидские ковры, индийские шали, серебряные и золотые нити, восточный шелк и т. д. Все это скупалось в первую очередь дворянами, а также горожанами и даже крестьянами [127].

Немногочисленная хорватская аристократия владела огромными богатствами. Земли знатного рода графов Драшковичей были разбросаны по всей Хорватии и Славонии, крупные и мелкие поместья находились также в Венгрии и Штирии. В Вараждине и Загребе Драшковичи владели множеством дворцов и домов [128]. В одном из них в Вараждине предполагалась остановка Марии Терезии при намеченном на 1754 г. посещении ею Хорватии. Но эта монаршая поездка не состоялась. Зато в 1756 г. во дворце Драшковича в Вараждине останавливался во время инсталляции (возведения

inslav

в должность) новоназначенный бан Ф. Надашди [129]. Эти факты свидетельствуют об уровне комфорта в лучших хорватских аристократических домах.

Богатства, основанные на труде зависимых крестьян, позволяли удовлетворять неуемную тягу знати к удобствам и благам жизни. Но несоразмерное имущественным возможностям следование моде, расточительный образ жизни, пренебрежительное отношение к расходам оборачивались для некоторых представителей аристократии разорением. Такая участь постигла одного из членов графской семьи Патачичей. Граф Йосип Казимир Драшкович в 60-х годах оставил после себя владения, обремененные долгами в астрономическую сумму более 300 тыс. форентов [130]. Обеднел в конечном итоге граф Янко Драшкович. Обозначилась новая социальная тенденция.

Подобно тому, как дворянский жилой фонд изменил архитектуру хорватских городов, дворянский уклад жизни оказал влияние на быт богатых горожан. Это еще не была «настоящая» промышленная буржуазия, и при том значительная часть ее была инонациональной, в первую очередь немецкоязычного происхождения. Зажиточные городские слои были экономически и политически тесно связаны с дворянством, наиболее крупные торговцы и предприниматели, используя свое богатство и разнообразные контакты, покупали дворянские дипломы или другим путем приобщались к высшему сословию. И в повседневной жизни они старались подражать ему, принимая его образ жизни.

К середине XVIII в. стали заметными изменения в нравах городского населения Хорватии. Люди становились более свободными в быту, дали трещину сковывавшие ранее нормы поведения, складывались новые привычки, получавшие общественное значение. Этот процесс ускорился после Семилетней войны (1756–1763), которая стала фактором, приблизившим северных хорватов к Западной Европе. С ее окончанием в Хорватию вернулись офицеры и бывшие военнопленные. Они привезли домой множество разных книг (их списки были представлены бану) и сами находились под впечатлением жизни в более цивилизованных европейских странах. По

inslav

словам Крчелича, эти люди распространяли «безбожные мысли» (душа, мол, смертна, все святыни, даже сама вера, – выдумки). Большая часть этих людей, продолжал Крчелич, хвасталась, что они «безбожники», другие утверждали, что они – «масоны» [131]. Явления брожения умов проецировались на поведение людей и публичную жизнь.

Составной частью городских нравов становились публичные развлечения. Они достигали своего апогея на масленицу. С конца XVII в. был восстановлен на масленичных празднествах старый обычай соревноваться с копьем и перстнем. С переселением дворянских семей в город в карнавальные дни стали устраиваться в их домах танцы [132]. Загребский епископ Бранюг приглашал на масленицу во дворец преимущественно дворян на танцевальные и музыкальные мероприятии с целью отвратить их, по словам Крчелича, от грубости и сумятицы городской жизни [133]. Но остановить наступление новой жизни было уже невозможно.

В 1749 г. графиня Эрдеди ввела открытые, публичные танцы, о которых никогда в Загребе «не видели и не слышали» [134]. Сама графиня в компании с некоторыми представителями первых семей организовали представление немецкой комедии, бросая вызов традиционным взглядам на личину и маску как на что-то «дьявольское». Графиня Эрдеди любила развлечения.

После ее кончины эту линию продолжила жена наместника бана графиня Терезия Иллесхази, «молодая женщина дивного тела (наподобие Дианы), которая любила общество и потому была предана наслаждениям и суете», – писал Крчелич [135]. В 1752 г. открытые танцы, маскарады и другие увеселения устраивались в разных местах. На такие праздники приглашались аристократы, офицеры Банской Границы, молодые чиновники, дворянки и пр.

В 1754 г. на масленицу Антун Янкович не только устроил публичные танцы, оплатив входные билеты за всех, пожелавших придти, чтобы благодаря свободному посещению собралось больше участников, но также организовал в доме Кушевича праздничный роскошный вечер, который стоил ему много денег. На это мероприятие Янкович по своему ус-

inslav

мотрению пригласил дам, офицеров и других. Более того, бескорыстными затратами хозяин украсил, по словам Крчелича, «храм распутства» картинами с надписями на немецком языке с символическим изображением событий, происходивших и происходящих в королевстве [136].

Тогда же сложился обычай платить за вход на «маскированные балы». «Доступ был свободный каждому, кто бы ни пришел, будь то крестьянин, будь то служанка, только бы заплатил тот взнос» [137]. От офицеров, чиновников и дворян, не явившихся на подобные балы, требовалось объяснение.

Хотя на публичные мероприятия допускались и простые горожане, те охотнее посещали свои «бюргерские танцы», которые проходили во многих гостиницах и кофейнях.

В масленичный период около 1750 г. в гостиницах Загреба состоялись десятки балов с сотнями посетителей. Особенно славилась такими общественными мероприятиями гостиница на торговой площади Хармице барона Магдаленича. В организации карнавальных праздников был известен в Загребе содержатель кофейни Плей. В 1786 г., например, он арендовал большой зал во дворце Войковича для проведения «отменных танцев» и зал общинной управы Градеца для развлечений простых горожан. Всего в тот сезон Плей организовал 30 мероприятий, которые посетили около 2,5 тыс. гостей [138]. Хотя дворяне и бюргеры предпочитали развлекаться еще раздельно, общественные увеселительные мероприятия так или иначе сближали жителей города. Крчелич, который не одобрял новую форму времяпрепровождения, с огорчением заключал: «Срам и стыдливость стали считаться недостатком» [139].

Начиналась ломка устоявшегося в веках, тяготевшего к старому быта, бастионами которого были дом и семья. Проникновение новых веяний в домашнюю среду воспринималось косными умами как крушение нравственности.

Активную роль в культурной и общественной жизни хорватских городов играли братовщины – локальные организации, связанные с церковью, с культом святых – защитников, особенно Богородицы. Братовщины – типичное явление в католическом мире – строили церкви, капеллы, возводили алтари, заботились о больных и бедных, занимались органи-

inslav

зацией похорон. В рассматриваемое время при жупах (приходских церквах) действовало множество братовщин. Они хранили местные обычаи. Их роль получила отражение в искусстве. Братовщины прекратили существование в Хорватии с ликвидацией католических орденов [140].

Молодежь развлекалась на свой манер. Примечательными были ночные драки в Градеце между гимназистами и подмастерьями. Из-за них возникали конфликты между городскими и школьными властями [141].

Повседневная жизнь хорватского общества, как и в былые времена, в основном протекала в домашней обстановке. Но она все больше выходила за ее рамки. Набирал силу интеграционный процесс, охватывавший верхние и средние социальные слои.

* * *

XVIII век принес существенные изменения в культурной жизни хорватов на всем их этническом пространстве. На передний край хорватского общественного развития к исходу столетия стала постепенно выдвигаться Хорватия благодаря общему подъему, компактному проживанию хорватов на ее территории, географической близости к Западной Европе, откуда шли импульсы поступательного исторического развития. XVIII век, изобретя идею прогресса, решительно устремился в будущее, к новым идеалам. Хорватия и Славония не остались в стороне от этого процесса, хотя его тенденция проявлялась здесь слабее. Почву для него составляли сдвиги в экономике, рост и изменение потребностей людей, усиление всякого рода связей, в том числе между разъединенными провинциями. Этот широкий и многоплановый процесс получил отзвук в передовой хорватской общественной мысли – в обновлении и пересмотре главных ценностей, в появлении в ней черт Просвещения, хотя в Хорватии и Славонии оно ограничилось вопросами нравственности. Захваченные влиянием Французской революции наиболее зрелые одинокие умы прониклись ее лозунгом «Свобода, Равенство и Братство». С другой стороны, унификаторские меры австрийского «просвещенного абсолютизма» расшатывали партикуляризм и

inslav

вызывали смещение акцентов с локальных ориентиров на новые варианты связей в обществе.

Общественное сознание в Хорватии и Славонии оставалось еще регионально-патриотическим. Но в нем утвердилась как устойчивая традиция «славянская идея» – понимание общности славян. Она была моральной поддержкой в трудное время исторического развития народа. Славянское сознание проявлялось как у церковных лиц, так и светских интеллектуалов, в литературе и исторических работах.

Славянское сознание существовало в двух формах. Прежде всего оно обнимало все славянство. При этом в XVIII в. стало заметным особое внимание к России как новому и вселявшему надежды политическому фактору в противостоянии Турции. Существовало также региональное славянское сознание, которое могло быть частью более широких представлений о славянской целостности. В данном случае оно охватывало славян, населявших территорию от Дравы до Адриатического моря, то есть юго-восточную часть Австрийской монархии и северо-запад Балкан. Своеобразным проявлением этой интеграционной формы было зарождение взгляда на Хорватию как ведущую силу региона.

Славянское сознание, включая исторические мифы, стало идейным наследием, перешедшим к последующим поколениям хорватов.

Параллельно пробивалось хорватское этническое сознание при господстве провинциально-патриотических настроений. Опираясь в значительной степени на историческую память о Триедином королевстве, оно давало о себе знать в попытках историков представить совместно прошлое Далмации и Хорватии, в понимании хорватского характера этих провинций, в упорном стремлении кайкавских лексикографов и писателей, скорее на уровне интуиции, сблизить кайкавский, штокавский и чакавский диалекты путем включения в словари их лексики и на практике одновременного использования словарного состава трех диалектов.

XVIII век диктовал свои условия. В то время в Европе набирала силу «национальная идея». Французская революция, вводя в обиход понятие «нация», выдвинула принцип ее су-

inslav

веренитета. Это способствовало подъему сознания хорватского общества на новый уровень. На рубеже XVIII–XIX вв. в Хорватии вся совокупность общественного развития, наработанный литературно-языковой опыт каким-то образом трансформировались в представление о населении Хорватии, Славонии и Далмации как одном народе и побудили к постановке вопроса о его духовном соединении на новой цивилизационной основе – общего, родного литературного языка.

К исходу XVIII в. благодаря широкой разговорной практике, признанному авторитету дубровницкой литературы, популярности штокавских писателей Качича Миошича и Релковича, все большему проникновению штокавщины в общественную жизнь на хорватском культурном пространстве решительно укрепились позиции новоштокавского диалекта на латинице. В лексическом, грамматическом и фразеологическом отношениях он в значительной степени был уже нормированным, но его графика и произношение (икавское, иекавское) оставались нерешенными.

Но большую функциональную нагрузку продолжал нести в Хорватии кайкавский диалект. Кайкавская культура была на подъеме, но в ней имела место тенденция к преодолению разорванности хорватского разговорно-письменного ареала на основе трехдиалектной концепции литературного языка. Чаковский диалект прекратил существование как один из самостоятельных диалектов хорватской литературы.

Большое место в художественной культуре хорватов заняло барокко, расцвет которого пришелся на середину XVIII в. Барокко в северохорватских провинциях из-за провинциализма самой жизни носило характер отголоска великого общеевропейского стиля за исключением единичных культурных явлений. Тем не менее освоение этого стиля имело широкое и многоплановое общественное значение. Он принес с собой новую форму познания жизни. Барокко раздвинуло кругозор образованных слоев общества. В Хорватии и Славонии, где не было из-за противостояния агрессивной Турции развитого Возрождения, оно в какой-то степени восполняло его гуманистическую функцию. Барокко с его художественными идеалами, основанными на идеях сложности,

inslav

многообразия и изменчивости мира, углубило восприятие жизни. Барокко закрепило вхождение хорватов в западноевропейскую цивилизационную макросистему. В ее рамках приобщение к барокко с его более широким пониманием мира подрывало обветшалый регионализм и узко локальную ориентацию культуры, с другой стороны, оно создавало предпосылки для формирования особенностей национальной культуры на более высоком уровне и в новых формах. Барокко способствовало сближению в художественном мышлении хорватов между собой.

Функционирование культуры у хорватов в северных провинциях в рассматриваемое время имело существенные особенности. Это была культура народа, находившегося в зависимости от австрийских и венгерских властей, что тормозило по отдельным аспектам ее развитие и было сопряжено с навязыванием хорватам немецкого, а с конца столетия и венгерского языков. Такое положение осложняло культурные взаимодействия хорватов с соседними, более продвинутыми в культурном отношении народами в границах одного государства. Между тем австрийские немцы внесли большой творческий вклад в развитие хорватской культуры, особенно в строительстве, архитектуре и изобразительных искусствах, способствуя приобщению хорватов к общеевропейскому культурному процессу. Хорваты выступали принимающей стороной в контактах с австрийской культурой.

Другой особенностью функционирования культуры была концентрация именно в этой сфере на исходе XVIII в. наиболее актуальных вопросов хорватского общественного развития. Доминирующими были задачи литературно-языкового объединения и шире – национальной интеграции хорватов. С такими приоритетами хорватский народ вступил в XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1005–1006.

[2] Там же. С. 1006.

[3] *Krčelić B.A.* Annuae ili historija 1748–1767. Zagreb, 1952. S. 163, 174, 176.

inslav

[4] Историја народа Југославије. С. 1025.
[5] Там же. С. 798–799.
[6] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb, od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987. S. 87.
[7] Ibid. S. 100, 101, 120.
[8] *Horvat A., Matejčić R., Prijatelj K.* Barok u Hrvatskoj. Zagreb, 1982. S. 3, 5, 6.
[9] В Хорватии цоколь дома не считался этажом. В российской практике цокольный этаж рассматривается как первый этаж дома.
[10] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 106.
[11] Описания архитектурных объектов XVIII в. даются здесь и далее с использованием текстового и иллюстративного материала в кн.: *Horvat A. i dr.* Barok u Hrvatskoj.
[12] Varaždin. Zagreb, 1975. б/с.
[13] *Horvat A. i dr.* Barok u Hrvatskoj.S. 123.
[14] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 31.
[15] Ibid.
[16] *Horvat A. i dr.* Barok u Hrvatskoj. S. 18 i sl.
[17] Ibid. S. 66.
[18] Ibid. S. 28.
[19] Ibid. S. 71.
[20] Ibid. S. 104.
[21] Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 254, 255, 256; Enciklopedija hrvattske povijesti i kulture. S. 658.
[22] *Zrinski, Frankopan, Vitezović.* Izabrana dela. Zagreb, 1976. S. 433.
[23] Ibid. S. 471.
[24] *Šidak* J. Počeci političke misli u hrvata: J. Križanić i P. Ritter Vitezović // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 142.
[25] *Gortan V.* Bilješka o piscu // *Krčelić B.A.* Annuae ili historija 1748–1767. Zagreb, 1952. S. 621.
[26] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 475.
[27] Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. 4. Historiografija. S. 10; Povijest hrvatske književnosti. S. 298–300.
[28] Povijest hrvatske književnosti. S. 312.

inslav

[29] *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. S. 178, 351; Hrvatski narodni preporod. Zagreb, 1985. S. 79.
[30] Povijest hrvatske književnosti. S. 342–343.
[31] Ibid. S. 343.
[32] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 273.
[33] Povijest hrvatske književnosti. S. 301.
[34] Ibid S. 301, 344.
[35] *Šojat O.* Ivan Belostenec // Hrvatski kajkavski pisci. 17. stoljeće. Zagreb, 1977. II. S. 256, 257, 258; Povijest hrvatske književnosti. S. 261; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 726.
[36] *Šojat O.* Pregled hrvatske kajkavske književnosti od polovine 16. do polovine 19. stoljeća i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma // Hrvatski kajkavski pisci. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. I. S. 27, 28.
[37] *Šojat O.* Pregled... S. 28; Povijest hrvatske književnosti. S. 304.
[38] Историја народа Југославије. С. 1020.
[39] *Matić T.* Matija Antun Relković // Djela Matije Antuna Relkovića. Zagreb, 1916. S. XX–XXII, XXIII, XXIV; Povijest hrvatske književnosti. S. 303, 304, 311.
[40] *Šojat O.* Pregled... S. 32.
[41] Povijest hrvatske književnosti. S. 312, 333, 334; *Šojat O.* Juraj Mulih (1694–1754) kao kajkavski pisac i kao kulturno-prosvjetni radnik // Kaj. Zagreb, 1983.
[42] *Šojat O.* «Cvet sveteh» Hilariona Gašparotija (1714–1762) // Croatica. Zagreb, 1984. Sv. 20–21.
[43] Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. II. S. 399 i sl.
[44] Povijest hrvatske književnosti. S. 334.
[45] *Šojat O.* Rukopisne pjesmarice // Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. I. S. 183 i sl.
[46] Zrinski, Frankopan, Vitezović. Izabrana djela. Zagreb, 1976. S. 361.
[47] *Šidak J.* Počeci političke misli u hrvata: J. Križanić i P. Ritter Vitezović // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 145.
[48] *Vončina J.* Pavao Ritter Vitezović // Zrinski, Frankopan, Vitezović. Izabrana djela. S. 344.

inslav

[49] *Krčelić B.A.* Annuae ili historija 1748–1767. Zagreb, 1952. S. 124.
[50] Ibid. S. 457.
[51] Ibid. S. 458.
[52] Ibid. S. 461.
[53] *Kombol M.* Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda. Zagreb, 1961. II izdanje. S. 375; Povijest hrvatske književnosti. S. 311.
[54] *Šojat O.* O dvjema kajkavskim revolucionarnim pjesmama s kraja osamnaestog stoljeća // Croatica. 1970. I. S. 211–236; *Šidak J.* Odjeci Francuske revolucije i vladanje Napoleona I. u hrvatskim zemljama // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 88–89; Hrvatski narodni preporod. S. 49.
[55] *Šidak J.* Odjeci francuske revolucije... S. 89; Hrvatski narodni preporod. S. 78.
[56] *Fancev F.* Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790–1832). Zagreb, 1933. S. 38–42; Hrvatski narodni preporod. S. 78.
[57] Povijest hrvatske književnosti. S. 315, 316.
[58] Ibid. S. 338, 339.
[59] Ibid. S. 340–342.
[60] Djela Matije Antuna Relkovića. Satir iliti divji čovik. Zagreb, 1916.
[61] Ibid. S. 7.
[62] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 537.
[63] Djela Matije Antuna Relkovića. S. 63.
[64] *Matić T.* Matija Antun Relković // Djela Matije Antuna Relkovića. S. XXIV i sl.
[65] *Данилова А.В.* Просвещение в хорватской литературе (писатели Славонии второй половины XVIII в.) // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 263, 264.
[66] *Matić T.* Život i rad Vida Došena // Djela Vida Došena . Zagreb, 1969. S. 6–8.
[67] Jeka planine, koja na pisme Satira i Tamburaša slavonskoga odjekuje i odgovara // Djela Vida Došena. S. 16.
[68] Ibid. S. 21.

inslav

[69] Ibid. S. 27.
[70] Ađaja sedmoglava bojnim kopjem udarena i nagrađena // Djela Vida Došena.
[71] *Matić T.* Život i rad Vida Došena. S. 12.
[72] *Данилова А.В.* Просвещение... С. 270 и сл.
[73] Там же.
[74] Povijest hrvatske književnosti. S. 331–332.
[75] Ibid. S. 344.
[76] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 31.
[77] Ibid. S. 33, 551; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 111, 112; Varaždin. б/с.
[78] *Horvat A. i dr.* Barok u Hrvatskoj. S. 70.
[79] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 112, 114.
[80] *Vanino M.* Isusovci i hrvatski narod. Zagreb, 1987. II. S. 547 i sl.
[81] Ibid. S. 403.
[82] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 115.
[83] *Andreis J., Cvetko D., Đurić-Klain S.* Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji. Zagreb, 1962. S. 99; *Šaban L.* Glazba u dvorovima Draškovića u 18. stoljeću // Kaj. Zagreb, 1972. Br. 11. S. 36, 38, 39.
[84] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb...S. 115.
[85] *Vanino M.* Isusovci... II. S. 556.
[86] *Vanino M.* Isusovci... Zagreb, 1969. I. S. 261 i sl., 278, 279; II. S. 425, 426, 543, 544.
[87] *Vanino M.* Isusovci... I. S. 262 i sl., 268, 269, 286, 287; II. S. 416 i sl.
[88] *Vanino M.* Isusovci... S. 283, 284, 285; II. S. 426, 427, 559.
[89] *Kombol M.* Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda. Zagreb, 1961. S. 348, 349.
[90] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 28, 277.
[91] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 99; *Vanino M.* Isusovci... I. S. 139; II. S. 539.
[92] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 120.
[93] *Šidak J.* Regia scientiarum Akademia // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 171–172.
[94] *Krčelić B.A.* Annuae...S. 451; *Šidak J.* Regia... S. 173.

inslav

[95] *Šidak J.* Jedno stoljeće u razvoju školstva u hrvatskim zemljama od 1773. do 1874 // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća... S. 190; Hrvatski narodni preporod. S. 150.
[96] *Šidak J.* Jedno stoljeće ... S. 189, 191, 193.
[97] Ibid. S. 195.
[98] *Vanino M.* Isusovci... I. S. 120–121.
[99] *Šidak J.* Jedno stoljeće ...S. 193.
[100] Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. 4. Hrvatska. S. 176, 178.
[101] *Šidak J.* Regia scientiarum Akademia. S. 171 i sl.; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S.120.
[102] *Šidak J.* Regia scientiarum Akademia. S. 172 i sl.
[103] Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 775
[104] *Šidak J.* Regia scientiarum Akademia. S. 179.
[105] *Nemeth K.* Zagrebačka akademija uoči Narodnog preporoda // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. I. S. 172–173.
[106] Историја народа Југославије. С. 1019.
[107] *Vanino M.* Isusovci... II. S. 540.
[108] *Nemeth K.* Zagrebačka akademija... S. 175.
[109] Ibid. S. 178.
[110] *Šidak J.* Regia scientiarum Akademia. S. 176–177.
[111] Историја народа Југославије. С. 1018.
[112] Hrvatski narodni preporod. S. 42.
[113] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 417, 475.
[114] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 116.
[115] Ibid.
[116] Ibid.
[117] *Vanino M.* Isusovci... II. S. 587.
[118] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 16.
[119] Ibid. S. 469.
[120] *Vanino M.* Isusovci... I. S. 158, 159.
[121] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 124.
[122] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 101, 102.
[123] Историја народа Југославије. С. 1023–1024.
[124] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 69, 529.
[125] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 130–131; *Horvat A. i dr.* Barok u Hrvatskoj. S. 100.
[126] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb...S. 131–132.

inslav

[127] Историја народа Југославије. С. 1013.
[128] *Krunek M.* Posjedi, gradovi i dvorci obitelji Drašković (povijesno-topografski prikaz) // Kaj. Zagreb, 1972. Br. 11. S. 82–95.
[129] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 135, 318.
[130] Ibid. S. 520; Историја народа Југославије. С. 1024.
[131] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 457.
[132] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 116.
[133] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 544.
[134] Ibid. S. 129.
[135] Ibid.
[136] Ibid.
[137] Ibid.
[138] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 116.
[139] *Krčelić B.A.* Annuae... S. 129.
[140] *Horvat A. i dr.* Barok... S. 26.
[141] *Vanino M.* Isusovci... II. S. 376.

inslav

Глава IV

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 1796–1849 гг.

Положение Хорватии, Славонии и Далмации в первой половине XIX в.

Первая половина XIX в. в хорватской истории была отмечена развитием рыночной экономики, зарождением гражданского общества, национальной консолидацией народа, подъемом культуры и началом освободительного общественно-политического и культурного движения. Эти прогрессивные процессы, развернувшиеся при существовании старой, позднесредневековой социальной системы, в комплексе получили в научной литературе определение хорватского национального Возрождения.

Европа вступила в XIX столетие в пороховом дыму. Центральная Европа и Северная Адриатика были охвачены наполеоновскими войнами. Австрийская империя, участница четырех европейских коалиций, направленных против революционной, а затем наполеоновской Франции, терпела одно поражение за другим. По Шёнбруннскому миру 1809 г. она уступила Франции часть южнославянских владений. Из них Наполеон создал особую административно-политическую единицу со столицей в Любляне – Иллирийские провинции. В 1811 г. они вошли на особом положении в состав Французской империи.

Иллирийские провинции включали часть Каринтии, Горицу, Триест, Крайну, часть Хорватии и Военной Границы

inslav

между рекой Савой и Адриатическим морем, Далмацию, Боку Которскую, Дубровник, Истрию, а также другие районы. Население Провинций составляли главным образом хорваты и словенцы. Военным и гражданским главой политического образования был генерал-губернатор, пост которого занимали последовательно наполеоновские маршал Мармон и генерал Бертран. Оно получило название по имени древних иллирийцев, автохтонного населения данной территории.

Иллирийские провинции включали шесть гражданских и одну военную. В Военной Границе существовавшая ранее милитаризованная система осталась в основном нетронутой, поскольку она полностью отвечала военным потребностям Франции. По замыслу Наполеона, Иллирийские провинции должны были стать форпостом Франции на Балканах для контроля за положением в Австрийской империи и обеспечения прямого контакта с Турцией, а также транзитным путем торгового обмена между Францией и Востоком.

Желая утвердить свое господство в завоеванных землях, оживить здесь хозяйственную жизнь и найти поддержку у местного населения, Наполеон провел в Иллирийских провинциях ряд реформ. Были введены французский кодекс законов с его гражданским равенством населения, суды и администрация по французскому образцу, упразднены личная зависимость крестьян и судебная власть землевладельцев. Наполеон лишил города автономии, уничтожил цехи, ввел покровительственные пошлины для местной промышленности, объявил свободу торговли и развернул дорожное строительство. Церковь была подчинена государству. Согласно декрету 1810 г. создавалась школьная система, находившаяся в юрисдикции светских властей, с обучением в начальных и средних школах на родном языке. Вместе с тем в учреждения Провинций шло постепенное введение французского языка вместо немецкого и итальянского. Эти мероприятия частично носили либеральный характер и способствовали росту национального самосознания местного населения. Однако в результате хищнической эксплуатации французскими властями Иллирийских провинций как источника получения дополнительных денежных средств и пушечного мяса наступили

inslav

экономический упадок и массовое разорение населения. Развернулась борьба за освобождение от французской власти.

С разгромом Наполеона по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. была восстановлена довоенная политическая карта Европы. Габсбурги получили назад потерянные земли. С этого времени наименование «Далмация» распространилось также на Дубровник и Боку Которскую. Из части хорватских и словенских земель, входивших в Иллирийские провинции, Габсбурги образовали новую административную единицу под названием Королевство Иллирия. Только в 1822 г. область южнее Савы была воссоединена с Хорватией. В 1825 г. отдельно была создана провинция Истрия. Австрийское правительство в основном ликвидировало французские нововведения, за исключением тех, которые отвечали его централизаторской политике.

Австрийская империя заняла ведущее место в «Священном союзе», созданном в 1815 г. европейскими правительствами для подавления освободительных движений. В стране был установлен жесткий полицейский режим, душой которого был министр иностранных дел, позже канцлер – князь Меттерних. Абсолютистскими методами Габсбурги управляли и в Венгерском королевстве. С 1811 по 1825 гг. император не созывал венгерское Государственное собрание, распущенное в связи с его оппозицией требованиям центральных властей. Однако после войны в Италии 1820–1821 гг. австрийское правительство, нуждавшееся в денежных средствах, было вынуждено несколько смягчить политический режим в Венгерском королевстве и восстановить в правах Государственное собрание.

Несмотря на кратковременность существования Иллирийских провинций (1809–1813 гг.), сам факт объединения западной части южнославянских земель в административное целое, а также позитивные аспекты французской политики в них оставили заметный след в хорватском общественном сознании. Но значительно более сильное и устойчивое влияние оказала на славян в Австрийской империи победа могущественной России над Наполеоном. Она напомнила славянам об их достоинстве, пробудила надежды и вселила уве-

inslav

ренность в собственные силы для достижения равноправия с другими народами.

Первая половина XIX в. была отмечена национальным Возрождением славян, прежде всего в Австрийской империи. Французская революция с ее признанием гражданских прав и введением в европейскую международную политику принципа суверенитета нации дала толчок небывалому общественному подъему славян. С формированием национального самосознания у славянской общественности в империи появилось стремление к научной разработке отечественной истории, возникло внимание к народному творчеству, как базе национальной культуры, родилось понимание важности собирания и изучения фольклора, сложилось романтическое увлечение народной поэзией. Внимание славянской общественности сосредоточилось на вопросе о родном языке и культуре, их развитии и судьбах. Появился общественный интерес к происхождению славян, их родине, истории, языкам, судьбам и значению в мировом историческом процессе. Мысль о большой этнической, исторической и языковой близости славянских народов, высказывавшаяся славянскими хронистами, историками и писателями еще в далекие времена, стала получать научное, теоретическое обоснование. Взрыв общественного интереса к славянству проистекал из начавшегося процесса формирования славянских наций. Поэтому славянское сознание, в отличие от прошлых времен, получило теперь особый по содержанию, силе и значению характер. Идейному строю славянского национального Возрождения было свойственно тесное соединение общеславянских и конкретно национальных интересов.

Выдающиеся научные труды «патриарха» славяноведения чеха Й. Добровского в области чешского языка, славянского языкознания в целом и истории, исследования славянских древностей словенца Е. Копитара, выступление серба, сторонника европейского Просвещения Д. Обрадовича в пользу живой народной речи как основы сербского литературного языка были убедительными свидетельствами наступления эпохи национального Возрождения австрийских славян.

inslav

С 20-х годов XIX в. значительно оживилась национальная жизнь славян в Вене, Праге, Пеште. С 1814 г. в Вене выходили сборники сербских народных песен, очень скоро получившие европейскую известность. Собирателем и издателем их был лингвист, историк и писатель Вук Караджич. В 1818 г. он издал на новой орфографии словарь с грамматикой сербского языка, включивший слова исключительно из живой народной речи. С его выходом началась острая борьба в кругах сербской общественности вокруг реформы Караджича, продолжавшаяся несколько десятилетий.

В Австрийской империи выходили периодические издания на славянских языках, издавались сборники чешских и словацких народных песен, печатались словари, грамматики, велись горячие споры о новой чешской орфографии, появились на свет «открытия» (по существу подделки) поэта В. Ганки «Краледворская рукопись» и «Либушин суд», сыгравшие в то время большую роль в подъеме национального сознания чешского народа. В словацкой среде развернулся большой спор о направлении литературно-языкового развития народа, делались попытки создания единой орфографии для пишущих латиницей славян, рождались утопические планы создания одного общеславянского языка.

Двадцатые годы знаменовались подъемом славянской науки. В 1826 г. на немецком языке вышла книга Павла Йозефа Шафарика, словака по происхождению, «История славянских литератур», представлявшая собой первое комплексное исследование литератур славянских народов. В 1828 г. появилось сочинение того же автора «О происхождении славян», а в 1837 г. – его фундаментальный труд «Славянские древности». Это были первые действительно научные труды по древней истории славянства. В книгах Шафарика, показавших славян как единое целое, раскрывались роль и место славянских народов в создании и развитии европейской цивилизации. Работы Шафарика произвели огромное впечатление на славянскую общественность, способствовали дальнейшему усилению интереса к славянскому вопросу и осознанию роли славян в социокультурном развитии Европы.

inslav

В 20-е годы впервые прозвучал романтический голос выдающегося поэта и мыслителя словака Яна Коллара, писавшего по-чешски. В 1824 г. вышла его поэма «Дочь Славы». В ней он воспел героическое прошлое славян и их выдающихся деятелей. Поэма была проникнута идеей славянского величия, большой близости славянских народов друг к другу и содержала призыв к их единению. В 1832 г. сочинение вышло в новом издании, значительно расширенном. Поэма Коллара произвела сенсацию. Сонеты из нее заучивались славянской молодежью наизусть.

В 1830 г. Коллар сформулировал свою знаменитую идею о сведении всех славянских литературных языков к четырем: русскому, польскому, сербскому и чешскому. С еще большей определенностью он выразил свои взгляды на славянские литературные языки в 1836 г. в альманахе «Гронка» и особенно в своей наиболее известной брошюре о литературной взаимности славян. Мысль о необходимости сближения славянских наречий и соединения их в большие группы высказывалась ранее учеными и писателями, в том числе и Шафариком. Но у Коллара мысль о четырех славянских литературных языках была тесно связана с его учением о славянской взаимности.

В 1837 г. Коллар издал книгу «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа». Он исходил из положения о целостности в далеком прошлом славян как народа и единстве их языка. Его учение было направлено на восстановление общности славян, разделенных на роды, а их языка – на наречия, на более высоком социокультурном уровне. Коллар наметил пути духовного сближения славян через распространение и знание четырех славянских языков, учреждение кафедр славистики в университетах, основание славянских библиотек, налаживание книжного обмена, совместную научную работу ученых, собирание и изучение славянского фольклора.

Национальное пробуждение славянских народов, особенно в Австрийской империи, произвело ободряющее, живительное впечатление на хорватское общество.

Противоречивое влияние на жизнь хорватов оказывали общественно – политический и культурный процессы в Венг-

inslav

рии. Хорватия была связана с ней многовековыми политическими, экономическими и культурными узами. Борьба венгров за права национального языка, основание венгерского национального музея, военной академии, академии наук, издание политических газет и брошюр, вставших на защиту национальных интересов Венгрии перед лицом полицейского режима Вены – все это не могло не быть примером для национального развития хорватов. Однако политика Венгрии в отношении Хорватии и Славонии, как и в целом невенгерских народов, вызывала хорвато-венгерское противостояние.

С самого начала венгерское национально-освободительное движение заключало в себе глубокое противоречие. Его целью было достижение независимости Венгерского королевства и либерализации жизни. На этом пути, стремясь к расширению и устойчивости внутреннего рынка, а также к упрочению своего господства на нем, с одной стороны, и к образованию единого фронта борьбы против австрийского господства, с другой – венгерское среднее дворянство вступило на путь насильственной мадьяризации невенгерских народов, населявших земли «Короны Св. Стефана». Особое внимание было обращено на Хорватию и Славонию. Помимо того, что эти области значительно увеличивали территорию королевства, они занимали важное географическое положение на пути к Адриатическому морю, которое открывало для Венгрии доступ к мировому рынку. Господство над Хорватией и Славонией могло обеспечить венгерскому дворянству также обладание Военной Границей, которая означала многотысячные военные резервы, в силу самых тесных, исконных связей между этими землями.

В целях полного подчинения Хорватии и Славонии своей власти венгерское среднее дворянство упорно добивалось упразднения их «муниципальных прав», введения венгерского языка в качестве государственного и территориально-политического расчленения этих провинций. По этим вопросам в Государственном собрании Венгерского королевства разгоралась острая борьба между хорватскими представителями и венгерским дворянством. Но решающее значение в данном случае имела позиция австрийского императора, без

inslav

санкции которого законы Собрания не имели юридической силы. Она определялась стремлением Габсбургов путем использования национальных противоречий ослабить венгерскую оппозицию и упрочить свою власть в империи. Вместе с тем центральная власть, нуждавшаяся в финансовых средствах и рекрутах, была вынуждена прибегать к политическим маневрам и известным уступкам требованиям Венгрии.

На этом сложном, противоречивом и многоплановом имперском фоне протекало общественно-политическое, экономическое и культурное развитие хорватского народа. В 1840 г. в хорватских провинциях проживало около 2200000 человек. Из них 38% жителей приходилось на гражданскую часть Хорватии и Славонии, 35% – на Военную Границу, 10% – на Истрию и 17% – на Далмацию. Кроме хорватов и сербов в континентальной Хорватии и Далмации, хорватов и словенцев в Истрии, в хорватских провинциях проживали также немцы, венгры и итальянцы [1].

Хотя основная часть населенной хорватами территории оказалась в составе одного государства, хорватские провинции остались разъединенными в административно-политическом отношении. Политическое положение Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства и в системе Австрийской империи, как и ранее, определялось особыми «муниципальными правами», носителем которых было местное дворянство. Приморье занимало особое положение внутри Венгерского королевства. Из Далмации, Боки Которской и Дубровника Габсбурги создали провинцию под названием «Далмация». Военная Граница, Истрия и Далмация в отдельности непосредственно подчинялись австрийским властям.

«Муниципальные права» («Jura municipalia») Триединого королевства (таково было официальное название средневекового королевства Хорватии, Славонии и Далмации) состояли в следующем: верховная власть принадлежала королю и сабору; местное управление возглавлял бан – наместник короля; Триединое королевство направляло в венгерское Государственное собрание трех делегатов, избранных сабором, без их согласия венгерское Государственное собрание не имело права принимать законы, затрагивающие интересы этого королевства; Славония же непосредственно посылала

inslav

своих представителей в Собрание; Хорватия подлежала налогообложению в половинном размере (в расчете на единицу обложения), по сравнению с Венгрией, она была освобождена также от постоя и содержания солдат, каковые привилегии не распространялись на Славонию, и пр. Государственным языком оставался здесь латинский. К XIX в. автономия Хорватии и Славонии была Габсбургами весьма ущемлена. В особенности это касалось функций и деятельности сабора и бана. Их компетенция была настолько урезана, что ни о какой действительно самостоятельной политической роли не могло быть и речи. Согласие же в 1790 г. хорватского сабора с целью защиты дворянских привилегий перед лицом централизаторской политики Вены на административное подчинение Хорватии и Славонии венгерскому Наместническому совету и передача права венгерскому Государственному собранию определять налоги для Хорватии, правда, с оговоркой, что они должны рассматриваться отдельно от венгерских, еще более ослабили авторитет и значение хорватского сабора и бана и подорвали хорватскую самостоятельность.

Благодаря автономии, хотя и урезанной, Хорватия и Славония находились в более благоприятном политическом положении, чем остальные хорватские провинции. Но начиная с середины 20-х годов, при неослабевающем полицейском давлении со стороны австрийского правительства резко усилилась угроза мадьяризации хорватов и политической ассимиляции Хорватии и Славонии с Венгрией.

Административно-политическая раздробленность хорватских земель усугублялась слабостью экономических связей между ними. В отличие от Хорватии и Славонии, которые хозяйственно были связаны с континентальными Австрией и Венгрией, Далмация экономически оставалась изолированной от них. Ее важная отрасль хозяйства – судоходство – было ориентировано на Триест как главный собирательный порт северной Адриатики. При этом хорватские провинции разнились между собой и по типу хозяйства: среднеевропейский на севере и средиземноморский на юге.

Хорватия и Славония выдвигались вперед в экономическом развитии. Оно было неравномерным и нестабильным. В

inslav

начале XIX в. благодаря установленной Наполеоном Континентальной блокаде поток товаров Восток–Запад двинулся сухопутным путем через Балканы и Подунавье. Это помогло деловым людям в Хорватии и Славонии сосредоточить в своих руках немалые капиталы. Однако они обесценились в результате полной дезорганизации денежной системы в Австрийской империи и двух девальваций, проведенных после окончания войн с Францией.

В дальнейшем хорватские провинции наращивали мануфактурное производство на фоне подъема городского ремесла, которое переживало «золотой век». До середины XIX в. в хозяйственной жизни Загреба преобладало ремесло в цеховой форме. В основном ремесленники удовлетворяли потребности горожан в каждодневных предметах. Свобода ремесла была провозглашена императорским патентом в 1859 г., а цехи ликвидированы только в 1872 г. К существовавшим с конца XVIII в. казенной шелкопрядильне и скромной капитульской бумажной мануфактуре в Загребе прибавились новые предприятия, одни из которых были преходящими, другие – действовали более продолжительное время. Это были мануфактура по производству разных масел из семян растений, столовой фаянсовой посуды, шелкопрядильное заведение. В поместьях крупных дворян в свою очередь возникали мануфактуры.

С 30-х годов XIX в. в Хорватии и Славонии началось строительство небольших фабрик. В 1844 г. по Савве, от Земуна до Сисака, ходил пароход, принадлежавший первому национальному пароходному обществу «Слога» («согласие»). Но в 1845 г. он затонул, и пароходное сообщение по Савве национальными силами на долгое время прекратилось. В 1846 г. в Загребе была основана первая хорватская сберегательная касса. Ее создателями выступила группа торговцев. Начальный капитал кассы составлял всего 40000 форинтов, что свидетельствовало об ограниченных финансовых возможностях зачинателей. Первым председателем кассы стал грек Анастас Попович. Все это были признаки развития рыночной экономики. Однако процесс был замедленным и однобоким. В 1849 г. стоимость действующих в этих провинциях паровых машин составляла около 26 тыс. форинтов, в

inslav

то время как в Венгрии – 788 тыс. форинтов, а в Чехии и Моравии – более 2750 тыс. форинтов. Развитие новых форм хозяйствования в промышленности Хорватии и Славонии протекало преимущественно в отраслях, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья и производством полуфабрикатов [2].

В годы наполеоновских войн в связи с повышением спроса на продовольствие в австрийских наследственных землях и в Европе значительно вырос вывоз зерна из Хорватии и Славонии. Поставщиками его были крупные дворянские хозяйства. Однако с окончанием войн рыночные условия резко изменились. В Европе разразился всеобщий зерновой кризис. В Австрийской империи он был усугублен и финансовым кризисом. Цены на зерно резко упали. Венгерский хлеб, более качественный и дешевый, чем хорватский, стал вытеснять хорватское зерно на имперском и даже на хорватском рынках.

Большой удар развитию хлебной торговли хорватских дворян нанес в 30-е годы XIX в. рост русской торговли зерном. После Адрианопольского мира 1829 г., завершившего русско-турецкую войну, были сняты запреты для русского черноморского флота. И дешевая одесская пшеница стала заполнять рынки адриатических гаваней, составляя на мировом и австрийском рынках серьезную конкуренцию венгерскому и хорватскому зерну. В 1847 г. русский хлеб проник в глубь австрийских земель вплоть до Штирии. Втянутые в рыночные отношения господские владения в Хорватии и Славонии были вынуждены решать проблемы конкуренции, проблемы торгового производства.

Повышение доходности своих хозяйств земельные собственники пытались решать прежде всего путем увеличения барской запашки за счет крестьянских угодий и усиления эксплуатации зависимых кметов. Но немногие дворяне, в первую очередь состоятельные, занимались промышленным строительством с применением наемного труда и иного рода предпринимательством. Наиболее продвинутые из них расширяли посевы интенсивных торгово-промышленных культур, они стали больше внимания уделять методам ведения хозяйства и прибегать к хозяйственным новшествам, рационализации отдельных видов сельскохозяйственных работ. Все это требовало много больше рабо-

inslav

чих рук, чем могла дать барщина в нормах, установленных генеральными урбариями в середине XVIII в. Это вынуждало господ прибегать к найму рабочих, дополняя, а иногда и заменяя им барщину. К исходу первой половины XIX в. разложение традиционной хозяйственной системы господских владений, основанной на подневольном труде и рутинной технике, и втягивание их в рыночную экономику стали особенно отчетливыми. Неизбежность перестройки экономики сельского хозяйства в Хорватии и Славонии диктовалась также резко усиливавшейся в первой половине XIX в. борьбой крестьянства против эксплуатации.

Рост производства обеспечивал увеличение торговли как внутренней, так и внешней. Этому способствовало улучшение дорог. В 1811 г. была построена дорога от Карловаца до Риеки («Луизиана»). Около 1840 г. подверглась реставрации дорога Карловац – Сень. Хорватия и Славония отправляли на австрийский и западные рынки прежде всего сельскохозяйственные товары: зерно, скот, табак и пр. В существующих условиях австрийский и внешний рынки не были устойчивыми для сбыта хорватской сельскохозяйственной продукции. Они обеспечивали лишь ограниченное накопление капитала. Не говоря уже о том, что крупные рынки находились от Хорватии далеко, ее экспортные возможности искусственно ограничивались установленными австрийским правительством высокими экспортными пошлинами и прямыми запретами. Центральная власть при помощи таможенной системы ограничивала доступ хорватской сельскохозяйственной продукции на внешние рынки и направляла ее в наследственные земли. Это давало возможность австрийскому рынку диктовать низкие цены.

Однако и австрийский рынок не был устойчивым и свободным для сбыта хорватского продовольствия и сырья. Между Венгерским королевством и австрийскими наследственными землями существовала таможенная граница. Высокие таможенные тарифы затрудняли и сужали вывоз в них. В первой половине XIX в. внутренние пошлины достигали половины взимавшихся на границах империи, а в отношении некоторых товаров даже равнялись им. Помимо пошлины, взимались еще и другие сборы. Центральное правительство

inslav

регулировало своей торговой политикой вывоз хорватских сельскохозяйственных товаров в австрийские наследственные земли в зависимости от интересов австрийских аграриев и предпринимателей. Внутренний хорватский рынок был узким, его развитие зависело от темпов промышленного строительства.

Замедленность и трудности развития рыночной экономики в Хорватии и Славонии проистекали прежде всего из зависимого положения крестьян, что порождало неразвитость рынка труда, отсутствие квалифицированной рабочей силы, нехватку капиталов, узость внутреннего потребительского рынка. Сдерживающим фактором экономического развития Хорватии и Славонии была также колониальная политика австрийского правительства, стремившегося превратить Венгрию и хорватские провинции в сырьевой придаток промышленной метрополии.

Социальная структура хорватского общества в свою очередь существенно менялась. Господствующее сословие – дворянство переживало процесс социального разложения. Внутри него не только было разное имущественное положение отдельных групп, но разнились характер их деятельности, источники доходов, потребности и интересы. Крепнувшие связи части средних дворян с рынком, занятия разного рода предпринимательством ставили их перед необходимостью решать те же проблемы, которые вставали перед торгово-промышленным населением: нехватка денег, разного рода трудности при сбыте товаров, конкуренция австрийской продукции и др. Это сближало интересы тех и других.

В условиях разрушения привычных форм хозяйствования, необходимости приспособления к складывавшимся новым экономическим условиям, изменения потребностей и быта большинство дворян имело долги. Многие были на пороге разорения. Задолженность и разорение землевладельцев особенно усилились в неурожайные 1813–1819 гг. Известный публицист и общественный деятель второй половины XIX в. И. Ткалац в воспоминаниях отмечал, что загребский капитул, занимавшийся кредитными операциями под ипотеку, не в состоянии был в 40-х гг. XIX в., несмотря на свои несметные богатства, удовлетворить растущие потребности дворянства

inslav

в деньгах [3]. В отсталой Хорватии, где не было новых кредитных учреждений, экономические трудности гнали земельных собственников, особенно мелких, в сети ростовщиков, требовавших за свои услуги баснословные проценты.

Среднее и мелкое дворянство, в первую очередь в Хорватии, лишенное возможности хозяйственного маневрирования, задыхавшееся от долгов и баснословных ростовщических процентов, неуклонно катившееся к полному разорению и потому охваченное глубоким недовольством и страхом за свое будущее, искало пути выхода из создавшегося положения. Подавляющая часть экономически слабых дворян стояла на позиции защиты и сохранения в неприкосновенности дворянских прав и привилегий и возлагала надежды на «муниципальные права» Хорватии и Славонии, призванные политически обеспечить их.

Именно с этих позиций во второй половине XVIII в. хорватское дворянство боролось против централизаторской и абсолютистской политики Габсбургов, выступая в союзе с венгерским дворянством. Те же стремления руководили им, когда оно в конце XVIII в. столкнулось с мадьяризаторскими действиями своего бывшего союзника. В страхе перед абсолютистским режимом, хорватское дворянство постепенно сдавало свои позиции венграм. В 1791 г. хорватский сабор был вынужден согласиться с введением венгерского языка в низших и средних школах Хорватии и Славонии в качестве необязательного предмета изучения. В 1805 г. венгерская оппозиция предприняла новую попытку навязать в школы и учреждения Хорватии и Славонии венгерский язык. В 1827 г. хорватский сабор согласился с решением Государственного собрания от 1825 г. об обязательном изучении в хорватских школах венгерского языка. На сессии Собрания в 1830 г. венгерское дворянство настойчиво добивалось ликвидации хорватских муниципальных прав. Венгерская оппозиция росла и крепла. Государственное собрание в 1830–1840 гг. приняло ряд законов о пересмотре урбариальной системы, в том числе о факультативном выкупе крестьянами своих обязанностей по договоренности с земельными собственниками. Это окончательно оттолкнуло консервативную часть хорватского

inslav

дворянства от Венгрии и мобилизовало его на борьбу против венгерский оппозиции.

Вопрос о государственном языке в Хорватии и Славонии имел для хорватского дворянства не только политическое значение, он затрагивал непосредственно и его экономические интересы. Все законодательные акты, фиксирующие права дворян на землю и кметов, были составлены на латинском языке. Националистические действия венгерской оппозиции заключали для хорватского дворянства, в первую очередь небогатого, угрозу отстранения от политической деятельности, потери служебных мест, поскольку венгерского языка в Хорватии и Славонии в тот период никто не знал. Служба же была важным, а иногда и решающим источником дворянских доходов.

В силу ограниченных возможностей Хорватии и Славонии и зависимого их положения спрос на должности рос здесь значительно быстрее их предложения. Граф А. Оршич в своих воспоминаниях весьма образно характеризовал обстановку, сложившуюся в начале века. «Число адвокатов так велико, – писал он, – что скоро превысит число процессов» [4]. В 1841 г. Кукулевич-Сакцинский, человек весьма известный в дворянских кругах и имевший солидные связи, ответил на просьбу сына, желавшего покинуть армию, найти ему какое-нибудь, пусть незначительное место: «Все переполнено» [5].

С постепенным разорением мелкого дворянства и возраставшим значением службы среди источников его доходов, бедные дворяне оказались особенно заинтересованными не только в сохранении за собой старых служебных мест, но и в расширении сферы доступных им и их сыновьям должностей в администрации, армии и хозяйстве и, следовательно, в ослаблении политико-административной зависимости Хорватии и Славонии. Муниципальные права Хорватии и Славонии и латинский язык, при сохранении существующего экономического строя, были политическим кредо консервативного большинства хорватского дворянства.

Вместе с тем разрушение привычных экономических устоев и нарастание элементов рыночной экономики вызывали изменения в устремлениях части дворян. Это была до-

inslav

вольно узкая, но постепенно расширявшаяся группа внутри небогатого дворянства. В новых условиях ее представители все сильнее ощущали узость муниципальных прав Хорватии и Славонии, чтобы оградить себя от националистических притязаний венгерской оппозиции и вообще улучшить условия своей жизни. У них с формированием национального самосознания забрезжило понимание важности духовного единения и консолидации хорватского общества. По примеру венгерского либерального дворянства в этой среде рождалась потребность противопоставить натиску венгров их же оружие – способную сплотить хорватов и придать им силы в борьбе – национальную идею, правда, в начале весьма туманную и неясно очерченную.

Особое место в дворянской среде Хорватии занимали туропольцы. Это были жители Турополе (Турецкого поля) – автономной общины, пользовавшейся в течение шести столетий широким самоуправлением. Все ее население, без исключения, были дворяне. Туропольцы получили этот статус еще в XIII в., отличившись в сражении с монголами на Гробницком поле.

Турополе было расположено в долине на правом берегу Савы, в двух часах езды гужом от Загреба. По описанию вышеупомянутого И. Ткалаца, земля здесь была слабой, плохо обрабатываемой, ежегодно затоплявшейся водами Савы и ее притоков. Она являла собой «мрачную и печальную картину». Здесь и там виднелись дома, сколоченные из досок, под соломенной крышей, с узкими окнами, через которые внутрь дома проникало мало воздуха и света. Население, продолжал Ткалац, не отличалось физическим развитием, как это обычно бывало в бедных краях, и не было здесь статных мужчин прекрасного роста, которыми славилась вообще савская долина.

Туропольцы пользовались привилегией иметь в собственности землю (но не крестьян), были свободны от налогового обложения, как и рекрутского набора, избирали своего главу, который, подобно венгерским магнатам, заседал с правом голоса в хорватском саборе и венгерском Собрании. Единственной обязанностью туропольцев была в случае войны на коне и за свой счет служить королю. Жители Турополе, в первую очередь женщины и дети (мужчины были заняты делами самоуправления),

inslav

сами обрабатывали свою землю, при этом ремесло и торговля считались недостойным для дворянина занятием. По словам Ткалаца, эту спесивую «крестьянскую аристократию» даже не коснулась европейская культура [6].

Между тем туропольцы играли заметную роль в жизни Загребской жупании. В дни конгрегации (собрания областного дворянства) они с шумом на телегах заполняли улицы полусонного города. Крикливые и заносчивые туропольцы составляли политическую массу, способную за деньги и угощения провести своими голосами на должность любого заинтересованного состоятельного дворянина.

С возрастанием хозяйственной активности населения в Хорватии и Славонии усилился процесс урбанизации. К 1840 г. численность населения в двух наиболее крупных городах здесь достигла 12000 человек в каждом. Однако в городах не сложилось еще экономически сильного и влиятельного слоя носителей капитала.

В середине XIX в. в хорватских провинциях насчитывалось 14 000 ремесленников, торговцев и предпринимателей, что составляло 1,5% населения [7]. Собственники капитала в городах были малочисленны. Притом значительная часть их была инонациональной, в первую очередь австрийского происхождения. Экономические позиции торгово-промышленного слоя оставались слабыми. Концентрация денежных средств в его руках проходила медленно и не достигла высокой степени развития. Лишь немногие торговцы здесь имели значительные капиталы, исчислявшиеся сотнями тысяч форинтов. Торговля хлебом, скотом и древесными изделиями была важнейшим источником накопления капитала.

Характерной чертой крупных хорватских хозяйственников была недифференцированность их деятельности. Наряду с внешней торговлей они вели торговлю и на внутреннем рынке, при этом торговые операции их не были специализированы, занимались ростовщичеством. Они вкладывали капиталы в промышленное производство, притом нередко в такие отрасли, которые не были связаны с профилем их коммерции. Состоятельные торговцы и предприниматели сдавали в наем дома, брали на откуп наиболее важные статьи го-

inslav

родских доходов, арендовали дворянские имения, извлекали доходы из собственных поместий и т. д. Все это отражало экономическую незрелость представителей капитала. Многие средние и даже крупные торговцы и предприниматели не были самостоятельными в хозяйственном отношении и зависели от австрийских и иностранных торговых и промышленных фирм [8].

Торговля была основой обогащения известного торгово-предпринимательского дома Враницани. В первой половине XIX в. эта семья наряду с торговлей занималась производством дубовой клепки, организацией промышленных предприятий в Загребе, Риеке и Карловаце. Получившие в начале века дворянство Враницани были солидными земельными собственниками. Они имели несколько богатых поместий с подневольными крестьянами. Наиболее деятельный член этой фамилии Амброз Враницани-младший торговал в Карловаце с 1837 г. Он занимался главным образом торговлей хлебом, древесиной и производством в больших масштабах дубовой клепки. А. Враницани был основателем национального пароходного общества на р. Савве [9].

Зажиточные торговцы и предприниматели были тесно связаны с дворянами – землевладельцами. Их торговые и ростовщические операции касались главным образом дворян. Богатые представители торгово-промышленного слоя сами занимались сельским хозяйством, прибегая к подневольному труду крестьян. Они покупали имения, арендовали дворянские земли, брали на откуп монопольные права дворянства (право на распивочную продажу спиртных напитков, содержание мясных лавок, устройство базаров, рыбной ловли и др.), скупали у дворян барщинные дни и использовали зависимых крестьян по своей надобности. Наиболее крупные торговцы и предприниматели, используя свое богатство и связи, покупали дворянские дипломы или другим путем приобщались к дворянскому сословию. Состоятельные горожане до известной степени были связаны с дворянством и политически, участвуя от лица свободных королевских городов в работе сабора и венгерского Государственного собрания. Все это сближало интересы собственников капитала и связанного с рынком

inslav

дворянства. И те, и другие были заинтересованы в том, чтобы облегчить и ускорить накопление капитала, устранить препятствия на рынке, поставить государственные материальные средства на службу своим интересам.

Близкой была позиция названных социальных слоев и по ряду других вопросов, в том числе по рыночной ориентации. Их объединяла большая заинтересованность в австрийском рынке, нежели в венгерском. Австрийский рынок более соответствовал профилю хорватской торговли, нежели венгерский. Он был способен принять хорватскую сельскохозяйственную продукцию и сырье и предоставить необходимые промышленные товары, в то время как Венгрия сама испытывала затруднения со сбытом своего продовольствия и сырья и нуждалась в изделиях обрабатывающей промышленности. При этом через Австрию и Триест в значительной мере осуществлялся хорватский вывоз за границу и импорт иностранных товаров. Даже Риека в первой половине XIX в. была преимущественно собирательной гаванью для триестского порта, который являлся важным международным рынком, где встречались купцы со всего света. Поэтому связанные с торговлей хорватские дворяне и горожане, в своем большинстве предпочитая австрийский рынок венгерскому, стремились к обеспечению наиболее благоприятных для себя условий его полного и широкого использования. Их интересам в одинаковой мере не отвечало стремление венгерской оппозиции к отделению от австрийских наследственных земель и установлению защитной таможенной системы на границах Венгерского королевства [10].

Богатые хорваты – горожане так же, как и дворяне, ощущали опасность, которую таила в себе националистическая политика венгерской оппозиции, для их экономических и политических интересов.

В целом, торгово-предпринимательский слой в Хорватии и Славонии в рассматриваемое время был многими нитями связан с существующим строем и имел ограниченные интересы. Поэтому он не мог играть самостоятельной и решающей роли в общественно-политической жизни. Тем не менее самим фактом своего развития он оказывал принци-

inslav

пиальное влияние на социально-экономическую обстановку в провинциях.

В первой половине XIX в. новой социальной силой отчетливо проявила себя хорватская интеллигенция. Это были писатели, юристы, врачи, аптекари, преподаватели, домашние учителя, служащие в дворянских имениях, чиновники в жупанийских и городских органах управления и др. Хорватская интеллигенция не была многочисленной. Но большая часть ее проживала в городах, и это увеличивало ее общественный вес.

Важную роль в формировании хорватской интеллигенции играла светская Королевская академия в Загребе. С 1790 г. неуклонно сокращалась численность дворянской молодежи среди студентов философского факультета Академии и возрастал удельный вес лиц буржуазного и крестьянского происхождения. Своими корнями хорватская интеллигенция была связана со средними кругами общества. Важным обстоятельством было и то, что в стенах Академии обучалась молодежь из разных краев Хорватии и Славонии [11].

Благодаря своему образованию, коммуникативности и положению интеллигенция ощущала импульсы, исходившие из разных частей общества. Появилась ангажированная группа с миссией осознать потребности общественного развития и превратить неясные предчувствия, неоформленные мысли и тревожные настроения в обществе в стройную систему идей. Будучи разнородной по своему происхождению и связям, она в разных своих частях выражала устремления различных социальных групп.

Но у нее были и свои, свойственные ей как общественному слою интересы. Хорватская интеллигенция повседневно в своей деятельности сталкивалась с многочисленными ограничениями, порожденными средневековьем и связанными с зависимым положением Хорватии и Славонии. Естественно, что с повышением общественной роли у нее появилось стремление к улучшению условий и расширению сферы своей деятельности. Необходимыми предпосылками этого были ослабление преград, которые мешали подъему экономики, развитию гражданского общества и самостоятельности Хорватии и Славонии.

inslav

Недовольство хорватской интеллигенции существующими общественными отношениями усугублялось насильственной мадьяризацией. Введение в Хорватии и Славонии в качестве официального венгерского языка означало для местной интеллигенции ослабление ее общественных позиций, отстранение от служб и лишение материальных средств к существованию. Трудное положение Хорватии и Славонии заставило интеллигенцию задуматься над многими вопросами, центральным из которых стал вопрос о необходимости хорватского единства с целью поднятия уровня развития хорватского общества и противостояния венгерскому натиску.

Близкое к интеллигенции положение занимало низшее католическое духовенство. В 1790–1830 гг. среди выпускников философского факультета загребской Академии больше половины предпочли судьбу церковников и только треть выбрала чиновную службу [12]. Это было связано с ограничениями на занятие должностей недворянами. Капелланы, жившие в нужде, сельские священники, связанные происхождением с крестьянством и мещанством, по характеру своей деятельности и условиям жизни приближавшиеся к интеллигенции, все, кто тяготился целибатом, склонялись к преобразованиям в общественной жизни и церкви, видя в этом путь к улучшению своего материального и общественного положения.

Важную, если не решающую роль в определении позиции хорватского католического духовенства играла церковная и языковая политика венгерского среднего дворянства. Венгерская оппозиция упорно добивалась равноправия протестантов с католиками в Хорватии и Славонии, рассчитывая таким способом расчистить путь для колонизации хорватских провинций, введения венгерского языка в церковную жизнь и обязательного знания его всем духовенством (это должно было стать условием возведения в сан священника) [13]. Реализация данной программы угрожала многим хорватским священникам отстранением от службы, сужением его материальной базы и падением влияния.

Политика венгерского дворянства пробудила у хорватского католического духовенства стремление упрочить свои позиции в Хорватии и Славонии, освободиться от церковной

inslav

зависимости от Пешта и создать самостоятельную хорватскую церковь.

Высший католический клир в Хорватии и Славонии, ревностно охранявший существующие порядки, в свою очередь был обеспокоен нарастанием венгерских либеральных сил и их политикой в церковном вопросе.

Основу социальной пирамиды в Хорватии и Славонии составляло крестьянство, в подавляющей массе находившееся в зависимости от земельных собственников. На протяжении первой половины XIX в. вплоть до 1848 г. сохранялась тенденция к усилению эксплуатации крестьян землевладельцами, церковью и государством. В последних десятилетиях XVIII в. наступил некоторый спад в крестьянском движении, вызванный жестоким подавлением волнений 30–50-х годов, а также официальным регламентированием повинностей кметов. Однако на всем протяжении первой половины XIX в. в Хорватии и Славонии было неспокойно. В 30–40-х годах в связи с постоянными захватами господами крестьянских земель отпор крестьянства особенно усилился. В 1830 и 1846 гг. вооруженные выступления кметов произошли в Загребской жупании. Подъему крестьянского движения в Хорватии и Славонии способствовало усиление крестьянской борьбы в других землях Австрийской империи и по соседству в Сербии. В начале века развернулась освободительная борьба сербского народа против турецких угнетателей, под влиянием которой произошло волнение крестьян в Среме в 1807 г. Социальную обстановку в Австрийской империи всколыхнуло крупнейшее выступление крестьян в Словакии в 1831 г. и особенно кровопролитное восстание 1846 г. в Галиции. Во второй половине 40-х гг. в связи с голодом и эпидемией тифа брожение среди крестьян наблюдалось по всему Венгерскому королевству. Социальные противоречия обострились до предела [14].

Хотя до 1848 г. выступления крестьян в Хорватии и Славонии не носили подлинно массового характера и были разрозненными, их протест являлся составной частью крестьянского движения, разворачивавшегося во всей Австрийской империи, и это увеличивало силу и значение борьбы. Нараставшее крестьян-

inslav

ское движение показывало неизбежность и необходимость коренных общественных преобразований.

С наступлением XIX века в Хорватии и Славонии стал отчетливым процесс формирования капиталистического общества, его экономики и социальной структуры. Но он был крайне замедленным и трудным вследствие господства позднесредневековых форм хозяйствования, сохранения сословно-иерархического строя и зависимого положения Хорватии и Славонии.

Этот процесс сопровождался складыванием национальной идентичности хорватов, чрезвычайно важного феномена для всей последующей истории этноса. К этому времени достаточную степень зрелости обрели такие материальные предпосылки, как уровень развития экономики и коммуникации, появление социальных слоев, свойственных новой общности людей, а также их конфессиональная гомогенность.

Формирование национальной идентичности быстрее всего протекало в Хорватии. Эта область была наиболее «хорватской» из всех провинций, составлявших хорватскую этническую территорию. Хорваты проживали здесь компактно, и они в наименьшей мере подверглись денационализации. Ближе всего к Хорватии находилась Славония, как в географическом плане, так и по условиям и типу общественного развития. Но эта область, не говоря уже о некотором отличии от Хорватии ее политического положения, имела пестрое по этническому составу население. После опустошения, пережитого Славонией в начале XVIII в. в связи с австро-турецкими войнами, в результате усиленно проводившейся центральной властью на протяжении столетия колонизации сельское и городское население провинции значительно пополнилось сербами, немцами, венграми, словаками, румынами, принесшими свои бытовые отличия и навыки, а в среде дворянства стали преобладать немцы и венгры.

В Хорватии существовали исконные традиции хорватской политической самостоятельности. Наличие особой политической территории, ее, хотя и куцая автономия, существование традиционных политических институтов, особых законов, властей, в какой-то мере ограждавших хорватов от на-

inslav

ционалистического натиска австрийских и венгерских властей, – все это выдвигало Хорватию во главу национального хорватского развития. Положение Военной Границы, Далмации и Истрии было более трудным. В районе самых сильных в экономическом отношении городов Хорватии – Карловац, Сисак, Вараждин – закладывалось ядро хорватской нации. Здесь был центр формировавшегося хорватского единства.

На пути национального развития хорватов стояли, помимо экономического и политического (зависимого положения) факторов, беспримерная административно-политическая раздробленность территории их основного проживания, партикуляризм, культурная гетерогенность, разность письменных языков у отдельных частей народа. Хорватов в разных провинциях разделяли политические и духовные ценности. Областнические и психологические различия населения получали концентрированное выражение в разных названиях частей этноса. Понятие «хорват» охватывало население лишь трех жупаний – Загребской, Вараждинской и Крижевацкой. Жители Славонии именовались «славонцами», Срема – «сремцами». В Далмации писатели называли соплеменников «рватами».

XIX век поставил перед хорватским обществом новые исторические задачи: устранение препятствий, мешающих общественному прогрессу, преодоление вопиющей раздробленности этноса и обеспечение условий для консолидации хорватской нации, достижение равноправия и свободы народа. Решение этих вопросов ввиду сопротивления как внутренних, так и внешних сил растянулось на целое столетие.

Идейная атмосфера в Хорватии и Славонии в первой трети XIX в.

Новые процессы, развернувшиеся в жизни Хорватии и Славонии на фоне общеавстрийской обстановки и подъема революционной и освободительной борьбы в Западной Европе в 20–30-х гг. XIX в., вызвали изменения в идейной атмосфере хорватских провинций. Наиболее продвинутые умы стали осмысливать новую реальность. Духовные сдвиги полу-

inslav

чали проявление в разных формах: от усиления общественного внимания к отечественной истории, пробуждения интереса к народному творчеству до появления брошюр, в которых поднимались актуальные вопросы общественного развития. Формировались общественное мнение и интеллектуальная культура, которые во многом определяли развитие национального самосознания.

В 1813 г. загребский епископ М. Врховец обратился с посланием на латинском языке к духовенству своей епархии о собирании народных песен, пословиц, поговорок и старинных книг. Однако этот призыв встретил слабый отклик со стороны духовенства. Врховца занимал также вопрос о едином и простом хорватском правописании, о развитии «иллирского» языка и пр. [15].

После 1796 г., когда появилась брошюра Й. Шипуша с национальным содержанием, одно за другим последовали печатные выступления в пользу развития родного языка и литературно-языкового объединения хорватов. В 1815 г. девятнадцатилетний А. Миханович издал в Вене на кайкавском диалекте брошюру «Слово отечеству о пользе писания на родном языке» [16]. В ней Миханович обрушился на латинский язык в Хорватии и Славонии, призывая соотечественников пользоваться родным языком и развивать литературный язык на народной речевой основе. Это был первый публичный протест против засилья латыни в Хорватии и Славонии и весьма смелое для того времени выступление в пользу родного языка. Несколько позднее Миханович пытался впервые издать поэму «Осман» Гундулича, рукопись которой он нашел в Италии. Однако, не встретив отклика на свое объявление о подписке, он от издания поэмы отказался [17].

В 1818 г. Ю. Шпорер, сын состоятельного карловацкого торговца, студент-медик, добился разрешения на издание в Вене политической и литературной газеты для Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии «Огласник илирски». Как явствует из объявления о выходе газеты, Шпорер собирался издавать ее на языке, представлявшем собой синтез «хорватского, славонского, далматинского и истрийского» диалектов [18]. Однако подписка не имела успеха, и газета не вышла.

inslav

Через несколько лет Шпорер, будучи уже врачом, выпустил в Карловаце на штокавском диалекте, хотя и не совсем чистом, «Алманах илирски за 1823 г.». В предисловии к изданию автор более определенно высказался за единый литературный язык для «иллиров», под которыми он понимал население Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии [19]. Издание Шпорером альманаха на штокавском диалекте показывало, что он был склонен теперь искать основу единого литературного языка в штокавском диалекте.

В эти годы далеко не одиночки помышляли в кайкавской Хорватии о едином литературном языке для Хорватии, Славонии и Далмации на основе штокавского диалекта [20].

В Славонии священник А. Филипович в 1826 г. призывал земляков к созданию литературного общества для издания книг и журналов [21]. Складывалось понимание важности организованной формы литературной деятельности.

С начала 30-х годов XIX в. дворянство, вершитель политической жизни в Хорватии и Славонии, стало проявлять повышенную обеспокоенность нажимом Венгрии. В 1830 г. вышла брошюра на латинском языке «О муниципальных правах и статутах королевств Далмации, Хорватии и Славонии». Ее автором значился секретарь сабора Й. Кушевич, но в действительности она была написана архивариусом В. Кириничем. Восстановление самостоятельного Триединого королевства в его исторических границах всегда было главным вопросом дворянской политики. В названной брошюре, не выходившей за рамки традиционной дворянской идеологии, на основании исторических актов доказывалось право Триединого королевства на автономию внутри Венгерского королевства. Эта брошюра заключала в себе протест против политического давления на Хорватию и Славонию и расчлененности хорватских провинций [22].

В 1832 г. с брошюрой «Диссертация» в печати выступил известный граф Янко Драшкович (1770–1856). Он принадлежал к знатному, богатому, но постепенно разорявшемуся роду. Драшкович родился в Загребе, философию и право изучал в Венском университете. До 1806 г. молодой граф находился на военной службе. Принимая участие в австро-

inslav

турецкой войне 1788–1791 гг., он оказался в обществе эрцгерцога Франца, будущего австрийского императора. Его связи в высшем свете расширились, когда, выйдя в отставку, он поселился в Париже. Богатые имения в Хорватии и Венгрии позволили ему жить роскошно и с размахом. Граф слыл поклонником искусств, особенно музыкального. Однако, оказавшись в водовороте увлечений, он не лишился способности ощутить новую атмосферу в духовном центре Европы. А общение с дубровчанами, сербами помогло понять близость интересов южных славян в многонациональной империи. Драшкович был одним из образованнейших хорватов своего времени. Он знал латинский, немецкий, французский, итальянский, венгерский, румынский и славянские языки. Это облегчало ему личное общение и знакомство с литературой.

Драшкович вернулся из Парижа в Загреб с программой возвышения дворянской Хорватии. Накануне заседания хорватского сабора, который должен был избрать делегатов на сессию венгерского Государственного собрания, он изложил ее в брошюре, представлявшей напутствие делегатам. Однако содержание и значение «Диссертации» оказались гораздо шире. Драшкович был человеком консервативных взглядов с некоторой долей либерализма. Главным в его позиции была глубокая обеспокоенность судьбами Хорватии и Славонии. И в своей брошюре он наметил пути обеспечения их будущего [23].

«Диссертация» была первым политическим сочинением в Хорватии, написанным на штокавском диалекте, хотя и с большой примесью кайкавщины. Автор применил в ней свою особую орфографию. Избрание им штокавского диалекта было продиктовано, по его словам, широким распространением его среди «славо-хорватов, как народа наших королевств», и в соседних землях, а также наличием на нем богатой литературы. Это свидетельствовало не только о сознательном стремлении Драшковича к литературно-языковому объединению хорватов на основе штокавского диалекта, но и к соединению их таким образом с проживавшими по соседству славянскими народами.

Драшкович, идейный выразитель хорватского консервативного дворянства, видел ближайшие политические зада-

inslav

чи в восстановлении территориально-политической целостности Триединого королевства, защите самостоятельного положения Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства, развитии их экономики и культуры. Король и хорватская дворянская конституция – в этих словах было выражено политическое кредо графа вплоть до 1848 г. Его мысли были направлены на укрепление дворянской Хорватии в политическом, экономическом и культурном отношениях.

В этой брошюре была впервые сформулирована мысль о «Великой Иллирии» – политическом объединении хорватских и словенских земель, а также Боснии и Герцеговины, в случае их освобождения от власти турок, на основе исторического права и языкового родства их населения, в Иллийское королевство. Старый граф мыслил его как самостоятельную от Венгрии часть Австрийской империи. Драшкович использовал в качестве аргументации не только историческое, традиционное дворянское, но и естественное, в социальном значении Нового времени, права народов. В отношении образования Иллирского королевства автор брошюры все надежды возлагал на помощь австрийского монарха. Поскольку идея южнославянского объединения исходила из Загреба, это должно было обеспечить Хорватии ведущее место внутри такого союза. Для широкого распространения своих идей Драшкович перевел «Диссертацию» на немецкий язык.

Почти одновременно с «Диссертацией» вышла из печати брошюра молодого юриста Ивана Деркоса на латинском языке «Гений отечества над спящими своими сыновьями» [24]. Автор был хорошо знаком с современной ему исторической и филологической литературой о славянах, был поклонником Шиллера и Руссо [25]. Его брошюра в основном была посвящена литературно-языковому вопросу, но в ней затрагивалось и политическое положение Хорватии и Славонии. Деркос отстаивал территориально–политическую целостность Хорватского королевства, исторически обосновывал его право на свободное и самостоятельное от Венгрии развитие. Одушевленный идеей славянского Возрождения, Деркос стремился пробудить «спящих сыновей» отечества и доказывал необходимость и возможность подъема и развития родного языка.

inslav

Он выступал за создание единого литературного языка для населения Хорватии, Славонии и Далмации путем слияния диалектов с преимуществом штокавщины. Деркос высказывался также за литературно-языковое объединение на штокавской основе населения соседних земель, кроме Штирии, Каринтии и Крайны.

Публицистические сочинения Драшковича и Деркоса выделялись среди работ общественно-политического содержания сознанием языкового родства разных частей хорватского народа и на этой основе четкой постановкой вопроса о необходимости их объединения в литературном языке с преимуществом штокавского диалекта, хотя пути и формы такого соединения оставались неясными. Тяга же к духовному сближению с родственными народами впервые в брошюрах Драшковича и Деркоса получила конкретное оформление в идее литературно-языкового единения на штокавской основе части южных славян.

В рассматриваемое время в Хорватии появились брошюры с осуждением мадьяризации. В их числе была анонимная брошюра, изданная А. Вакановичем в период работы венгерского Государственного собрания, на немецком языке в Карловаце, «Должны ли мы стать венграми?». Ее автором был словацкий пастор С. Хойч. В ней раскрывались жестокие методы мадьяризации славянского населения в Венгрии. Брошюра произвела огромное впечатление на хорватское общество и в течение года выдержала три издания. Это находилось в связи с растущим интересом его к национальному вопросу [26].

Вышеназванные брошюры вышли из разных слоев хорватского общества и выражали разное понимание насущных проблем. Но они были направлены к одной цели – улучшению условий всестороннего развития хорватов, что свидетельствовало о сходстве настроений в социально различных группах хорватской общественности.

Около 1830 г. в Загребе возник первый кружок представителей патриотически настроенной интеллигенции и учащейся молодежи. Его участники обсуждали вопросы языка, правописания, национального развития вообще. К этой

inslav

среде принадлежал М. Смодек, окончивший курс философии в Пеште и получивший звание «доктор философии». В связи с растущим интересом общества к родному языку М. Смодек в 1832 г. стал факультативно и бесплатно преподавать в Академии родной язык (кайкавский диалект). Несмотря на противодействие со стороны ряда профессоров и учившихся в Академии венгров, занятия Смодека пользовались успехом и собирали большую аудиторию. Этот первый практический шаг на пути хорватского Возрождения трудно переоценить, если учесть, что родной язык вообще не преподавался в Хорватии и Славонии, а с 1833 г. изучение венгерского языка стало обязательным для учащихся в Академии и хорватских школах. В течение 10 лет Смодек учил слушателей Академии родному языку.

Публичные высказывания с признанием родного языка как высшей духовной ценности, призывы к его подъему и развитию, осознание родства населения Хорватии, Славонии и Далмации, признание необходимости духовной консолидации хорватов на основе общего литературного языка на базе штокавского диалекта как наиболее распространенного в хорватских провинциях, понимание верхами общества гибельности для Хорватии и Славонии мадьяризаторской политики Венгрии – все это было проявлением разрушения старых духовных стереотипов и зарождения национального самосознания, категории Нового времени. При этом появились первые зачатки объединительной мысли, касавшейся не только хорватских провинций, но и соседних с ними земель, хотя границы такого целостного ареала и формы его соединения были туманными и расплывчатыми. Слабостью хорватской национальной мысли в рассматриваемое время было то, что она, в силу разных причин, абстрагировалась от факта совместного проживания хорватов-штокавцев в Хорватии, Славонии и Далмации, вперемешку, с одноязычными сербами-штокавцами.

Хорватское общество медленно меняло идейное лицо. При этом в Хорватии сохранялась сильная кайкавская традиция. В 20–30-е годы она напористо проявлялась в творчестве двух видных писателей Ф. Миклоушича и Т. Брезовачкого.

inslav

Священник Миклоушич в предисловии к своему сочинению «Столетний календарь» (1818 г.) призывал соотечественников ценить, развивать родной язык и больше издавать книг на нем. Одновременно он убеждал их твердо держаться кайкавского диалекта и привычной орфографии. В 1821 г. в предисловии к своему главному сочинению, своего рода энциклопедии, – «Выбору повествований всякого рода, для пользы и увеселения служащих» Миклоушич вновь обращался к своим землякам с горячим призывом последовать венгерскому примеру и поднять значение родного языка. Священник проявлял интерес к народным песням и собирал их. В творчестве Миклоушича присутствовал элемент «будительства», но оно было направлено на упрочение культурной изоляции Хорватии от остальных хорватских провинций. Он выступал пропагандистом провинциализма.

Тито Брезовачкий выступил в печати в 1790 г. с хвалебным стихотворением на кайкавском диалекте в честь назначения И. Эрдеди баном Хорватии и Славонии. В нем автор решительно высказался против мадьяризаторской политики Венгрии в отношении хорватов. В полную силу Брезовачкий проявил себя как талантливый кайкавский комедиограф в двух пьесах «Матьяш – ученик чародея» (1804 г., в том же году была поставлена на школьной сцене) и «Диогенеш, или Слуга двух потерянных братьев». Последняя была издана с небольшой правкой Миклоушичем посмертно в 1823 г. Брезовачкий был духовным лицом и его интересовали нравственно – воспитательные вопросы. В комедиях он высмеивал распространенные в простом народе предрассудки и дворянские пороки – праздность, спесь, мотовство. Брезовачкий, эпигон кайкавской литературы, был носителем регионально-патриотического сознания и представлял церковное просветительство. Его творчество оказалось в стороне от магистрального пути развития хорватской литературы.

В 20 – начале 30-х годов наблюдался некоторый подъем литературы на местных диалектах в Хорватии и Славонии. Сам факт литературного оживления во многом отражал такие процессы в умственной жизни, которые неизбежно вели к углублению понимания действительности. В 1832 и 1833 гг.

inslav

в немецком театре в Загребе, на профессиональной сцене исполнялись пьесы на кайкавском диалекте. Это неслыханное мероприятие, предпринятое администрацией театра, было вызвано изменениями в настроении и духовных потребностях хорватской публики, ее возраставшей тягой к родному языку и культуре.

К 30-м годам XIX в. в хорватском образованном обществе ощущался предел дворянского отступления под натиском Венгрии. Оно находилось в состоянии смятения. К этому времени в Хорватии и Славонии сложились не только объективные, но и субъективные предпосылки для решения жгучих, назревших проблем. Общество ждало талантливую энергичную личность, способную осмыслить разнородные тенденции и воплотить тревожные настроения, ожидания и надежды в осознанную программу действий. И время выдвинуло национального лидера.

Таким деятелем стал Людевит Гай. Его родиной был аккуратный полусельский городок Крапина в живописном хорватском Загорье. Он расположился у подножия холма, на вершине которого сохранились развалины старинного замка. С ним было связано старинное предание о том, что когда-то здесь жили три брата – Чех, Лех и Мех. Расселившись в разные края, они основали государства Чехию, Польшу и Московию. Предание вошло в исторические сочинения, и пылкому воображению читателей хорватское Загорье предстало как колыбель славянства.

Здесь 8 июля 1809 г. в семье состоятельного аптекаря родился Людевит Гай, «восстановитель словенства иллирийского», как его позднее назовут в России. Он не стал собственно писателем, хотя проявил себя в литературе, не стал ученым, хотя выступил как лингвист и историк, не стал журналистом, хотя приобщился к журналистике и издательскому делу, не стал политиком, хотя активно участвовал в политических делах. Гай воплотил собой национальное Возрождение хорватского народа.

Людевит рос в провинциальной образованной семье, в которой свободно говорили не только на родном (кайкавском), но также на немецком и латинском языках. Он унас-

inslav

ледовал от матери тонкие черты красивого лица, хрупкий облик и сильный характер. Впереди были гимназия в бюрократически холодном Вараждине и живом торговом городе Карловаце, а затем университетский курс в интеллектуальных центрах Австрийской империи [27].

Духовное развитие Гая протекало в атмосфере увлечения славянской общественности братством славян и поисков места своего народа в бескрайнем славянском мире. Уже в гимназические годы Гай стал интересоваться историей своей «малой» родины. Он познакомился с трудом М. Орбина, который писал о славе и могуществе южных славян. В 1826 г. молодой Гай выпустил на немецком языке книжечку о крапинских замках. Захваченный силой старинного сказания, он выразил в ней мысль о единстве славян. В том же году было напечатано первое стихотворение Гая на кайкавском диалекте «Хорватия». Вскоре появились и другие его стихотворения, посвященные Загорью.

Сильное впечатление произвела на Гая книга Качича Миошича, вышедшая в 1831 г. в новом издании в Дубровнике. Она увлекла его красотой штокавского диалекта и пробудила в нем интерес к народной поэзии. Позднее, в 1850 г., Гай писал в автобиографии, что благодаря Качичу Миошичу он понял «сладость и достоинство иллирского языка» [28].

В 1826 г. Гай поступил в Венский университет изучать философию. Но чувство одиночества, охватившее его в многолюдной столице, побудило Гая перебраться ближе к Хорватии, в тихий университетский город Грац. В то время в Вене, Граце, Пресбурге и других городах существовали уже славянские кружки, где обсуждались культурные аспекты национального вопроса. В Граце хорватский студент вошел в студенческое общество южных славян – Иллирийский клуб. Его члены стремились поднять значение своих родных языков. Председателем и душой клуба был серб из Военной Границы М. Балтич, с помощью которого Гай выучился кириллице, штокавщине и познакомился с народными песнями в издании В. Караджича. На крапинские впечатления Гая, окрашенные славянским преданием, народными песнями, красо-

inslav

той Загорья, наложились раздумья о будущем хорватов и их национальном достоинстве.

В студенческие годы Гай усиленно занимался хорватской историей. Он собирал также пословицы и народные песни. В Граце Гай стал задумываться над правописанием и языком родной литературы. В это время завязалась его дружба с Деметером, которая была плодотворной для формирования их мировоззрения. Из интереса обоих к национальному вопросу родилась мысль о подъеме и развитии хорватской литературы, основании национального театра и музея.

Казалось, ответы на многие вопросы хранит в себе история. В надежде найти важные рукописи и материалы о прошлом хорватов Гай в 1829 г. переехал в Пешт. Этот город жил бурной общественной жизнью. Здесь скрещивались австро-венгерские и венгеро-славянские противоречия. Молодой Гай оказался в гуще политических проблем, национальных трений и неистовых споров. В Пеште Гай лично познакомился с Колларом, пользовавшимся уже большим влиянием на славянскую молодежь в венгерской столице, а через него письменно и с Шафариком, завладевавшим умами передовой славянской интеллигенции. Возбужденная атмосфера Пешта живо затрагивала его внимание, а личность и идеи Коллара давали желанные ответы на вопросы. Если раньше Гай больше чувствовал драматическую судьбу хорватов, то теперь, прилагая мысли Коллара к их положению, он подошел к пониманию пути увеличения их силы и значения – через внутреннюю консолидацию, сближение с ближайше родственными народами и опору на славянство. Это было время интенсивного духовного развития Гая.

В 1830 г. в Буде Гай издал на кайкавском диалекте и немецком языке брошюру «Краткая основа хорватско-славянского правописания». Она была посвящена кайкавскому правописанию [29]. В соответствии с лингвистическими воззрениями того времени Гай отводил орфографии родного диалекта весьма важную роль в его развитии. В целях орфографического сближения хорватов с другими славянами, пишущими латиницей, Гай перенес чешскую графику на кайкавский диалект. Учитывая опыт Витезовича, он положил в основу нового правописания принцип обозначения каждого

inslav

хорватского звука посредством одной латинской буквы с использованием при этом надстрочных, так называемых диакритических, знаков. В этой брошюре Гай достаточно ясно высказался также за орфографическое единство всех хорватов, говоривших на разных диалектах, а также словенцев на базе реформированного им правописания.

Гай был человеком дела. Поэтому, несмотря на ограниченные возможности, он стал добиваться введения нового правописания в жизнь. В письмах из Пешта своим друзьям и знакомым он доказывал преимущества и целесообразность нового правописания, призывал последовательно его придерживаться, стыдил за колебания и отступления от него. Его убежденность и настойчивость в условиях расширения в Загребе национальных идей принесли положительные результаты. Смодек преподавал кайкавский диалект в Академии по правописанию Гая.

По окончании Пештского университета Гай, побывав в родной Крапине, с начала 1832 г. поселился в Загребе. Он получил место секретаря в Банском столе. Подвижной и энергичный Гай ощутил в себе силы и способность к национальному лидерству. Из впечатлений и размышлений, накопившихся в университетские годы, из наблюдения хорватской жизни сложилось понимание того, что следовало делать. Широкий кругозор, образованность, подъем духа, ораторские способности обеспечили ему авторитет среди загребской молодой интеллигенции. Набрасывая план действий, он обнаружил умение собирать разрозненных патриотов для большого дела. Ближайшими соратниками Гая стали дворянин Л. Вукотинович, разночинцы Д. Раковац, В. Бабукич, А. Мажуранич, клирик П. Штоос. Начинать следовало с издания национальной газеты. Мысль о ней зародилась у Гая еще в Пеште. В свою очередь и в Загребе помышляли об издании хорватской газеты.

В 1832 г. Гай обратился к венгерским властям с просьбой разрешить ему издание на хорватском языке политической газеты с литературным приложением. Его просьбу поддержали Загребская жупания и город Карловац. Но венгерский Наместнический совет дал разрешение Гаю лишь на издание литературного органа. Тогда Гай, учитывая нарастание австро-венгерских противоречий, решил апеллировать

inslav

непосредственно ко двору. С этой целью он отправился в Вену, проездом посетил Пресбург, где заседало венгерское Государственное собрание и находились хорватские делагаты в сопровождении юратов – молодых юристов- секретарей. Среди них был Вукотинович, юрат при Янко Драшковиче. В январе 1833 г. Гай познакомился с графом, который, по всей вероятности, поддержал его патриотические намерения, что имело немаловажное значение для разночинца в дворянской Хорватии. После аудиенции у императора Франца I в середине 1833 г. и огромных хлопот Гай в июле 1834 г. получил разрешение на издание политической газеты и литературного журнала [30]. Австрийский двор, используя отлаженный прием «разделяй и властвуй», рассчитывал таким путем противопоставить хорватов венграм.

Измотанный ожиданием и перепадами надежды и отчаяния Гай не спешил, однако, возвращаться в Загреб. Для придания своей личности большего значения он получил в Лейпциге звание «доктор философии».

В 1834 г. в Загребе под руководством Гая неоднократно собирались Раковац, Бабукич, Штоос, Вукотинович и А. Мажуранич для обсуждения и окончательной разработки программы деятельности. Ее общие направления были сформулированы 20 октября в объявлении о выходе газеты [31]. Еще в 1831 г., находясь в Пеште, Гай сделал важную запись: «...Мы были раньше славянами, раньше хорватами, нежели христианами» [32]. Это было признанием приоритета национального вопроса.

Иллиризм

1 января 1835 г. в Загребе вышел первый номер политической газеты «Новине хорватске» с литературным приложением «Даница (заря) хорватска, славонска и далматинска» [33] на кайкавском диалекте и старым правописанием. Газета явилась идейным и организационным центром, объединившим проникнутых патриотическим сознанием хорватов, а также представителей других южных славян. Ее выход знаменовал собой начало организованного общественно-политического и культурного движения, освободительного по своему содержанию. Социальная энергия, десятилетиями на-

inslav

капливавшаяся в хорватском обществе, выплеснулась в Хорватии и Славонии, в меньшей мере Далмации и других хорватских провинциях мощно и мажорно [34].

Общественное движение было вызвано глубокими внутренними и внешними противоречиями в жизни хорватов: между зарождавшейся рыночной экономикой и сословно-иерархическим строем с подневольным трудом, зачатками гражданского общества и правовым неравенством населения, формированием национальной идентичности хорватов и их беспримерной раздробленностью, зарождением общественных интересов и регионализмом – и все это в условиях всевластия Австрии, мадьяризаторского натиска Венгрии и угнетения хорватов. Движение, ставшее ответом на назревшие вопросы времени, было призвано решить главные общественные задачи: объединения во всех отношениях хорватского этноса, освобождения общества от средневековых пут и достижения равноправного и достойного положения хорватов в кругу европейских народов.

В движении приняли участие часть среднего и мелкопоместного дворянства, интеллигенция, в том числе офицеры на Военной Границе, торговцы, предприниматели, низшее католическое духовенство, учащаяся молодежь и отдельные аристократы. Руководство движением осуществляли представители интеллигенции и дворянства во главе с Гаем, который выступал его вдохновителем, идеологом и организатором. Видную, представительскую роль, для придания движению легитимности и значительности, играл граф Янко Драшкович. Словом, это было движение средних слоев хорватского общества.

Организационное оформление движения получило внешнее выражение в мужском костюме его сторонников. Он состоял из сурки – верхней одежды и головного убора в виде красного колпака, украшенного «гербом» иллиризма. Он представлял собой эмблему с изображением звезды с молодым месяцем. Иллирский костюм дополняла дорожная сумка, на которой также помещался герб движения. Подобная сумка была у Гая, которая сопровождала его в поездках. Эта одежда была

inslav

приближена к крестьянской, что должно было подчеркивать ее национальный характер.

Идейный облик движения определялся прежде всего местными условиями, включая традиционные установки хорватской общественной мысли. Это касалось, помимо прочего, исторических мифов – сложившихся у народа в далекие времена и оживавших в ходе истории коллективных представлений о своем прошлом, которые воспринимались как реальный исторический факт.

В глубь веков уходила корнями легенда о трех славянских братьях – воеводах Чехе, Лехе и Мехе (Русе), явившихся родоначальниками чешского, польского и московского государств. Она присутствовала уже в великопольской хронике Богухвала, о Чехе и Лехе говорилось в хронике Козьмы Пражского. В Хорватии легенду о Чехе, Лехе и Русе включил в свое шеститомное историческое сочинение Ю. Ратткай. При этом автор, связанный судьбой с хорватским Загорьем, рассматривал городок Крапину как родину легендарных братьев. Миф о них не случайно вошел в сознание Л. Гая, отразившись в его сочинениях, а в дальнейшем проник в графическое искусство и музыкальную культуру иллиризма. Миф о Чехе, Лехе и Русе работал на утверждение хорватов в собственном достоинстве.

Другим историческим мифом было утверждение историков о славянском происхождении древних иллирийцев и родстве с ними южных славян. Этот взгляд был четко выражен в историческом труде М. Орбина «Славянское царство». Книга далматинского автора получила широкую известность на славянском юге. Концепцию славянства древних иллирийцев разделял в начале XIX в. известный хорватский археолог М.П. Катанчич, хотя уже высказывались сомнения в ее достоверности. Катанчич пользовался неоспоримым авторитетом у образованных хорватов. Гай поддержал его концепцию, из которой вытекала автохтонность южных славян на Балканах и тем самым их право быть хозяевами на «своей» земле.

Элементы мифологического мышления просматривались в идейной славянской традиции, согласно которой славяне являлись единым народом с одним языком. Это представление присутствовало в сочинениях Орбина, Качича Миошича. В годы

inslav

хорватского национального Возрождения эта ожившая славянская традиция была своеобразно переосмыслена и получила выражение в хорватской литературе в виде романтического «всеславянства» – идеализированного взгляда на общность славян. В первой половине XIX в. у славянских ученых сложилось научное понимание ряда вопросов прошлого славян. Но многое оставалось неясным, благодаря чему сохранялась живучесть расплывчатого «всеславянства».

В годы иллиризма исторические мифы при всей их оторванности от реальной действительности способствовали формированию в хорватском общественном сознании представлений о древности своей истории, их праве на равное с другими народами положение в Европе. То было время проникновения в хорватскую культуру романтизма с его пристрастием к легендам, разрушенным замкам, идеализацией древности. Поэтому мифы, при всем подъеме науки, присутствовали в той или иной форме в духовной жизни. Они посвоему, особым способом, в отведенной им эпохой нише в сознании людей способствовали хорватской самоидентификации и пониманию своего места в мире.

Идейная система развернувшегося общественного движения складывалась из разных компонентов в результате их сочетания, переработки и приспособления идеологами движения к нуждам хорватского развития – от исторических мифов до колларовской концепции структуры славянства в виде четырех славянских «племен» и других идейных построений. Главной задачей было духовное сплочение хорватского народа, его объединение в культуре, в образе самого мышления. В поисках пути преодоления вековой изолированности друг от друга хорватских провинций, отчужденности разноязычных литератур хорватов, локальной косности населения, а также в стремлении найти способ выживания народа в жестоком мире унижения и попрания его прав, в условиях неразвитости филологических знаний той поры, чтобы адэкватно разобраться в этнической картине на славянском юге, воображением Гая и его единомышленников был создан новый миф, миф национальной поры – «Великая Иллирия».

inslav

Великая Иллирия – центральная идея движения – дала название ему «иллирское движение», «иллиризм». Она представляла собой объединение на уровне сознания населения южнославянских и частично соседних с ними земель. Оно рассматривалось как один народ, которому было дано нейтральное название «иллиры», что могло способствовать его духовному сплочению. А его древность и автохтонность на Балканах должны были получить подкрепление в исходном положении о родстве с древними иллирийцами, которые считались славянами. Великая Иллирия стала символом национального единства южных славян.

Гай на страницах своих изданий начертал образ Великой Иллирии. Он символично представил ее в виде лиры в руках девы Европы. Когда-то эта лира при дуновении ветра издавала стройные сладостные звуки. Но однажды поднялся страшный вихрь с юга и запада, а затем разразилась буря с востока и севера – струны ослабли и не стало согласных голосов. Ослабевшие струны лиры – это населенные южными славянами земли. «Перестанем каждый на своей струне бренчать, приведем лиру к единому согласию, – призывал Гай. – Откроем старую книгу нашего народа, в ней славянским духом запечатлены прошлые сладкие голоса лиры, согласно с ними сложим обновленным согласием драгоценную лиру Европы – Иллирию» [35]. В единстве и согласии виделась гарантия сохранения южными славянами, в первую очередь и главным образом сербами, хорватами и словенцами, самобытности в условиях нарастания национального и политического гнета со стороны Австриии, Венгрии и Турции. Один народ, один литературный язык, одна культура.

Идея Великой Иллирии обладала исключительным мобилизационным потенциалом в отношении хорватов. Однако в рамках южных славян она представляла собой культурную утопию, но утопию положительную, поскольку была направлена на сотрудничество, взаимодействие и сближение южных славян.

Первоначально загребские деятели безоговорочно писали о национальном единстве иллиров. Но с развитием хорватского национального самосознания, с одной стороны, и появлением и усилением оппозиции иллиризму, с другой, по-

inslav

ложение несколько изменилось. Эта оппозиция шла со стороны южнославянской общественности, в первую очередь сербской, не желавшей отказываться от своих национальных позиций, а также и со стороны части хорватского дворянства, которое опасалось за свои политические привилегии. Поэтому идеологи иллиризма со временем признали генетические различия между отдельными частями иллиров, собственно между хорватами, сербами и словенцами, и заявили о безусловном их сохранении. «Серб никогда не будет хорватом или краинцем, – писал Гай в 1839 г., – а эти двое, раз они не являются сербами, ни за что и не могут быть ими» [36]. Однако эти различия в глазах хорватских деятелей не могли поставить под сомнение целостность иллиров как народа.

Великая Иллирия была заманчивой идиллией Гая. Невозможно было искусственно остановить национальное становление южных славян. Но она означала принципиально новую ориентацию хорватской общественности – на Балканы. И потребность в сплочении южных славян, прежде всего ближайше родственных сербов, хорватов и словенцев, диктовалась в то время самим положением этих народов, иноземным гнетом, угрозой утраты национального лица, общей слабостью. Поэтому в XIX и начале XX вв., в других условиях и на иных основах, идеи тесного союза сербов, хорватов и словенцев получили широкую популярность на славянском юге. Они отвечали интересам общественного развития.

Иллиризм представлял собой движение неоднородное ни по социальному составу его участников, ни по их устремлениям. Две главные его фигуры, Л. Гай и граф Я. Драшкович, олицетворяли разные направления. Вокруг Гая сгруппировались социально значимые слои, проникнутые национальным самосознанием и испытывающие молчаливое недовольство. Драшкович представлял интересы консервативного дворянства, выразившего ему на саборе единодушное доверие, избрав одним из хорватских делегатов на сессию венгерского Государственного собрания 1832–1836 гг. Однако в первое пятилетие иллиризма различия между ними не были очевидными. Тем более, что у вдохновителей движения отсутствовала четко разработанная программа действий, ее

inslav

положения формулировались разрозненно и противоречиво, взгляды наиболее активных деятелей не всегда и не во всем совпадали. Свою идейную позицию Драшкович обнародовал еще до начала движения. С началом иллиризма она получила дальнейшее развитие в пространном программном стихотворении «Иллирской молодежи» (1836) и брошюре на немецком языке «Слово благородным иллирским дочерям» (1838), других стихотворениях и выступлениях. Он поддержал культурно-просветительные начинания молодых патриотов, тем более что они на первых порах не выходили за рамки существующего строя и отвечали его сокровенным чаяниям – всестороннего усиления дворянской Хорватии.

В годы иллиризма программа Я. Драшковича предусматривала упрочение позиций Хорватии и Славонии в условиях усиления давления на них со стороны Венгрии. Она предполагала оградить и обеспечить интересы хорватского дворянства как путем прямой защиты его старинных сословных привилегий, так и опираясь на национальный язык, национальную культуру и духовное, а в перспективе и политическое объединение хорватов с ближайше родственными народами. Программа Драшковича заключала в себе попытку некоторого смягчения назревших общественных противоречий, но с позиции дворянского сословия, с максимальной защитой его интересов и положения. Это была ангажированная программа, сочетавшая консерватизм с известной долей дворянского либерализма. В разных своих частях она в неодинаковой степени отвечала потребностям общественного развития хорватов.

Цели и задачи иллирского движения были сформулированы в 30-х гг. Л. Гаем в периодической печати. 2 июля 1836 г. в заметке «Вместо объявления» он писал: «Любовь к роду и языку, образованность рода и языка, согласие и слава иллирских братьев – вот, вот наша цель» [37]. Ориентируясь на все южное славянство, Гай выдвинул культурно – просветительные задачи – пробуждение и воспитание у иллиров патриотизма, повышение духовной культуры, создание и развитие единого литературного языка и всестороннее духовное сплочение.

inslav

В 30-х гг. XIX в. главной задачей иллиризма было создание и развитие нового литературного языка. Выступая за литературно-языковое слияние южных славян, идеологи иллиризма опирались на большую популярность и широкое распространение в кругах славянской общественности Австрийской империи идей литературного сплочения славянства и особенно ближайше родственных групп внутри него. Правда, формы и пути такого соединения мыслились различными деятелями славянского Возрождения неодинаково. В конечном итоге той же цели литературного сближения всех славян и языковой консолидации каждой из четырех славянских групп служило колларовское учение о славянской взаимности, оказавшее большое влияние на весь строй взглядов хорватских национальных деятелей.

И тем не менее, будучи сторонниками литературно-языкового объединения южных славян, загребские деятели руководствовались не абстрактными идеалами, а исходили из хорватской культурной ситуации. Теория иллиризма развивалась не вопреки, а на базе предшествовавшего развития хорватской общественной мысли, которая поставила вопрос о необходимости и неотложности соединения хорватов в литературном языке. В культурной программе Гая и его единомышленников сочетались практический расчет облегчить преодоление языковых провинциальных различий у хорватов и романтические мечтания о многократном увеличении территории функционирования нового литературного языка и читательской массы литературы в целом. Литературно-языковая реформа имела глубокий подтекст. Она должна была увеличить силы южных славян для самозащиты и национального сопротивления.

Претворяя свои замыслы в жизнь, Гай с марта 1835 г. стал переводить «Даницу» на новое, разработанное им правописание и постепенно заменять кайкавскую лексику штокавскими выражениями. С 1836 г. он, полностью отказавшись от своего родного диалекта, перевел газету и журнал на штокавский диалект окончательно и бесповоротно. Так в основу нового литературного языка был положен штокавский диалект. В начале 1836 г. в «Данице» была напечатана работа

inslav

Векослава Бабукича «Основа славянской грамматики иллирского диалекта», где были изложены основные грамматические нормы нового литературного языка. Это было очень нужное для Хорватии сочинение. Термин «иллирский» был хорошо знаком на славянском юге. Им пользовались писатели XVII–XVIII вв. для обозначения диалектов хорватского языка, а в официальных австрийских документах он применялся к православному населению.

Выбор Гаем штокавщины не был случайным шагом. Как было показано выше, еще до иллиризма у продвинутых хорватских мыслителей сложилось убеждение в преимуществах штокавского диалекта перед кайкавским как основы литературного единства хорватов. На нем говорили подавляющая часть хорватов и все сербское население в разных землях. Он располагал в свою пользу богатой и развитой письменностью. Это был язык далматинских и дубровницких классиков XVI–XVII вв., оставивших высокохудожественное литературное наследство. На штокавском диалекте были и песни Качича Миошича, и фольклор, который собрал и издал Караджич, и письменность боснийских францисканцев [38]. Только создание общего литературного языка на основе штокавского диалекта могло действительно улучшить условия для развития хорватской литературы.

Но пути складывания единого литературного языка Великой Иллирии для Гая и его соратников не были достаточно ясными. Желая привлечь южнославянскую общественность к его поддержке, хорватский лидер высказался за включение в новый язык элементов всех диалектов, распространенных в Великой Иллирии. «Наша грамматика и наш словарь есть вся Иллирия, – писал он. – В этом огромном саду всегда имеются прекрасные цветы. Соберем все, что есть самого лучшего, в один венок, и этот венок нашего народа никогда не завянет, но в будущем будет все обильнее и прекраснее украшаться» [39]. При этом деятели иллиризма допускали сохранение в быту разных говоров Великой Иллирии, как и издание книг на них для простого народа [40]. В общем, это была идея формирования наднационального языка южных славян для высокой литературы и других общественных потребностей. При

inslav

этом вопрос о графике нового языка остался открытым. После недолгих колебаний в сторону кириллицы деятели иллиризма твердо сохранили латиницу. Выступивший в печати от лица хорватских деятелей Бабукич предложил решить вопрос об алфавите, опираясь на учение о славянской взаимности. Он рекомендовал южным славянам знать обе азбуки [41].

Создание и развитие нового литературного языка на практике оказалось делом крайне трудным. Ни Гай, ни его сподвижники, за исключением В. Бабукича, не владели штокавской речью. Загреб и его округа с кайкавским диалектом не могли быть питательным источником нового языка. Ситуация усугублялась господством в дворянском быту немецкого языка. К этому следует добавить сопротивление поборников местного сепаратизма, за которым легко просматривались корыстные интересы. Но реформаторы со свойственной молодости воодушевлением и с уверенностью в правильности избранного пути неуклонно шли вперед. Как символ новой культурной ориентации Гай дал своим изданиям названия «Илирске народне новине» и «Даница илирска».

Плод фантазии Гая – Великая Иллирия, захватив умы образованного общества в Хорватии, начала свое шествие и по южнославянским землям. Здесь нашлись ее горячие почитатели, хотя чем дальше развивались освободительные движения на славянском юге, тем более трезвым становилось понимание мыслящими людьми национальных задач.

Заявленный загребской филологической школой новый литературный язык не мог быть и не стал единым литературным языком южных славян в силу отсутствия у этих народов общей разговорной базы и в силу вектора их общественного развития на самостоятельное национальное оформление. В действительности деятели иллиризма создали общий литературный язык для хорватского народа. Вместе с тем благодаря тому, что в его основу был положен штокавский диалект, разговорный язык сербов и хорватов, и Караджич реформировал литературный язык сербов, положив в его основу народную речь, была создана возможность для сербско-хорватского литературно-языкового союза. В те годы это единство было неполным, поскольку литературный язык загребской

inslav

филологической школы опирался на штокавский диалект и дубровницкую классику, вбирая в себя некоторые элементы и других диалектов, в то время как Караджич в своей реформе отталкивался исключительно от новоштокавских народных говоров иекавского произношения. В процессе дальнейшего литературно-языкового развития сербов и хорватов утвердились лингвистические принципы Караджича [42].

Деятели иллиризма совершили революционный поворот в истории письменной культуры хорватов. Он был весьма болезненным для самой Хорватии, имевшей богатые литературные кайкавские традиции. Но в том и состояло величие носителей национального Возрождения, что они сумели подняться над провинциальными пристрастиями во имя интересов всей хорватской нации и сближения хорватского и сербского народов. Решение литературно-языковой проблемы открыло путь развитию национальной хорватской культуры.

Кайкавская письменность сыграла исключительно важную роль в духовном развитии северных хорватов. Она принесла с собой католическое вероучение грамотным людям. Посредством нее хорватская молодежь постигала в начальной школе начатки грамотности. Многожанровая церковная и светская литература «в назидание» и заполнение досуга, театральные постановки распространяли в обществе разного рода знания, приобщали к искусству. Печатная продукция на кайкавском диалекте способствовала созданию единого коммуникативного пространства внутри Хорватии. И даже в начале XIX в. кайкавские писатели своей постановкой вопроса о значимости родного языка в жизни каждого человека и общества вносили своеобразный вклад в духовную атмосферу Хорватии, приведшую в конечном итоге к национальному Возрождению. Кайкавская письменность выполнила свою историческую миссию в донациональную эпоху. С развитием нации она сохранилась как феномен провинциальной жизни.

Тем временем в Загребе и других городах развернулось культурное строительство на новых основах. Создаваемые культурные ценности мыслились их носителями как общие для южных славян. Но разрыв между помыслами и действи-

inslav

тельностью отнюдь не умалял исторических заслуг Гая и его сторонников. Деятели иллиризма стояли у истоков общенациональной хорватской культуры.

С начала 40-х годов в условиях дальнейшего углубления хорвато-венгерских противоречий резко обострилась внутренняя обстановка в Хорватии и Славонии. Это было связано с оформлением мадьяронства как организованной политической силы. Так именовались сторонники Хорвато-венгерской партии, созданной в 1841 г. В нее входили прежде всего аристократия и крупные дворяне, но также немногие представители интеллигенции – профессора загребской Академии, как правило венгры, юристы, чиновники, часть католического духовенства и инонациональных горожан. Руководителями мадьяронской группировки были граф Александр Драшкович, граф Антун Эрдеди, бароны Александр и Левин Раух, туропольский жупан (комеш) Антун Даниел Йосипович. Последний после смерти Драшковича стал лидером мадьяронов. Опору партии составляли туропольцы. Пользуясь индивидуальным правом голоса на жупанийских скупщинах и в саборе, они представляли в этих институтах численную силу и являли собой важный фактор в политической борьбе.

Мадьяроны были сторонниками всестороннего укрепления государственно–правового союза Хорватии и Славонии с Венгрией, выступали за их административное единство и постепенное политическое слияние, за введение венгерского языка в качестве государственного на всей территории Венгерского королевства. В культурной области мадьяроны были противниками литературно-языковой реформы Гая. Они защищали кайкавский диалект и старую орфографию как гарантии изолированного культурного развития Хорватии от других хорватских земель и от всего южнославянского и славянского мира. В Венгрии хорватские мадьяроны ориентировались на либеральное среднее дворянство во главе с Кошутом и оказывали поддержку его противоречивому политическому курсу: либеральному в целом и одновременно националистическому в отношении Загреба. Поэтому мадьяроны соглашались с некоторыми либеральными преобразованиями

inslav

в политическом устройстве и экономике Венгерского королевства.

Заинтересованность аристократии и крупных дворян Хорватии и Славонии в сохранении и укреплении союза этих земель с Венгрией определялась в известной степени вековыми экономическими и политическими связями между ними, принадлежностью ряда местных аристократов к венгерской национальности, родственными отношениями с венгерской знатью. Немаловажным обстоятельством было и то, что крупные хорватские дворяне имели часто земли в Венгрии и, наоборот, венгерские магнаты были собственниками поместий в Хорватии и Славонии. Это сближало интересы тех и других. Но главную роль играли политические мотивы. Хорватская знать не забыла централизаторского и германизаторского натиска Иосифа II, и перед лицом абсолютистского правления австрийского двора она теперь, как и прежде, видела гарантию своего положения в политическом единстве Хорватии и Славонии с Венгрией. Не пугала хорватских дворян в данном случае даже склонность венгерского среднего дворянства к либеральным реформам в экономике и общественной жизни, ибо они видели, что эта инициатива, контролируемая в свою очередь венгерскими консерваторами и ограждаемая социальными интересами самого же венгерского дворянства, не могла зайти слишком далеко и во всяком случае не представлялась более опасной, чем всякого рода маневры австрийского двора. Что касается туропольцев, ими руководили исключительно опасения за свои привилегии. Политический облик мадьяронства был сложным, в 1847 г. в его программе появились либеральные положения, но главное, что его характеризовало, была антинациональная, провенгерская направленность действий. Мадьяронская группировка пользовалась большой поддержкой со стороны венгерского дворянства, получая из Венгрии денежную помощь и ревностных агитаторов.

Политическое оформление мадьяронства оказало влияние на иллирское движение, сторонники которого в свою очередь создали Иллирскую партию. Инициативной, наиболее активной силой в ней было ставшее более зрелым либе-

inslav

ральное направление. В 1841 г. Гай выдвинул лозунг «Да хранит Бог венгерскую конституцию, Хорватское королевство и иллирскую народность!». В нем получила концентрированное выражение программа хорватского либерализма 40-х годов. Она означала особое положение Венгерского королевства в составе Австрийской империи, автономию Хорватии и Славонии внутри него и южнославянскую (балканскую) культурную ориентацию хорватов. В 1842 г. Вукотинович в статье «Иллиризм и хорватизм» писал: «Иллиризма в политическом смысле нет, наоборот, хорватизм есть наша политическая жизнь». Иллирское движение было нацелено теперь на решение задач, связанных непосредственно с общественно-политическим и культурным развитием хорватского народа [43].

Идейная платформа либерализма получила конкретное выражение и развитие в брошюрах Драгутина Раковаца «Маленький катехизис для взрослых» (1842), словака Богослава Шулека «Каковы намерения иллиров?» (1844), в статьях и выступлениях Ивана Кукулевича-Сакцинского, Людевита Вукотиновича, в редакционных материалах периодической печати. Кроме подцензурных изданий, либералы выпускали в 1844 – начале 1845 гг. в Белграде газету «Бранислав», свободную от австрийской цензуры.

Переход к политической деятельности побудил либеральных деятелей скорректировать положение о «Великой Иллирии», обозначив внутри нее венгерскую Иллирию. Впервые мысль о подразделении Великой Иллирии на австрийскую (немецкую), турецкую и венгерскую была высказана Раковацем в «Катехизисе», а затем была развита Шулеком в его брошюре. Под венгерской Иллирией понималось Триединое королевство в его широких исторических границах, с включением Меджимурья и западной части Боснии. Разделение Великой Иллирии было вызвано прежде всего политическими задачами борьбы, а также тем, что многие хорватские дворяне видели в ней угрозу старинным политическим привилегиям Хорватии и Славонии, наконец, по причине нежелательности политического иллиризма для Вены.

Теоретическое положение о венгерской Иллирии стало обоснованием для постановки либералами вопроса о территориальном и политическом восстановлении Триединого ко-

inslav

ролевства. Шулек писал о неизбежном соединении раньше или позже с Хорватией Далмации и части Боснии [44]. Либералы стремились к административно-политическому воссоединению не только основной части хорватской территории, но претендовали также на западную часть Боснии. При этом они исходили из исторической традиции и национального принципа.

Но иллирские деятели понимали, что политическое объединение населенной хорватами территории – дело будущего. Поэтому ближайшие политические задачи они формулировали применительно только к Хорватии и Славонии. Опираясь на историческое государственное право, либералы отстаивали муниципальные права Хорватии и Славонии, которые рассматривали как политическую, административную, судебную, военную, финансовую и церковную их самостоятельность [45].

Оперируя историческим государственным правом и лозунгом хорватских муниципальных прав, либералы имели в виду не сословно–политические привилегии дворянства, а обеспечение самостоятельного общественно-политического развития, равноправия хорватов. Этот вопрос имел и южнославянский аспект. Автономия Хорватии и Славонии выступала как политический фактор, способный заинтересовать общественность не только Далмации, но и других южнославянских земель в политическом соединении с Хорватией и при этом обеспечить ей руководящую роль.

В начале 40-х годов только у Гая и его ближайших единомышленников брезжила мечта, как конечная цель, о государственном образовании южных славян.

Хорватские либералы выступали за преобразование внутреннего общественно-политического устройства Хорватии и Славонии. В центре него была языковая проблема. Несмотря на огромные усилия сторонников иллиризма, задача литературно-языкового соединения хорватов на основе штокавщины не была еще решена. В самой Хорватии были силы, не приемлевшие новый литературный язык и защищавшие самостоятельное развитие кайкавской литературы. Наиболее активным представителем кайкавской оппозиции был известный писатель, патриот Хорватии Игнатий Кристианович.

inslav

Он находил поддержку со стороны Е. Копитара, крупного и авторитетного словенского ученого, но с весьма противоречивыми взглядами. С организационным оформлением мадьяронской группировки противодействие новому литературному языку в Хорватии усилилось, хотя из среды мадьяронов не вышло ни одного значимого писателя. В других хорватских землях положение было сложным. В Славонии существовала тенденция к отдельному от Хорватии развитию «славонской» литературы. В Далмации объединительные идеи, исходившие из Загреба, вообще с трудом пробивали себе дорогу, и даже реформированное правописание Гая принималось с большим трудом и медленно.

Между тем вопрос о литературно-языковом единстве хорватов с каждым годом все больше и больше получал политическую значимость. Этот вопрос был неразрывно связан с проблемой объединения хорватских провинций. В силу указанных обстоятельств либеральные деятели с особой энергией выступали в защиту, за развитие и распространение нового литературного языка. Был сделан и дальнейший шаг – поставлен вопрос о замене новым литературным языком латыни. Сначала в подцензурной печати этот мотив прозвучал осторожно, в виде пожелания на будущее. Но в действительности позиция либералов в языковом вопросе была более решительной. Кукулевич-Сакцинский, один из самых ярких либеральных деятелей, в газетных статьях, не пропущенных цензурой, в 1842 и 1843 гг. выступал за немедленное введение национального языка в официальную жизнь. В 1843 г. он предпринял неслыханный шаг – впервые за много столетий выступил в саборе с речью на национальном языке и предложил начать подготовку к его введению в официальную жизнь. Но сабор ответил на это молчанием. Газета «Бранислав», образно назвав латинский язык «трупом», требовала замены его на ближайшем же саборе национальным языком в школе, учреждениях и даже, насколько это было возможно, в церкви [46].

Осторожность либеральных деятелей в вопросе об официальном языке в Хорватии и Славонии объяснялась опасениями оттолкнуть от национального движения консервативные круги дворянства и духовенства, для которых латинский язык был не-

inslav

разрывно связан с сословными привилегиями, господством католицизма и политическим союзом Хорватии и Славонии с Венгрией. Она диктовалась и строгостью цензуры [47].

Политическая программа либералов включала реорганизацию сабора путем расширения представительной системы и участия в ней недворян [48]. «Бранислав» считал необходимым упорядочение регламента работы сабора, критиковал его бездействие. Либералы настаивали на гласности деятельности законодательного, административных и судебных органов. «Гласность – основа конституции», – утверждала газета Гая [49]. Условием административной самостоятельности Хорватии и Славонии либеральные деятели считали восстановление хорватского Наместнического веча. Они выражали протест против цензурных строгостей и высказывались за свободу печати. Кукулевич-Сакцинский назвал цензуру самым главным препятствием «духовного прогресса» [50].

В брошюрах Раковаца и Шулека в общей форме ставился вопрос о подъеме духовной культуры и просвещения хорватского общества. Газета «Бранислав» сформулировала конкретные задачи в культурной сфере [51]. Первой из них значилось учреждение кафедр национального литературного языка в учебных заведениях Хорватии и Славонии. Газета считала необходимым создать в каждом селе начальную школу и обучать детей в ней родному языку. Либеральная газета подчеркивала необходимость основания национального театра и музея. Она настаивала на организации научного общества с целью развития не только художественной, но и практически полезной, научной и популярной литературы. «Бранислав» выступал за учреждение университета и педагогической, ремесленной и торговой школ с национальным языком преподавания. Это была широкая программа просвещения населения во всех областях знания, развития начального, высшего и технического образования, подъема науки и в целом культуры на новой, национальной основе.

В 1846 г. Вукотинович составил проект программы Народной партии (так именовалась Иллирская партия с 1843 г.) на основе решений, принятых на собрании «единомыслящих патриотов». Но он не был опубликован. В нем получили место

inslav

вышеназванные положения, а также предусматривалось «уравнение всех сынов отечества в отношении общественных тягот, улучшение законов касательно общегражданских прав... Урбариальные предметы, особенно откуп барщины и т. д. и т. д.». В 1847 г. в газете Гая неоднократно ставился вопрос об освобождении крестьян от барщины, всеобщем налоговом обложении и всеобщей воинской повинности [52].

С самого начала иллирского движения либеральные деятели имели в виду крестьянство как наиболее многочисленную часть хорватского населения. Они видели путь к улучшению его положения через просвещение. Но в 40-е годы под влиянием нарастания крестьянского движения в Венгерском королевстве, в том числе и в Хорватии, они приблизились к пониманию существа аграрного вопроса, однако требование аграрной реформы конкретно не разработали. Аграрный вопрос не был для иллирских деятелей центральным.

В поле зрения хорватских либералов были и хозяйственные вопросы. Однако конкретной программы экономического развития Хорватии и Славонии они не имели. В общем плане их позиция была сформулирована в лозунге «Народность и прогресс!». При этом ведущую роль в общественном прогрессе они отводили среднему слою населения. Необходимыми условиями хозяйственного подъема либералы теоретически считали свободу собственности на землю и политическую самостоятельность [53].

Иллирские либералы были первыми деятелями, которые, осознав себя представителями нации, выступили от ее лица за преобразование хорватского общества на основах частной собственности, рыночных отношений, конституционализма и парламентаризма и выразили общедемократический протест против абсолютистских порядков, бесправия и угнетения. Вместе с тем они не поднялись до понимания места и значения аграрного вопроса в Хорватии, и в этом особенно проявились ограниченность и слабость их идейно-политической платформы.

С начала 40-х гг. сторонники иллиризма, либерального и консервативного толка, включились в политическую борьбу в жупанийских скупщинах и саборе. Их противниками были мадьяроны. Решающими моментами политической борьбы в

inslav

жупаниях были реставрации – выборы должностных лиц. Первая реставрация после образования политических группировок состоялась в Крижевцах в сентябре 1841 г. На нее прибыл сам Гай, политическая деятельность которого была, однако, ограниченной в силу его недворянского статуса. Реставрация закончилась победой Иллирской партии. Вслед за тем, в ноябре 1841 г., состоялась генеральная скупщина Вараждинской жупании, на которой верховенство оказалось также за иллирами.

Наибольшего драматизма политическая борьба достигла в Загребской жупании. Загреб был столицей и здесь сосредоточивались наиболее активные силы иллирской и мадьяронской группировок. Победа иллиров на выборах в 1842 г. накалила политическую атмосферу в Загребской жупании. На местах сложилась напряженная обстановка.

Вступление участников иллиризма в политическую борьбу обеспокоило австрийское правительство. Отношение двора к хорватскому общественному движению было до сих пор благосклонным, что объяснялось политическими расчетами Вены. Она предполагала использовать иллиризм для противодействия венгерской оппозиции. Кроме того, иллирское движение с его объединительными идеями в отношении Балкан могло способствовать усилению влияния католицизма и Австрийской империи в этом регионе, сплочению южных славян вокруг габсбургского престола.

Однако бурное развитие событий в Венгрии и Хорватии в 40-е годы, протесты венгерского палатина (члена династии) при дворе, угроза втягивания в борьбу Военной Границы с ее многочисленными полками, состоявшими из хорватов и сербов, внешнеполитические сигналы, поступавшие австрийскому правительству из Турции, России и Ватикана с выражением опасения дестабилизации положения в Боснии, внесли коррективы в политическую линию Вены. Она предприняла меры, чтобы приглушить политическую борьбу в Хорватии и успокоить венгерское общественное мнение. В январе 1843 г. вышел императорский декрет о запрещении в печатных изданиях терминов «иллиры», «иллирский». Тем самым был нанесен удар по объединительной нацеленности илли-

inslav

ризма, по его связям с освободительными движениями других южнославянских народов. Это был расчет – ограничив его задачи и масштабы, направить исключительно против Венгрии. В Загребе была введена строжайшая цензура печати. Вместе с тем, чтобы воспрепятствовать усилению мадьяронства, а также оказать давление на венгерскую оппозицию, император в конце 1843 г. утвердил результаты реставрации Загребской жупании предыдущего года.

Императорский декрет нанес тяжелый удар по хорватскому общественному движению. Среди его участников в первое время наблюдалась растерянность. Некоторые деятели с самого начала не были склонны к политической борьбе, опасаясь, что она может привести к запрещению всякой, в том числе и литературной, деятельности. Среди сторонников иллиризма появилась апатия, литературная продукция, которая до этого времени росла, быстро упала. Многие даже считали, что нужно прекратить издание национальной газеты. Гай вынужден был изменить названия своих периодических органов. С 1843 г. газета стала называться «Народне новине», а с марта 1844 г. «Новине хорватско-славонско-далматинске», журнал получил наименование «Даница хорватска, славонска и далматинска». Это должно было означать, что издания ориентируются только на Хорватию, Славонию и Далмацию. Как было сказано выше, иллиры стали называть себя Народной партией.

В такой напряженной обстановке в хорватском общественном движении активизировались консервативные силы. Драшкович посоветовал Гаю под тем предлогом, что тот находился под пристальным вниманием врагов иллиризма, отказаться от политической деятельности, сосредоточиться на литературе и уступить политическое лидерство кому-нибудь из молодых дворян. Гай последовал рекомендации графа. С 1843 г. наиболее активным деятелем общественного движения стал приверженец либеральных идей И. Кукулевич-Сакцинский.

Иван Кукулевич-Сакцинский родился в 1816 г. в Вараждине в известной дворянской семье. Среднее образование он получил в Хорватии. Закончив кадетскую школу в городе

inslav

Кремсе, Кукулевич-Сакцинский до 1842 г. служил в армии, затем вышел в отставку и вернулся в Хорватию. Почти с начала иллиризма он печатался в загребских национальных изданиях, поддерживая и пропагандируя его идеи [54].

Хотя Гай и отошел от открытой политической деятельности, он не потерял своего авторитета и значения в либеральных кругах. Он действовал скрытно, при всех усилиях консервативных лидеров дискредитировать его. В Народной партии усиливались расхождения «в мыслях и действиях» между сторонниками разных течений.

Между тем предупредительные меры австрийского правительства в отношении хорватского общественно-политического движения не привели к умиротворению Хорватии. Борьба между его сторонниками и мадьяронами становилась все острее, доходя до уличных стычек. В обстановке нарастания австро-венгерских противоречий до такой степени, что Меттерних видел Венгрию на пороге революции, австрийский двор лавировал между Загребом и Пештом. В январе 1845 г. было разрешено употребление в печати в литературном смысле названий «иллир» и «иллирский». Вскоре вышел императорский рескрипт об основании кафедры «хорватско-славонского языка» в Королевской академии Загреба. Первым профессором был назначен в 1846 г. Бабукич. Одновременно Вена пыталась оказать давление на хорватских национальных деятелей, требуя примирения Народной партии с мадьяронами, чтобы ослабить возбуждение как в Хорватии, так и в Венгрии. Однако примирение не состоялось, хотя в основном хорватские деятели требования Вены выполнили. Внутренняя напряженность в Хорватии не спадала.

28 июля 1845 г. в Загребе состоялась очередная реставрация Загребской жупании, собравшая более 3000 участников. На ней мадьяроны благодаря туропольцам получили перевес. Выборы закончились потасовкой между сторонниками Народной партии и мадьяронами. Находившиеся в состоянии боевой готовности войска открыли огонь по приверженцам Народной партии, которых нетрудно было определить по особому национальному костюму. Согласно официальным

inslav

данным, с их стороны было 15 смертельно раненных и 30 раненых, со стороны солдат – 9 раненых [55].

События 29 июля всколыхнули Хорватию. Похороны погибших вылились в политическую манифестацию. Большинство жупаний и городов выразило протест в связи с расстрелом. В Вену отправились две депутации от дворян и горожан, чтобы обжаловать при дворе учиненную расправу над участниками национального движения и потребовать расследования дела.

Серьезность обстановки в Венгрии и Хорватии подтолкнула Вену к очередному маневру. Австрийский двор, стремясь смягчить впечатление от июльской расправы над сторонниками иллирского движения, сделал ряд уступок Народной партии. Была смягчена цензура, разрешено основание кафедры иллирского языка в загребской Академии, несколько высокопоставленных хорватов получили высокие должности и др. Вместе с тем был выработан план соединения усилий Народной партии с венгерскими консерваторами, противостоявшими Кошуту и его последователям. Они поддерживали династию, выступали за сохранение существующих политических и социально-экономических порядков и не одобряли мадьяризацию. Хорватские консервативные деятели и часть либералов, в том числе Гай и Кукулевич-Сакцинский, согласились с ним в надежде на укрепление позиции Хорватии с помощью двора. В 1846–1847 гг. австрийское правительство, видя готовность Народной партии к сотрудничеству с венгерскими консерваторами, пошло навстречу хорватам в культурно-просветительной области. В 1846 г. Венгерская придворная канцелярия отклонила ходатайство венгерского Наместничества о лишении Гая права на издание газеты. До этого времени вопрос об издательских правах Гая оставался открытым. Но одновременно, чтобы успокоить оппозицию в Венгрии, император в начале 1846 г. назначил великим жупаном Загребской жупании венгра Печи.

Мадьяроны несколько укрепились в Загребской жупании. А в Крижевацкой и Вараждинской жупаниях Хорватии продолжалась напряженная борьба между сторонниками Народной партии и мадьяронами. Она захватила и хорватский сабор. Перед лицом венгерских националистических притязаний и сепарати-

inslav

стских антинациональных устремлений мадьяронов либеральные и консервативные деятели Народной партии по вопросу о политическом положении Хорватии и Славонии, а также их национальном и культурном развитии выступали сообща, ибо по этим вопросам между указанными направлениями в иллиризме значительных расхождений не было. На их позицию не могла не оказывать также влияния либеральная атмосфера в Венгрии. Не говоря уже о либеральной группировке Л. Кошута, венгерская Консервативная партия в 1846 г. выступила за факультативный выкуп крестьянских повинностей.

В 1845 г. сабор в обстановке, когда представители Загребской жупании и туропольцы покинули его заседания после объявления императорского декрета о лишении дворянднодворцев индивидуального права голоса, почти единогласно принял решения в духе программных установок иллиризма. Сабор просил императора о воссоединении с Хорватией Далмации, высказался за организацию хорватского Наместнического веча. Он ходатайствовал об ослаблении цензуры в Хорватии, превращении загребской Академии в университет, организации научного общества, устройстве торговых и промышленных школ и т. д. Мадьяроны, укрепившиеся в Загребской жупании, направили императору протест против деятельности и решений сабора на том основании, что в его работе не участвовали представители Загребской жупании и туропольцы. Мадьяроны обратились также к венгерским комитатам с просьбой поддержать их протест и встретили деятельное участие со стороны последних. Однако в Вене эти акции не получили одобрения.

В 1847 г. сабор вынес решения, направленные на воссоединение хорватских провинций и автономию Триединого королевства. Сабор постановил ввести национальный язык в официальную жизнь и высказался за предоставление недворянам права голоса на жупанийских скупщинах и реформу аграрных отношений [56].

В накаленной атмосфере хорвато-венгерских противоречий проходила сессия венгерского Государственного собрания в конце 1847 г. Один из хорватских делегатов писал Гаю в декабре: «Нет больше и мысли о примирении с венгра-

inslav

ми» [57]. Хорватская политическая элита неистово сопротивлялась националистическому натиску Венгрии.

В самих хорватских провинциях внутриполитическая обстановка была запутанной и неоднозначной. Славония держалась в стороне от политической борьбы. В Народной партии часть либералов проявляла недовольство ее сближением с венгерскими консерваторами. Существенным моментом было неодобрение действий Гая и политического лица его газеты. Как и раньше, его политическая практика была противоречивой и для многих непонятной. Открыто он поддерживал консервативную венгерскую группировку, старался сблизиться с Веной в надежде на материальную помощь своим изданиям. Втайне Гай получал субсидии от австрийского правительства и в то же время был близок с агентурой польской эмиграции, а в конце 1847 г. пытался установить связь с венгерской оппозицией [58].

В конце 1846 г. Л. Вукотинович составил проект программы Народной партии на основе решений, которые были приняты на собрании «единомыслящих патриотов». В нем наряду с национально-политическими пунктами значились положения об освобождении крестьян с вознаграждением дворянства за утраченные повинности, ликвидации сословий и превращение сабора в представительное учреждение. Этот проект свидетельствовал о готовности иллирских либералов к проведению социально-экономических реформ. Но он не имел реальных последствий.

В этих условиях либералы Иван Мажуранич и Драгутин Кушлан пытались основать новую партию. В октябре 1847 г. был составлен проект манифеста новой партии, в котором провозглашалось, что «хорватско-славонская молодежь», отказавшись от вождей, которым «нет дела до истинного народного счастья и конституционной свободы», «решила *сама* своим путем пойти к определенной цели и составить *законную конституционную партию* под названием «Прогрессистов хорватско-славонских...» [59]. Предполагалось, что новая партия выступит за автономное политическое развитие объединенных хорватских земель внутри Венгерского королевства под верховной властью Габсбургов, за конституционную

inslav

монархию, что в своей тактике она отвергнет сотрудничество с венгерскими консерваторами и будет действовать самостоятельно. Проект манифеста был выдержан в либеральном духе. Были предприняты практические шаги по созданию новой партии. Но этот процесс был прерван революционными событиями в Европе.

Революция 1848–1849 гг., призванная открыть путь для свободного экономического, политического и национального развития народов, охватила почти всю Западную Европу. 13–15 марта 1848 г. вспыхнуло народное восстание в Вене. Оно положило начало установлению конституционного строя в империи, но не уничтожило устоев господства консервативных сил. Стихийные массовые демонстрации в Пеште завершились либеральными преобразованиями в Венгерском королевстве и установлением его самостоятельности от Австрии. 23 марта было образовано первое в истории правительство Венгрии, власть которого распространялась на все народы, входившие в королевство. И уже в этом акте, игнорировавшем права угнетенных наций, были заложены семена трагедии, постигшей разноязычное королевство в 1849 г.

Революционные 1848–1849 гг. стали новым этапом в развитии хорватского общественного движения. Мартовские события в империи были встречены в Хорватии с восторгом. В городах все дышало свободой. Национальные противоречия отступили перед всеобщим ликованием по случаю поражения абсолютизма с его политическим произволом. Но уже скоро волна всеобщей эйфории спала и политические иллюзии сменились трезвой оценкой действительности [60].

25 марта 1848 г. в Загребе состоялось первое публичное собрание хорватской общественности – Великая народная скупщина. Сурки и красные колпаки подчеркивали решимость ее участников. Воодушевленный Гай был ее распорядителем. Скупщина приняла программный документ «Требования народа», проникнутый духом конституционализма, гражданской свободы, национально-политического единства хорватов в границах Триединого королевства и их равноправия, а также избрала граничарского полковника Елачича баном. Хотя само избрание было тайно инициировано двором,

inslav

этот шаг загребских деятелей должен был означать суверенность хорватов в решении внутренних вопросов. Депутация в составе 400 человек во главе с Гаем направилась в Вену, чтобы торжественно вручить императору «Требования народа». Тщеславие Гая было удовлетворено присвоением ему звания королевского советника. Обстоятельства поставили его в самый водоворот событий.

Основополагающей концепцией общественных движений славян (кроме поляков) в Австрийской империи в период революции 1848–1849 гг. был австрославизм в форме федерализма. Он был нацелен на сохранение габсбургского государства в его исторических границах при условии его преобразования на основах конституционализма, парламентаризма, гражданского и национального равноправия. Австрославизм, имевший некоторые конкретные отличия в разных славянских землях, оформился к июню 1848 г. Хорватский австрославизм предполагал вхождение в австрийскую федерацию объединенной южнославянской административной единицы.

В условиях европейской революции в среднеевропейском регионе столкнулись две глобальные государственные доктрины: австрославистская, предполагавшая образование свободной федерации равноправных народов с четырьмя общегосударственными министерствами – обороны, иностранных дел, финансов и торговли, и доктрина независимости венгерского государства. Однако обе эти доктрины игнорировали принцип самоопределения наций. Австрославизм отрицал право венгров, итальянцев и поляков на выход из состава Австрийской империи, венгерское государство строилось путем поглощения в нем невенгерских народов. Между тем итальянский народ с марта 1848 г. боролся с оружием в руках за единое национальное государство. Целью поляков было возрождение независимой Польши. А венгерское правительство 12 июня 1848 г., пытаясь навести порядок в «собственном доме», предприняло вооруженные действия против города Сремски-Карловцы, центр православной митрополии и провозглашенной сербами Воеводины, для усмирения последних. Однако сербы оказали сопротивление.

inslav

Столкновение названных доктрин, представлявших разные формы организации капиталистического общества и государственного строительства в среднеевропейском регионе, составило содержание разгоревшейся здесь национальной борьбы. Как часто бывало в истории, победила третья сила – неоабсолютизм.

А пока в мае Вену вновь потрясло народное восстание. Двор тайно бежал в Инсбрук. В условиях, когда многим конец лоскутной империи казался предрешенным, Гай вынашивал дерзкие планы создания на Балканах независимого государства южных славян. Однако в этот момент он был втянут в так называемую аферу с бывшим сербским князем Милошем Обреновичем. Князь, находясь в Загребе, обвинил Гая в вымогательстве у него значительной суммы денег. И хотя расследование не внесло ясности в разразившийся скандал, а суд вынес решение о своей некомпетентности для рассмотрения этого дела, общественная репутация Гая, не без помощи Елачича, была подорвана.

Хорватские либералы стремились к политической консолидации славянства. Еще в апреле 1848 г. Кукулевич-Сакцинский выступил в печати с идеей надгосударственного союза всех славян и предложил созвать общеславянское собрание, аналогичное Франкфуртскому парламенту [61]. Такой конгресс собрался в начале июня в Праге. Он проходил под знаком австрославизма, однако не выполнил запланированной его организаторами программы в связи с демократическим восстанием в чешской столице.

Знаковым событием в Хорватии стало заседание хорватского сабора в июне-июле 1848 г. Ему предшествовал небывалый подъем крестьянской борьбы. По свидетельству Вукотиновича, напряженность в деревне была такова, что «только один шаг – и все подверглось бы пожарам, разрушению и убийствам» [62].

Решения сабора включали реорганизацию Австрийской империи в соответствии с принципами австрославизма, установление тесного политического союза Триединого королевства с Воеводиной и словенскими землями «на основе свободы и полного равноправия» как составной части австрий-

inslav

ского федеративного государства, реорганизацию Военной Границы и аграрный закон о ликвидации за государственный выкуп всех урбариальных повинностей крестьян и всеобщем налоговом обложении и пр. Постановления сабора отразили торжество либерализма со свойственными ему общедемократическими чертами и ограниченностью.

Деятельность хорватского сабора в 1848 г. имела принципиальное значение. Впервые формировавшаяся нация заявила о своем стремлении к политическому суверенитету не в теоретических декларациях, а в реальной деятельности высшего государственного форума. Сам факт его работы был серьезным протестом против многовекового подчинения и гнета хорватского народа, против его национального бесправия и унижения. Постановив ввести аграрный закон, а также экономические послабления для граничар в действие, не дожидаясь санкции императора, сабор выступил как верховный орган законодательной власти в Хорватии и Славонии.

После наступательных действий реакционных сил летом 1848 г. в Европе неуклонно приближалась развязка глубокого конфликта в Австрийской империи. В центре внимания придворной камарильи была Венгрия, политический курс которой приобретал все более грозный для судеб империи характер. Для ее подавления были использованы граничарские полки под командованием верного австрийского служаки Елачича. 7 сентября 1848 г. хорватский бан объявил Венгрии войну. 11 сентября его 40-тысячная армия форсировала Драву.

Хорватские, чешские, словацкие национальные деятели поддержали военные действия против Венгрии, рассчитывая в сотрудничестве с престолом реализовать свою австрославистскую программу. Из ложных предположений о верности монарха тем политическим уступкам, которые были сделаны под давлением революции в марте 1848 г., славянские либералы разных мастей встретили с удовлетворением подавление октябрьского восстания в Вене, вспыхнувшего как протест против отправки австрийских войск на войну с Венгрией. Однако в наступившей тишине после победы военщины над повстанцами хорватские либералы очнулись от эйфории, почувствовав угрозу контрреволюционного реванша. Потен-

inslav

циальная опасность превратилась в реальность с изданием 4 марта 1849 г. октроированной конституции. Хорватские либералы перешли к жесткой оппозиции центральной власти.

С подавлением Венгрии в Австрийской империи восторжествовала реакция. В стане противников австрийского деспотизма не было победителей и побежденных. Хорватские либералы расплачивались за ложные иллюзии, связанные с поддержкой габсбургского двора. В апреле 1850 г. император утвердил некоторые решения хорватского сабора 1848 г. Особым патентом была узаконена административно-политическая самостоятельность Хорватии, Славонии и Приморья с Риекой от Венгрии и разрешено употребление здесь хорватского языка в качестве официального. Военная Граница должна была и впредь занимать особое положение, хотя вместе с тем признавалась ее принадлежность Хорватии и Славонии. Верховной властью в хорватских провинциях, в отличие от дореволюционного времени, стала банска влада во главе с баном. Император утвердил постановление хорватского сабора о всеобщем налоговом обложении. Позднее была проведена аграрная реформа, которая открыла путь для развития рыночных отношений в сельском хозяйстве. Были сделаны некоторые социально-экономические послабления для граничар. Хорватские провинции наводнила жандармерия.

В Далмации в 1848–1849 гг. развернулась открытая борьба между сторонниками и противниками ее объединения с Хорватией и Славонией. Из Загреба поступали призывы к населению провинции о воссоединении хорватской территории. Судьбы Далмации волновали также поборников южнославянского объединения в Сербии и Черногории. Выразителем объединительных настроений стал в 1848 г. либеральный журнал «Зора Далматинска». В основе объединительных стремлений лежали тесные экономические связи Далмации с Боснией и другими землями Балкан. Поборником южнославянского единения выступал Дубровник, традиционно связанный с Балканами. Романизованные слои далматинцев, чиновничество, южнославянская верхушка крупных городов, поддерживавшая официальный курс, были ярыми противниками объединения Далмации с Хорватией и введения в школы и учреждения хорватского языка. Причинами

inslav

того были многовековая экономическая ориентация Далмации на Венецию, которая теперь входила в западную половину империи, боязнь Венгрии, а также политика австрийских властей по разобщению хорватских провинций.

Столкновения между сторонниками и противниками соединения Далмации с Хорватией и Славонией имели место не только в печати, но и в городских скупщинах. Но позиции сторонников хорватского единства были слабее, чем силы противников, поэтому далматинские представители не приняли участия в работе хорватского сабора. После отказа Фердинанда 2 декабря 1848 г. от престола в пользу племянника Франца-Иосифа новый император назначил Елачича губернатором Риеки и Далмации. Однако назначение носило формальный характер, так как бан находился на театре военных действий и принимать участие в управлении не мог. Тем не менее указ был истолкован в Далмации как положительное решение вопроса о восстановлении административной целостности хорватской территории. Сепаратисты активизировали свою деятельность. Но после издания октроированной конституции политическая борьба в Далмации ослабла. Все ее содержание говорило о том, что о воссоединении Далмации и Хорватии не могло быть и речи.

На Далмацию распространялся закон австрийского рейхстага от 7 сентября 1848 г. о ликвидации кметских повинностей крестьян за выкуп (1/3 выкупной суммы возлагалась на крестьян, 1/3 на провинциальную власть и 1/3 на государство), а также судебной власти дворян. В Далмации этот закон не затронул колонат, носивший по квалификации властей частноправовой характер. На многие десятилетия он в Далмации сохранился. В Далмации и Истрии подлинное национальное Возрождение хорватов начнется лишь на новой волне общего кризиса Австрийской империи в 60–70-е годы XIX в.

31 декабря 1851 г. в Австрийской империи была ликвидирована конституция 4 марта 1849 г., которая никогда и не была введена в жизнь. В стране установился неоабсолютизм.

Итоги иллиризма вышли за рамки политической драмы революции. В напряженные годы политической борьбы хорватское

inslav

общество обрело как позитивный, так и негативный опыт, который в дальнейшем, при новых условиях сделал хорватское общественное движение более зрелым. Но при этом воистину велик был вклад иллиризма в создание культуры хорватов нового исторического типа, культуры Нового времени.

В современной национальной историографии результаты хорватского политического движения 1848–1849 гг. оцениваются как «незавершенная революция и национальная интеграция» [63].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. S. 9–10.

[2] *Bićanić R.* Doba manufacture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750–1860). Zagreb, 1951. S. 344; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb. Zagreb, 1977. S. 132, 134.

[3] *Tkalac I.* Uspomene iz Hrvatske. Zagreb, 1945. S. 222.

[4] Цит. по кн.: *Horvat J.* Kultura Hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1939. S. 410–411.

[5] *Smičiklas T.* Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1892. Knj. CX. S. 125, 126.

[6] *Tkalac I.* Uspomene... S. 13, 14.

[7] *Bićanić R.* Doba... S. 344.

[8] Ibid. S. 119, 351.

[9] Ibid. S. 108, 251, 416, 417.

[10] Ibid. S. 351, 352.

[11] *Šidak J.* Regia scientiarum Academia // Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981.S. 180.

[12] Ibid.

[13] *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 32–33.

[14] *Antoljak S.* Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1956. S. 191–194; *Гавриловић С.* Аграрни покрети у Срему и Славонији почетком XIX века. Београд, 1960. С. 23 и сл., 35 и сл., 112 и сл., 151 и сл.

inslav

[15] *Кулаковский П.А.* Иллиризм. С. 54, 55; *Šurmin Đ.* Hrvatski preporod. Zagreb, 1903. I. S. 40–48.
[16] *Fancev F.* Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790–1832). Zagreb, 1933. S. 118–123.
[17] Hrvatski narodni preporod.1790–1848. Zagreb, 1985. S. 80.
[18] *Fancev F.* Dokumenti... S. 133–134.
[19] Ibid. S. 181–182.
[20] Ibid. S. XXXIII.
[21] *Dukat V.* Književno prosvjetni rad Adama Filipovića Heldentalskoga // Rad JAZU. Zagreb, 1914. Knj. 203. S. 98.
[22] *Fancev F.* Dokumenti... S. 236–254; *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. 1771–1939. Zagreb, 1962. S. 82.
[23] *Fancev F.* Dokumenti...S. 297–315; *Georgijević K.* Grof Janko Drašković (1770–1856). Sarajevo, 1958.
[24] *Fancev F.* Dokumenti... S. 273–296.
[25] *Horvat J.* Ljudevit Gaj. Njegov život, njegovo doba. Zagreb, 1975. S. 74.
[26] Hrvatski narodni preporod. S. 85.
[27] *Horvat J.* Ljudevit Gaj. Njegov život, njegovo doba. S. 10 i sl.
[28] *Gaj V.* Knjižnica Gajeva. Zagreb, 1875. S. XXIII.
[29] *Fancev F.* Dokumenti... S. 222–235.
[30] *Horvat J.* Ljudevit Gaj. S. 72, 73, 81, 90.
[31] *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. S. 101.
[32] *Лещиловская И.И.* Иллиризм. М., 1968. С. 59.
[33] «Novine Horvatzke», «Danica Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka» (далее – Novine, Danica).
[34] История движения дается в разделе с использованием материалов в кн.: *Лещиловская И.И.* Иллиризм.
[35] Danica. 1835. Br. 48. S. 292.
[36] Danica. 1839. Br. 47. S. 186.
[37] Danica. 1836. Br. 27. S. 108.
[38] Proglas // Danica. 1836. Br. 49. S. 195.
[39] Danica. 1836. Br. 52. S. 211.
[40] Danica. 1835. Br. 47. S. 288.
[41] Danica. 1835. Br. 31.S. 121–124.
[42] *Bratulić J.* Pravopisno – jezična problematika u vrijeme Hrvatskog narodnog preporoda // Hrvatski narodni preporod. S. 31 i sl.
[43] Kolo. 1842, II. S. 112.

inslav

[44] Šta nameravaju Iliri? S. 45; Novine. 4.XI.1846. S. 367.
[45] *Rakovac D.* Mali ratekizam za velike ljude. Zagreb, 1842. S. 13, 25, 26; Novine. 15.IX.1847. S. 294.
[46] Branislav. 1844. S. 35, 37, 38; *Smičiklas T.* Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. S. 128, 130.
[47] Branislav. 1844. S. 38.
[48] Novine. 15.XI.1845. S. 381; 26.XI.1845. S. 394; 11.VIII.1847. S. 253.
[49] Branislav. 1844. S. 10–11; Novine. 26.IX.1846. S. 321; 5.V.1847. S. 141.
[50] Branislav. 1844. S. 10–11, 21.
[51] Ibid. S. 11, 35.
[52] Novine. 2.I. 1847. S. 1; 18.IX.1847. S. 298; Šidak J. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848 // Historijski zbornik. Zagreb, 1960. S. 203–205.
[53] Novine. 18.V.1842. S. 159; 19.II.1845. S. 57; 5.XII.1846. S. 405.
[54] *Smičiklas T.* Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. S. 111 i sl.
[55] 29. Srpanj 1845. Vojni Sisak, 1870.
[56] Novine. 30.X.1847. S. 350; 3.XI. S. 354; 6.XI. S. 358, 359; 10.XI. S. 361, 362.
[57] *Horvat J., Ravlić J.* Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956. S. 159.
[58] *Šidak J.* Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848. S. 192, 193.
[59] Документ опубликован Я. Шидаком как приложение к статье (*Šidak J.* Prilozi... S. 205–206).
[60] Подробно о событиях 1848–1849 в Хорватии см.: *Лещиловская И.И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–1849. М., 1977.
[61] Novine. 20.IV.1848. S. 145.
[62] *Vukotinović Lj.* Uspomene iz g. 1848 // Vijenac. 1881. Br. 11. S. 171.
[63] См.: *Švoger V.* Zagrebačko liberalno novinstvo 1848–1852. i stvaranje moderne Hrvatske. Zagreb, 2007. S. 30.

inslav

Глава V

ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мировоззренческие аспекты новой культуры

Хорватское национальное Возрождение характеризовалось сменой исторической и культурной эпох в судьбах хорватского народа. В первой половине XIX в. важные процессы охватили Хорватию и Славонию, в то время как в Далмации и Истрии однотипные перемены проявятся с запозданием, в 60–70-х годах столетия. Это был переход от сословно-иерархического строя с подневольным трудом к обществу, основанному на свободной рыночной экономике, от регионализма к хорватской национальной идентичности, вектором культурной перестройки было образование целостного хорватского культурного пространства.

Деятели иллиризма закладывали у хорватов основы культуры нового исторического типа – хорватской национальной культуры. Идеологи движения, представлявшие продвинутые социальные силы, дали новое толкование ряду философских, нравственных, социологических категорий, создав тем самым мировоззренческий фон этой культуры.

Печать иллирского движения была проникнута «всеславянством», идейной традицией, истоки которой в Хорватии восходили к XVII в. Однако в рассматриваемое время изменились импульсы, содержание и значение славянского сознания.

Наиболее обстоятельно и последовательно идея славянской общности была развита в работах Л. Гая. Этому, безус-

inslav

ловно, способствовало то обстоятельство, что он в большей мере, чем остальные деятели иллиризма, испытал влияние П.Й. Шафарика и Я. Коллара. Уже его брошюра о правописании была проникнута мыслью об общности славян. Со всей определенностью эта идея была сформулирована им в статье «Наш народ», опубликованной в «Данице» 29 августа 1835 г. Автор определял численность славян в 80 млн. человек и отводил им больше половины Европы и третью часть Азии. Гай образно сравнивал славян с огромным великаном, голова которого омывается лазурным Адриатическим морем, а ноги упираются в китайскую стену. В правой руке он держит Черное море, а в левой – Балтийское. Его голова – средняя Иллирия, грудь – Венгрия и Карпаты, его сердце – под Татрами, желудок – польская равнина, а живот и ноги – неизмеримые русские просторы. «И этот великан, – заключал аллегорию Гай, – есть *наш народ*, народ самый большой в Европе, народ Славянский, так как кости и мясо этого неистового тела есть братья Славяне, а кровь, которая оживляет это огромное тело, есть одна кровь нашей матери Славы, т. е. одна народность Славянская» [1].

Язык был для Гая основанием для установления родства славян между собой и разделения их на группы. В соответствии с языковыми различиями он делил славян на две главные ветви – иллиро-русскую и чешско-польскую. Эти ветви в свою очередь подразделялись им на колена: иллирское и русское в первой ветви, чешское и польское – во второй. В иллирское колено хорватский деятель включал словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов и болгар. В русское колено входили русские и русины. Чешское колено, согласно автору, составляли чехи, мораване, словаки и сербы из Лужиц. В польское колено входили поляки [2]. Классификацией славян занимались крупнейшие слависты того времени. Й. Добровский, Е. Копитар, П.Й. Шафарик объединяли хорватов-кайкавцев и словенцев в одну языковую группу. В отличие от них Я. Коллар объявил южных славян одним «племенем» и высказался за единый литературный язык для них. Гай в классификации славянства последовал за Колла-

inslav

ром, позиция которого представлялась наиболее убедительной с точки зрения интересов единения южных славян.

В статье «Краткое введение в историю Великой Иллирии», опубликованной в апреле 1836 г., Гай остановился на происхождении славян. По мнению автора, в древнейшие времена Европу населял один пранарод, который разделился на четыре колена – славянское, немецкое, латинское и греческое. Гай не без преувеличения писал об участии славянского элемента в образовании почти всех современных ему европейских народов. Он не видел в Европе государства, где бы в далекие исторические времена не поселились славяне. Гай полагал, что многочисленное славянское колено осталось наиболее чистым и близким к тому пранароду, к которому восходило происхождение всех европейских народов. В этом колене сохранилось, писал хорватский деятель, «зерно старинной, для всей единоплеменной европейской семьи спасительной и примирительной братской любви, силы и свободы» [3]. Близкие мысли о славянстве высказывали в своих брошюрах Раковац и Шулек. Журнал «Даница» неоднократно писал о заслугах славян в развитии европейской цивилизации и их ведущей роли в ее спасении от монголов и татар.

Идеологи иллиризма настаивали на автохтонности славян в Европе, отмечали древность их истории, единое с греками, немцами и другими европейскими народами, но в то же время самостоятельное от них происхождение и развитие славян, подчеркивали важную роль славян в формировании и судьбах европейской цивилизации. Все это служило обоснованием равных с другими народами прав славян на свободное развитие и достойное положение в Европе.

Славянское сознание деятелей иллиризма отличалось от славянской идеи хорватских мыслителей XVI–XVIII вв., заслуга которых при всей их немногочисленности состояла в поддержании славянской традиции. Прежде всего во второй четверти XIX в. всеславянство получило широкое распространение среди славянской общественности, особенно в Австрийской империи. Его хорватские носители выступали в широком идейном русле, что придавало славянской концепции особую действенность и значение.

inslav

В годы иллиризма хорватская общественная мысль значительно продвинулась в знании славянства. Если в прошлые века хорватские мыслители имели представления о славянах на уровне догадок и опирались на стертую в веках историческую память и исторические мифы, то деятели иллиризма владели благодаря трудам Шафарика научными достижениями по славянской древности. Хотя в то время сложнейшая проблема этногенеза славян оставалась туманной и во многом неясной. Идейные выразители иллиризма во взглядах на славян находились на уровне научных знаний своего времени. Однако белые пятна в науке о славянах при политической заостренности мышления хорватов оставляли им свободное поле для преувеличений, в частности мессионизма.

Научно обоснованная идея культурно-языкового родства и исторической общности славян как нельзя лучше отвечала интересам освободительных движений славянских народов в Новое время, нуждавшихся в силу малочисленности большей части их во взаимной поддержке и опоре. Она стала одним из факторов национального восхождения хорватов.

Рассматриваемая идейная концепция стала основой практической деятельности. Ян Коллар создал учение о славянской взаимности – учение о сближении славянских народов путем их взаимного ознакомления и просвещения. Деятели иллиризма от Гая до Драшковича выступили его горячими приверженцами. В своих сочинениях они неустанно его разъясняли и пропагандировали. Учение о славянской взаимности явилось для них руководством к большой и разносторонней деятельности, направленной на культурное сближение хорватов с другими славянами.

Общественная мысль иллиризма была окрашена иллирством – идеей национальной целостности южных славян. Гай доказывал в печати правомочность названия «иллиры» для южных славян и преимущество его перед другими этнонимами (например, югославяне), ссылаясь на его древность, широкое применение в литературе и прямую связь южных славян с древней Иллирией. Вместе с тем он категорически возражал против распространения на все южное славянство какого-либо из частных, по его терминологии, наименований.

inslav

Хорватский лидер пришел к пониманию того, что только нейтральное имя может способствовать собиранию южнославянских сил [4].

Сербская общественность в Хорватии и Славонии поддержала иллиризм, хотя сербы всегда сохраняли свое этническое название. Однако за пределами Хорватии и Славонии последовательных, открыто выступавших поборников иллиризма среди сербов и словенцев в Австрийской империи оказалось мало и, как правило, их проиллирская позиция была кратковременной. В то время у сербских общественных деятелей, проживавших в Венгрии, складывалось свое видение объединения сербов и южных славян вокруг Сербии. Столкновение загребской и сербской объединительных концепций получило выражение в «споре об именах».

Во главе сербских противников иллиризма в Австрийской империи встал Теодор Павлович, редактор журнала «Летопис» Матицы сербской, издатель и редактор газеты «Сербске народне новине», которая выходила в Пеште с 1838 г. с литературным приложением «Сербский народний лист». Во всех своих изданиях Павлович развернул ожесточенную полемику с идейными выразителями иллиризма и их последователями среди сербов. Противники иллиризма с сербской стороны выдвигали общее для южных славян наименование «сербы» или «югославяне», выступали за литературное единство на базе кириллицы, некоторые отдавали предпочтение даже церковнославянскому языку. Споры шли о численности сербов и хорватов, о принадлежности земель, традиций и т. д. Но в основном борьба велась вокруг общего имени для южных славян, поскольку название «иллиры» было символом иллиризма и олицетворяло всю совокупность проблем. С хорватской стороны сербские взгляды опровергались в изданиях Гая и брошюрах Раковаца и Шулека [5].

Полемика между хорватскими и сербскими деятелями достигла кульминации в 1839–1841 гг. После запрещения в 1843 г. названия «иллиры» она потеряла остроту. Усиление же мадьяризации и развитие событий во второй половине 40-х годов еще более отодвинули на задний план эти противоречия, хотя полностью полемика не прекратилась. За «спором

inslav

об именах» скрывалось соперничество хорватских и сербских общественных сил за первенство на славянском юге.

В Сербии образованные люди с сочувствием следили за национальным Возрождением хорватов и оказывали ему известную поддержку. Иным было отношение сербской общественности к объединительным идеям иллиризма. Большинство ее представителей опасалось, что объединительные устремления руководства иллиризма угрожают поглощением хорватами сербов, ведут к ослаблению позиций сербов среди южных славян в пользу хорватов. Некоторые политики в Сербии усматривали в иллиризме происки Австрии и особенно католической церкви. Отсюда теории иллиризма прямо противопоставлялись идеи южнославянского объединения, смысл которых сводился к руководству этим процессом со стороны Сербии, или же провозглашаемая Загребом концепция принималась с оговорками, имевшими, впрочем, тот же смысл.

Среди словенцев иллиризм получил поддержку в Штирии и Каринтии, где особенно велика была угроза германизации. Главное, что затрудняло продвижение объединительных идей, как их понимали в Загребе, к сербам и словенцам, было сильное развитие национального самосознания этих народов.

Идейные выразители иллиризма внесли новое содержание в такие основополагающие общественно-политические понятия, как «народ», «патриотизм». В средневековье под словом «народ» понималось лишь дворянство. Даже в первой половине XIX в. профессор Пештского университета писал: «В Венгрии, согласно букве закона, к народу не относится никто другой, кроме дворян. Горожане и крестьяне же составляют «налогоплательщиков», из которых крестьяне очень часто в законах и актах венгерского сейма выступают под названием misera contribuens plebs» [6]. В противовес таким взглядам Гай охватил понятием «народ» этнос в целом [7]. Помимо расширения этого понятия на все сословия, придания ему надсословного характера, Гай внес существенный компонент в его содержание. Он придал своему журналу эпиграф: «Народ без народности есть тело без костей». Народность в данном случае – это самобытность, национальная идентичность, национальное самосознание. Так в понятие «народ» было вклю-

inslav

чено национальное начало. В этом получил выражение объективный процесс национальной интеграции. Но четкости в применении этого социологического термина не было. В печати он применялся и к хорватам, и к южным славянам, и к славянам в целом.

Руководство иллиризмом предложило также новую трактовку патриотизма. До сих пор патриотизм носил локальный, провинциальный характер. Теперь акцент был сделан не только и не столько на любви к родной земле, сколько на преданности своему народу. Гай включил в определение патриотизма верность народа самому себе и каждого члена общества своему народу [8]. Содержание патриотизма составляла сознательная заинтересованность члена общества в его национальном существовании и развитии. Неотъемлемой частью патриотического сознания Гай считал любовь к родному языку, почитание традиций, обычаев, костюма и веры. «Нет патриотизма без любви к материнскому языку» – так называлась большая статья, написанная Гаем в 1835 г. [9]. Иллирский идеолог придал патриотизму национальный характер, рассматривая его как фактор национального сплочения общества. Он и его сподвижники выступали от лица складывавшейся нации.

Примечательными были воззрения иллирских деятелей на родной язык. На них в этом вопросе оказало влияние учение о языке немецкого философа И.Г. Гердера, главного теоретика «Бури и натиска». Через их сочинения, затрагивавшие языковой вопрос, красной нитью проходила мысль о том, что язык выражает душу народа, его образ мыслей и чувств. Язык – главная отличительная черта его. Язык был объявлен святыней народа [10]. «Народ, который любит свой язык, – писала «Даница», – еще почитает сам себя как народ, если же он отступает от этой любви, тогда молча признается в нежелании в будущем быть народом» [11]. Это был романтический взгляд на язык. Впервые хорватская общественная мысль выделила и определила язык как главный показатель национальной идентичности.

Хорватские деятели много и настойчиво писали о значении национального языка в жизни народа. «Родной язык, – писал Гай в 1835 г., – является самой прочной соединитель-

inslav

ной тканью единства и самой прочной опорой национальной самостоятельности» [12]. Тогда же Иван Мажуранич заявил в «Данице»: «Родной язык защищать, любить, почитать и обрабатывать есть обязанность» [13]. Отсюда следовал практический вывод, что защита родного языка, обеспечение его свободного, беспрепятственного развития есть форма борьбы за политическое и национальное равноправие.

Широкое распространение в печати иллиризма, особенно в 30-е годы, получило понятие «слога», означавшее единение и согласие. Оно имело прежде всего интеграционный смысл – духовное сплочение всех хорватов и шире – южных славян. Деятели иллиризма уделяли этому вопросу исключительное внимание, исходя из парадигмы Великой Иллирии. Он был связан с конфессиональной проблематикой.

На протяжении веков южные славяне разделялись между собой религией – католицизмом и православием. Эти различия укоренились в общественном сознании, порождая нетерпимость и антагонизм. Религиозное сознание было всеобъемлющим. Преодоление религиозной розни становилось условием их сближения. Деятели иллиризма поняли вред религиозной конфронтации и выдвинули принцип веротерпимости, подчеркивая при этом равенство католиков и православных [14]. Идея веротерпимости была излюбленным постулатом европейского Просвещения. Но в XVIII в. его сторонники исходили из принципа свободы духа, а деятели иллиризма – из национального вопроса.

Однако деятели иллиризма не были последовательны в отношении религии. Они поддерживали средневековое право Хорватии, запрещавшее проживать здесь протестантам. Хотя такая позиция объяснялась не столько религиозной неприязнью, сколько стремлением отвратить угрозу колонизации Хорватии и Славонии венграми, среди которых много было приверженцев протестантизма.

В понимании интеллектуалов иллиризма «единение» имело и социальный смысл. Они провозглашали согласие и сплочение всех слоев общества, независимо от происхождения его членов, имущественного состояния и положения. В «Символе веры порядочного гражданина», помещенном в

inslav

«Данице» в апреле 1837 г., говорилось: «Верую, что все люди братья, т. е. дети одного отца» [15]. Т. Блажек в стихотворении «Иллирам» писал в 1836 г., что иллир стремится разрушить вериги и принести добро всякому, невзирая на «кровь, почет и веру» [16], т. е. происхождение, положение и вероисповедание. «Даница» от 25 сентября 1841 г. открывалась следующим четверостишием священника П. Штооса:

«Наше коло согласия
Для богатых и убогих.
Оно никого не отстраняет,
Каким бы счастьем он ни обладал» [17].

В 1845 г. Шулек в «Данице» прямо писал: «Национальное согласие, которое мы столько славим, состоит не в соединении нескольких человек, но в объединении всего народа» [18].

В позиции журнала заключалась просветительская мысль о естественном равенстве людей между собой. Она носила общедемократический характер, поскольку отрицала сословные и областные разграничения, а также религиозную нетерпимость между людьми.

Настойчиво призывая к единению и согласию, идеологи движения исходили прежде всего из потребности национальной консолидации хорватов, но решали они эту задачу в рамках интеграции южных славян.

В годы иллиризма хорватская теоретическая мысль претерпела принципиальные изменения, связанные с формированием нового социального облика общества и его потребностями. Она вобрала в себя по ряду вопросов интеллектуальные поиски отечественных мыслителей прошлых времен, гражданские идеи из арсенала европейского Просвещения и романтические воззрения. Идейный базис новой культуры был сложным, соответствуя переходному времени.

Литературно-языковой вопрос

Признание языка как высшей духовной ценности народа легло в основу целенаправленной сознательной деятельности сторонников иллиризма по созданию, вместо локальных хорват-

inslav

ских письменных диалектов, нового литературного языка. Они считали его южнославянским, но в действительности он стал национальным литературным языком хорватского народа. Решались также задачи его совершенствования, распространения на весь этнос и утверждения во всех сферах жизни. Это был процесс глубокого преобразования языковой сферы, проходивший в трудных условиях национального гнета, отсутствия на первых порах авторитетных научных и общественных организаций, слабого знания самими разработчиками нового литературного языка штокавской речи, сложной и противоречивой языковой ситуации у самих хорватов и внутреннего сопротивления разнородных общественных групп. Исторические условия наложили печать на кодификацию и нормативизацию нового литературного языка.

В деле пропаганды нового литературного языка большая роль была возложена на печать иллиризма. Периодические издания, стремясь пробудить в соотечественниках гордость за национальный язык, веру в его будущность и потребность пользоваться им, постоянно и настойчиво писали о древности «славянского языка» в целом, его широком распространении в Европе, его красоте, силе и могуществе. Особенно подчеркивались при этом лексическое богатство и выразительность «славо-иллирского наречия» [19]. Высказывания в этом плане не были свободны от преувеличений.

Если иллирская публицистика должна была пробудить у хорватов тревогу за судьбу нового литературного языка и привлечь внимание к нему, то художественная литература, переживавшая подъем, театр, печатавшиеся произведения народного творчества были призваны, в одних случаях, помочь его усвоению, в других – нормировать и совершенствовать его. Хотя функции литературы в этих условиях становились много сложнее.

Проведению в жизнь замыслов хорватских деятелей в области литературного языка способствовала реформа Вука Караджича сербского литературного языка. Она состояла в замене в сербских условиях многоязычия литературным языком на основе народной штокавской речи. Однако загребская филологическая школа опиралась в создании нового

inslav

литературного языка на основе штокавского диалекта на народные говоры из окрестностей Дубровника и его литературно-языковую традицию, а Караджич использовал в своей реформе новоштокавский диалект иекавского произношения, распространенный в Боснии.

В 1850 г. произошло крупное событие в истории сербской и хорватской культур. Тогда крупные сербские и хорватские писатели и лингвисты – В. Караджич, Дж. Даничич, И. Мажуранич, Д. Деметер, И. Кукулевич-Сакцинский и (словенец) Ф. Миклошич – подписали в Вене соглашение о едином сербско-хорватском литературном языке на двух алфавитах. Подписи Гая на документе не было. Соглашение знаменовало собой победу литературно-языковых принципов Караджича. Но на практике единство установилось лишь к концу XIX в. Словенские интеллектуалы приняли правописание Гая, однако своей культурой в пользу Великой Иллирии не поступились. Все это означало, что мечты загребских деятелей о литературной Великой Иллирии частично увенчались успехом.

С начала иллирского движения Гай и его сподвижники имели в виду перспективу введения нового литературного (национального) языка во все сферы жизни хорватов. Но понимание того, что хорватское консервативное общество не готово к такому крутому политическому повороту, а позиция австрийских и венгерских властей жесткая в этом вопросе, ведущие деятели иллиризма действовали осмотрительно и осторожно.

Национальный язык постепенно проникал в разные сферы общественной жизни. Помимо печати, этому способствовали разные публичные мероприятия, устраиваемые иллирским активом в Загребе и других городах: музыкально-декламационные вечера, любительские театральные представления, танцы, «беседы» и пр., когда собравшиеся пользовались исключительно национальным языком. Он проникал в жупанийские собрания. В 1843 г., как уже упоминалось, Кукулевич-Сакцинский произнес в саборе страстную речь на нем.

К середине 40-х годов произошли заметные сдвиги в умонастроениях массы дворян.

inslav

В 1847 г. последовали знаменательные решения хорватского сабора, направленные на воссоединение хорватских провинций, автономию Триединого королевства, введение национального языка в официальную жизнь и реформу аграрных отношений.

В 1848 г. хорватский национальный язык стал государственным языком в Хорватии и Славонии.

Вопросом первостепенной важности было для загребских деятелей объединение в литературном языке населения Хорватии, Славонии и Далмации. Они проявляли исключительный интерес к жизни адриатической провинции. В периодической печати систематически печатались материалы о Далмации: ее прошлом, настоящей жизни, литературе, помещались стихотворения дубровницких поэтов XVI–XVII вв., публиковались статьи об их творчестве и т. д. Загребские деятели горячо поддерживали каждый шаг со стороны далматинцев, ведущий к сближению Хорватии и Далмации. Они и сами предпринимали поездки в Далмацию. В 1841 г. по этой провинции совершили путешествие Гай и А. Мажуранич.

В первых десятилетиях XIX в. в адриатической провинции была сложная культурная обстановка. Здесь официальным языком считался итальянский, среди городского населения были распространены итальянские стиль жизни и традиции. Славянская общественность проявляла равнодушие к литературе на родном языке, ее охватили дух провинциализма и апатии.

Но национальное Возрождение славян в Австрийской империи и развитие иллиризма способствовали пробуждению у местных сербов интереса к родному языку. В 1836 г. молодой доктор права Божидар Петранович из Шибеника основал научно-литературный орган под названием «Любитель просвещения. Србско-далматинский алманах», выходивший вначале в Карловаце, а с 1838 г. в Задаре [20]. Издание выходило на языке, в основе народном, но с примесью церковнославянских форм, и старой кириллицей. Альманах был живо встречен сербской общественностью в Далмации. Уже в первый год издания насчитывалось 456 его подписчиков [21].

inslav

Петрановичу, знавшему Гая со времени учебы в Граце, были близки идеи иллиризма. Не делая различий между хорватами и сербами, он стремился к сближению славян в Далмации независимо от вероисповедания и выступал за литературно-языковое единство. Соглашаясь с названием «иллиры» и одобряя литературно-языковую деятельность Гая, Петранович старался приблизить язык своего издания к языку «Даницы», он и сам сотрудничал в загребском журнале. Сочувствовал иллиризму и Джордже Николаевич, редактор «Магазина» с 1842 г.

В 40-годы среди хорватской общественности Далмации стало проявляться сознание национальной общности хорватов независимо от административно-политических границ, появилась тяга к литературно-языковому единению с Загребом. В 1841 г. в Задаре был издан сборник лирических песен Аны Видович «Анка и Станко», написанных на новом литературном языке. Но сборник вышел старой орфографией, поскольку гаевского шрифта в Далмации в то время еще не было. В 1844 г. вышел новый сборник песен Видович, уже орфографией Гая. Проявления симпатий поэтессой к иллиризму получило приветственный отклик в загребской печати [22].

Однако национально мыслящих хорватов в Далмации было мало и активной деятельности по культурному сближению Далмации с Хорватией они, за немногим исключением, не вели. В Далмации господствовали местнические настроения. Со всей очевидностью они проявили себя в центральном далматинском издании «Зора далматинска».

С начала 1844 г. в Задаре стал выходить еженедельный журнал на хорватском языке «Зора далматинска», объединивший вокруг себя литературные силы Далмации. Официально его редактором считался местный профессор А. Кузманич, однако фактически в 1844–1845 гг. главную роль в нем играл Петар Прерадович., офицер, заявивший о себе как талантливый поэт.

«Зора» решительно выступила против господства в Далмации итальянского языка. Сначала журнал печатался орфографией, установленной в Далмации в 1820 г. Но вскоре в нем стали помещаться материалы и гаевицей. Прерадович был убежден-

inslav

ным сторонником нового правописания и литературного единства южных славян. Однако тенденция «Зоры» к сближению с «Даницей» вызвала тревогу в официальных кругах, заинтересованных в сохранении хорватской раздробленности. Не без подстрекательства цензуры на страницах журнала развернулись споры по орфографии и грамматике [23].

Новое правописание декретом губернских властей было в Далмации запрещено. Но в 1845 г. запрет для прессы и частных лиц был снят. Дубровчанин Иван Аугуст Казначич, ставший редактором «Зоры» в начале 1845 г., и Прерадович, по-прежнему активно сотрудничавший в журнале, воспользовались этим, чтобы сблизить «Зору» по орфографии и языку с «Даницей».

В начале 1846 г. редактором далматинского журнала стал Никола Валентич. Признавая единство «иллиров», он перевел издание на новое правописание. «Зора» по содержанию и языку значительно сблизилась с «Даницей». В далматинском издании стали шире сотрудничать загребские поэты, в нем помещались материалы из «Даницы». В свою очередь последняя перепечатывала материалы из «Зоры» и т. д.

Однако единение хорватских журналов продолжалось недолго. В конце 1846 г. редактором далматинского издания вновь стал Кузманич. Прерадович отстранился от редакционной работы в нем. «Зора» решительно выступила против орфографии Гая и нового литературного языка. Журнал получил отчетливо антииллирское направление. Немаловажным обстоятельством в данном случае была позиция австрийских властей, препятствовавших введению в Далмации реформированного правописания. В «Зоре» печатались статьи, в которых отвергались язык, орфография и содержание «Даницы». Особой резкостью отличались статьи священника из Лики Шиме Старчевича, отстаивавшего языковые далматинские особенности [24].

В Далмации среди противников иллиризма не было полного совпадения во взглядах. Часть из них вообще отрицала духовное соединение хорватов и предпочитала изолированность Далмации от Хорватии. Сам Кузманич занимал колеблющуюся позицию. Он соглашался с необходимостью со-

inslav

единения хорватов в литературном языке, однако на далматинской языковой основе – штокавском диалекте икавского произношения и далматинской орфографии. К тому же Кузманич был противником хорвато-сербского сближения [25].

В ответ на позицию «Зоры» в загребских изданиях помещались статьи и письма сторонников хорватского национального единства с неодобрением сепаратистской линии далматинского журнала. Выражал в печати сожаление по поводу направления «Зоры» и П. Прерадович. В 1846–1847 гг. его связи с Загребом окрепли. Он поддерживал контакты с Кукулевичем-Сакцинским, Бабукичем, Гаем, Шулеком и другими деятелями иллиризма. Он одобрял и поддерживал не только их литературную, но и политическую деятельность.

Сложный путь развития журнала «Зора далматинска» свидетельствовал о трудностях реализации литературно-языковой реформы в хорватских провинциях. Даже новое правописание прививалось медленно. В «Зоре» оно было окончательно введено только в 1849 г., а официально утверждено в 1850 г. [26].

В годы иллиризма, несмотря на большие усилия загребских деятелей, отказавшихся ради достижения литературно-языкового единства от родного кайкавского диалекта в качестве языковой основы новой литературы и опиравшихся в ее развитии не в последнюю очередь на далматинскую и дубровницкую классику, литературно-языковое объединение Хорватии и Далмации не было достигнуто. Этот вопрос был тесно связан с политическими судьбами хорватских провинций. Поэтому он имел особое значение.

В 40-е годы в Далмации протекала скрытая борьба между сторонниками и противниками воссоединения Далмации и Хорватии, которая усилилась в 1848–1849 гг. Объединительные идеи иллиризма, литературно-языковые, а тем более политические, большой поддержки в Далмации не получили. Известная экономическая оторванность этой провинции от Хорватии, тяготение ее к Италии, с одной стороны, слабость внутренних хозяйственных связей в самой Далмации, многовековая изолированность городов-коммун, с другой – обусловили сохранение здесь регионального сознания,

inslav

непонимание существа национальной проблемы. Этому способствовала не в последнюю очередь и политика австрийского правительства, препятствовавшая хорватскому сближению. Сказывались и претензии местной славянской элиты, опиравшейся на былое величие далматинских городов и особенно Дубровника, на главенствующую роль на славянском юге. В еще большей степени была оторвана Истрия от Хорватии, в результате чего здесь лишь единицы разделяли иллирские интеграционные идеи.

Литературно-языковая реформа, вдохновителем и одним из главных творцов которой был Гай, имела историческое значение в социокультурном развитии хорватского народа.

Единый развитой литературный язык взял на себя всеобщие языковые функции, из которых многие важнейшие ранее выполняли чужие языки. Новый язык постепенно стал органом большой литературы, театра, науки, образования, администрации. Создание общехорватского литературного языка было самым крупным событием в истории хорватской культуры XIX в., означая крутой поворот в ее развитии.

Реформа создала необходимое условие для консолидации хорватов в нацию. Новый литературный язык, при всем временном противостоянии ему в обществе, стал самой прочной внутренней связью между его членами. Складывание общехорватского литературного языка двинуло вперед становление национального самосознания народа.

Единый литературный язык в условиях диалектной пестроты на территории расселения хорватов облегчил общение и понимание между хозяйственными субъектами, прежде всего носителями торгового капитала, связанными в своей деятельности с разными языковыми районами. Тем самым реформа отвечала потребностям развития экономики.

Велико было политическое значение образования единого литературного языка у хорватов. Он стал реальной манифестацией самоутверждения хорватов как развитого и равноправного члена европейской цивилизации. Появилось реальное препятствие для насильственной замены в Хорватии и Славонии венгерским языком латыни.

inslav

Стандартизация единого литературного языка имела особое значение для развития большой хорватской литературы. Значительно расширилась область распространения и потребления литературы. Сложились благоприятные условия для роста числа писателей, развития связей между ними, обмена опытом, для совершенствования словесного искусства. А литературно-языковое единение хорватов с сербами повысило общественную потребность письменной продукции во много раз, хотя различие в алфавитах и сдерживало ее. Хорватское и сербское сближение было на пользу обоим народам.

Литература

В годы иллиризма ведущее место в культурном процессе среди хорватских провинций заняли Хорватия и Славония. Иллирское движение принесло с собой мощный подъем литературы. Она создавалась благодаря целенаправленно сознательной деятельности писателей как литература нового исторического типа – национальная литература Нового времени. Она была на общехорватском литературном языке, отражала жизнь хорватского народа во всех ее проявлениях и была ориентирована на новые идеалы и ценности. Литература развивалась в тесной связи с освободительным движением, и это во многом определило ее содержание, формы, место и роль в общественной жизни.

Главное место в литературном творчестве занимал Людевит Гай. Именно он выступил зачинателем, инициатором и в значительной мере создателем нового литературного языка, общего для всех хорватов. Именно его песня «Еще Хорватия не погибла» стала символом хорватской патриотической поэзии на новом языке. Именно его «Объявления» о подписке на национальные издания с характеристикой последних положили начало публицистике иллиризма. Именно Гай, первый, осознал и сформулировал политические идеалы движения. Он же дал толчок романтическому толкованию прошлого южных славян как истории борьбы за освобождение от власти внешних врагов.

Авторитет Гая был признан современниками внутри Хорватии и за ее пределами. Он был избран почетным чле-

inslav

ном Музыкального общества (1837), почетным горожанином Сисака (1839), почетным членом стрелкового общества (1840), действительным членом «Одесского общества любителей истории и древностей» (1842), членом-корреспондентом «Общества сербской словесности» (Белград, 1842).

При сохранении церковной литературой функции обслуживания потребностей религиозной жизни общества светская литература заняла господствующее место в литературном процессе, определяя направление его развития. Она отличалась от старой кайкавской литературы идейно-тематическим содержанием, богатством жанров и эстетическим характером.

Наибольшее развитие получила гражданская поэзия. Это отвечало подъему патриотических чувств в обществе и было связано с оперативностью поэтической формы. На рубеже 1832–1833 гг. Гай написал стихотворение на кайкавском диалекте «Хорватов согласие и соединение» по образцу польской песни (впоследствии гимна) «Еще Польша не пропала». В 1833 г. оно было опубликовано в Вене. Но подлинная известность пришла к нему через два года, когда 7 февраля 1835 г. оно было напечатано в «Данице» и в тот же день исполнено, положенное на музыку, в ходе представления в немецком загребском театре. Публика приняла песню с воодушевлением, и она была бисирована 10 раз. С этого времени песня получила широкую популярность под названием «Еще Хорватия не погибла», по ее первой строке. Это была первая песня – «будница», давория. Ее известность была закреплена в марте того же года, когда молодая графиня Сидония Эрдеди (в замужестве Эрдеди Рубидо) исполнила будницу в своем концерте. Песня стала своего рода музыкальным знаком иллирского движения [27].

Вскоре в журнале были помещены еще три стихотворения Гая – «Преображение» («Печально пел витязь в горах») и две «Давории» («Прилетели птицы кукушки» и «Эй, братья, эй герои»). 14 марта 1835 г. в «Данице» было опубликовано исключительное по силе таланта автора стихотворение Антуна Михановича «Хорватская родина», ставшее впоследствии хорватским гимном. В том же году в журнале увидело свет

inslav

поэтическое сочинение Вукотиновича «Песня хорватов в Глогове в 1813 г.». Положенное на музыку, оно получило такую же популярность, как и гаевская «Еще Хорватия не погибла». Будницы Гая с элементами штокавской версии и Вукотиновича вышли отдельным изданием под названием «Глоговкиньи», однако цензура не была расположена к его распространению, и они не вошли в сборник «Песенник», выпущенный в 1842 г. С этого времени будницы захватили умы и сердца массы восторженных доморощенных поэтов. Будницы, даворiи составили особый жанр патриотической поэзии и песенного творчества.

Вся ранняя гражданская поэзия была проникнута идеями иллиризма. Поэты высказывали мысль о равенстве всех народов, сотрудничестве и дружбе славян, выражали веру в их светлое будущее. Они воспевали героизм и мужество славян в борьбе с угнетателями. Новая поэзия несла идеалы братства и единства южнославянских народов. В песнях славилось их свободолюбие. Поэты-иллиры признавали над собой лишь Бога и короля [28]. Тем самым выражался протест против национального угнетения.

В патриотических стихотворениях поэты рисовали картины родных мест, описывали красоты и величие своей родины, выражали любовь к своему народу и воспевали его славу в далеком прошлом. Хорватские поэты проводили мысль, что судьба народа находится в руках самого народа и призывали к активной деятельности на благо родины. Они посылали проклятья на головы изменников. Их произведения были проникнуты оптимизмом, верой в освобождение и возрождение, надеждой на лучшее будущее своей родины.

В 1842 г. в Загребе был издан «Песенник», своего рода антология патриотических песен хорватских, сербских и словацких поэтов. Олицетворяя собой славянское культурное единение, он нашел горячий прием в иллирской среде.

Наряду с патриотическими песнями в годы иллиризма зародилась лирика, которая не была представлена в кайкавской литературе. Наиболее крупным поэтом – лириком был С. Враз.

Станко Враз, подлинным именем которого было Якоб Фрасс (1810–1851), словенец по национальности, родился в Церовце (нижняя Штирия) в зажиточной крестьянской семье

inslav

виноградарей. Закончив гимназию с немецким языком в Мариборе, он изучал философию в университете Граца, а затем право, курс которого не закончил. В годы учебы Враз хорошо овладел немецким, французским, английским, испанским и всеми славянскими языками.

В 1833 г. в Граце молодой словенец познакомился с Гаем и был захвачен его славянским воодушевлением. Затем он посетил родину Гая Крапину, Загреб, Самобор. В 1838 г. Враз переехал в Загреб и связал свою жизнь с иллиризмом. В то время в Штирии и Каринтии многие были увлечены идеями единства южных славян, в том числе и ближайшие земляки Враза – Кочевар, Муршец и Трстеняк.

Враз испытал сильное влияние Коллара. Он всей душой проникся всеславянством и культурными идеями иллиризма. Оставивший родину Штирию во имя братства славян и особенно сербов, хорватов и словенцев, Враз в Загребе профессионально занялся литературой. Она принесла ему материальное обеспечение, а его душе вдохновение.

Враз начал писать стихи еще в юности, на словенском диалекте в классицистическом духе. Но уже вскоре, в атмосфере общеславянской увлеченности фольклором и под влиянием Вука Караджича Враз попытался овладеть народным стилем. В 1835 г. в «Данице» была напечатана его баллада «Стана и Марко» в духе народной песни. Поэт занялся сбором и изданием словенского фольклора. Он проникся сознанием художественной ценности и общественной значимости народной поэзии.

К этому времени относится, в частности, стихотворение Враза «На холодный камень», которое привлекло внимание великой русской поэтессы А.А. Ахматовой. В ее переводе оно звучит так:

«На холодный камень
Сердце мое пало,
Вздохи его бьются,
Как дожди о скалы.
Я чужой и людям,
И родному краю.
Дома – как бездомный –
Тяжко я страдаю».

inslav

Стихотворение передает душевное состояние поэта на переломе его жизненного пути.

В 1840 г. в Загребе вышел первый стихотворный сборник Враза на новом литературном языке «Джулабие» («Душистые яблоки, красные, как розы»). Автор заявил о себе как зрелый поэт-романтик. Это было собрание оригинальных и переводных любовных стихов, отразивших чувства и переживания поэта, влюбленного в юную красавицу Любицу Кантилли. Ей и был посвящен сборник. Он привлек внимание видных деятелей чешского Возрождения.

В следующем году появился стихотворный сборник Враза «Голоса из Жеравинской (журавлиной) дубравы», куда вошли его баллады и романсы. Он один из первых в иллирской поэтической среде изучил эти романтические жанры и ввел в литературу, используя народные предания, мотивы родных мест, словенской и хорватской истории. Второй стихотворный сборник поэта, проникнутый истинным вдохновением, также отличался высокой художественностью. В 1845 г. в Праге был издан сборник лирических и эпических стихотворений Враза «Гусли и тамбуры».

Враз во многом был новатором в хорватской литературе. Сам характер любовной лирики, наиболее «очеловеченного» вида литературы, отражавшего самые сокровенные мысли и желания поэта, движения его души, был серьезным поворотом художественного мышления. Враз ввел в хорватскую литературу новые поэтические жанры (балладу, сонет), формы стихосложения (стиль «краковяка», польской народной песни, газели), использовал метод поэтической парафразы. Это был выдающийся хорватский поэт.

Враз был талантливым переводчиком с широким литературным кругозором. Он переводил сочинения русских, польских, словацких, чешских, словенских, английских немецких, французских, итальянских авторов. Поэт хорошо ориентировался в европейской литературе, проявляя особый интерес к новинкам. Его переводы являли высокий художественный вкус хорватского писателя.

С именем Враза было связано зарождение хорватской литературной критики. Он занимался также издательской,

inslav

редакторской деятельностью, активно участвовал в культурных мероприятиях иллиризма.

30–40-е годы XIX в. были временем сложных процессов в хорватской литературе. Загребские писатели в центре кайкавского края, преодолевая языковые трудности, постигали выразительные возможности штокавского языка. Одновременно протекала смена художественных методов. Рационалистические классицистические приемы уступали место поэзии воображения и чувств. Враз был одним из первых поэтов, прокладывавших в хорватской литературе путь романтизму. С новой эстетикой были связаны и его интерес к фольклору, и его переводческая, а также литературно-критическая деятельность.

Поэт-романтик, стремясь к духовной свободе, избегал политики. Он считал, что вторжение сторонников иллиризма в политические дела может отрицательно сказаться на судьбе новой литературы. В 1843 г. Враз был среди тех, кто обвинял Гая за его политическую деятельность, приведшую, как им представлялось, к запрещению названий «Иллирия» и «иллиры». Но политика захватила и Враза. В последние годы жизни поэт писал и политические стихи, и эпиграммы. В 1848 г. верный всеславянству, он участвовал в работе Славянского съезда в Праге, сотрудничал в газете «Славенски Юг».

Творчество Враза и сама его личность, темпераментная, творчески свободная, с яркой индивидуальностью оказали большое влияние на хорватский литературный процесс. При этом Враз продолжал писать стихи и на родном, словенском диалекте. Число их было велико. Но они увидели свет лишь спустя 100 лет. Поэт принадлежал как хорватской, так и словенской культурам. Умер он в Загребе от чахотки в 1851 г.

Разностороннюю литературную деятельность развил в годы иллиризма Людевит Вукотинович (Загреб, 1813–1893). Его подлинным именем было Людевит Фаркаш. Он принадлежал к дворянскому сословию и прожил долгую жизнь. Основную школу молодой человек прошел в Загребе, затем учился в гимназии в Загребе и Велика-Каниже, философию изучал в Суботиште, а право – в Загребе и Пожуне. По завершении образования Вукотинович служил юратом при бароне Л. Бедековиче, а с 1832 г. – при графе Я. Драшковиче.

inslav

Это было время работы венгерского Государственного собрания. Из Пожуна Вукотинович отправился в Вену, где познакомился с Гаем, Деметером и Курелацем. По возвращении в Загреб он сразу же вошел в круг единомышленников Гая.

С 1840 г. Вукотинович был великим судьей Мославацкого котара, затем жупанийским чиновником в Крижевцах. Человек либеральных взглядов и притом смелый, он первым стал выступать на заседаниях скупщины Крижевацкой жупании на хорватском языке. В 1848 г. .Вукотинович был среди депутатов сабора, а затем стал капитаном крижевацкой Национальной гвардии по защите Дравы от венгров. В годы неоабсолютизма Вукотинович занялся естественной наукой и выступил одним из основоположников ботаники в Хорватии. Он сочетал научную работу с государственной службой, заняв должность председателя временного крижевацкого суда. Он занимался также редакционно-издательской деятельностью – был редактором «Хозяйственной газеты» и издателем альманаха «Бабочка».

В годы нового политического подъема Вукотинович в 1861–1867 гг. занимал высокий пост великого жупана Крижевацкой жупании. С 1868 г. он был депутатом сабора, с 1867 г. – действительным членом Югославянской академии наук и искусств в Загребе. Вукотинович закончил общественно-политическую деятельность в качестве лидера унионистов – сторонников сближения Хорватии с Венгрией.

На политическом поле Вукотинович проявлял большую активность, выступая принципиальным сторонником либерализма, но он был способен менять политическую ориентацию в зависимости от обстоятельств и поворота событий.

Его живая энергичная натура проявляла себя и в литературе. Он владел латинским, немецким, венгерским, французским, итальянским, русским и чешским языками, что позволяло ему свободно ориентироваться в литературе. Благодаря трудолюбию и легкости письма Вукотинович стал одним из самых плодовитых писателей иллиризма, проявив себя в разных литературных видах и жанрах, смело осваивая новации.

В поэзии Вукотинович проявил себя как автор популярных будниц; испытав влияние немецкого романтизма, особенно творчества Уланда, писал лирические стихотворения, окрашен-

inslav

ные сентиментализмом, баллады на материале хорватской истории, рассказывавшие о славных делах предков.

Годы иллиризма были отмечены зарождением и развитием хорватской беллетристики. Вукотинович первый из хорватских писателей положил начало хорватской художественной прозе малых форм. Его небольшие прозаические сочинения сначала основывались на историческом материале, но постепенно творчество писателя развивалось в сторону психологической новеллы. Особенно популярной была его новелла «Оруженосец». Художественная проза писателя, обращенная к истории, изображала коллизии, показывающие романтический строй мышления автора (любовь в столкновении с недостойным отцом, страшная ревность, доводящая до гибели честного и порядочного человека, необузданное стремление к славе, любовь и разность вероисповеданий и пр.).

В 1838 и 1840 гг. Вукотинович издал сборники «Песни и рассказы». А через два года вышел его стихотворный сборник «Розы и терны». Эти издания были тепло встречены читательской публикой в Хорватии и славянском мире. Варшавский журнал «Денница» по поводу последнего сборника хорватского поэта писал: «Произведения г. Вукотиновича носят на себе печать истинного поэтического таланта»[29]. «В 1844 г. Вукотинович выпустил два тома исторических новелл «Прошлое венгерско-хорватское». А в 1847 г. увидел свет его сборник «Песни». Вукотинович занимался поэзией и в годы неоабсолютизма. В 1862 г. появился его последний стихотворный сборник «Тернии».

Вукотинович выступил одним из основателей в Хорватии газетно-журнального жанра фельетона и литературно-критического жанра эссе. В журнале «Коло» (1843) он напечатал эссе по вопросу о вкусе и стиле, выразив европейское понимание этих явлений. Как и Враз, Вукотинович занимался также литературной критикой.

Вукотинович в своем творчестве проявил широту литературных интересов, смелое новаторство, гражданское сознание. Он не всегда был самостоятельным, но тем не менее своими сочинениями прокладывал в хорватской литературе путь романтизму.

inslav

Видным культурным деятелем иллиризма был Димитрия Деметер (1811–1871). По национальности грек, он родился в Загребе в богатой торговой семье. Здесь же прошли его школьные годы. В Граце молодой человек слушал философию в 1827–1829 гг. и тогда же познакомился с Гаем. Затем он изучал медицину в Вене и Падуе, но врачебной практикой никогда не занимался. По возвращении в Загреб Деметер связал свою судьбу с иллиризмом, посвятив себя литературе и театру.

В 1849–1851 гг. Деметер редактировал оппозиционный орган «Зюдславише Цайтунг» («Южнославянская газета»).

В годы неоабсолютизма бывший иллир поступил на государственную службу, долгое время был редактором официальной газеты «Народне новине». В 1860 г. он перешел на работу в театр, став в 1864–1868 гг. его художественным директором. Его единственной любовью была актриса Франица Весел, трагически погибшая в 1852 г. После ее смерти Деметер был один. Он умер в Загребе.

На годы иллиризма пришелся подъем литературной деятельности Деметера. Его основными сочинениями были прежде всего две книги «Драматических опытов» (Загреб, 1838 и Вена, 1844). В первую из них вошли две драмы, представлявшие обработки пьес дубровницких авторов XVII в. Драма «Любовь и долг» была написана по мотивам «Зориславы» А. Гледжевича, а «Кровавая месть» – «Сунчаницы» И. Гундулича. Это были патриотические сочинения на исторические темы. Деметер внес в них пафос иллиризма – любовь к славянам, гордость за их героическое прошлое, призывы к единению. Вторую книгу составила драма «Теута». Драматургия на национальном литературном языке стала новым явлением в литературе Хорватии.

Но этими сочинениями литературный вклад Деметера не ограничился. Ему принадлежали также поэма «Гробницкое поле», напечатанная в журнале «Коло» (1842), четыре рассказа, вышедшие в альманахе «Искра» (1842, 1846), либретто первой хорватской оперы «Любовь и злоба» (1846), лирические стихи. Деметер занимался и редакторской работой. Одно время он редактировал «Даницу», «Новине», альманах «Искра». Писатель проявил себя также в публицистике, выступая автором газетных

inslav

статей и введя в 1849 г. фельетон в газету «Зюдславише Цайтунг». Хорватский деятель отдал дань лексикографии. В 1853 г. в Вене Деметер, Караджич, Петранович и Миклошич выпустили словарь юридическо-политических терминов.

Главное место в литературном творчестве Деметера заняли поэма «Гробницкое поле» и драмы. Гробник – это область в хорватском Приморье. Согласно преданию и традиции здесь хорватские войска нанесли в 1242 г. поражение монгольским полчищам, вторгнувшимся в Венгерское королевство. Деметер написал свою поэму в связи с празднованием 600-летней годовщины этой битвы.

Поэма «Гробницкое поле», созданная на историческом материале, была проникнута страстным воодушевлением мужеством и отвагой предков в защите своей родины и свободы. Она не имела жесткой фабулы, но представляла собой цепь картин. В композиции поэмы проявилось влияние поэтической манеры Байрона. Это был первый опыт такого рода в хорватской поэзии. Картины перемежались лирическими отступлениями автора. Одно из них, «Песня хорвата», стало известной будницей. Оно начиналось словами:

«Вольно в небе вьется птица,
Вольно зверь резвится в поле,
Мне ли в рабстве век томиться,
Мне ль страдать, живя в неволе?
Кто не хочет сбить оковы,
Нет в том нашей жаркой крови!»

(Перевод П. Дмитриева).

Драмы Деметера строились на романтических коллизиях. В основе первых двух лежали конфликты между близкими людьми, столкновение любви и долга, страдания невинных и их спасение в последний час. В драмах действовали загадочные герои, дети как плод страстной любви и т. д. Лучшей, наиболее зрелой и самостоятельной пьесой Деметера была трагедия «Теута». Она была написана в то время, когда вышел императорский патент о запрещении названия «Илли-

inslav

рия» и между ведущими деятелями движения проявились разногласия в понимании ситуации и дальнейших действий. Деметер выступил в пьесе с критикой корыстных личных интересов в ущерб общему делу.

Сам автор рассматривал «Теуту» как романтическую драму. Разделяя заблуждение о славянстве древних иллирийцев, он обратился к их истории III в. до н. э. Сюжетная линия пьесы состояла в любви иллирийской королевы Теуты к своему военачальнику Хварянину, развернувшейся на фоне противостояния иллирийцев Римской империи. Автор проводил мысль о губительном для свободного иллирийского государства раздора и предательств, приведших к победе римлян. Эта патетическая пьеса была полна напряжения, столкновения интересов, влияния высших сил на человеческую судьбу. Она завершалась гибелью героев. Драматургия Деметера испытала влияние как дубровницкой классики, так и европейского романтизма.

Писатель много выступал в печати в лице театрального критика. Его исходными принципами были патриотизм и желание помочь развитию хорватской сценической культуры.

Вукотинович, Деметер и Кукулевич-Сакцинский явились основателями в хорватской литературе жанра новелл. Деметер написал два рассказа на историческом и два – на современном ему материале. Они представляли собой свободные переводы или переработки сочинений других авторов. Рассказы «Вьюга» и «Одна ночь» напоминали рассказы Пушкина. Прозаические сочинения Деметера были выдержаны в романтическом духе, их основу составляли разного рода конфликты – между бывшими приятелями, отцом и сыном, истинными и ложными друзьями, умыкание невесты.

Эстетическая позиция Деметера состояла в признании народной поэзии как вершины поэтического выражения в сочетании с использованием языкового и художественного богатства дубровницкого наследия. Писатель занимался и переводами с итальянского языка.

Значительной и яркой личностью в общественно-политической и культурной жизни Хорватии XIX в. был Иван Кукулевич-Сакцинский, писатель, историк, либеральный дея-

inslav

тель освободительного движения (1816–1889). Он принадлежал к старинному дворянскому роду. Его отец Антун Кукулевич-Сакцинский в годы иллиризма возглавлял школьную сеть в Хорватии. Иван родился в Вараждине, гимназию закончил в Загребе, год изучал философию в Академии, затем по настоянию отца поступил в армию. Получив военное образование в кадетской школе в Кремсе, он стал офицером придворной венгерской гвардии в Вене. Перед ним открывалась блестящая военная карьера. Но в 1837 г. в столице состоялось его знакомство с Гаем, Караджичем, черногорским владыкой и поэтом Петром II Петровичем Негошем. Общение с ними круто изменило сознание офицера. Он начал сотрудничать в «Данице». В 1837 г. в журнале появилось первое стихотворение Кукулевича-Сакцинского на национальном литературном языке «Тоска по любимой». В 1839 г. в Загребе вышла из печати его драма «Юран и София, или Турки под Сисаком», проникнутая духом иллиризма. Иван Кукулевич-Сакцинский выдвинулся в ряд известных иллирских писателей.

В то время полк, в котором служил хорватский офицер, был переведен в Италию, и он оказался в Милане с его богатыми памятниками культуры. Здесь Кукулевич-Сакцинский принял судьбоносное решение – оставить военную службу. В 1842 г. он вышел в отставку и поселился в Загребе. Сначала нужно было обеспечить себе достойное материальное положение. Это могло дать место хранителя библиотеки загребской Академии. Но отец хотел видеть единственного сына на дворянской службе, и тот занял небольшую должность в управлении Загребской жупании.

В Загребе Иван Кукулевич-Сакцинский активно включился в политическую борьбу, став одним из ведущих деятелей либерального направления. Его дворянская родовитость давала ему возможность участвовать в работе дворянских собраний Загребской и Вараждинской жупаний, а также хорватского сабора. В 1843 г., как уже говорилось, он произнес знаменитую речь в саборе на национальном литературном языке, выразив надежду на его введение в официальную жизнь.

Статный, красивый человек, искусный оратор, убежденный в правоте национального дела, он производил силь-

inslav

ное впечатление на слушателей. Его общественный авторитет возрастал. И в 1845 г. Кукулевич-Сакцинский был избран уже дворянским собранием большим судьей Вараждинской жупании. В 1847 г в атмосфере приближающейся революции хорватский сабор после вдохновенной речи Кукулевича-Сакцинского единодушно постановил ввести национальный литературный язык вместо латинского в школы и учреждения Хорватии и Славонии.

Кукулевич-Сакцинский стоял у истоков новой хорватской литературы. Он был в числе национальных писателей, с именами которых было связано рождение в Хорватии оригинальной повести и драмы. Первой постановкой в годы иллиризма национальной драмы в Сисаке в 1839 г. была его пьеса «Юран и София, или Турки под Сисаком». Публика приняла ее с восторгом. В 1842–1847 гг. вышли из печати четыре книги повестей, драматических произведений и стихотворений Кукулевича-Сакцинского. Они несли патриотические идеи верности своему народу и родине.

Разделяя романтический постулат о необходимости соединения искусства с фольклором как богатейшим источником языка и художественности, Кукулевич-Сакцинский уделял большое внимание хорватскому фольклору.

В годы иллиризма хорватский деятель начал также серьезно заниматься историей. В 40-е годы он опубликовал в периодических изданиях несколько исторических работ, в том числе большую статью «Кое-что из истории Великой Иллирии». Исходя из мифического славянства древних иллирийцев, он представил выдающихся личностей иллирийского происхождения во времена Рима. Их слава, в понимании автора, должна была означать величие самого народа. В 1847 г. Кукулевич-Сакцинский вошел в комитет, на который хорватский сабор возложил задачу сбора и издания памятников хорватского государственного права.

Кукулевич-Сакцинский выступал убежденным сторонником всеславянства. Он был в центре славянских связей иллиризма.

В революционном 1848 г. Кукулевич-Сакцинский был деятельным участником значимых событий: входил в состав хор-

inslav

ватской депутации, представившей императору «Требования народа», выступил инициатором созыва Славянского съезда в Праге и был членом хорватской делегации на нем, участвовал в работе хорватского сабора. Одно время Кукулевич-Сакцинский редактировал газету «Славенски Юг». Всюду и везде он отстаивал либеральные принципы. В 1850 г. он среди других хорватских и сербских писателей и ученых подписал историческое соглашение о сербскохорватском языке.

В годы неоабсолютизма Кукулевич-Сакцинский целиком отдался науке, в основном истории. В 1850 г. он выступил основателем в Загребе «Общества югославянской истории и древностей» и стал его бессменным председателем. По инициативе ученого и под его редакцией выходил научный орган Общества «Архив югославянской истории». Вышли 12 книг этого издания, обогатившего историческую науку. Оставаясь верным южнославянской политической и научной ориентации, ученый помещал в «Архиве» материалы по истории южных славян. Он сочетал научную организаторскую и издательскую деятельность с руководством литературной частью Иллирской матицы (1851–1858), а затем возглавил Матицу хорватскую (1874–1878).

С изменением общественно-политической обстановки в Австрийской империи, с новым подъемом освободительной борьбы в ней Кукулевич-Сакцинский вновь оказался в центре событий. В 1861–1867 гг. он занимал должность великого загребского жупана, а в 1865 г. был наместником бана. Короткое время политик являлся ведущим деятелем «Самостоятельной народной партии», ориентировавшейся в водовороте острейших национальных противоречий на Вену. При этом Кукулевич-Сакцинский оставался приверженцем славянства, придавая особое значение общности южных славян. В славизме хорватского деятеля 60–70-х гг. соединялись общеславянский, австрославистский и балканский компоненты как формы реализации хорватских национальных интересов.

Кукулевич-Сакцинский был деятельным участником хорватской оппозиции, выступавшей против хорвато-венгерского Соглашения 1868 г. с его урезанной автономией Хорватии и Славонии в составе Венгрии.

inslav

Натура неуемной энергии, Кукулевич-Сакцинский не оставил при этом науки. В 1851–1886 гг. он издал первую хорватскую ретроспективную библиографию, многочисленные исторические труды, в их числе фундаментальные многотомные публикации источников по средневековой истории Триединого королевства. Тем самым были заложены источниковые основы хорватской исторической науки. Ему принадлежали также крупная работа по истории литературы первой половины XVII в. в Хорватии, четырехтомный «Словарь югославянских деятелей искусств» и многое другое. Кукулевич-Сакцинский был в числе основателей Югославянской академии наук и искусств в Загребе (1867) и университета (1874).

Человек широкого кругозора и разносторонних интересов, Кукулевич-Сакцинский до середины 70-х гг. занимался и литературной деятельностью. Писатель предпочитал исторические темы, разрабатывая их в романтической струе. Он переводил Коллара, обращался, давая их вольное толкование, к сочинениям Коцебу («Бела IV»), Байрона («Корсар»), Карамзина («Марфа Посадница»). В 1867 г. в Загребе вышла его драма «Потурченка», а в 1874 г. – «Патриотические песни», завершившие его писательскую деятельность. В творчестве Кукулевича-Сакцинского лучшие культурные традиции иллиризма перешли в новую, индустриальную эпоху.

Уйдя на пенсию, писатель жил в своем поместье в родном Загорье, где и умер.

Три брата – деятели иллиризма Антун, Иван и Матия Мажураничи происходили из хорватского Приморья, родились в селе Ново-Винодолско в зажиточной крестьянской семье. Антун стал видным филологом, Иван и Матия прославились на ниве литературы.

Иван Мажуранич (1814–1890) прожил долгую жизнь, сочетая литературу и политику. Он окончил начальную немецкую школу в родном селе, затем с успехом прошел гимназический курс в Риеке. На выходе из средней школы он знал немецкий, латинский, итальянский, венгерский, английский, французский и все славянские языки.

inslav

В 1833 г. молодой человек переехал в Загреб, где начал изучать философию, познакомился с Гаем и вошел в его круг. Он закончил философский курс как государственный стипендиат в лицее Сомбатхеля в Венгрии. В это время Иван Мажуранич начал серьезно заниматься литературой. В 1835 г. в «Данице» было опубликовано его первое стихотворение на хорватском языке «Приморац Данице». Он продолжил образование в загребской Академии по курсу права. После недолгой работы в качестве младшего преподавателя в местной гимназии в 1840 г. он сдал экзамен на адвоката.

Однако крестьянский сын не мог получить службу в Загребе, поэтому он переехал в торговый Карловац, где работал в городском магистрате до 1848 г. При этом Иван Мажуранич интенсивно занимался литературой и юриспруденцией. В 1841 г. он сдал экзамен в Пеште по вексельному праву.

Иван Мажуранич по убеждениям был либеральным деятелем иллиризма. В 1848 г. он принимал участие в работе хорватского сабора, был его делопроизводителем и составителем важнейших политических документов. И. Мажуранич выступил автором известной брошюры «Хорваты мадьярам», проникнутой идеями свободы и равенства. Он сотрудничал в газетах «Славенски Юг» и «Зюдславише Цайтунг».

После революции И. Мажуранич поступил на государственную службу. В 50-е годы он увлекся историческими исследованиями, сочетая это дело с работой председателя «Иллирской матицы» (1858–1872). В течение 10 лет, в 1850–1860-х гг., будучи генеральным прокуратором по Хорватии и Славонии, он занимался организацией судебной системы. В 1861 г. была учреждена хорватская придворная канцелярия в качестве посредника между двором и Хорватией. Мажуранич возглавлял ее до 1866 г. В 1873 г. он занял высокую должность бана Хорватии и Славонии и оставался на ней до 1880 г. Ориентируясь на тесный союз Хорватии с Австрией, хорватский политик возглавил Самостоятельную партию. Он умер в Загребе.

Иван Мажуранич был великим хорватским поэтом. Подъем его творчества пришелся на годы иллиризма. Он писал гражданские стихи, проникнутые всеславянством и идеями иллиризма. В стихотворении «Века Иллирии» поэт выска-

inslav

зал даже мессианистские мысли о предназначении славян. И. Мажураничу не чужда была любовная лирика. В сонетах он прославлял любовь и молодость. Лучшие любовные стихи поэта были посвящены сестре Деметера, на которой он женился. Стихотворное творчество И. Мажуранича включало также стихи «по случаю». Поэт занимался и переводами с латинского, итальянского и чешского языков. Это был ранний период его поэтического развития, протекавший под влиянием народной поэзии (в семье, в которой он вырос, почитали народную песню и творчество Качича Миошича), дубровницкой традиции и итальянской лирики.

Крупной работой поэта стало сочинение двух отсутствующих глав в поэме Гундулича «Осман». И. Мажуранич написал их в 1844 г. Он проявил глубокое знание дубровницкой классики, блестяще справившись с развитием содержания поэмы и освоив стилистику Гундулича. С помощью брата Антуна он снабдил поэму и словарем.

Но главным сочинением И. Мажуранича было пространное поэтическое произведение «Смерть Смаил-аги Ченгича», вышедшее в альманахе «Искра» в 1846 г. Идея целостности и национального единства южных славян определила повышенный интерес деятелей иллиризма к южным славянам, в том числе к соседней с Хорватией Боснии. Но в Хорватию сведения о ней поступали крайне скудными. Эта турецкая провинция оставалась для северных хорватов землей малоизвестной. Поэтому в 1839 г. Антун и Иван Мажураничи отправили своего младшего брата Матию, молодого человека двадцати двух лет, в Боснию с Герцеговиной для знакомства с ними и выяснения ситуации в них.

Матия Мажуранич не получил даже среднего образования, на него у семьи не хватило средств, и он довольствовался лишь начальной школой. Матия обучился ремеслу и стал кузнецом. Но отсутствие высоких знаний было восполнено природой, наделившей юношу умом, острой наблюдательностью и смелостью. Поездка Матии в Боснию продолжалась два года. Она была сопряжена с неимоверными трудностями и опасностями, представлявшими угрозу для его жизни. Но Матия был молод, была в его характере и склонность к аван-

inslav

тюризму. В результате он успешно выполнил поручение старших братьев.

Матия Мажуранич собрал огромный материал о положении Боснии. На его основе он написал книгу «Взгляд на Боснию», которая вышла под псевдонимом «Один патриот» в 1842 г. в Загребе. Эта книга произвела ошеломляющее впечатление на современников, особенно свидетельствами очевидца о произволе турок и их насилиях над христианами. Враз назвал книгу Матии Мажуранича лучшей прозой иллиризма [30]. В 1845 г. она вышла в переводе на чешский язык в Праге. Книга Матии Мажуранича значительно расширила знания общественности Хорватии о Боснии и приблизила к пониманию ее актуальных проблем. Это касалось и Ивана Мажуранича.

Между тем еще в начале 1842 г. в весьма видной немецкой газете «Аугсбургер Аллгемайне Цайтунг», которая получала материал и из Хорватии, было опубликовано в оригинале и немецком переводе пространное и очень сильное стихотворение граничарского офицера Утешеновича, серба, страстного сторонника иллиризма, «Эхо с Балкан» о страданиях славян под турецким господством. А в конце того же года газета поместила призыв, который начинался словами: «Европейцы! Вы заботитесь, чтобы животные не терпели жестокости от людей, а о несчастных христианах, людях, ваших братьях не заботитесь». В 1842 г. Гай в своей «Данице» опубликовал стихотворение Утешеновича в оригинале, на новом литературном языке. Оно произвело сенсацию. Дворянская скупщина Вараждинской жупании обратилась к Меттерниху с представлением обратить внимание на бедных христиан в Турции [31]. Тема мученичества христиан под властью турок вошла в хорватскую литературу и политику.

Еще в конце 1840 г. газета Гая и другие хорватские и сербские издания оповестили о гибели на Гацко-поле герцеговинского паши, известного турецкого героя Смаил-аги Ченгича от рук черногорцев во время сбора подушной подати – харача с христиан [32]. Он стал особенно знаменит среди турок после битвы с черногорцами при Грахове (1836), когда по-

inslav

гибло много христиан, среди которых были члены правящего рода Негошей.

Совокупность этих обстоятельств и событий подтолкнули Ивана Мажуранича к созданию поэтического произведения «Смерть Смаил-аги Ченгича». При этом он воспользовался рукописным материалом брата Матии, не вошедшим, видимо, по цензурным соображениям, в вышеназванную книгу. Это было описание жестокого сбора харача на Жепачко-поле [33].

Произведение И. Мажуранича не имеет жесткой фабулы. Оно состоит из пяти картин: Тирания, Полуночник, Отряд, Харач и Рок. В первой сцене раскрывается характер Смаил-аги Ченгича. В ней показано, как в башне знаменитого турка зверски мучают и казнят пленных черногорцев и, с другой стороны, нарисованы черногорцы – непобедимые борцы за честь и свободу родины. Вторая сцена посвящена Новице, сыну Ченгича, который в одну зловещую ночь переходит из стана отца к мстителям, из тени к свету. Третья песня рассказывает о формировании отряда для мести Ченгичу. Автор выводит на сцену коллектив, который представляет образ народа. Важную идейную нагрузку несет в этой картине личность старого священника, который произносит страстные слова о родной земле, любви к ней и патриотической обязанности человека. Четвертая, центральная, часть произведения – Харач – повествует о сборе турками с христиан подушной подати. Автор перенес действие на Гацкополе (поле близ местечка Гацка), которое ассоциировалось с Ченгичем. Эта часть начинается словами:

«Поле Гацкое прекрасно,
Если люди там не голодают
И не мрут они в неволе лютой!
Но тебя, несчастное, попрали
Злые турки, грозное оружье,
Белые шатры и борзы кони,
Кандалы и тяжкие оковы.
Почему там турки и оружье?
Почему шатры и борзы кони,
Кандалы и тяжкие оковы?

inslav

Смаил-ага подать собирает
В поле Гацком и вокруг далеко».

(Перевод В. Зайцева).

В этой картине раскрывается глубина конфликта между христианами и турками. Наконец, пятая песня – эпилог – это гибель Смаил-аги Ченгича от рук мстителей.

Произведение Ивана Мажуранича, как это свойственно искусству, получило обобщающий характер. Смаил-ага Ченгич – это образ насильника вообще. Конкретный факт сбора харача приобрел значение страданий угнетенного народа под чужеземной властью и его героической жизни в нечеловеческих условиях. Смерть Смаил-аги звучала как гимн свободной жизни, веры в неизбежную гибель турецкой тирании. Произведение И. Мажуранича носило мажорный характер, вселяя в соотечественников уверенность в победу правды и справедливости, в собственный народ.

В художественном отношении в главном сочинении И. Мажуранича соединились три стилистических компонента. Еще в начале своего сотрудничества в «Данице» автор отдал дань народной песне. В 1836 г. он поместил в журнале стихотворение, написанное в народном духе – «Ненадович Радо». В сочинении Смерть Смаил-аги Ченгича писатель применил десетерац – народный стих, хотя метрика произведения была изменчива в зависимости от динамики содержания текста, от нужного ритма. Использовал автор и другие приемы народной поэзии (устойчивые словесные обороты, повторения, фигура проклятия и пр.).

Иван Мажуранич всегда был приверженцем традиции дубровницкой классики, чему способствовало глубокое его проникновение в творчество Гундулича. И его рассматриваемое произведение представляло живую связь с наследием.

Композиция поэтического сочинения построена по примеру Байрона – нанизывание картин вместо фабулы. И. Мажуранич творчески развивался в русле европейского романтизма.

inslav

При всем разнообразии поэтических влияний, которые испытал автор, он создал произведение глубоко самобытное, самостоятельное, освоив и переработав их в соответствии с обстоятельствами современной жизни хорватов, велениями времени и своим внутренним творческим строем.

Поэтическое сочинение Ивана Мажуранича «Смерть Смаил-аги Ченгича» выдержало более 150 изданий, в том числе в переводах на многие языки. Оно неоднократно в отрывках выходило и в русском варианте. Это произведение получило широкое общественное признание и стало блистательным вкладом хорватов в мировую литературу.

И. Мажуранич занимался также лексикографией. В соавторстве с Я. Ужаревичем он создал «Немецко-иллирский словарь» (1842), первый такой в Хорватии.

В творчестве Ивана Мажуранича получили самое сильное поэтическое выражение настроения и идеалы передовых участников иллиризма: их неприятие тирании и насилия, страстное желание свободы для своей родины, вера в народ.

Известным писателем в годы иллиризма был Антун Немчич-Гостовинский (1813–1849). Он родился в дворянской семье, в родном поместье Эдде в Венгрии. Его детство прошло в Лудбреге и Копривнице. Гимназию молодой Немчич закончил в Вараждине, а философию и право изучал в загребской Академии. Он рано примкнул к иллирскому движению, начав в 1839 г. печататься в «Данице». Немчич служил мелким чиновником в суде, был котарским (уездным) судьей в Нови-Марофе, секретарем в разных учреждениях. В 1848 г. он стал депутатом хорватского сабора. В 1849 г., будучи секретарем Крижевацкой жупании, Немчич находился в служебной поездке в Подравине. Здесь он заболел холерой и умер в Крижевцах.

Немчич жил вдали от Загреба с его бурными политическими страстями, и это обеспечивало ему свободу действий. По натуре это был человек собранный, сдержанный и даже замкнутый, что сказалось на его поэтическом творчестве, которое тяготело к рационализму. Но оно было отмечено и взлетами романтической поэзии. Наиболее известным было его стихотворение «Гимн жертвам 28 июля 1845 г.». Пользовалось

inslav

популярностью также его стихотворение «Могила монаха» – баллада о судьбе предателя. В нем были сильные слова:

«Прощены могут быть грешники,
Насильники и убийцы.
Прощены все, все,
Только не предатели!».

В 1851 г. в Загребе М. Богович посмертно издал стихотворный сборник А. Немчича под названием «Песни». Немчич проявил себя в поэзии как романтик, последователь немецкой школы.

Но писатель уверенно вошел в историю хорватской литературы прежде всего как один из основателей нового прозаического жанра – путевых записок. В 1845 г. в Загребе вышло его сочинение, явившееся результатом путешествия автора по северной Италии, Славонии и Сербии. Образцами для хорватского писателя послужили «Сентиментальное путешествие» Стерна, соответствующее сочинение Гейне, заметки об Италии Коллара и др.

«Путевые заметки» Немчича – сочинение одухотворенное, отмеченное свежими красками и свободой писательской мысли. С особой любовью и восхищением автор описал в нем красоты Хорватии. Немчич включил в него свое лучшее лирическое стихотворение, посвященное Родине:

«Вверху небо высокое,
Внизу море глубокое.
А я между ними
В ночной тишине
Думаю о тебе,
Моя единственная
Любимая родина».

Так естественно, искренне и просто поэт выразил патриотические чувства.

В описании Италии Немчич обнаружил хорошее знание литературы и изобразительного искусства. Он тонко чувство-

inslav

вал музыку, понимал язык живописи и архитектуры, живо писал о театре. В отличие от Матии Мажуранича с его жестким взглядом на Боснию, Немчич описал северную Италию эмоционально, отдавая должное красоте ее рукотворных памятников. Писатель проявил в «Путевых заметках» наблюдательность, лиризм и романтическую иронию над прозой жизни.

Посмертно в 1854 г. в Загребе была издана комедия Немчича «Закваска без хлеба, или Кто будет великим судьей». Это было первое в хорватской драматургии сочинение на современную тему. Комедия была построена на закулисных интригах при выборах главы местной администрации. Немчич предпринял также первую попытку в Хорватии написать роман – «Людской удел», но он остался незавершенным.

Немчич занял в истории хорватской литературы место в первом ряду писателей иллиризма. Он выступил как новатор литературных форм, одухотворенный патриот, проницательный талант, отразивший свое время.

Свой вклад в развитие поэзии внесли в годы иллиризма М. Богович, выпустивший в 1844 г. сборник «Фиалки», а в 1847 г. сборник «Цветочки». В 1846 г. с выходом в свет в Задаре книги П. Прерадовича «Первенцы», в которую автор включил патриотическое стихотворение «Родина» (оно было удостоено монаршей награды – золотой медали), начался творческий путь поэта, ставшего гордостью хорватской литературы. Утешенович издал «Вилу Острожинскую», И. Трнски – поэтический сборник «Песни». В Далмации видной поэтессой была Анка Видович (из Шибеника). В 1841 г. в Задаре появилось ее сочинение «Анка и Станко», написанное десетерцем. А. Видович одна из первых приняла в Далмации иллиризм [34].

В период иллиризма были заложены основы литературной критики. Она была связана в первую очередь с именем Станко Враза. В журнальных статьях и заметках он с целью приближения литературы к народу впервые поставил большой теоретический вопрос о «народности» литературы. Поэт призывал писателей к естественности, простоте и безыскусности языка и содержания литературных произведений. Но это не означало упрощенчества и примитивизма. В оценке сочинений критик исходил из их соответствия духу и языку

inslav

народной поэзии. С критическими статьями выступал также Л. Вукотинович. Принимая во внимание потребность консолидации патриотических сил в деле развития национальной литературы и повышения культурного уровня народа, он высказывался в пользу «здоровой», но не агрессивной критики. При этом вслед за Караджичем он также призывал писателей придерживаться «всего народного». Были сделаны первые шаги и в области эстетики [35].

Проникавшиеся романтическим мышлением, писатели иллиризма всерьез обратились к народному творчеству как богатейшему источнику развития национальной культуры. Они осознали, что создание и развитие литературного языка невозможно без использования всех богатств фольклора. «У народа находится материал, – писал Вукотинович, – который мы должны обработать» [36]. Деятели иллиризма рассматривали произведения народного творчества как важное средство воспитания патриотизма, свободолюбия и жизнестойкости у соотечественников. Главное – произошла переоценка фольклора. Народные произведения получили равный статус с высокой литературой.

Деятели культуры, проявляя интерес к духовной жизни простого народа, собирали и публиковали народные песни, использовали народные темы, мотивы и художественные приемы в своих произведениях. Народные песни печатались в периодических изданиях иллиризма. В 1839 г. Враз опубликовал сборник «Народных иллирских песен», посвятив его Караджичу. Это были песни, собранные поэтом в Штирии, Каринтии и Крайне, а также в западных районах Венгрии. В 1842 г. в Осиеке появился сборник хорватских народных песен с описанием обычаев, записанных в Славонии священником и поэтом М. Топаловичем и его друзьями. В 1846 г. Кукулевич-Сакцинский выпустил в свет «Народные песни народа хорватского». Деятели иллиризма собирали и издавали не только крестьянские, но и городские песни. В 1844–1847 гг. Лука Илич Ориовчанин издал четыре книги «Славонских городских песен». Представители хорватского национального Возрождения описывали и изучали народные говоры, собирали народные мелодии. Зарождалась фольклори-

inslav

стика как наука о фольклоре. Ориентация национальной литературы на народное творчество в качестве базиса литературного процесса означала обретение ею черт народности.

В годы иллиризма сложилась хорватская литература национального времени. Выросло число светских писателей, а с ними – общий объем литературы. Получили развитие все три литературных рода – поэзия, проза и драматургия. Каждый из них обогатился новыми жанрами. Произошло полное обновление литературы. Новая литература отличалась богатством идейно-тематического содержания и жанровым разнообразием; передавая всю палитру мыслей, чувств и переживаний современников, она находилась в гуще событий своего напряженного времени и была обращена к нации.

В первой половине XIX в. в духовной жизни хорватского общества протекал процесс переосмысления жизненных ценностей. Литература иллиризма вырабатывала и пропагандировала принципиально новые ценностные ориентиры и устанавливала иерархию ценностей. Литература во всех ее видах и жанрах, но прежде всего публицистика и гражданская поэзия, признала важнейшими ценностями родину, национальный язык и свободу. И. Ткалац писал в мемуарах о зачинателях иллиризма в 30-х гг.: «Родина была для них Бог...» [37]. Вся гражданская поэзия иллиризма была проникнута любовью к Родине. Особый смысл и ценностный характер приобрела славянская взаимность. Большую важность получили гражданский долг, единение на основе национальной идентичности, коллектив. В литературе воспевались мужество и стойкость предков в борьбе с угнетателями. Лирическая поэзия пропагандировала как одну из духовных ценностей любовь, понимаемую как возвышение души. Все это сделало литературу важным фактором обновления и обогащения жизни и продвижения национальной идентичности.

Важнейшим явлением литературной жизни в годы иллиризма была ее демократизация. На смену церковному преобладанию в Хорватии создателями новой литературы выступила плеяда небогатых дворян и интеллигенции, которая образовала литературную среду. Они были молоды, в возрасте 25–30 лет, полны энергии и проникнуты сознанием своего

inslav

высокого предназначения в жизни. Это были основные авторы печатной продукции, которые в большой степени способствовали своими произведениями преодолению регионализма и созданию единого хорватского культурного пространства. С другой стороны, благодаря общехорватскому литературному языку, вытеснявшему из литературной сферы латынь, расширился читательский круг, демократизировался адресат печатной продукции.

Иллиризм – это было главное, что определяло в то время характер и темпы развития литературы. Рожденная и крепнувшая на волне общественного движения национальная литература была проникнута его идеями. Произведения иллирских писателей были окрашены патриотизмом, свободолюбием, веротерпимостью, единением. В 30–40-х гг. XIX в. из разноликого лагеря противников иллиризма не вышло ни одного писателя, ни одного литературного произведения. В этих условиях иллирская литература, при всех идейных расхождениях между писателями, жанровом и стилистическом разнообразии сочинений, представляла компактную массу. Она заражала энергией и оптимизмом. Все это увеличивало ее роль и место в общественной жизни, в формировании национальной культуры и развитии связей с другими народами. Натиск новой культуры на общество был столь значителен и столь силен, что накануне 1848 г. в Хорватии были вынуждены признать национальный литературный язык даже убежденные сторонники кайкавщины.

В литературе иллиризма сочетались своеобразие художественного мышления хорватских писателей, порожденное внутренними условиями жизни, и общеевропейские черты, свойственные литературе Нового времени. Это касалось прежде всего освоения романтической эстетики.

Годы иллиризма были временем смены эстетических принципов в литературе, временем утверждения романтизма, на данной культурной стадии наиболее отвечавшего потребностям более глубокого познания мира и человека. В хорватской литературе проявилось два романтических направления: одно опиралось исключительно на народное творчество, другое – признавало для молодой литературы

inslav

важность также дубровницкой классики XVI–XVII вв. с ее эпической традицией.

В писательской среде иллиризма не было единства взглядов относительно направления развития литературы, особенно поэтической. Враз, находивший поддержку со стороны Шафарика и Коллара, представлял точку зрения, согласно которой она должна была опираться на народное творчество и стремиться к сближению с народным языком и поэзией [38]. Другая группа писателей во главе с драматургом Деметером стремилась к сочетанию народного опыта с освоением поэтического мастерства далматинско-дубровницкой поэзии Ренессанса и барокко XVI–XVII вв. Деметер в статье «Гундулич», написанной в связи с 200-летней годовщиной со дня смерти поэта, поставил Гундулича рядом с Гомером и Данте и выше Байрона [39]. Влияние дубровницкой школы испытало на себе творчество самого Деметера, а также поэтов И. Мажуранича, Вукотиновича, Трнски. В основе этой позиции лежало стремление теснее связать новую хорватскую литературу с богатым высокохудожественным литературным прошлым и тем самым сделать ее позиции более прочными, а также облегчить литературно-языковое сближение хорватов севера и юга. Возрождение классики и знакомство с нею широкой читательской публики были необходимыми условиями культурного подъема северохорватского общества. Однако подражание стародавней поэзии не отвечало направлению развития литературы в Новое время с ее включением в общеевропейский романтический процесс.

В годы иллиризма существовала также внестилевая религиозная поэзия (П. Штоос, М. Топалович). Она отличалась от традиционных католических песнопений своей патриотической тональностью.

В идейной системе иллиризма, при том что взгляды участников движения были разные, не последнее место занимали исторические мифы. Это обстоятельство, как и влияние дубровницкой традиции, а также характер романтического мышления с его идеализацией старины определили характерную черту иллирской литературы – серьезную роль в ней исторической тематики. На историческом материале бы-

inslav

ли созданы значительные произведения того времени: драма «Юран и София» Кукулевича-Сакцинского, поэма «Гробницкое поле» и трагедия «Теута» Деметера. Синтез историзма и свободолюбия пронизывал поэтическое сочинение И. Мажуранича «Смерть Смаил-аги Ченгича». Почти вся оригинальная новеллистика в годы иллиризма была построена на историческом материале. На исторических примерах, реальных или мифических, писатели пропагандировали идеи согласия, героизма, веротерпимости, гордости за своих предков. В хорватских условиях обращение писателей к истории, героическим образам и страницам прошлого, национальным традициям утверждало права народа в настоящем и служило моральной опорой в противостоянии угнетению.

В новой хорватской литературе было отчетливо выражено лирическое начало. Не в последнюю очередь это объяснялось молодостью писателей, но главное было в характере романтической эстетики с ее приматом сердца и чувств. В литературе не только особо выделилась поэтическая лирика, но лиричность окрасила и прозу («Путевые заметки» Немчича-Гостовинского), лирические отступления (столь характерные для романтизма) проникли и в эпическую поэму («Гробницкое поле»). Лиризм сделал новую литературу проникновенной и близкой переживаниям простого человека.

Литература иллиризма не знала свойственного европейскому романтизму индивидуализированного героя, стоящего над толпой. Лирический герой в ней был наделен чертами борца с угнетением. Вместе с тем хорватские писатели, прежде всего И. Мажуранич, разделявшие концепцию единения и согласия общества, выдвинули коллективного героя – народ. Это укладывалось в психологию народной поэзии.

Иллирской поэзии была знакома меланхолия и грусть. Но общий ее настрой, начиная с даворий и до поэтического сочинения «Смерть Смаил-аги Ченгича» был мажорный. Писатели, свободные от «мировой скорби», призывали к активной деятельности на благо народа, верили в торжество патриотических идеалов, в будущее Хорватии.

Литературный фонд, основу которого составляли оригинальные сочинения хорватских писателей, пополнился в годы

inslav

иллиризма также переводными произведениями. Романтизм расширил связи между европейскими литературами. Хорватские писатели переводили со славянских, особенно русского, языков, а также с немецкого, французского, английского и итальянского. Переводческая деятельность носителей иллиризма способствовала более глубокому восприятию общечеловеческих культурных ценностей, пониманию состояния и задач самой национальной литературы, служила обогащению хорватского культурного фонда, помогала совершенствованию нового литературного языка и упрочивала позиции новой хорватской литературы в общеевропейском литературном процессе.

Новая литература выполняла важную коммуникативную функцию. В рассматриваемое время в хорватском обществе формировался общественный интерес, принципиально новое социальное явление. Писатели, литераторы, ученые были его оформителями и глашатаями. Общественный интерес сплачивал разрозненных индивидуумов в нечто целое с целью решения актуальных задач. Общественный интерес был связан с зарождением в Хорватии гражданского общества. Далмация и Истрия находились еще в стороне от этого процесса. Но в Хорватии тенденция была очевидна. Важная роль в ее развитии принадлежала литературной среде с ее творческим потенциалом.

В годы иллиризма хорватская национальная литература приобрела качественно новое состояние. Она носила переходный характер, как и само общество. Романтический вектор ее развития сочетался в ней с отголосками рационализма и классицистической поэтики. Она не обладала еще внутренней логической полнотой и завершенностью. Тем не менее национальная литература выступала важным фактором борьбы за свободу и обновление хорватского общества.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство в Хорватии в первой половине XIX в. переживало перемены как в тематическом, так и в стилевом отношениях. Уходили в прошлое доминация религиозной живописи, в которой барокко сменялось холодной

inslav

эстетикой назарейской школы, и преобладание портретов аристократии в светском направлении искусства. Постепенно в портретной живописи возрастало число портретов горожан, что отражало расширение круга заказчиков [40].

В прошлые времена в Хорватии эстетические потребности аристократии и богатых дворян в произведениях искусства удовлетворялись путем ввоза их из Австрии и Венгрии. В Хорватии в свою очередь трудились австро-немецкие и словенские мастера. Здесь не сложилась национальная школа живописи.

Такая практика продолжилась и в первой половине XIX в. Репрезентативные портреты по заказу исполнялись в Вене, отчасти в Пожуне или Пеште. В Загреб приезжали из соседних провинций художники и работали здесь короткое или длительное время. Они писали портреты аристократов и дворян, членов их семей, но также и горожан. Некоторые живописцы прибывали в Загреб по прямому приглашению. Так, молодой художник Ф.Г. Вальдмюллер, ставший в дальнейшем одним из самых крупных венских художников, начал свою деятельность как живописец именно в Хорватии. Он провел в Загребе три года (1811–1814), обучая рисованию детей бана. Он создал портреты бана и его семьи.

Заметный вклад в портретную живопись внес словенец Михаел Строй, получивший образование в Вене. Он приехал в Загреб в 1830 г. и прожил здесь 12 лет. Его кисти принадлежали портреты аристократов, церковных лиц, многих имущих горожан и, главное, многих деятелей иллиризма, так что из его работ сложилась целая галерея лиц хорватского Возрождения. Это были сильные личности, с большой волей и целеустремленностью. Портреты, выполненные Строем, отличали умелая техника и чувство современности художника. Сразу же по отъезде Строя из Хорватии в Загребе появился новый художник, выходец из словенских провинций Матия Бродник. Римский ученик, он оставался в Загребе вплоть до своей кончины, последовавшей в 1845 г. За несколько лет он создал большое число портретов, работал и в религиозной живописи. В 1842 г. художник создал знамя с иллирским гербом.

inslav

Художественную жизнь Хорватии обогатил чех Ф. Виехл, получивший образование в Вене. Этот талантливый портретист в течение ряда лет пребывания в Загребе продолжил опыт Строя и создал портреты выдающихся деятелей иллирского движения (Я. Драшковича, Л. Вукотиновича, А. Враницани и др.). Он также копировал произведения дубровницкой живописи и особенно преуспел в создании женских образов.

Работавшие в Загребе приезжие художники создавали, кроме портретов, и жанровые картины. Их общественное положение было скромным. Они рассматривались как хорошие ремесленники. Невозможность материально обеспечить свою жизнь за счет заказов заставляла их заниматься разными другими делами [41].

В других хорватских провинциях и городах также трудились свободные художники, временно или постоянно проживавшие там. Они работали в портретном жанре и религиозной живописи. Но в Славонии с 30-х годов XIX в. благодаря учителям рисования в Осиеке братьям Ф. и Х. Конрад фон Хётцендорф стал развиваться пейзажный жанр. Далмация с Дубровником, а также Приморье находились во власти итальянского влияния. Здесь были итальянские мастера, и в Италию ездили на учебу местные жители провинций. В Далмации интересным явлением были художники – любители, которые в одних случаях успешно, в других – наивно разрабатывали свежие темы: выполненные рисунком и акварелью ведуты городов, передающие виды местности, сцены городской жизни, лица современников [42].

В рассматриваемое время в Хорватии существовали мелкие мастерские репродуктивной печати. В 1840 г. в Вараждине была открыта первая в провинции литографская мастерская. Она принадлежала типографу Й. Платцеру. Но наиболее ответственные работы по-прежнему выполнялись и тиражировались в Вене [43].

Первым национальным художником был Векослав Карас (1821–1858). Сын бедного ремесленника в Карловаце, он не имел средств получить образование. Но нашлись патриоты – любители искусства, которые отправили его за свой счет в 1838 г. на учебу в Италию. Он постигал тайны живописи в

inslav

Милане, Флоренции, Сиене, Перудже путем копирования произведений итальянских художников Возрождения. В Риме Карас вошел в круг мастеров назарейской школы, под влиянием которых создал полотно «Моисей, оставленный матерью на берегу реки» (1842–1843). Здесь же молодой хорват лично узнал русского художника Александра Иванова.

Будучи в Италии, Карас обращался и к образам реального мира. Он делал зарисовки и писал акварели с натуры. Это были народные типы, уличные жанровые сценки. В 1845–1847 гг. художник создал портрет «Девушка с лютней», который свидетельствовал о зрелости мастера. Он сосредоточил внимание на внутреннем мире натуры, используя при этом яркие насыщенные краски.

Карас пробыл в Италии 10 лет. Но меценатская помощь не могла быть бесконечной, и в 1848 г. художник вернулся в Хорватию. Он успел здесь написать портрет Враза. Но шла война, и к искусству было мало интереса в обществе. Карас не смог обеспечить себе даже скромное существование. Какое-то время у него блеснула надежда занять место учителя рисования в загребской городской школе, но она не осуществилась. И он принял приглашение посетить Боснию.

В Боснии Карас стал домашним художником у Омер-паши. Он занял во дворце сераскера особое положение, хорошо зарабатывал, написал удачный портрет Омер-паши. Казалось, Карас обустроил свою жизнь. Но Омер-паша был вызван в Стамбул. Карас не мог сопровождать его в военных походах и, богато награжденный, вернулся на родину.

Карас поселился в Карловаце и первое время писал психологические портреты богатых горожан. Это сблизило его с жизнью. Одной из лучших его работ этого времени считался автопортрет, который не сохранился. Но очень скоро заказчиков почти не стало. Местное общество проявляло равнодушие к жизни и таланту художника. Карас перешел к патриотической тематике в своих произведениях. Он написал картину с изображением Гундулича и вилы в момент передачи поэту лиры. Далее он создал акварельную сцену по песне Прерадовича «Дед и внук», проникнутую поэтическим духом. В акварели же художник изобразил пастушку из Лики

inslav

в народной одежде. Карасу принадлежало также большое полотно «Прощание сережанина» с 16 персонажами из жизни Военной Границы. И все же талант хорватского художника полностью не раскрылся. Его искусство развивалось в реалистическом направлении.

Не встречая понимания и поддержки со стороны общества, Карас постоянно испытывал материальные трудности. Он каждодневно боролся с нищетой. В 1856 г. художник приехал в Загреб в надежде изменить свою жизнь к лучшему. Но обстановка в городе была унылая. Картин никто не покупал, так как считалось – дорого. По совету друзей Карас решил разыграть две картины «Гундулич и вила» и «Дед и внук» посредством лотереи, так как покупателя на них не нашлось. Трудные условия жизни усугубились личной драмой художника. Он находился в глубокой депрессии. В 1858 г. Карас покончил жизнь самоубийством [44].

В первой половине XIX в. светская скульптура в Хорватии была представлена прежде всего бюстами высокопоставленных местных лиц работы зарубежных мастеров в классицистическом стиле.

В поместьях аристократии (Брезовица, Баллогови-двори близ Самобора, Янушевац, Опека) и в городах Загребе, Вараждине, Карловаце развивалось садово-парковое строительство в английском стиле. В Загребе большой парк был заложен епископом Врховцем еще в конце XVIII в. Он получил по имени епископа (Максимилиян) название Максимир. Парк задумывался в барочном стиле. Но Врховец провел лишь подготовительные работы. Затем парк перешел в руки епископа Алаговича, наконец, Хаулика. А для его обустройства потребовались большие деньги и специалисты. По своему размеру и красоте он стал самым богатым и великолепным пейзажным парком в Хорватии, известным за ее пределами.

Окончательный вид Максимир получил при епископе Хаулике в 30–40-х годах XIX в. Планировка парка была осуществлена австрийским садовым архитектором И. Риедлом. Архитектурные сооружения – въездной ансамбль, вилла, башня обозрения, все павильоны – были возведены по плану и под руководством Ф. Шюхта. Но исполнителями являлись

inslav

загребские мастера. Пейзажный парк был связан с романтизмом. Максимир был насыщен произведениями строительного искусства. Среди них выделялись швейцарский домик, пасторальная сельская хижина, живописные павильоны, 60 мостов. На территории парка располагались и хозяйственные объекты – молочная ферма, пивоварня, лесопилка, шелкопрядильня, пасека и др. Парк украшали скульптуры, фигурные группы, вазы, выполненные в стиле классицизма. В концепции парка сочетались классицистические и романтические черты.

Парки во владениях аристократов также носили пейзажный характер в английском стиле и были украшены классицистическими статуями, вазами работы зарубежных мастеров.

В меньшей мере светская скульптура присутствовала как декорация архитектуры. В частности, две аллегорические фигуры в нишах фасада украшали здание «старого театра» на Градеце.

В церквах изменился тип алтаря: исчезли многоярусные алтари с множеством статуй. Это снизило место и значение скульптуры в церквах. Классицизм в церковной пластике проявился в статичности фигур, жесткой моделировке, угловатости складок одежды, маньеристических пропорциях. Между тем некоторые скульпторы, прежде всего Матия Галл из Орможа, работавший в вараждинском округе и Меджимурье, решениями костюма и прически, в целом сентиментальной мягкостью фигур вносил и в скульптуру элементы бидермейера.

Классицистические черты алтарям и кафедрам, с которых произносились проповеди, придавали декоративные детали – вазы, урны, угловые волюты – и особенно орнаменты в виде венков и гирлянд с лавровым листом и др. Эти мотивы сохранялись и с наступлением романтизма.

В Загребе и его округе работали скульпторы Мартин Гигл, Йосип Капст, Якоб Голднитцер, Андреас Погнер и др. [45].

В изобразительном искусстве Хорватии и Славонии в период национального Возрождения преобладала живопись с преимуществом портретного жанра. Практически отсутствовали пейзаж и бытовая живопись, исключительным явлением

inslav

была историческая тематика. Стилевые перемены в портретной живописи проявлялись в отходе художников от барочной композиции и придании классицистических черт в изображении фигур, лица и костюмов. В камерных портретах было влияние венского бидермейера, проявившееся в мягкой манере, в общем интимном тоне портрета. В последние годы национального Возрождения в живопись стали проникать элементы европейского романтизма. Его провозвестником в Хорватии стал первый национальный художник В. Карас. Он ввел в живопись фольклорные и национальные образы. В его творчестве сочетались черты классицизма и романтизма. Стилевое преображение скульптуры протекало под знаком классицизма, черты которого налагались на уходивший с исторической арены стиль барокко. В садово-парковом искусстве классицизм сочетался с романтическими чертами. В хорватском изобразительном искусстве классицизм не сложился в стилевое самостоятельное художественное направление. В целом для хорватского изобразительного искусства периода национального Возрождения было характерно сосуществование элементов разных стилей, при отсутствии преобладания и четких признаков одного из них. Это объяснялось провинциализмом Хорватии, отсутствием традиций самостоятельной художественной школы, преимущественным влиянием венского искусства с характерным для него смешением стертых стилевых форм.

Музыка

С окончанием наполеоновских войн и установлением стабильного мира в Хорватии оживилась музыкальная жизнь. Это особенно наблюдалось в Загребе. Здесь участились оперные представления, которые давали иностранные передвижные труппы. Большей частью ставились оперы Дж. Россини – «Итальянка в Алжире», «Сорока-воровка», «Моисей в Египте», «Вильгельм Телль», исполнялись также оперы других известных композиторов – В. Беллини, Ф. Обера, с успехом шла опера В.А. Моцарта «Дон Жуан» и др. Постепенно операми стали дирижировать местные маэстро.

inslav

По разным торжественным случаям в Загребе и других городах устраивались академии – концерты с декламацией и музыкальными классическими номерами. Это были оркестровые сочинения – части симфоний, оперные увертюры, концерты для рояля, флейты; вокальные номера – арии из опер, хоры и т. д. Пышные концерты проходили во дворцах аристократии и епископа. В Загребе число музыкантов – исполнителей, любителей и профессионалов, было довольно большим. С ними сотрудничали военные оркестры. Это позволяло исполнять крупные произведения. В 1816 г. была исполнена оратория Й. Гайдна «Семь слов Спасителя на кресте», в 1819 г. – «Реквием» Моцарта, в 1821 г. – «Сотворение мира» Гайдна [46].

Церковная музыкальная жизнь была наиболее активной в Загребе, при кафедральном соборе. В последних десятилетиях XVIII – начале XIX вв. произошли изменения в церковной службе. Центральной властью были изданы постановления, направленные на унификацию католического богослужения в государстве. Так, в 1783 г. Иосиф II ввел новый порядок мессы, согласно которому были жестко сокращены литургические тексты и проповеди и установлены единые напевы для всех епископий в монархии. В 1785 г. в Загребе был напечатан первый «государственный» сборник для Хорватии с прописанными напевами. Одновременно запрещались все ранее существовавшие песенные сборники и напевы. Иосиф II унифицировал также обрядовый порядок во всех епископиях. В соответствии с этими постановлениями епископ Врховец отменил в 1788 г. особый обрядовый порядок в Хорватии. Тем самым утратила практическое значение Cithara octochorda. И в начале XIX в. по распоряжению того же Врховца был напечатан новый сборник молитв на кайкавском диалекте [47].

Церковное пение во время богослужения исполнялось силами каноников и клириков. Стольной церкви полагалось иметь органиста и шесть постоянных певцов. В начале XIX в. чешские певцы заменили в Загребе немцев. В начале 1820 г. был принят в хор Юрай Карло Виснер Моргенштерн (1783–1855). Он происходил из города Арада (Венгрия) и прибыл в

inslav

Хорватию в качестве секретаря графа Эрдеди. Это был образованный музыкант, которому было суждено сыграть видную роль в развитии музыкальной культуры в Хорватии до и в период иллиризма. Хористы были опорой музыкальной деятельности церкви, опорой хоров и больших вокальных ансамблей. В 1837 г. в заупокойной службе в связи с кончиной епископа Алаговича был исполнен «Реквием» Моцарта силами 200 музыкантов и вокалистов [48].

Новым явлением в церковной жизни стал сбор священниками и близкими к церкви лицами музыкального фольклора. Инициатива в этом деле исходила от епископа Врховца, который своим посланием к духовенству епископии в 1813 г. призвал его собирать народные песни. Так появилось несколько фольклорных сборников. В 1819 г. регент хора в церкви Суботицы Дж. Арнолд выпустил в Осиеке сборник собранных им церковных песен буневцев (жителей северной части Бачки). Тогда же появилось собрание хорватских народных напевов П. Хайбла. В 1823 г. жупник в Златаре Л. Форко напечатал сборник, включивший 14 песен с напевами. Францисканец М. Яич издал в Буде в 1827 г. (второе издание – 1830 г.) собрание церковных песен, которые имели хождение в простом народе в Славонии, Бачке, Банате и южной Венгрии. В 1830 г. францисканец С. Франкович записал несколько напевов близ Дубровника и на пограничье Герцеговины. Крупное издание вышло в Вене в 1847 г. под названием «Южнославянские народные песни». Оно принадлежало К. Катинелли-Бевилаква-Обрадичу, который записал в Пожеге и ее округе 25 мелодий и обработал их для фортепьяно [49].

Врховец внес свой вклад в фольклоризацию повседневной жизни. В 1818 г. он создал танец в духе народного коло: написал текст и положил его на мелодию распространенной народной песни «Заснул Янко». Дворянская молодежь, одетая в народные костюмы, исполнила его во время приема, устроенного епископом в своем дворце по случаю посещения Загреба императором Францем I и императрицей.

Позиция духовенства в отношении фольклора была сложной. Подлинные интересы католической церкви состоя-

inslav

ли в вытеснении его из быта простого народа и подмене церковным песнопением. В то же время фольклор был одним из отличительных признаков этноса. И в этом качестве – как внешняя этническая черта народа – он проникал в сознание священнослужителей в эпоху национального подъема. Но церковь, даже в годы иллиризма, не смогла подняться до признания народного творчества как национального достояния хорватов.

В 1827 г. в Загребе было образовано Общество друзей музыки (Musikferein). У его истоков стояли гитарист И. Падовец и Виснер Моргенштерн. Среди основателей Общества бо́льшую часть составляли местные торговцы. Вскоре в него вошли бан Гьюлай и епископ Врховец, а за ними последовали и многие видные лица. К концу первого года существования Общество насчитывало почти 100 членов: торговцев, ремесленников, представителей интеллигенции, граничарских офицеров, священников, дворян и аристократов, чиновников.

Общество имело собственный оркестр, состоявший из любителей и профессиональных музыкантов. Согласно статусу оно должно было два раза в месяц устраивать публичные концерты. Они давались в зале Королевской академии. Оркестранты участвовали также в музыкальном сопровождении театральных постановок.

Программа первого публичного концерта, устроенного Обществом 18 марта 1827 г., включала увертюру к опере Моцарта «Дон Жуан», вокальный квартет неизвестного автора, концертный полонез для скрипки Й. Майседера, увертюру к опере Россини «Итальянка в Алжире», вариации для кларнета Л. Шпора, анданте из симфонии Гайдна «Mit dem Pankenschlag» и «Гимн во славу музыки» Виснера Моргенштерна [50].

В концертных программах Общества всегда присутствовали сочинения местных композиторов. Несколько раз оно с помощью других музыкальных сил города устраивало исполнение крупных произведений. Это были «Сотворение мира» Гайдна (1833), «Реквием» Моцарта (1837), «Времена года» Гайдна (1843).

В 30–40-х годах в состав Общества входили известные личности: Л. Гай, Я. Драшкович, епископы Алагович и Хаулик,

inslav

С. Эрдеди и Рубидо, Й. Сермаже, Г. Бужан, Д. Клобучарич, Л. Нугент, И. Падовец, Ф. Ливадич и др. [51].

В 1829 г. по инициативе Виснера Моргенштерна при Обществе была открыта музыкальная школа с трехлетним обучением. Под руководством трех-четырех наставников в школе обучались 50 учеников, большей частью любителей, а также «воспитанников», которые готовились стать профессионалами. Ученики после завершения школы должны были пройти трехлетнюю практику в оркестре.

Музыкальное общество регулярно устраивало разного рода музыкальные мероприятия, иногда благотворительные, хотя само испытывало финансовые трудности. Его материально поддерживали меценаты и любители музыки, большей частью представители загребского дворянства и высшего духовенства.

Музыкальное общество сыграло большую роль в развитии хорватской музыкальной культуры. На протяжении столетия оно поддерживало музыкальное искусство в Загребе и соответственно во всей Хорватии. Со временем оно стало Музыкальным заведением (институтом). Загребская музыкальная школа была соединена в 1842 г. с Филармоническим обществом и получала городскую субсидию. В конце XIX в. на ее основе была открыта Консерватория [52].

Вслед за Загребом музыкальные общества появились в Вараждине (1827), Осиеке (1830), на хорватской Военной Границе в Петрине (1841), Сене (1842) и других городах. В рамках этих обществ работали музыкальные школы, которые в основном готовили музыкантов для оркестров [53].

С развитием иллиризма начался новый период в истории музыкальной культуры в Хорватии – период национальной музыки и исполнительского искусства. Общественный подъем вызвал к жизни новый музыкальный жанр – патриотические песни. Между 1833 и 1848 гг. было создано около 100 таких произведений. Многие стихотворения Гая, Вготиновича, Раковаца, Боговича, Враза, Трнски, Деметера и других авторов были положены на музыку Гаем, Хайко, Юратовичем, Карасом, Лисинским, Ливадичем и другими композиторами. Наиболее популярными дворяниями были «Еще Хорватия не погибла», «Пусть хру-

inslav

стит малая горстка», «Ой Илирья, ой, весело нам стой», «Слово Иллира», «Хорватская родина», «Дружно, дружно, братья милы» и др. Патриотические песни пользовались широким распространением среди сторонников иллиризма. Пение было одним из способов распространения освободительных идей и национальной агитации. Патриотические песни – будницы, даворiи – выполняли не только самостоятельную роль. Они нередко служили темой более крупных музыкальных произведений (вариаций, фантазий) [54].

С развитием иллирского движения в немецком театре Загреба, дирекция которого была вынуждена учитывать настроение публики, стали исполняться во время немецких представлений декламации на хорватском языке, патриотические песни, а также народные пляски.

1 апреля 1838 г. в Загребе состоялся первый декламационно-музыкальный концерт, в программе которого были арии и отрывки из итальянских и немецких опер на хорватском литературном языке. А в следующем году граф Я. Драшкович организовал «Первый иллирский музыкальный концерт». Были исполнены песни на хорватском языке и фортепьянные композиции Ф. Ливадича [55]. Национальные музыкальные произведения – вариации на народные темы, вокальные произведения, композиции и пр. – исполнялись в театре, концертах и на вечерах.

С конца 30-х годов стали появляться иллирские музыкальные общества. В загребской семинарии, где учились многие выпускники музыкальной школы, было создано «Народное иллирское общество складногласия». Его задачей была пропаганда церковной и народной песни. В 1841 г. оно устроило большой публичный концерт, имевший большой успех у публики. Окрыленные таким приемом семинаристы стали регулярно устраивать концерты с участием хора и оркестра. В программу включались новые произведения иллирских композиторов, но в 1848 г. загребская семинария, а с ней и музыкальное общество были распущены [56].

В 1840 г. было основано «Первое иллирское музыкальное общество» и в Королевской академии. Душой его стал студент-патриот Алберт Штрига из Крижевцев. Он сам обладал

inslav

хорошим голосом и начинал учиться вокалу профессионально. Штрига вошел в контакт со студентом Ватрославом Лисинским, который взял на себя руководство хором и небольшим оркестром. Целью общества была пропаганда народной песни на профессиональной основе. В оркестре принял участие Враз, который играл на флейте. Постепенно начал сочинять музыку Лисинский.

Дебют состоялся в июне 1841 г. по случаю возвращения Гая из поездки по Далмации. Тогда была исполнена песня «Из Загорья от предков», которую написал Лисинский на слова Штооса. Вскоре она получила новый текст Деметера и под названием «В вольном небе вьется птица» стала одной из самых популярных иллирских даворий [57].

Тем временем в загребской печати прошло сообщение о создании в России М.И. Глинкой национальных опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». И Штрига загорелся мыслью о создании хорватской национальной оперы. На этом пути стояли большие трудности, связанные с конкуренцией гастролировавших в Загребе итальянских и австрийских оперных трупп, безраздельно арендовавших театральную сцену, а также недостатком хорватов-артистов и отсутствием вообще денег. Однако это не остановило Штригу. Лисинский написал на либретто Я. Цара, а затем Деметера оперу «Любовь и злоба». В самом ее названии были отголоски преромантической поэтики Шиллера. Инструментовку оперы осуществил Виснер Моргенштерн. В марте 1846 г. состоялась премьера оперы в загребском театре. Она была исполнена силами хорватов – любителей. Главные партии исполнили Штрига и Сидония Эрдеди-Рубидо. Красочно и пышно поставленная первая хорватская опера имела у публики оглушительный успех. Это была вершина музыкальной культуры иллиризма [58].

Постановка оперы стоила больших средств. Штрига оказался в долгах. И в 1847 г. он, Лисинский и еще три вокалиста отправились в концертное турне по городам Воеводины и Сербии с целью популяризации хорватской музыкальной культуры и сбора средств. Хорватские артисты с успехом выступили в Белграде, Панчеве, Нови-Саде и Митровице [59].

inslav

В свою очередь в Загребе давали концерты иностранные музыканты, знакомившие местную публику с музыкальной культурой своих стран. Среди них были скрипачка из Петербурга, ученица Паганини Элеонора Нейман (1838), певица Мария Фриш из Одессы (1839), Франц Лист (1846) [60].

В годы иллиризма национальная музыкальная жизнь в Хорватии и Славонии только зарождалась. В Загребе было немало музыкантов-хорватов, но лишь единицы среди них имели музыкальное образование. Местные композиторы теоретически знали, что следует исходить от народной музыки. Но на практике им не хватало фольклорного материала, специального образования и знаний. В то время хорватский фольклор был еще недостаточно известен и тем более изучен. При этом в Загребе было сильное внешнее влияние, которое формировало общественный музыкальный вкус. Он был ориентирован на эпигонов венской классической школы конца XVIII в.

Местные композиторы писали патриотические песни, вокальные сочинения (сольные и хоровые), фортепьянные произведения, камерные пьесы, оркестровые композиции, большей частью программного характера, музыку для театра, а также церковные и органные композиции. Все это было на уровне начальной стадии развития национального музыкального направления. В этих условиях неоднозначную роль в хорватских провинциях играли многочисленные музыканты-иностранцы. На юге, в Далмации трудились итальянцы, на севере, в Хорватии – чехи, австрийцы и венгры. Это было результатом нехватки местных профессиональных кадров. Особенно много их было в Загребе. Несомненно, они повышали уровень музыкальной образованности хорватского общества, обучали музыке молодежь, пополняли состав хоров и оркестров. Но вместе с тем благодаря своему численному преимуществу иностранцы заглушали ростки хорватской национальной музыкальной культуры, стояли, за исключением единиц, в стороне от процесса ее складывания [61].

Самым талантливым композитором иллиризма, основоположником жанра большой героико-романтической оперы был Ватрослав Лисинский. Он родился в Загребе в 1819 г. Отец его был словенец, а мать хорватка. Его подлинное имя

inslav

было Игнац Фухс. Молодой человек с детства страдал хромотой. Закончив в Загребе гимназию, философию и право, он в 1842 г. поступил на службу в Банский стол секретарем и работал там бесплатно до 1847 г. С гимназических лет Ватрослав учился музыке у И. Сойки и Виснера Моргенштерна.

После постановки оперы «Любовь и злоба» в Загребе были собраны средства, на которые композитор продолжил музыкальное образование в Праге у частных педагогов. В 1850 г. он вернулся в Загреб, но здесь нуждался, болел и в 1854 г. умер.

Лисинский был основателем хорватской национальной оперы. Его вторая опера, отмеченная немецким и итальянским влияниями, «Порин», тематически была посвящена освобождению хорватов от франкского ярма в IX в. Лисинский писал вокальные произведения (более 70 на хорватские, чешские и немецкие тексты), в основном они носили лирический характер. Но автор отдал также дань дарориям, балладам и другим вокальным жанрам романтической поры. Талантливый и разносторонний композитор, он писал хоровую и оркестровую музыку (7 увертюр для оркестра), фортепьянные композиции. Это была романтическая натура, утонченный лирик, нераскрывшийся в полную силу своего дарования.

К старшему поколению иллирских композиторов относился Фердо Ливадич (1798–1879). Он происходил из Штирии. По окончании гимназии в Загребе Ливадич изучал право в Граце. Затем он приехал в Самобор, где находилось его имение, и подружился с Гаем. Ливадич прославился музыкой дарории «Еще Хорватия не погибла». Он создал впоследствии 30 церковных сочинений, более 180 вокальных произведений на хорватские, словенские и немецкие тексты, а также ряд фортепьянных композиций, отмеченных романтическими чертами. Ливадич писал легко и свободно, испытав влияние немецкой школы.

Среди даровитых иллирских композиторов был Франьо Покорни (1825–1859), по национальности чех. Он проявил себя как хороший вокалист, скрипач, пианист, дирижер и композитор. С 1845 г. он дирижировал театральным оркестром, с 1850 г. – преподавал в музыкальной школе. Через два года он заменил Лисинского на посту дирижера оркестра Му-

inslav

зыкального общества. Покорни написал более 120 больших и малых композиций, создал шесть увертюр, из которых три назывались «Славянская увертюра». В одной из них композитор использовал напевы даворий. Его оркестровая фантазия «Буря на море» носила программный характер. Покорни был автором двух кантат и ряда церковных сочинений.

Одним из первых иллирских музыкантов-исполнителей, получивших известность за границей, был Иван Падовец (1800–1873). Он был виртуозным гитаристом. С 1827 г. Падовец концертировал в хорватских городах, в 1829 г. он поселился в Вене, где прожил до 1837 г., давая концерты в Пеште, Праге, Франкфурте, Гамбурге, Лондоне и других городах Европы. Он и сам сочинял, в основном вариации и фантазии для гитары и вокальные произведения.

На хорватской Военной Границе служил офицером и одновременно был музыкантом-любителем Йосип Рунянин (1821–1878). Он вошел в историю хорватской музыки тем, что написал песню «Прекрасна наша родина» на известное стихотворение А. Михановича. Рунянин использовал при этом мелодию из оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ляммермур». Сочинение Рунянина неоднократно подвергалось обработке для хора. Со временем песня исполнялась все чаще, особенно в торжественных случаях, получив, наконец, значение гимна. Это произошло в 1891 г.

Были в Хорватии и другие композиторы-любители: офицер Ф. Русан, священники М. Хайко, В. Верник, Й. Юратович, францисканец органист Ф. Пинтарич и пр. Искусным скрипачом являлся М. Славкович. В 1825 г. он переехал в Одессу, и там публика назвала его «вторым Паганини».

В рассматриваемое время в Далмации с Дубровником не было значительных музыкальных имен [62].

Хорватские носители музыкальной культуры – приверженцы иллиризма были вдохновенными энтузиастами. Некоторые из них были поистине талантливыми людьми, большинство – любителями. Они жили в провинциальной Хорватии, и это неизбежно налагало печать на их творчество. Они испытывали сильное внешнее влияние, их творчество нередко было вторичным, лишенным полета мысли и фантазии,

inslav

смелых самостоятельных решений. Но одно определило их заслуженное место в истории хорватской музыки – беспредельное желание вывести свой народ на передовые музыкальные позиции в Европе, чтобы он встал вровень с цивилизованными народами мира.

Театр

Театральное искусство имело в Хорватии устойчивую традицию. Долгое время действовали школьные театры. С конца XVIII в. в Загребе давали представления передвижные иностранные театральные труппы, в основном австро-немецкие и итальянские. Одновременно все чаще звучали голоса об устройстве постоянного театрального помещения. В ответ на это в 1800 г. граф Антун Пеякович в своем пространном новом доме в Градеце выделил зал для проведения культурных мероприятий. В 1807 г. его купил граф Антун Амаде, и в нем до 30-х годов регулярно проходили театральные представления, драматические и оперные, силами гастролеров («театр Амаде»). Передвижные труппы выступали и в других хорватских городах: Вараждине, позднее Карловаце и Риеке. Драматический репертуар у Амаде в 1826–1833 гг. состоял из классических пьес – «Гамлет», «Отелло», «Король Лир» У. Шекспира; «Эмилия Галотти» Г.Э. Лессинга; «Фауст» ИВ. Гёте; «Разбойники», «Мария Стюарт», «Вильгельм Телль», «Дон Карлос». «Валленштейн» И.Ф. Шиллера и др. Такой репертуар был способен воспитать высокий театральный вкус у публики [63].

В 1834 г. Загреб получил первое постоянное театральное здание. Оно было построено торговцем К. Станковичем на деньги, полученные им благодаря лотерейному выигрышу. Город выделил для этой цели участок земли в Градеце. Руководство строительством, которое проходило в 1833–1834 гг., осуществил люблянский архитектор А. Краньолити, перестроивший одновременно солидное новое здание городской управы. В зрительном зале, который состоял из партера и 3-х рядов лож, могло разместиться около 700 зрителей. Над вестибюлем был расположен большой танцевальный зал. Культурные мероприятия в этом театре начались осенью 1834 г. Уже в 1835 г. с театральной сце-

inslav

ны прозвучала будница Гая «Еще Хорватия не погибла». В 1851 г. здание Станковича при поддержке бана Елачича было городом выкуплено. До конца столетия «старый театр» был центром театральной жизни Загреба [64].

Деятели иллиризма осознали важную общественную роль театра в жизни хорватского народа. Поэтому они приложили большие усилия для организации постоянного национального театра.

Театр мыслился как национальное учреждение, опирающееся не на узкий круг избранной публики, а на широкий слой зрителей и призванное содействовать утверждению национальных идей, развитию и распространению нового литературного языка и патриотическому воспитанию общества. «Даница» писала в 1847 г.: «Театр должен быть собственностью всего народа, а не только образованных сословий, если хочет заслужить название национального института и стать со временем хранилищем духовных ценностей народа» [65]. Акцент делался на общенациональном характере театра.

Важным условием для функционирования национального профессионального театра было создание самостоятельной драматургической базы. Но пока пьесы Деметера и Кукулевича-Сакцинского могли составить репертуарную основу лишь любительских спектаклей. Впрочем драмы Деметера вообще не ставились в период иллиризма. Как уже отмечалось, в октябре 1839 г. в Сисаке состоялось первое представление героической драмы Кукулевича-Сакцинского «Юран и София, или Турки под Сисаком». Спектакль, поставленный местными любителями, прошел с большим успехом и произвел сильное впечатление на публику. Так было положено начало хорватскому любительскому театру.

Любительские спектакли на национальном литературном языке, обычно сопровождавшиеся декламацией и пением, устраивались в разных городах Хорватии и Славонии. Они обычно приурочивались к крупным событиям в жизни городов и жупаний, когда собиралась многочисленная публика. Любители также показывали спектакли в благотворительных целях и для сбора средств. Любительский театр расши-

inslav

рил знакомство актеров-дилетантов и зрителей со светской театральной культурой.

Еще в 1835 г. Гай предпринял первые практические шаги с целью основания постоянного национального театра [66]. Но на этом пути стояли большие трудности. Здание театра, воздвигнутое в Загребе в 1834 г., находилось в частной собственности, а его сцена была во власти арендовавших австро-немецких трупп. Отсутствовала национальная драматургия, не было артистов-хорватов и вообще денег.

В конце 1839 г. под впечатлением успеха поставленной любителями драмы Кукулевича-Сакцинского в газете Гая выступил директор загребского немецкого театра Х. Бёрнштейн, по национальности чех, со статьей «Об основании иллирского национального театра». В ней он выразил мысль о необходимости создания постоянного национального театра в Загребе на основе немецкого и предложил организовать представления на хорватском языке силами его актеров, среди которых были чехи и поляки [67]. В ответ на это предложение начался сбор пожертвований на устройство национальных спектаклей. Однако Бёрнштейну не удалось набрать актеров, знающих немецкий и хорватский языки. Тогда было решено пригласить на гастроли в Хорватию труппу из Нови-Сада.

Это был передвижной полупрофессиональный театр с постоянным составом артистов и сформировавшимся репертуаром, состоявшим из оригинальных и переводных пьес на сербском языке. С переездом в Хорватию он получил название «Отечественное театральное общество». Его труппа, пополнившись профессиональными актерами немецкого театра и хорватами-любителями, составила около 50 человек. Это был своеобразный симбиоз профессионального немецкоязычного и национального театров. Душой театра был Д. Деметер. Он осуществлял общее руководство, выступал казначеем и первым театральным критиком.

Спектакли новисадского театра начались в Загребе 10 июня 1840 г. драмой «Юран и София». Представление прошло с большим успехом. Труппа дала в Загребе 20 спектаклей, которые состояли в основном из пьес сербских и хорватских авторов [68]. Спектакли давались в «старом театре». Горячий прием

inslav

публики и хвалебное театральное обозрение в иллирской печати имели патриотическую мотивацию. Главным критерием высокой оценки представлений было присутствие на сцене хорошего литературного языка. Театральная критика этого времени не ставила вопросов о развитии национальной драматургии, актерском мастерстве, сценографии, т. е. об эстетической стороне театрального дела.

Репертуар Отечественного театрального общества включал две исторические драмы Кукулевича-Сакцинского – «Юран и София» и «Степко Шубич, или Бела IV в Хорватии», пьесу «Хорватская верность» Деметера (последние сочинения были переработкой пьес популярных немецких авторов, соответственно А.Ф. Коцебу и К.Т. Кёрнера). Сербскую драматургию 20–30-х гг. представляли две трагедии и четыре комедии известного писателя Й. Стерии Поповича, а также драмы И. Вуича, М. Витковича, Л. Лазаревича, В. Стефановича. Среди переводных пьес большинство составляли развлекательные комедии Коцебу, отвечавшие вкусам хорватского мещанского зрителя. Шла также романтическая драма В. Гюго «Анджело, тиран Падуанский».

После трехмесячного пребывания в Загребе новисадская труппа посетила Карловац и Сисак, где спектакли на национальном языке также были горячо приняты публикой. В декабре 1840 г. труппа вернулась в Загреб. Тем временем хорватский сабор провел сбор пожертвований для поддержки национального театра. Однако с обострением политической ситуации в Хорватии в 1841 г. публика охладела к театру. Представления на национальном языке в Загребе почти прекратились. Положение Отечественного театрального общества стало неустойчивым, его будущее туманным. В этой ситуации оно в 1842 г. по приглашению управления Сербского белградского театра переехало в Белград.

В 1844 г. ожил любительский театр. Он решал попрежнему задачи патриотического воспитания общества и распространения нового литературного языка. Однако артисты-дилетанты своим низким уровнем исполнения лишь подчеркивали важность и неотложность создания постоянного профессионального национального театра.

inslav

Это понимали ведущие деятели иллиризма. Сознание общественного значения национального театра выразил поэт М. Богович в статье «Об основании национального театра» (1845). Он подчеркивал важную роль театра с его гражданским пафосом [69] в процессе национальной консолидации хорватов. Богович сослался при этом на великого немецкого драматурга Ф. Шиллера, связавшего национальный театр с существованием нации. Разностороннее влияние сцены на общество позволило Боговичу назвать театр «школой жизни» [70].

В 1846 г. при посредстве Деметера управление загребским театром было передано немцу Розеншёну, который с симпатией относился к иллирскому движению. Деметер основал «Общество загребских добровольцев». Труппа пополнилась хорватами, и с апреля 1847 г. театр начал постоянные спектакли на хорватском национальном языке. Первый их них был завершен пантомимой «Освобождение хорватов от франкского ига». Театр выезжал на гастроли в Карловац. Иллирская печать призывала к его поддержке. Однако публика мало посещала представления, поступавшие пожертвования были незначительны и не могли оказать существенной помощи. Усилия деятелей иллиризма, связанные с театром, остались на уровне любительских спектаклей на национальном языке. Задача создания профессионального национального театра перешла к следующим поколениям.

В годы иллиризма в хорватском театральном творчестве проявлялись в смешанных формах черты и барочной, и классицистической, и романтической драматургии [71].

Наука и образование

Деятели иллиризма уделяли внимание науке, в первую очередь истории и лингвистике. Обусловленный подъемом национального самосознания интерес к историческому прошлому славян, южных славян в особенности, был тесно связан с потребностями освободительной борьбы. История была призвана повысить авторитет и значимость хорватского народа, утвердить его правоспособность, показать величие и славу, которые ставили его в один ряд с другими, развитыми и свободными, европейскими народами. Обращение к исто-

inslav

рическому прошлому было связано и с цензурными соображениями. Поскольку цензура с особой строгостью вымарывала материалы о современной жизни хорватского общества, национальные деятели давали ответ на животрепещущие вопросы дня в завуалированной форме.

Исторические работы печатались прежде всего в периодических изданиях. В числе первых были статьи Гая «Краткое введение в историю Великой Иллирии» и «Кто были древние иллирийцы?» В 1839–1842 гг. вышло четырехтомное сочинение священника И. Швеара «Зеркало Иллирии». Этот большой труд охватывал историю южного славянства с древнейших времен до 1790 г. Задачам политической борьбы были подчинены исторические работы Вукотиновича «Юридическое отношение королевства Славонии к Венгрии» (1845) и Жигровича «О праве на самоопределение Хорватии по отношению к Венгрии» (1846).

Наиболее видным знатоком хорватской истории считался Кукулевич-Сакцинский. В 40-е годы в периодических изданиях было опубликовано несколько его исследований. В 1847 г. Кукулевич-Сакцинский был избран хорватским сабором в комитет, задачей которого были выявление и издание всех документов о муниципальных правах Триединого королевства.

Деятели иллиризма положили почин в публикации исторических рукописных памятников. В 1843 г. в третьем выпуске иллирского периодического издания «Коло» А. Мажуранич напечатал «Закон Винодольский» – историко-юридический хорватский памятник 1288 г., снабдив его историческими и филологическими примечаниями и толковым словарем. Это была квалифицированная научная публикация, сразу привлекшая к себе внимание ученого славянского мира. В «Данице», а также в пятой книге «Коло» (1847) были напечатаны различные материалы XVII – первой половины XVIII вв. Публикация источников была новым шагом в развитии хорватской исторической науки.

В «Данице» помещались этнографические материалы – описания народных обычаев, верований, быта и пр. Деятели иллиризма занимались также историей и теорией литерату-

inslav

ры. В 1840 г. была опубликована работа Д. Селяна «Начало, развитие и значение иллирской литературы».

Ранние исторические работы видных историков времен иллиризма чаще всего представляли переработку сочинений предшественников и больше походили на рассказы, нежели на исторические исследования. На их трудах лежал налет романтизма, проявлявшийся, в частности, в идеализации славянской старины. Хорватская история не была выделена из истории «Великой Иллирии». Но главным достижением хорватского исторического мышления этого времени была выработка концепции южнославянской истории, которая сочеталась с историческими фактами. Согласно этой концепции, историческое развитие южных славян (читай – хорватов) представляло цепь борьбы против внешних врагов за свободу и независимость своей родины. Сам факт создания исторической концепции и ее раскрытие на фактическом материале означали подъем научного мышления на уровень науки Нового времени.

С именами деятелей иллиризма было связано появление загребской филологической школы. Она заявила о себе со времени издания брошюры Гая о правописании и выхода грамматики «иллирского языка» Бабукича. В условиях кайкавской Хорватии новый литературный язык нужно было учить, поэтому ведущие деятели иллиризма уделяли большое внимание грамматике и лексикографии. Еще в 1833 г. появилась на немецком языке грамматика «иллирского языка» И.А. Брлича. При этом автор ориентировался исключительно на народный язык, взгляды же на новый литературный язык Гая и его сторонников были шире. В силу этого книга Брлича не получила теоретического значения. Но написанная на немецком языке, который был распространен в кайкавской образованной среде, она имела спрос и была переиздана в 1842 и 1850 гг. Как уже было сказано выше, принципиальное значение имел выход из печати в 1836 г. грамматики «иллирского языка» Бабукича. В 1839 г. (1842 г. – второе издание) была опубликована сравнительная грамматика А. Мажуранича «Основы иллирского и латинского языков для начального обучения». Это

inslav

было большое подспорье для школы, где лингвистическое образование строилось еще на базе латинского языка.

Уже в конце 1835 г. отсутствие словарей для практического применения редакция «Даницы» пыталась до некоторой степени восполнить, напечатав «Собрание некоторых слов, которые в верхней или нижней Иллирии недостаточно знакомы». Тогда же «Собрание» было издано отдельной брошюрой. Хорватские слова в нем разъяснялись с помощью немецких и латинских синонимов. Предположительно, собрание было составлено А. Мажураничем. Первым обстоятельным вкладом в хорватскую лексикографию стал «Немецко-иллирский словарь» И. Мажуранича и Я. Ужаревича (1842). Это был большой словарь (около 40000 слов), изданный новым правописанием и отвечавший научным требованиям к двуязычным словарям. Иван Мажуранич, совместно с братом Антоном, составил для издания «Османа» Гундулича солидный словарь с комментариями географического и исторического содержания. Наконец, в 1846–1849 гг. в Вене был напечатан «Иллиро-немецко-итальянский словарь» Й. Дробнича. В подготовке его к изданию принимали участие А. Мажуранич и Бабукич. Последний написал и грамматику для него. Словарь Дробнича представлял компиляцию существующих словарей. Его значение состояло в информативности, особенно в части толкования хорватских слов немецкими и итальянскими синонимами. В то время это были очень нужные книги [72].

В 1843 г. была предпринята попытка географического описания южнославянских территорий. Д. Селян выпустил первую часть «Географии иллирских земель», которая охватила австрийскую часть южнославянских провинций. Но книга была запрещена цензурой. Вторая часть этого сочинения, посвященная турецкой части «Великой Иллирии», как и карты, остались в рукописи. Но так или иначе круг научных интересов хорватских интеллектуалов расширялся, и уровень научных исследований становился выше.

Административная раздробленность территории проживания хорватского народа в Австрийской империи сказывалась на состоянии здесь школьного дела.

inslav

В 1805 г. был издан «Государственный школьный устав для Австрии и Военной Границы». В следующем году появился новый «Ratio educationis» для Венгрии и северохорватских провинций. В этом документе прописывалась воспитательная и образовательная деятельность в основных (начальных) и средних школах: планы и программы, методика преподавания, инструкции по работе и управлению школами и пр. Хорватский и венгерский языки устанавливались в средних школах факультативными, а немецкий и латинский обязательными предметами.

Основная методика обучения основывалась на руководствах, составленных Й.И. Фельбигером. Учебниками в основных школах служили книги, изданные в Вене на немецком языке, или были двуязычными – на немецком и хорватском языках. Предусматривались наглядные пособия в процессе обучения, а также посещения учащимися библиотек и музеев. Первым наглядным пособием, употребленным в 1847 г. в Хорватии, была географическая карта Австрии. Предполагалось открытие школ и для девочек. Языком преподавания в основных школах предписывался родной язык, но рекомендовался и венгерский. Те дети, которые намеревались продолжать учебу, должны были изучать и латинский язык. По этому постановлению школы в Хорватии работали до 1845 г.

Однако на практике не всегда было так. И. Ткалац вспоминал, что основная школа и гимназия в Карловаце, называвшиеся «королевскими училищами», находились в 30-х годах в руках францисканцев. Школы были организованы по принципу наследственных земель. Преподавание велось на немецком языке. Дети учились читать, писать, считать с целыми числами и дробями, изучали катехизис, библейскую историю, немецкую грамматику и письменность. Стародавняя методика обучения состояла в механическом зазубривании учениками текстов. Учителя – францисканцы не интересовались, насколько дети понимали их. По словам Ткалаца, образованность самих преподавателей ордена, как правило, была на крайне низком уровне [73].

В других местах, где не было школ, национально настроенные священники учили ребят писать и читать.

inslav

В первой половине XIX в. в хорватских школах давлеющим был языковой вопрос. В 1791 г., повторно в 1805 г., хорватский сабор был вынужден вынести решение о введении венгерского языка в школы для факультативного изучения. В гимназиях его преподаванию отводилось два часа в неделю. Была издана и грамматика венгерского языка на кайкавском диалекте. В 1827 г. хорватский сабор принял решение об обязательном изучении венгерского языка во всех хорватских школах. Его поддержало с готовностью и венгерское Государственное собрание. Но Фердинанд V, стремясь воспрепятствовать усилению венгерской оппозиции, в 1830 г. не утвердил его. Тем не менее в 1834 г. в программу хорватских школ и загребской Академии вошло обязательное изучение венгерского языка. И это положение сохранялось до 1848 г.

В 1840 г. хорватский сабор впервые высказался в пользу введения, развития и изучения хорватского языка. Он обратился с просьбой к императору об учреждении в загребской Академии и во всех гимназиях кафедр национального хорватского языка и о назначении на профессорские должности лиц на основе конкурса.

Между тем венгерское Государственное собрание неоднократно и настойчиво – в 1836, 1839, 1843–44 гг. – принимало решения о введении венгерского языка в качестве официального языка в Венгрии, Хорватии, Славонии и Приморье. Но император всякий раз отклонял их.

В 1845 г. Вена издала новый документ «Система элементарных школ», который действовал в Хорватии и Славонии до 1874 г. Отныне существовали обязательные основные школы с двухлетним и высшие – с четырехлетним обучением. Отдельно работали основные школы для девочек. В III и IV классах дети изучали хорватский, а также немецкий и венгерский языки.

Число школ росло. Если в конце 30-х годов в Хорватии была всего сотня школ, которые посещали 5000 детей, в 1841–1842 гг. их число возросло до 161 с 9689 учащимися, то в 1851 г. в Хорватии насчитывалось 229 основных школ, в которых училось почти 30% детей [74]. В начальную и среднюю школы постепенно проникал национальный литературный

inslav

язык. Известное решение хорватского сабора от 1847 г. о возведении национального хорватского языка в ранг официального ускорило его распространение в школах.

А. Мажуранич, ставший в 1836 г. учителем латинского языка в загребской гимназии, в течение шести лет преподавал во внеучебное время учащимся старших классов национальный язык и литературу, притом на хорватском языке. В 1845 г. филолог издал книжку «Маленькие рассказы для употребления в сельских школах». В 1838 г. в гимназии Вараждина также имело место факультативное обучение молодежи хорватскому литературному языку. С 1844 г. священник М. Топалович преподавал в семинарии Джаково хорватский язык и литературу [75].

С поражением революции в Хорватии и Славонии насаждался немецкий язык, который с 1854 г. стал служебным. Этого избежала начальная школа, в гимназиях он сохранил позиции как обязательный предмет изучения.

Вслед за основанием в загребской Академии кафедры национального языка и литературы в 1847 г. императорским указом было одобрено создание в Загребе учительской школы для подготовки профессиональных педагогических кадров. Но открылось первое образовательное педагогическое учреждение в Хорватии только в 1849 г. До этого времени будущие учителя получали профессиональную подготовку на курсах. Появились и первые педагогические учебники на национальном языке. Подготовка учительниц для женских школ продолжалась в загребском монастыре милосердия Св. Винка.

При всей масштабности просветительных задач, которые решали деятели иллиризма, начальное школьное образование не получило с их стороны должного внимания. Правда, в 1844 г. в Загребе вышла работа Вукотиновича «Кое-что о народных школах», в которой, наряду с критикой существующего положения основных школ, ставился вопрос об их модернизации, введении новой методики преподавания, обучении девочек и подготовке учителей. В 1847 г. в «Данице» была опубликована статья А. Вебера Ткалчевича с критикой методики обучения в основных школах. В том же году в иллирской среде был разработан либеральный проект реорга-

inslav

низации школьной системы в Хорватии и Славонии, но он не имел последствий [76].

В Далмации и Истрии школы находились под прямым управлением Вены. Их организация и деятельность определялись Государственным школьным уставом 1805 г. В Далмации австрийские власти сохранили в официальной жизни итальянский язык. В первом классе основных школ дети обучались на родном языке, а также в первом и втором классах на родном языке велось преподавание вероучения. В трех гимназиях – в Задаре, Сплите и Дубровнике – в 1820 г. факультативно был введен для изучения немецкий язык. Но национальный язык с его богатой литературной традицией в провинции нигде не входил в учебную программу. В Далмации число школ возрастало очень медленно. В 1830 г. во всей провинции было всего 7 высших и 25 низших основных школ. В 1847 г. их насчитывалось 175, большинство которых было двуязычными. При этом контроль за деятельностью основных школ осуществляла исключительно церковь. Это определяло консерватизм школьных программ.

В Истрии власти упорно вводили немецкий язык в школы в качестве языка преподавания. Только в 1846 г. было официально установлено, что в основных школах дети должны обучаться на родном языке. Число сельских школ возросло. Но в силу недостатка учителей школы оставались под влиянием духовенства.

На Военной Границе благодаря заинтересованности военных властей в грамотности населения и строгости военной дисциплины начальное школьное образование было поставлено лучше, чем в других хорватских провинциях под властью Австрии. Сохранялось и далее разделение основных школ на «народные», находившиеся на содержании общин, и тривиальные, создававшиеся властями и называвшиеся «немецкими» по языку преподавания. В 1831 г. было установлено обязательное посещение детьми школ. В конце 30-х гг. на хорватско-славонской Военной Границе насчитывались 131 тривиальная и 468 общинных школ, в которых обучались 26000 учеников. Это было даже больше, чем на гражданской территории Хорватии. В них постепенно утверждалось в

inslav

преподавании двуязычие. В граничарских школах программа несколько отличалась от провинциальных. В начальных школах на Военной Границе дети постигали основы хозяйства, а учащиеся более старшего возраста получали и некоторые знания военного дела [77].

В первой половине XIX в. в хорватских провинциях расширилась сеть начальных школ, особенно на Военной Границе. При этом в Хорватии усиливалась тенденция к использованию в школах национального литературного языка, в других провинциях в школах существовало двуязычие. Но содержание школьной программы, организация школьного процесса оставались консервативными, с сильным влиянием в этой области католической церкви.

В Хорватии и Славонии работали 6 гимназий, в Далмации действовали 3 – в Задаре, Сплите и Дубровнике, на Военной Границе – 1 в Винковцах. Преподавание в них велось на официальных языках: в Хорватии и Славонии на латинском, в Далмации на итальянском, на Военной Границе - немецком. В Хорватии и Славонии главным предметом в программе обучения оставался латинский язык. Гимназисты изучали также вероучение, историю, географию, математику, венгерский язык.

Высшее образовательное учреждение в Загребе – Королевская академия наук – в 30–40-е годы XIX в. собирало в своих стенах в среднем около 200 студентов. Среди них преобладали слушатели философского факультета, поскольку обучение на нем было обязательным и для студентов, желающих изучать право. В Академии училась молодежь из разных хорватских провинций и соседних земель. В период с 1791 до 1830 гг. философский факультет закончил 2191 че-ловек, из их 15% было загребчан, 40,3% – выходцев из трех хорватских жупаний и 7,7% из Славонии, 36,8% приходилось на уроженцев из Военной Границы, Риекской губернии, Венгрии, австрийских земель (особенно Штирии и Крайны) и других краев [78]. Загреб приобретал значение регионального центра высшего образования.

Профессорский состав в Академии составляли в 1830 г. хорваты, среди преподавателей был тогда лишь один венгр, обучавший венгерскому языку. Но к 40-м годам положение

inslav

изменилось. После выхода постановления венгерского Наместнического совета об обязательном знании профессорами загребской Академии венгерского языка в 40-х годах преподавателями здесь были преимущественно венгры или омадьяренные хорваты. В 1844 г. в Академии работали только два профессора – хорвата [79]. Это обстоятельство сказывалось и на содержании учебного процесса, и на относительно низкой национальной активности академической молодежи.

Социальная структура студенчества в Академии постоянно менялась в сторону увеличения среди него выходцев из непривилегированных слоев населения. В период с 1791 до 1830 гг. из окончивших курс философии студентов 48,7% составляли лица из третьего сословия, 33,3% было из крестьян и 11% принадлежало к дворянству. В пятилетие 1826–1830 гг. процент дворян упал с 31,1% (1791–1795 гг.) до 6,1%, доля, приходившаяся на горожан, возросла до 62,2% (1826–1830 гг.). В то же пятилетие присутствие крестьян в Академии поднялось до 47,3% (1796–1800 гг.), но затем в пятилетие 1826–1830 гг. оно уменьшилось до 25,6%. Падение численности крестьян в составе академического студенчества было связано с общим кризисом аграрных отношений [80].

Самую многочисленную группировку среди академического студенчества составляла молодежь третьего сословия. Ее присутствие в Академии было стабильным, достигнув в пятилетие 1826–1830 гг. 62,2% учащихся. При этом на самих горожан приходилось всего 6,4% населения.

С учетом выходцев из граничарских семей (в 1791–1830 гг. они составляли 7% студентов-философов), которые по социальному положению были близки к крестьянству, хорватская интеллигенция, при прямом участии в этом процессе загребской Академии, формировалась преимущественно из средних и низших общественных слоев – горожан и крестьян [81].

Судьба выпускников Академии во многом зависела от того, кто содержал студентов во время учебы. Хотя число учащихся, получавших материальную поддержку от родителей в 1791–1830 гг. возросло до 51,7%, а число студентов, находившихся на содержании церкви, снизилось до 16,2%,

inslav

из выпускников, закончивших философский курс, 63,3% вступило в ряды духовенства и лишь 29,4% высказались за чиновничью карьеру. И в 40-х годах подавляющая часть «философов» предпочитала духовное звание.

Сословные ограничения на занятие должностей, с одной стороны, и, как следствие этого, предпочтение академического студенчества связать свою жизнь с церковью при невозможности обеспечить себе материальный достаток в иных общественных сферах и при гарантии получения личного дворянства в лоне церкви, с другой – привели большую часть выпускников в ряды низшего духовенства. За 40 лет только 14 «философов» высказались за коммерцию, 11 проявили желание стать врачами и 1 – аптекарем [82]. Такое положение было результатом неразвитости в Хорватии и Славонии инфраструктурных отраслей хозяйства.

Учебный план Академии, утвержденный в 1826 г., не подвергался изменениям до 1846 г. Тогда в высшем учебном заведении было введено изучение хорватского национального языка и литературы.

На философском факультете студенты изучали математику, физику, философию, историю. В программу юридического факультета входили венгерское гражданское и государственное право, уголовное право, естественное право, политико-камеральные науки, статистика, горно-рудное право, судопроизводство. Римское право было включено в программу обучения только в университете Пешта и только там можно было получить звание «доктор права».

В загребской Академии указанные предметы преподавались в сокращенном виде и поверхностно. Не удивительно поэтому, что учебная ситуация вызывала недовольство со стороны наиболее подготовленных и стремящихся к знаниям студентов. Среди них был Максим Прица. Будучи студентом первого года обучения на философском факультете, он жаловался в письме в 1842 г. своему другу И. Ткалацу, что ничему не может в Академии научиться и только теряет время [83]. В дальнейшем Прица выдвинулся как политический деятель. Тем не менее из стен Академии, это отметил в своих мемуарах Ткалац, вышло немало образованных и дельных юристов.

inslav

И все-таки дети аристократии и вообще состоятельных родителей уезжали учиться в университеты Граца, Вены и Пешта.

В годы революции учебный процесс в Академии был приостановлен. На саборе 1848 г. Академию представлял Гай, пользовавшийся большим уважением студенчества.

В 1850 г. в империи была проведена реформа образования. В связи с ней загребская Академия была ликвидирована. Ее философский факультет был включен в состав классической гимназии в качестве VII и VIII классов, а правовой факультет был преобразован в Юридическую академию. Такое положение оставалось до основания университета в 1874 г.

В рассматриваемое время деятельность загребской Академии была ограничена общими неблагоприятными условиями развития Хорватии и препонами со стороны венгерских и австрийских властей. Тем не менее Академия, преодолевая трудности, выполняла свою образовательную миссию в рамках донациональной поры.

Прежде всего это был главный и единственный в хорватских провинциях очаг подготовки образованной национальной интеллигенции, притом преимущественно из средних и низших слоев населения. Тем самым она давала возможность выхода представителям этих слоев на общественную арену. Профессора – хорваты в Академии не были чужды возрожденческим веяниям. По словам А. Мажуранича, он в годы учебы в Академии именно от преподавателя истории «впервые услышал о славянстве» [84].

Как уже отмечалось, в стенах Академии в 1832 г. благодаря патриотической инициативе Смодека, хотя факультативно и на латыни, впервые было введено преподавание хорватского языка. В 1846 г. в ряды профессоров Академии вошел Бабукич. Загребской академии были обязаны своим образованием многие деятели иллиризма. В 1829–1830 гг. здесь закончили философский курс Раковац, Вукотинович, Деркос, Штоос, Бабукич, Смодек, Кундек, Немчич, Марич. Они проявили себя в общественной жизни высокообразованными, просвещенными людьми.

Специальное духовное образование молодые хорваты получали в католических семинариях, находившихся в мес-

inslav

тах пребывания епископов: в Загребе и Джакове. Семинаристы были выходцами в основном из крестьян и мещан. Наставниками же их были многие сторонники иллиризма, что определило успех его идей в этой среде.

С 1836 г. в загребской семинарии существовало молодежное общество «Коло молодых патриотов». Его возглавлял близкий Гаю клирик Мавро Броз. Семинаристы устраивали вечера, на которых все произведения исполнялись на национальном литературном языке. Редакция «Даницы» в 1846 г. писала: «Мы со всем правом можем гордиться духовной молодежью здешней семинарии. Эти молодые патриоты не только без всякого насилия основательно учат национальный язык, в нем неустанно упражняются (академическая молодежь могла бы последовать их примеру) и написанные на национальном языке книги прилежно читают, но, наряду с этим, стремятся пером и делом продвинуть вперед национальную литературу» [85].

Помимо литературы на других языках, загребские семинаристы покупали до 100 экземпляров почти каждого названия национальных книг. Это покрывало добрую треть типографских расходов писателя. «Трудно найти на свете семинарию, – заключала «Даница», – которая была бы столь прочной опорой национальной литературы» [86]. Гай недаром именовал загребских семинаристов «своим войском». В джаковской семинарии национальными начинаниями молодежи руководил известный иллир М. Топалович [87]. Связанные с непривилегированными сословиями семинаристы видели в иллирском движении путь к общественным преобразованиям.

Составной частью образовательного процесса в Хорватии и Славонии были домашнее обучение и самообразование. Они имели место в основном в дворянских семьях. И. Ткалац писал в мемуарах, что он пошел учиться в основную школу в Карловаце 11 лет, вместо положенных 7–8. К этому времени он умел уже читать. писать, считать, хорошо знал немецкий и французский языки. В гимназические годы им обуревала жажда знаний, и все свободное время подросток проводил за чтением. В 20–30-е годы в габсбургском государстве неистовствовала цензура. На границе наследственных земель и

inslav

Венгерского королевства цензоры тщательно просматривали поступавшую в Венгрию и Хорватию литературу и изымали книги, значившиеся в списке запрещенных. Но процветала контрабанда. В Загребе книги продавались в магазине Хиршфелда, имевшего прямые связи с Лейпцигом, и в лавке при типогафии Ф. Жупана. У Хиршфелда всегда можно было получить нужную книгу.

К окончанию гимназии молодой Ткалац уже знал латинский, греческий, венгерский, немецкий и французский языки. Это помогло ему в 15–19 лет познакомиться с широким кругом литературы по истории, географии, филологии, археологии, истории искусств, естествознанию, теологии, философии, политике. Среди них были сочинения М.Ф. Вольтера, Э. Гиббона, Н. Макиавелли, К. Сен-Симона, А. Шлёцера, Л. Ранке, И. Винкельмана, Г.В.Ф. Гегеля, Д. Локка, Ш.Л. Монтескье, А. Смита, Б. Спинозы и многих других. Кроме того гимназист прочитал важнейшие произведения Античности, бесчисленное количество романов и поэтических сочинений, особенно французских и английских авторов, Это были самые известные имена: Гомер, Софокл, Геродот, Гораций, Вергилий, Тацит, У. Шекспир, Дж. Байрон, А. Данте, Ж.Б. Мольер, Ж. Лафонтен, В. Гюго, И.Ф. Гёте, И.Ф. Шиллер, Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер, Л. Уланд, Г. Гейне и др. При этом Ткалац занимался еще живописью и музыкой [88].

По словам Ткалаца, основу его гуманитарного образования составили сочинения Вольтера, Гиббона, Лессинга, Гердера и Гёте. «Я жил в их атмосфере, с ними и в них», – писал мемуарист [89]. В основном это была просветительская и преромантическая культура XVIII в.

Но в 1840 г. произошел сдвиг в интеллектуальном развитии Ткалаца. Он впервые прочитал славянскую книгу. Это была «История славянского языка и литературы на всех наречиях» Шафарика. Она открыла грандиозную картину величественной истории славянского мира и тысячелетней борьбы славян с угнетателями. У молодого человека пробудился интерес к славянам, он выучил чешский, польский и русский языки настолько, что со словарем мог читать «Евгения Онегина» в оригинале [90]. Ничего подобного гимназическая программа не давала.

inslav

Разноязычная и разноликая литература вызывала у молодого Ткалаца поток мыслей, утверждала духовную свободу, порождала критическое восприятие действительности. «Мое обучение, – заключал Ткалац, – сделало из меня бунтовщика против австрийского понимания истории, против венгерской конституции, а также католической церкви и даже против всякой позитивной религии. Я горячо симпатизировал, откровенно говоря, церковной реформации, но причина того была больше ее оппозиция папской власти и папским мирским шпионам, нежели ее протестантская догматика, которая мне казалась такой же, как и папская» [91].

Описанная ситуация была не только с Ткалацем, который в начале 60-х гг. находился в первом ряду оппозиционных политиков Хорватии. Широкий гуманитарный кругозор, который отличал Гая, Враза, Вукотиновича и других ведущих деятелей иллиризма, был также не в последнюю очередь результатом их упорного самообразования. Тем самым преодолевался провинциализм Хорватии и обретался европейский кругозор мышления.

Хорватское национальное Возрождение, особенно иллиризм, поставили перед обществом новые образовательные задачи. Загребская академия в том виде, как она существовала, изжила себя. Непреложными требованиями времени стали создание в хорватских провинциях подлинно национальной школы с обновленной методикой обучения и учреждение современного университета европейского типа.

Публицистика. Периодическая печать

В годы иллиризма переживала подъем публицистика, ставившая актуальные вопросы времени. Она проявляла себя в многочисленных «объявлениях», статьях в периодической печати и в виде брошюр.

Программный характер носили работы Раковаца «Маленький катехизис для взрослых» (1842) и Шулека «Каковы намерения иллиров?». Последняя брошюра вышла анонимно в Белграде в 1844 г. В этих публицистических сочинениях излагались идейная платформа, цели и задачи иллиризма. В

inslav

1846 г. Жигрович выступил с брошюрой «О праве на самоопределение Хорватии по отношению к Венгрии». Она была посвящена политическим вопросам.

В 1848 г. отмена цензуры дала новый импульс развитию публицистики. Увеличилось число газет и брошюр. Среди журналистов выдвинулся Драгойло Кушлан, наиболее последовательный из либеральных деятелей.

Весной 1848 г. И. Мажуранич издал в Карловаце брошюру «Хорваты мадьярам». Она содержала ответы на воззвания, исходившие от венгров в марте-апреле 1848 г. Мажуранич высказался в ней за сохранение союза Хорватии с Венгрией при широкой политической автономии Триединого королевства. В начале революции у хорватских либералов не было еще ясности в вопросе о положении Хорватии в составе Австрийской империи. В апреле появилась программная брошюра Вукотиновича «Некоторые главные вопросы нашего времени». В ней автор призывал строить будущее в опоре на «массы, а не на аристократию». В июне 1848 г. либеральный священник Штоос выпустил работу «Об улучшении нравственности духовенства». Она была направлена против безбрачия католических священников. Наконец, в октябре-ноябре 1848 г. в газете «Славенски Юг» была опубликована работа Ог. Острожинского (псевдоним Утешеновича), вышедшая затем отдельной брошюрой, «Программа организации Австрийской империи по принципу конституционной свободы и национального равноправия». В ней был изложен хорватский вариант австрославизма с его главным принципом организации Австрийской империи – равноправием граждан, сословий, религий и наций. Публицистика была в авангарде словесной культуры, концентрируя в себе и донося до читательской публики злободневные вопросы.

Периодическая печать являлась важнейшим коммуникативным средством. Ее зарождение в Хорватии было связано с деятельностью в Загребе венского предпринимателя Траттнера. С 1789 г. он стал выпускать в своей типографии первую газету на немецком языке – «Кроатишер Корреспондент». В 1826 г. в хорватской столице начал выходить на немецком языке журнал «Луна», издателем и редактором которой был

inslav

Ф.Г. Штаудуар. Вскоре она стала приложением регулярной местной газеты на немецком языке «Аграмер цайтунг». Иногда в ней печатались материалы и на кайкавском диалекте, в том числе стихотворения молодого Гая. С 1839 г. в Загребе Ф. Зуппан издавал ежемесячный журнал «Кроатиа». В нем были рубрики: наука, искусство, литература, театр, мода. В Карловаце И. Преттнер основал «коммерческий беллетристический журнал» «Дер Пилгер». В нем были представлены критика, актуальные ремесленные и промышленные вести, культурное обозрение. Преттнер в известной мере разделял идеи Воэрождения. Поэтому в журнале сотрудничали А. Мажуранич, Кушлан, Ткалац, писательница Д. Ярневич. Эти издания подготовили публику к появлению национальной периодики.

Принципиальным общественным событием стал выход в 1835 г. газеты и журнала на национальном языке. Собственником и редактором этих изданий считался Гай, но на практике их попеременно редактировали А. Мажуранич (1835–1836), Раковац (1836–1837), Бабукич (1838–1840), Шулек (1841–1846), Деметер (1846–1849).

Издание периодических печатных органов на новом литературном языке в то время было связано с огромными трудностями. В первые два года корреспондентов вне Загреба почти не было. Все от начала и до конца в газете и журнале делали Гай и его ближайшие помощники, в первую очередь Раковац и А. Мажуранич. Трудности умножались из-за строгости цензуры, отсутствия издательского опыта, малого числа подписчиков. Распространению газеты мешали плохие пути и средства сообщения. Когда же Гай стал вводить в свои издания новое правописание и штокавский диалект, встали дополнительные проблемы. Издания потеряли часть кайкавских подписчиков, в то же время они не имели еще широкой популярности и среди штокавских читателей. Поэтому, если в 1835 г. газета имела тираж 700 экземпляров, то в конце 1837 г. – только 400. Накануне 1848 г. она выходила тиражом в 800 экземпляров [92].

Тем не менее газета и журнал Гая даже в период молодости круга сотрудников отличались характером материалов, целенаправленностью статей, а, главное, национальным

inslav

литературным языком и патриотическим содержанием от существовавших в Хорватии и Славонии изданий.

В 30-е годы газета содержала в основном политическую информацию, почерпнутую из австрийских газет. В 40-е годы в ней помещались также и публицистические статьи, сведения из местной жизни, фельетоны, хозяйственные советы, торговые известия, курс венской биржи, всевозможные объявления и небольшие рассказы.

Гай и его сторонники основное внимание уделяли «Данице», ибо в цензурных условиях Хорватии и Славонии литературный журнал был более удобной формой для пропаганды национально-патриотических идей, нежели политическая газета. Особая забота о журнале определялась также необходимостью совершенствования и развития национального литературного языка.

Содержание «Даницы» с самого начала было весьма широким и разнообразным. В журнале регулярно печатались «Объявления» Гая, знакомившие общественность с направлением изданий и игравшие, особенно в первые годы иллиризма, роль программных документов. Публицистические статьи пропагандировали идеи движения. Публиковались также материалы о национальном литературном языке, нравоучительные рассуждения, произведения писателей иллиризма, стихотворения далматинско-дубровницких классиков, материалы по истории и этнографии, народные песни, критические заметки, литературные обозрения, библиография. В журнале печатались рекомендации по хозяйственным вопросам. Он знакомил хорватскую читательскую публику с литературой и шире – культурой, общественной жизнью южных славян и других славянских народов. Публиковались различные материалы о России и многое другое. По широте и богатству содержания, его идейному наполнению, по актуальности поставленных проблем «Даница» была главным органом иллиризма.

Вначале был узким круг корреспондентов периодических изданий Гая. Но приблизительно с 1838 г. он стал заметно расширяться. В «Данице» печатались все писатели иллиризма и ряд видных славянских деятелей науки и литературы.

inslav

Трудно переоценить значение газеты и журнала Гая для общественного развития хорватского народа. Они пробуждали и развивали национальное самосознание, гражданский патриотизм и свободолюбие. Национальные периодические органы объединяли и активизировали силы, способные к противостоянию угнетению. На страницах изданий Гая получила открытое выражение передовая либеральная мысль. Газета и журнал возвестили об образовании национального литературного языка и вносили вклад в его развитие.

Потребности развития литературы, повышения ее эстетического уровня, активизации литературной критики вызвали появление в Загребе в 1842 г. нового журнала – «Коло». Это был литературно – научный орган на национальном литературном языке. Его издателями значились Раковац, Враз и Вукотинович, но главная роль в «Коло» принадлежала Вразу. Поскольку для выпуска журнала требовалось разрешение высших властей, хорватские деятели назвали «Коло» – «статьи по литературе, искусству и народной жизни». Издатели стремились сделать «Коло» журналом с широким научным и литературным содержанием, охватывающим все славянство. Они ставили главную задачу – введения хорватской литературы в современный художественный процесс. Помещались в журнале и публицистические статьи. В «Коло» печатались лучшие хорватские писатели, а также сербские, словенские, чешские, словацкие, русские и польские ученые и литераторы. Благодаря этому органу значительно повысился уровень публикуемых материалов и расширились литературные и научные связи Хорватии с другими славянскими странами и провинциями.

Новый журнал с интересом был встречен славянской общественностью. Он был одобрен видными представителями чешского Возрождения Шафариком, Юнгманом, Ганкой, Палацким. Его содержание положительно оценивалось и в русской среде. «Коло» – очень недурная книга, в ней статьи весьма и весьма дельные», – записал в дневнике в 1845 г. русский ученый и общественный деятель Ф.В. Чижов [93].

В 1842–1843 гг. вышло три выпуска «Коло». Однако хорватское общество не сумело по достоинству оценить это издание. Из-за отсутствия подписчиков журнал до 1847 г. не

inslav

выходил. В дальнейшем его судьбу взяла в свои руки «Матица» – хорватское издательско-просветительное общество. В 1853 г. журнал прекратил существование.

Заметным явлением общественно-политической детельности сторонников иллиризма было издание газеты «Бранислав». В 1844 г. в преддверии заседания хорватского сабора и сессии венгерского Государственного собрания, в обстановке строжайшей цензуры печати, при некотором смягчении позиции Вены в отношении хорватского общественного движения его деятели стали выпускать в Белграде, с согласия сербского правительства, бесцензурную газету «Бранислав». Большая часть материалов в ней была написана Шулеком, но вся забота об издании покоилась на плечах П. Чавловича, который был ближайшим соратником Гая и прибыл по договоренности с ним в Белград еще летом 1843 г. Газету поддерживали А. Враницани, финансировавший ее, Д. Кушлан, Я. Драшкович, А. Нугент. Экземпляры «Бранислава» тайно переправлялись в Хорватию пароходом общества «Слога». К изданию органа имел прямое отношение и Гай. Газета пользовалась поддержкой как либеральных, так и консервативных деятелей, но ее политическое лицо определялось либералами. С сербской стороны в издании и транспортировке газеты участвовал М. Бан. В феврале 1845 г. выпуск газеты по требованию Вены прекратился [94].

Первым хорватским литературным органом в Далмации была «Зора далматинска». Она издавалась в Задаре братьями Баттара в 1844–1849 гг. Редакторами «Зоры» являлись А. Кузманич и П Прерадович (1844), И.А Казначич (1845), Н. Валентич (1846), А. Кузманич (1846–1849). Языковая политика редакторов была разной. Как уже отмечалось, Кузманич был энергичным сторонником сохранения в журнале старого далматинского правописания и местных особенностей языка. Казначич придал «Зоре» более современный литературный вид и расширил ее содержание путем публикации переводов мировой классики – сочинений Байрона, Мицкевича, Ламартина, Гюго, Гете и др.

Революция 1848 г. существенно изменила содержание и характер периодической печати в Хорватии и Славонии. Она

inslav

рождала новые темы, требовала от прессы оперативности. Если в предреволюционные годы были возможны завуалированные намеки и приглушенная «тенденция», то с марта 1848 г. периодическая печать, свободная от давления цензуры, заговорила в полный голос.

В первые месяцы революции в Хорватии выходила только газета Гая, получившая название «Новине далм. херв. славонске». Именно в ней были оперативно опубликованы важнейшие материалы хорватского общественно-политического движения, заявившего о себе с новой силой. Прежде всего это был документ «Требования народа», принятый 25 марта 1848 г. на собрании общественности в Загребе. Он представлял собой программу либеральных сил со значительной долей демократических требований в обстановке революции. Программа предусматривала безотлагательное преобразование на принципах парламентаризма всей политической системы в Австрийской империи, незыблемость демократических свобод, равенство граждан перед законом, восстановление административно-политической целостности и автономию Триединого королевства, введение национального литературного языка во все сферы жизни Хорватии и Славонии, освобождение крестьян и т. д. В дальнейшем некоторые положения программы подверглись уточнению, были конкретизированы, но на протяжении двух лет революции она оставалась руководством к действию.

Принципиально важной была статья Кукулевича-Сакцинского «Какой должна быть вообще наша политика?», опубликованная в национальной газете 20 апреля 1848 г. В ней был поставлен вопрос о политическом объединении южнославянских (сербско-хорватско-словенских) провинций в Австрийской империи. Видный либерал выдвинул также идею надгосударственного союза всех славян. Стремясь поставить его на реальную основу, хорватский политик предложил созвать общеславянское собрание, аналогичное Франкфуртскому парламенту. Такой конгресс собрался в начале июня в Праге, но он не выполнил запланированной его организаторами программы в связи с демократическим восстанием в чешской столице. Однако неудача славянского съезда

inslav

не ослабила тяготения хорватских либералов к политической консолидации славянства.

В июньских номерах газеты отразилось вызревание и формирование австрославистской платформы хорватского либерализма.

Сообщения о Пражском восстании появились в загребской газете в конце июня. Печать разоблачала придворную камарилью, стоявшую за спиной Виндишгреца, осуждала репрессии в побежденной Праге, выражала симпатии к чехам [95].

В период работы хорватского сабора (июнь-июль 1848 г.) в Загребе выходили еще две газеты: «Саборске новине» и «Приятель пука» («Друг народа»). Пресса подробно и обстоятельно с либеральных позиций освещала прения в саборе и его решения.

В августе 1848 г. в Загребе стала выходить газета либерального направления «Славенски Юг» под редакцией Д. Кушлана, при активной роли в ней серба Н. Крестича. Осенью того же года в этом органе была напечатана большая работа Утешеновича, выступившего под псевдонимом Ог. Острожинский, «Программа организации Австрийской империи по принципу конституционной свободы и национального равноправия». Затем она вышла отдельной брошюрой на немецком языке. Это был конкретный хорватский вариант австрославизма. Автор выдвинул в качестве главного принципа политического устройства габсбургского государства равноправие граждан, сословий, религий и наций. Освобождение крестьян и введение конституции должны были обеспечить эмансипацию граждан и сословий.

Летом 1848 г. внутренняя обстановка в Хорватии и Славонии и вокруг них была весьма динамичной и содержание газет было насыщенным. Они освещали перипетии политической жизни, крестьянские волнения, сербско-хорватские отношения, неоднозначную позицию австрийского двора, уклончивое поведение австрийского рейхстага в отношении Хорватии и т. д. Осенью хорватские газеты поддержали вторжение войск Елачича в Венгрию и подавление октябрьского восстания в Вене. Однако торжество военщины в побежденной столице вызвало тревогу в хорватских либеральных кругах в связи с опасностью реставрации домартовского режима.

inslav

Новое понимание политической ситуации нашло выражение в редакционной передовице «Австрийское обозрение», помещенной в газете «Славенски Юг» 1 декабря 1848 г. В статье делался решительный вывод о необходимости ликвидации Австрийской монархии и предоставления ее народам права объединения с теми государственными образованиями, «куда их зовет естество». Происшедший в группе Кушлана идейно-политический сдвиг явился одной из важных предпосылок, приведших к основательному повороту хорватской либеральной политики в новых условиях 1849 г.

В конце февраля печать заявила об оппозиции австрийскому правительству [96].

Государственный переворот, разгон австрийским двором рейхстага и издание им октроированной конституции 4 марта 1849 г. ошеломили славянскую общественность в империи. Загребская либеральная печать отразила трагизм настроений, общую разочарованность в Хорватии. Политический крах, общественная изоляция, финансовые трудности сломили Гая, человека вообще неустойчивого. В конце 1849 г. он подписал соглашение о продаже своей газеты австрийскому министерству. С 1 января 1850 г. главный политический орган хорватского национального Возрождения стал правительственным изданием. Но его курс фактически изменился с середины 1849 г., когда Шулек, узнав о намерениях Гая, ушел с поста редактора.

Идейным и организационным центром либеральной и демократической оппозиции в Хорватии выступила газета «Славенски Юг». С 1 июля 1849 г. ее редактором стал Шулек, сменивший на этом посту больного Кушлана. Если в конце 1848 г. при тираже в 850 экземпляров газета насчитывала 200 подписчиков, то в феврале 1849 г. их число достигло 420 и оно имело тенденцию к росту [97]. С середины 1849 г. газета стала ежедневной, до этого она выходила 3 раза в неделю.

Чем откровеннее камарилья вела наступление на мартовские завоевания, тем тверже и решительнее становилась позиция газеты «Славенски Юг». В 1849–1850 гг. австрийская федерация оставалась руководящей идеей хорватской интеллигенции. В статье «Наша оппозиция» Шулек заявлял:

inslav

«Мы боремся за автономию, федерацию и равноправие (особенно перед лицом германизма) – это сущность и основа нашей оппозиции» [98]. Но в новых условиях изменился смысл федералистского принципа. С открытым наступлением реакции идея федерализма получила направленность прежде всего против абсолютистского деспотизма, политической реакции, мрачного бюрократизма и германизации.

Национальность и свобода – таков был политический лозунг газеты. «Славенски Юг» с неослабевающей энергией выступал против конституции 4 марта, разоблачая ее аристократический дух, централизаторскую и германизаторскую направленность. «Под видом конституции, – писала газета, – вновь утверждается старый меттерниховский абсолютизм» [99].

«Славенски Юг» резко критиковал политику австрийского правительства, несовместимую, по его словам, с духом либерализма и направленную на восстановление домартовских порядков. Оппозиционный орган в тягостной атмосфере осадного положения, введенного на значительной территории империи, пропагандировал конституционные идеи. Он отстаивал гражданское равноправие, свободу мысли, слова, печати и общественной жизни, неприкосновенность законов, народное представительство, ответственность правительства и другие конституционные принципы. «Газета "Славенски Юг", – говорилось в передовице, – взяла на себя задачу со всей силой свободного слова защищать эти святыни...» 100. Редакция призывала народы бороться «всеми законными средствами» против цензуры. 9 мая 1849 г. Елачич ввел «Временный закон о печати», фактически поставивший хорватскую прессу под контроль цензуры и устанавливавший высокий денежный залог для издателей политических органов.

Либеральная газета выступала с критикой политического устройства Хорватии и Славонии, настаивая на безотлагательном проведении прогрессивных реформ. Кардинальный перелом произошел у юговцев в отношении к Елачичу. На страницах оппозиционной газеты получило выражение запоздалое крушение связанных с Елачичем, придворным служакой, надежд. Освобождаясь постепенно от иллюзий, хорватские либералы увидели, что их политика в последнее время

inslav

обернулась в пользу «ein einiges, grosses deutsches Oesterreich» (единой, великой немецкой Австрии) [101].

С середины 1849 г., когда были закрыты либеральные газеты в Чехии и Воеводине, «Славенски Юг» был наиболее последовательным выразителем либерально-оппозиционных настроений в империи. Еще в феврале 1849 г. австрийский кабинет воспрепятствовал распространению хорватского критического органа в Италии. Однако запретить его власти осмелились только через год. В условиях, когда Ломбардия, Галиция, Вена, Прага, Краков и Венгрия были на осадном положении, обличение загребской газетой абсолютистских тенденций австрийского двора и правительства приобретало особое значение.

В начале марта 1849 г. Н. Крестич вышел из редакции газеты «Славенски Юг» и ее редактировал один Д. Кушлан. С конца марта до середины мая в связи с болезнью Кушлана его временно замещали Л. Шплайт и М. Медакович. С 15 мая до 1 июля редактором газеты вновь был Кушлан.

С победой контрреволюции началось открытое наступление Габсбургов на сохранившиеся еще мартовские завоевания. В феврале 1850 г. было распущено Банское вече – хорватское правительство. Тогда же была запрещена газета «Славенски Юг». В знак протеста загребские горожане избрали Шулека почетным гражданином города. В июне прекратила существование загребская читальня. Выразителем оппозиционных настроений стал новый орган – «Югославенске новине», редактором которого выступил Шулек. Новая газета в конце года также была закрыта.

В 1849–1852 гг. Деметер издавал на немецком языке газету «Зюдславише Цайтунг», идейно близкую «Югу». Ее редактором был чех Й. Праус.

Культурные учреждения и общества

Деятели иллиризма выступили создателями ряда национальных культурных учреждений и обществ. После долгих хлопот Гай добился разрешения на устройство типографии, которая начала работать 1 января 1838 г. Основание типографии улучшило условия издания газеты и литературы на

inslav

национальном языке. С этого времени стали печататься книги по новой орфографии.

Еще в 1829 г. Гай задумался об организации в Хорватии научного общества. Он мог видеть основанный эрцгерцогом Иоанном в Граце Иоаннеум, был свидетелем организации в Пеште Академии наук при поддержке, в частности, хорватского дворянства. В 1836 г. Гай выступил в «Данице» со статьей «Общество друзей народного иллирского просвещения». В ней хорватский деятель высказался за организацию в Загребе общества, призванного поднять культуру народа. Его задачи должны был состоять в создании на национальном языке научных трудов в различных областях знаний (кроме политики и богословия), в развитии нового литературного языка, в сборе книг, рукописей, в первую очередь касавшихся Великой Иллирии и ее населения, в публикации различных памятников, в учреждении в будущем библиотеки и национального музея. Гай рассматривал свои издания как предтечи такого общества [102].

Лидер хорватского Возрождения вошел с предложением в хорватский сабор об учреждении общества, и тот поддержал его. Однако судьба проекта зависела от согласия венгерских властей, а затем – санкции императора. Вопрос об основании в Загребе научного общества надолго затянулся.

Тем временем в городах Хорватии и Славонии стали возникать читальни, для организации которых достаточно было разрешения городских властей. Первая читальня под названием «Друзья нашей народной литературы» была создана в январе 1838 г. по инициативе барона М. Ожеговича в Вараждине. Она насчитывала около 100 членов. Вскоре открылась читальня в Карловаце, создателями которой выступили К. Клобучарич, А. Ваканович и А. Враницани. Вслед за ней, по инициативе Я. Драшковича и других лиц, такого рода общество появилось в Загребе. В 40-е годы читальни были основаны в Джакове, Осиеке, Копривнице, Пожеге, Крапине, Самоборе, Крижевцах. Читальни стали общественными клубами, где участники иллиризма обсуждали злободневные вопросы. Таким способом парализовалось действие суровой цензуры, тяготевшей над печатью.

inslav

В июле 1838 г. в Загребе состоялось предварительное собрание патриотов с целью создания читальни под предводительством Я. Драшковича. Граф своей незаурядной личностью оказал влияние на характер загребской читальни. В речи на собрании он развил программу деятельности. Она включала изучение родного языка, развитие науки, популяризацию полезных знаний, подъем хозяйства, воспитание и повышение благосостояния народа. На том же собрании был принят документ «Основа читальни», представлявший собой правила этого общества. Согласно им, цель читальни состояла в том, чтобы «открыть возможность для чтения различных журналов и книг и таким способом расширять полезные знания». Общество намеревалось приобретать на свои средства разнообразную литературу. Для членов читальни устанавливался ежегодный взнос в размере 6 форинтов [103]. Официально общество загребской читальни преследовало скромную задачу, связанную с чтением литературы. На практике его деятельность вышла за эти рамки и развивалась в направлениях, сформулированных Драшковичем. Сам граф подарил читальне 1 тыс. книг, заложив основу ее библиотеки.

22 августа 1838 г. состоялось учредительное собрание членов Иллирской читальни в Загребе. На нем было создано правление общества во главе с Я. Драшковичем. Секретарем читальни и хранителем библиотеки избрали В. Бабукича. В 1838–1839 гг. загребская читальня насчитывала 217 членов из средних и верхних слоев общества [104]. Она стала центром общественной деятельности патриотов. Мероприятия, проводимые загребской читальней, получили общехорватское значение. По ее инициативе образовались все национальные учреждения Загреба периода иллиризма.

Библиотека Иллирской читальни состояла из периодических изданий и книг, приобретенных самим обществом, подаренных ему или предоставленных в его пользование отдельными членами. Читальня выписывала газеты и журналы, каталог которых не был постоянным и менялся. Это были политические, литературные, научные, экономические и другие издания на сербскохорватском, чешском, польском, русском, немецком, итальянском и венгерском языках.

inslav

Общество читальни в Загребе обратило внимание прежде всего на экономику. В 1839 г. оно объявило награды за лучшие сочинения по вопросу об экспорте морем хорватских вин, организации суконных и кожевенных предприятий, устройству бумажной мануфактуры в Хорватии и Славонии, а также за лучшую популярную книгу по сельскому хозяйству, рассчитанную на крестьянство. Конкурс должен был подтолкнуть развитие экономической мысли и оживить предпринимательскую инициативу в Хорватии и Славонии. Однако никаких сочинений в адрес читальни не поступило [105].

Поскольку прошение сабора от 1836 г. об организации в Загребе научного общества оставалось без ответа, правление читальни весной 1839 г. решило учредить общество «Иллирская матица», подобное существовавшим у сербов и чехов. Императору было направлено прошение об устройстве такого общества за подписью видных лиц и Правила общества. Они предусматривали создание из добровольных взносов денежного фонда общества, переход в его руки национальной газеты и типографии, издание научной, популярной и художественной литературы, сооружение здания, где разместились бы музей и библиотека. Действительными членами общества могли быть только «иллирские» писатели. Предполагалось также почетное членство для лиц, особенно отличившихся на поприще служения короне и народу. Иностранные ученые получали звание корреспондентов.

Согласно Правилам, руководство обществом должен был осуществлять Комитет, избираемый на главной скупщине. Действительные и почетные члены, а также корреспонденты выбирали двух протекторов. Предполагалось создание двух отделов – литературного и хозяйственного. Руководящие органы избирались на 3 года [106].

Гай повез ходатайство читальни и Правила общества в Вену. Двор передал хорватские документы венгерскому Наместническому совету. Здесь они пролежали 6 лет.

С целью поддержки литературы на национальном языке в ожидании императорского решения загребская читальня в 1841 г. постановила, чтобы каждый ее член приобретал по крайней мере 1 экземпляр новой книги, рекомендуемой ру-

inslav

ководством читальни. На Бабукича легла также обязанность продажи национальных книг. В этом качестве он поддерживал связи с Далмацией и Боснией, а также с Лейпцигом, Прагой, Пештом, Веной, Любляной.

Деятельность в области культуры неизбежно подводила участников иллиризма к необходимости организационной и финансовой поддержки новой литературы и издательского дела. Сербский и чешский культурный опыт показывал реальный путь к этому.

Поскольку разрешение на организацию научного общества не приходило, деятели иллиризма создали в 1842 г. при загребской читальне особый денежный фонд под названием «Иллирская матица». Его целью было издание на новом правописании старых книг, особенно дубровницких классиков, а также полезных произведений современных писателей, не имевших средств их выпустить. Для ведения дел фонда был создан литературно-редакционный комитет под председательством Гая. В него вошли Деметер, ставший секретарем загребского епископа Штоос, А. Мажуранич, Вукотинович. Секретарем был избран Бабукич, а казначеем Ванцаш. С целью решения финансовой проблемы комитет обратился к патриотам с призывом делать добровольные приношения. Лица, внесшие единовременно или в течение 5 лет по 5 фор., считались основателями Матицы. Они получали право иметь бесплатно книги, выпускаемые ею, и пользоваться правом голоса на собраниях [107].

Пожертвования быстро потекли в новый фонд, и уже в 1842 г. капитал Матицы составил более 2500 фор. серебром. До конца года определились 34 основателя, 120 человек, принявших на себя обязательства, и 434 пожертвователя. Среди первых основателей были Гай, католический епископ в Джакове П. Кукович, каноник М. Вукович, глава читальни в Вараждине М. Ожегович, крупные предприниматели Враницани и др. В период с 1843 по 1850 гг. заявил о себе еще 171 основатель. В этот круг вошли все видные деятели иллиризма: Бабукич, Деметер, Кукулевич-Сакцинский, А. и И. Мажураничи, Вукотинович, Штоос, Кушлан и др. [108]. По существу было создано новое общество. Руководило им правление читальни.

inslav

Основание Матицы в Загребе получило поддержку в славянском мире. Разделявшие идеи славянской взаимности 16 чешских литераторов и видных граждан по инициативе Шафарика направили Иллирской матице 210 злотых [109].

После выхода в 1843 г. императорского патента о запрещении в печати терминов «иллиры», «Великая Иллирия» над хорватскими национальными учреждениями нависла серьезная угроза запрещения. В это тяжелое время руководители иллиризма сделали попытку координации деятельности читален в Загребе, Карловаце и Вараждине с целью их сохранения. Правление загребской читальни предприняло также другие меры, чтобы оградить общество от нависшей опасности запрещения. Я. Драшкович и граф Ю. Оршич, происходивший из старинного хорватского рода, отправились в Вену, чтобы там отстоять загребскую читальню и Матицу. Опасения хорватских деятелей не были напрасны, так как общество читальни не было утверждено высшими властями и венгерский Наместнический совет в начале 1843 г. официально запросил Загребскую жупанию о том, что представляют собой читальня и Матица. Благодаря тому, что управление Загребской жупанией в это время находилось в руках сторонников общественного движения, читальню и Матицу удалось спасти. Но с 1843 г. деятельность читальни ослабла, число ее постоянных членов сократилось [110]. Она ограничивалась поддержкой уже существовавших национальных обществ и не проявляла инициативы в области культуры.

Матица начала свою работу в трудное время. В Загребе запрещалось печатать даже то, что уже было опубликовано в Вене, Пеште и других городах империи. Матица имела целью издание произведений дубровницких поэтов XV–XVII вв. и лучших современных хорватских писателей. Обращение к дубровницкой поэзии Возрождения и барокко объяснялось как общеполитической ситуацией, так и процессами, протекавшими в хорватской литературе.

В 1844 г. общество издало поэму «Осман» И.Ф. Гундулича. По антиосманскому пафосу она была близка духу иллиризма. В издании Матицы текст поэмы был исправлен по старым рукописям. Как уже отмечалось, недостающие XIV и

inslav

XV песни, а также толковый словарь к поэме составил Иван Мажуранич при участии Антуна Мажуранича. Благодаря хорошему знанию дубровницкой поэзии молодой поэт блестяще справился с трудной задачей. Его добавления органично вошли в художественный строй поэмы. Матица издала и вторую книгу произведений Гундулича «Разные песни». При финансовой поддержке Матицы вышел второй том «Драматургических опытов» Деметера.

В 1846 г. Матица начала печатать «иллиро-немецко-итальянский словарь», составленный Й. Дробничем. С ее помощью издавались и другие книги.

Матица поддержала журнал «Коло». В 1847 г. она финансировала IV–VI выпуски журнала. В них сотрудничали Враз, Караджич, Бабукич, талантливый хорватский поэт П. Прерадович, боснийский собиратель фольклора, литератор Ф. Юкич, Л. Маартич, выдающийся черногорский поэт Петар II Петрович Негош, словенец М. Маяр, словак Л. Штур, чешские общественные деятели Ламбл и В. Зап. Редактором «Коло» в это время был Враз. «Коло» пользовался поддержкой со стороны славянской общественности [111]. Но судьба журнала в хорватских условиях была трудной.

В 1845 г. Народная (Иллирская) читальня возобновила свою просьбу об основании в Загребе научного общества. В свою очередь и сабор вернулся к этому вопросу. В 1845 г. была удовлетворена просьба об основании кафедры национального языка и литературы в загребской Академии. Бабукич совмещал работу в Академии с активным участием в делах Матицы. В 1846 г. секретарями Матицы стали С. Враз и Я. Ужаревич. Наконец, в следующем году было получено разрешение на создание Хорватско-славонского литературного общества с условием изменения предложенного устава. Однако последующие события резко изменили общественно-политическую ситуацию, и литературное общество создано не было.

Матица приняла участие в устройстве национального музея.

Трудно переоценить значение загребской читальни и Матицы для хорватского общественного развития. Это были очаги формирования гражданского общества. Они способст-

inslav

вовали утверждению и распространению национального литературного языка, развитию на нем литературы, учреждению культурных институций.

Иллирская матица имела широкие связи в славянском мире. В 1846 г. в нее входили 28 чехов и 20 словаков. Основателями Матицы были видные деятели чешского Возрождения, словацкий поэт Я. Краль, словенские сторонники иллиризма М. Маяр и Ст. Кочевар, с 1858 г. – В. Караджич. Чешский библиотекарь А.Й. Вртятко подарил обществу рукопись поэмы И.Ф. Гундулича «Осман». В марте 1848 г. по решению правления Матицы Юнгман – «этот великий славянин» был посмертно включен в число ее членов [112].

Иллирская матица поддерживала книгообмен с видными славянскими деятелями культуры и учреждениями. Она получила в дар от Петара II Негоша по экземпляру его произведений, одарив в свою очередь поэта и владыку прекрасным изданием «Османа». В славянской печати помещались сообщения о деятельности Матицы в Загребе. В России о ней с одобрением писали Ригельман и Дубровский в журнале «Москвитянин», издававшемся известным историком и писателем М.П. Погодиным, а также И.И. Срезневский в «Современнике» Н.А. Плетнева [113].

Революционные события 1848 г. нарушили размеренное течение культурной жизни, планы деятелей иллиризма и ожидания. В конце года на волне общественного воодушевления собралась главная скупщина загребской читальни с Матицей. Я. Драшкович призвал шире развернуть деятельность. Однако хорватское общество вместе с октроированной конституцией марта 1849 г. постигло глубокое разочарование и беспокойство. В 1850 г. в Загребе были закрыты оппозиционные газеты. В обстановке преследований прекратила существование Народная читальня. Общество окутал мрак безверия, отчаяния и подавленности.

В эти хмурые времена Иллирская матица, несмотря на уменьшение числа ее членов и нехватку средств, оставалась одним из очагов национальной жизни. На главной скупщине 9–27 февраля 1851 г., когда уже прекратила существование загребская читальня, были приняты Правила Матицы. С это-

inslav

го времени она действительно стала самостоятельным обществом и ей была уготовлена долгая жизнь. В 1874 г. она получила название Хорватская матица.

Матица продолжила выпуск «Коло». В 1851 г. под редакцией Враза вышла седьмая книга, которая содержала, в частности, его перевод поэмы А. Мицкевича «Требина». Враз подготовил к печати и восьмой выпуск «Коло», который увидел свет уже после его смерти под редакцией А.Т. Брлича. В 1853 г. журнал прекратил существование в обстановке общей подавленности общества из-за отсутствия сотрудников.

В своей многоплановой деятельности участники иллиризма не упускали из виду хозяйство Хорватии. В национальной периодической печати регулярно помещались материалы на хозяйственные темы. В 1841 г. в Хорватии было образовано первое «Общество по развитию и улучшению сельского хозяйства». В дальнейшем оно стало называться «Хорватско-славонское хозяйственное общество». В январе 1842 г. оно насчитывало 503 члена. По данным Враза, в 1843 г. в нем было 800 членов [114]. Его официально возглавлял епископ Хаулик, секретарем был Раковац. Общество издавало ежемесячный журнал, а также выпустило в 1847 г. под редакцией Раковаца «Календарь для простого народа» тиражом в 6000 экземпляров. Оно развернуло практическую работу по подъему сельского хозяйства, насколько это было возможно при сохранении подневольного труда крестьян. Участники иллиризма сыграли важную роль в основании пароходного общества и сберегательной кассы.

Заветной мечтой Гая было создание национального музея. Мысль о нем родилась у него еще в пору учебы в университете. Тогда же он начал собирать сведения об устройстве музеев и библиотек. Основную часть экспонатов для музея собрала и приобрела за счет Матицы загребская читальня. В свою очередь Раковац, став секретарем хозяйственного общества, развернул деятельность по сбору предметов, касающихся природы и экономических ресурсов Хорватии. Много сделал для основания музея М. Сабляр, бывший граничарский офицер. Первоначально минералогическая, зоологическая, археологическая, нумизматическая и другие коллекции

inslav

и собрание рукописей размещались в помещении хозяйственного общества, а с 1846 г. – в Народном доме [115].

В 1847 г. в Загребе был торжественно открыт Народный дом. Красивое и видное здание для него было куплено на средства, собранные из частных пожертвований и на основе акций по 50 форинтов каждая. Здесь разместились все общественные национальные институции Загреба. Благодаря усилиям деятелей иллиризма этот город стал действительным культурным центром хорватских провинций.

Общественная инициатива Загребом не ограничивалась. Но деятельность других читален имела местное значение и была слабой. Так, в Осиеке не было точных данных о членах читальни, членские взносы поступали нерегулярно, решения общества не претворялись в жизнь. Читальня имела всего 7 названий газет и несколько книг [116].

Вместе с тем в учебных заведениях существовали небольшие молодежные объединения. Выше уже говорилось об обществе духовной молодежи в загребской семинарии, образовавшемся в 1836 г. Оно существовало до 1839 г., когда по распоряжению руководства семинарии, опасавшегося распространения среди клириков вольнолюбивых настроений, было закрыто. Но через год в семинарии явочным порядком возник молодежный литературный кружок при действовавшем с 1839 г. с разрешения начальства музыкальном Народном иллирском обществе складногласия. По примеру загребских семинаристов и в Джакове в 1842 г. образовалось общество молодых клириков. Молодежные объединения в Загребе и Джакове были связаны между собой перепиской, в ходе которой обсуждались национальные дела [117].

Семинаристы изучали национальный литературный язык, упражнялись в других славянских языках, собирали народные песни, устраивали любительские театральные представления, национальные вечера и концерты. Молодежь поддерживала тесные связи с Гаем, Шулеком, Бабукичем, Вразом, Раковацем и другими видными участниками иллиризма, сотрудничали в «Данице». Семинаристы имели контакты с известными представителями славянского Возрождения. Общество загребских семинаристов финансировало

inslav

издание брошюры Шулека [118]. В начале 1846 г. в Загребе образовалось научное общество молодежи. В центре внимания его участников был национальный литературный язык.

О музыкальных обществах говорилось выше.

Действовавшие в Хорватии и Славонии культурные учреждения и общества были двух типов: наиболее важные из них (Иллирская читальня, Матица) по широте поставленных задач, составу участников и деятельности были подлинно национальными организациями, другие носили локальный характер или являлись объединениями по интересам. Но в том и другом случае, хотя и в разных масштабах, они способствовали распространению культурных ценностей на хорватском пространстве и были путями «национальной коммуникации».

В годы иллиризма благодаря целенаправленной сознательной деятельности его участников – интеллигенции и небогатого дворянства – были заложены основы национальной хорватской культуры. Она заключала в себе переоценку жизненных ориентиров, ценностей и идеалов. Новая культура отвечала запросам и потребностям продвинутой части общества с сознанием национальной идентичности и гражданской инициативой. Основная масса населения – крестьянство, располагавшее мощной народной культурой, стояла в стороне от этого процесса. Но народ был общепризнанным носителем исходных культурных ценностей. Вектор культурной перестройки задавала образованная интеллектуальная среда, выступавшая от лица нации. Хорватская культура нового исторического типа характеризовалась внутренней духовной свободой, национальной идентичностью, гражданственностью, внешней открытостью и общеевропейской ориентацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Danica. 1835. Br. 34. S. 234.

[2] Danica. 1835. Br. 34. S. 235, 236.

[3] Danica. 1836. Br. 18. S. 70, 71, 72.

[4] Danica. 1839. Br. 47. S. 186, 187.

[5] См.: *Mamuzić I.* Ilirizam i Srbi // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1933. Knj. 247.

[6] *Georgijević K.* Grof Janko Drašković (1770–1856). Sarajevo, 1958. S. 40.

inslav

[7] Danica. 1835. Br. 20. S. 77–78.
[8] Danica. 1835. Br. 17. S. 66.
[9] Danica. Br. 17–21.
[10] Danica. 1835. Br. 8. S. 32; Br. 17. S. 66; Br. 18. S. 70; 1839. Br. 42. S. 167 i dr.
[11] Danica. 1839. Br. 42. S. 167.
[12] Danica. 1835. Br. 20. S. 77.
[13] Danica. 1835. Br. 18. S. 72.
[14] Danica. 1839. Br. 47. S. 187; 1841. Br. 15. S. 57; Novine. 31.X.1846. S. 364.
[15] Danica. 1837. Br. 16. S. 61.
[16] Danica. 1836. Br. 1. S. 1.
[17] Danica. 1841. Br. 39. S. 157.
[18] Danica. 1845. Br. 1. S. 3.
[19] Danica. 1835. Br. 48. S. 290.
[20] Позднее издание называлось «Любитель просвештения. Србско-далматинский магазин».
[21] *Rački F.* Dr. Božidar Petranović // Rad. Zagreb, 1875. Knj. XXX. S. 182 i sl.
[22] Danica. 1841. Br. 25. S. 103.
[23] *Vince Z.* Stav Zore dalmatinske u Zadru prema težnjama iliraca za jedinstvenom grafijom u hrvatskoj književnosti // Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi. Sarajevo, 1961. Knj. XVIII. S. 152.
[24] Ibid. S. 158–160, 163–164; Idem. Pravopisno-jezična previranja u sjevernoj Dalmaciji prije 1860. god. // Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. Zadar, 1961. Sv. 8. S. 271.
[25] *Vince Z.* Pravopisno-jezična previranja... S. 287.
[26] *Vince Z.* Stav Zore dalmatinske... S. 149.
[27] Подробно об истории создания песни см.: *Stančić N.* Gajeva «Još Horvatska ni propala» iz 1832–33. Zagreb, 1988.
[28] См.: *Blažek T.* Moja želja // Danica .1838. Br. 3. S. 8.
[29] Денница. 1843, январь. С. 55.
[30] *Barac A.* Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije. Zagreb, 1964. Knj. I. Književnost ilirizma. S. 269.
[31] *Frangeš J.* Predgovor // *Mažuranić I.* Smrt Smail-age Čengića. Zagreb, 1979. S. 16.

inslav

[32] См.: *Mažuranić I.* Smrt Smail-age Čengića. Napomene. S. 206.
[33] Ibid. S. 204–206.
[34] Биографии и творческие портреты названных писателей см: Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1975. Knj. 4.
[35] Hrvatska književna kritika. Zagreb, 1960. Knj. I. S. 48; *Данилова А.В.* От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX веков. М., 1985. С. 148–149.
[36] Kolo. 1843. III. S. 134.
[37] *Tkalac I.* Uspomene iz Hrvatske. Zagreb,1945. S. 201.
[38] Dela Stanka Vraza. Zagreb, 1877. D. 5. S. 272–273.
[39] Danica. 1838. Br. 50. S. 197–198.
[40] *Schneider M.* Slikarstvo u Hrvatskoj u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. Zagreb, 1985. S. 201.
[41] Ibid. S. 202, 203; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987. S. 142.
[42] *Schneider M.* Slikarstvo... S. 204, 205.
[43] Ibid. S. 206, 207.
[44] О жизни и творчестве Караса см.: Narodne novine 16.X.1856; 20.XI.1856; 2.XII.1856; Luna. 10.XI.1856 – *Simić-Bulat A.* Vjekoslav Karas u zagrebačkoj štampi 1856. god. // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. I; Всеобщая история искусств. М., 1964. Т. V. С. 374.
[45] *Jurvan-Karaman D.* Klasicistički arhitektonski objekti Maksimira // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. I; *Tarbuk N.* Skulptura u Hrvatskoj u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. S. 210–212.
[46] *Andreis J., Cvetko D., Đurić-Klain S.* Historijski razvoj muzičke culture u Jugoslaviji. Zagreb, 1962. S. 102; *Blažeković Z.* Glazba u vrijeme Hrvatskog narodnog preporoda // Hrvatski narodni preporod. S. 115.
[47] *Blažeković Z.* Glazba... S. 115.
[48] *Andreis . i dr.* Historijski razvoj... S. 103.
[49] *Blažeković Z.* Glazba... S. 115.
[50] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 104; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S 143.
[51] *Blažeković Z.* Glazba... S. 117.

inslav

[52] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 143; Hrvatski narodni preporod. S. 132.
[53] *Blažeković Z.* Glazba... S. 115.
[54] Ibid. S. 116.
[55] Danica. 1838. Br. 14. S. 56; *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 111.
[56] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 112.
[57] Ibid. S. 114.
[58] Danica. 1846. Br. 15. S. 57–60; *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 114, 116.
[59] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 116.
[60] Blažeković Z. Glazba... S. 117.
[61] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 118, 119, 146; *Blažeković Z.* Glazba... S. 117.
[62] Подробно о персоналиях см. *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 120 i sl.
[63] *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj... S. 101.
[64] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 143–144.
[65] Danica. 1847. Br. 20. S. 82.
[66] *Horvat J., Ravlić J.* Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956. S. 61.
[67] Danica. 1839. Br. 46. S. 181–182.
[68] Danica. 1840. Br. 24. S. 94.
[69] Danica. 1845. Br. 18. S. 70, 71.
[70] Danica. 1847. Br. 19. S. 76, 78; Br. 20. S. 81–82.
[71] О театральном творчестве в годы иллиризма см.: *Batušić N.* Ilirski pokret i kazalište // Hrvatski narodni preporod; *Данилова А.В.* От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепции национальной художественной культуры...
[72] *Bratulić J.* Pravopisno – jezična problematika u vrijeme Hrvatskog narodnog preporoda // Hrvatski narodni preporod. S. 34–35.
[73] *Tkalac I.* Uspomene iz Hrvatske. Zagreb, 1945. S. 145, 146, 147, 158.
[74] *Šidak J.* Jedno stoljeće u hazvoju školstva u Hrvatskivm zemljama od 1773. do 1874 // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 193, 196.
[75] Novine. 17.III.1847. S. 87; *Ягич В.И.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 428.

inslav

[76] *Šidak J.* Jedno stoljeće... S. 193–196; *Durbešić R.* Školstvo u Hrvatskoj u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. S. 149–153.
[77] *Šidak J.* Jedno stoljeće... S. 192–193.
[78] *Nemeth K.* Zagrebačka akademija uoči Narodnog preporoda // Iz starog i novog Zagreba. Zagreb, 1957. I. S. 170, 172–173.
[79] Branislav. 1844. S. 3.
[80] *Nemeth K.* Zagrebačka akademija... S. 175.
[81] Ibid. S. 175–176.
[82] Ibid. S. 178–179.
[83] *Tkalac I.* Uspomene... S. 280.
[84] *Šidak J.* Regia scientiarum Academia // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća... S. 179.
[85] Danica. 1846. Br. 29. S. 118.
[86] Ibid.
[87] Novine. 29. V 1847. S. 17.
[88] *Tkalac I.* Uspomene... S. 184–187.
[89] Ibid. S. 279.
[90] Ibid. S. 187, 188.
[91] Ibid. S. 278.
[92] *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. 1771–1939. Zagreb, 1962. S. 110, 123, 133; Povijest hrvatske književnosti. S. 24, 25, 26.
[93] Славянский архив. М., 1958. С. 167; *Smičiklas T., Marković F.* Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. Zagreb, 1892. S. 263.
[94] *Šidak J.* O uredniku i značenju ilirskog «Branislava» (1844–1845) // Historijski zbornik. Zagreb, 1961. S. 79.
[95] Novine. 20.VI.1848. S. 256; 27.VI. S. 267; Slavenski Jug. 6.VIII.1848, dodatak; 18.VIII.1848. S. 23.
[96] Novine. 22.II.1849. S. 89; Slavenski Jug. 27.II.1849. S. 97.
[97] *Maixner R, Jakić T., Esih Iv.* Korespondencija Dragojla Kušlana // Građa za povijest književnosti hrvatske. Zagreb, 1950. Knj. 19. S. 165.
[98] Slavenski Jug. 31.XII.1849. S. 597.
[99] Slavenski Jug. 10.III.1849. S. 117.
[100] Slavenski Jug. 12.IV.1849. S. 169. См. также: 12.V.1849. S. 224; 19.V.1849. S. 235.
[101] Slavenski Jug. 15.III.1849. S. 125.

inslav

[102] Danica. 1836. Br. 33. S. 130–131.
[103] Danica. 1838. Br. 31. S. 121–122.
[104] *Ravlić J.* Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. Zagreb, 1963. S. 160; Matica hrvatska. 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 260-263.
[105] *Ravlić J.* Ilirska čitaonica u Zagrebu. S. 167–169, 173.
[106] Славянские матицы. XIX век. М.,1996. Ч. I. С. 124–125.
[107] Matica hrvatska. 1842–1962. S. 265.
[108] *Ravlić J.* Povijest Matice hrvatske // Matica hrvatska... S. 28; *Szabo Ag.* Središnje institucije Hrvatske u Zagrebu. 1860–1873. Zagreb, 1988. II. S. 21–25, 28.
[109] *Жажек В.* Матичарски покрет код словена у Аустрији за време њиховог народног препорода // Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983. С. 189.
[110] *Ravlić J.* Ilirska čitaonica... S. 199, 201, 204, 205, 208.
[111] *Smičiklas T., Marković F.* Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. Zagreb, 1892. S. 263.
[112] *Жажек В.* Матичарски покрет... С. 190.
[113] *Ravlić J.* Povijest... S. 53; Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 85; Ч. VI. № 11. С. 42; Современник.1846. Т. 42. С. 324–325.
[114] Денница. Варшава, 1843. Ч. III. С. 22.
[115] *Ravlić J.* Ilirska čitaonica... S. 210; *Idem.* Ustanove i društva kulture u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda // Kolo. 1966. Br. 8, 9, 10. S. 363.
[116] Novine.14.XI.1846. S. 384.
[117] *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Варшава, 1894. С. 253–255, 257; Danica. 1842. Br. 20. S. 80.
[118] Novine. 1.V.1847. S. 139, 171; *Lisac A.* Oko «Branislava» i njegova urednika // Historijski zbornik. 1958–1959. Zagreb, 1970. S. 251.

inslav

Глава VI

ХОРВАТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Под знаком славянской взаимности

В годы иллиризма получило реальное воплощение учение о «славянской взаимности» Коллара. До иллиризма хорватское общество мало знало о славянском мире и мало общалось с ним [1]. Представители хорватского национального Возрождения своей деятельностью приблизили хорватов к другим славянам.

Хорватские национальные деятели положили начало обстоятельному и систематическому ознакомлению хорватской общественности через периодические издания с национальной жизнью, культурой и историей чешского и словацкого народов. Загребский журнал «Даница» регулярно сообщал о новинках художественной и научной чешской и словацкой литературы, писал о деятельности культурно-просветительных обществ, о национальном чешском театре, о народных балах и Народном доме в Праге, об изучении чешской и словацкой молодежью родного и других славянских языков и об иных явлениях национальной жизни в чешских и словацких землях, помещал статьи по истории чешского и словацкого народов. Журнал публиковал материалы о насильственной мадьяризации словаков, отстаивая их право на национальное развитие.

Сведения о национальной деятельности чехов и словаков редакция «Даницы» черпала в основном из чешской, австрийской и словацкой прессы. Но с конца 30-х годов в журнале стали появляться также корреспонденции и материалы

inslav

с мест. Для научно-литературного издания «Коло» были специально написаны обзоры чешской и словацкой литературы русским славистом И.И. Срезневским, чешским поэтом К. Эрбеном и деятелем словацкого Возрождения Й. Гурбаном.

«Даница» часто перепечатывала из чешских и словацких журналов и помещала специально написанные для нее чешскими и словацкими авторами в переводе на национальный хорватский язык повести и рассказы, научные и публицистические статьи, обзоры и рецензии на хорватские и другие славянские издания. В свою очередь Станко Враз печатался в чешских журналах. В 1845 г. в журнале «Часопис ческего музеа» были помещены его переводы из «Краледворской рукописи» [2].

В Праге писатели иллиризма иногда издавали свои сочинения. Эрбен оказал большую помощь Вразу при издании в 1845 г. его стихотворного сборника «Гусли и тамбуры» [3].

Через Прагу в Хорватию в значительной мере поступала литература, интересующая образованных хорватов. Выходившие в Праге чешские издания были для них важным средством просвещения и источником научных знаний. Чешская пресса, особенно в первое время, стала для хорватских национальных деятелей, не имевших в 1835–1837 гг. еще тесных контактов с другими славянскими землями, важнейшим источником информации о жизни славян.

Гай и Враз неоднократно ездили в Прагу, вели переписку и были лично знакомы с виднейшими представителями чешской и словацкой общественности: П.Й. Шафариком, Я. Колларом, Ф. Палацким, К. Эрбеном, В. Ганкой, К. Гавличком-Боровским, Ф. Челаковским, Л. Штуром, А. Врховским, Й. Гурбаном и др. Враз был членом чешского издательского общества «Матица ческа» [4].

Деятели чешского и словацкого Возрождения со своей стороны проявляли живой интерес к литературе и культурно-просветительной деятельности хорватов. Прага прислала «Иллирской матице» 700 форинтов серебром [5]. Почетный титул «основателей Матицы» носили Ф. Челаковский, Й. Фрич, В. Ганка, М. Годжа, Я. Коллар, Й. Юнгман, Ф. Палацкий, Я. Поспешил, П.Й. Шафарик и др. [6].

С интересом было встречено в чешской и словацкой среде загребское издание «Коло». Его содержание одобрили

inslav

чешские ученые Шафарик, Юнгман, Ганка и Палацкий [7]. Высокую оценку Шафарика и Челаковского получил сборник словенских народных песен Враза [8]. Челаковский и Коллар отметили большую художественную ценность первого стихотворного сборника этого поэта «Джулабие», вышедшего в 1840 г. [9]. Шафарик в связи со сборниками Л. Вукотиновича «Песни и рассказы», изданными в 1838 и 1840 гг., писал о нежности чувств и красоте его слога [10].

В Праге были изданы в переводе на чешский язык некоторые хорватские книги. Так, в 1845 г. были переведены брошюра М. Мажуранича «Взгляд на Боснию, или Короткое путешествие, совершенное в эту провинцию одним патриотом» и пространное сочинение Я. Драшковича «Слово благородным иллирским дочерям» [11].

Примером тесных связей хорватского и словацкого освободительных движений стала судьба словака Богослава Шулека. Он родился в 1816 г, в Суботиште в семье евангелического священника. Учился в евангелическом лицее в Пожуне [12] одновременно со Штуром, Годжей, Гурбаном, Врхопским и другими и был членом Литературного общества. Приехав в 1839 г. в Загреб, он одно время работал в типографии Жупана, а с 1842 г. – у Гая. Вскоре он стал редактором изданий Гая [13]. Шулек связал свою судьбу с иллиризмом, явившись одним из главных идеологов и пропагандистов хорватской либеральной мысли.

Особое значение имели отношения деятелей иллиризма с Шафариком, Колларом и Штуром.

Большое влияние на идеологию и практику хорватского национального Возрождения оказал словак Павел Йозеф Шафарик. Еще до начала иллирского движения национально настроенные хорваты, особенно молодежь, читали труды Шафарика, посвященные истории славянских литератур и этногенезу славян. В дальнейшем в Хорватии узнали и его фундаментальное исследование «Славянские древности», вышедшее в 1837 г. Книги Шафарика, показывавшие славян как единое целое и раскрывавшие значительную роль и место славянских народов в создании европейской цивилизации, произвели сильное впечатление на передовую хорватскую общественность. Они оказали прямое воздействие на формирование теоретических взглядов и исторической кон-

inslav

цепции Гая, а также других идеологов иллиризма.

Знакомство Шафарика с Гаем началось с обмена письмами. По рекомендации Коллара, Шафарик, готовивший новое издание «Истории славянских литератур», обратился к Гаю, учившемуся тогда в Пештском университете, с просьбой сообщить ему материалы по хорватской литературе. По получении их Шафарик написал Гаю ответ, где говорил о необходимости духовного единства славян и распространении просвещения как условия славянского единения [14]. Лично Гай узнал Шафарика в 1833 г., когда посетил Прагу [15].

Шафарик уже в 1831 г. поддержал усилия Гая в области орфографической реформы [16]. С начала иллирского движения чешский ученый внимательно следил за литературно-языковой деятельностью Гая и его соратников. Он приветствовал в письме Гаю в марте 1835 г. выход хорватских национальных изданий (газеты и журнала) и их содержание. Шафарик публично в печати одобрил новое правописание и грамматику общехорватского литературного языка В. Бабукича [17]. В 1838 г. он выступил в пражском журнале «Ost und West» с большой статьей, положительно оценивающей литературно-языковую реформу Гая и направление его изданий. Одновременно Шафарик советовал издать произведения дубровницких классиков новой орфографией, сборник народных песен, напечатать грамматику «иллирского языка», собрание древних источников по истории «Великой Иллирии» и географию последней [18]. Все это в первые годы иллиризма и было сделано хорватскими деятелями. Шафарик и в дальнейшем поддерживал литературно-языковую деятельность представителей хорватского Возрождения [19]. Он собрал в Праге для «Иллирской матицы» 210 форинтов серебром [20].

В свою очередь «Даница» пропагандировала сочинения Шафарика, хотя в условиях Хорватии это было трудно делать, поскольку Шафарик и Коллар были протестантами. В середине 1835 г. в «Данице» была помещена в свободном переводе статья чешского ученого «Значение и просвещенность славянского народа в целом» [21]. В 1836 г. журнал познакомил хорватскую общественность с крупной работой Шафарика «Мысли об автохтонности славян а Европе» [22]. С этого времени «Даница» часто перепечатывала в основном из чешских

inslav

журналов и помешала специально написанные для нее в переводе на хорватский язык научные статьи, рецензии, обзоры южнославянских литератур Шафарика, а также публиковала рецензии на его работы.

Враз и Гай неоднократно лично встречались с Шафариком, предоставляли ему некоторые материалы для исследований. Когда в 1840 г. Гай отправился в Россию, Шафарик снабдил его рекомендательными письмами [23].

Центральное идеологическое положение иллиризма – идея «Великой Иллирии» – по существу явилось творческим развитием учения о славянской взаимности Коллара.

Гай лично познакомился с Колларом в Пеште, куда первый прибыл в 1829 г. для завершения университетского образования. В то время словацкий пастор пользовался уже большим влиянием на славянскую молодежь в венгерской столице. Коллар обучал Гая чешскому языку. С ним Гай беседовал о правописании, о газете и вообще о пробуждении национального самосознания у славян [24].

Еще в 1832 г. Коллар одобрял в письме к Гаю его усилия в отношении издания хорватского периодического органа, подчеркивал необходимость ориентироваться на все Триединое королевство [25]. Коллар призывал к литературной связи хорватского журнала с другими славянскими изданиями [26]. Позднее он писал для «Даницы». Редакция журнала перепечатывала его публицистические и научные статьи из чешских изданий, помещала отрывки из его книг. В 1836 г. была опубликована большая статья Коллара «О литературной взаимности между славянскими коленами и наречиями», написанная специально для «Даницы» [27]. В 1844 г. редакция вновь поместила его работу, проникнутую мыслью о славянской взаимности и просвещении [28]. В 1841 г. Коллар проездом в Италию посетил Загреб, где был торжественно принят хорватскими деятелями [29].

Тесные связи загребские энтузиасты поддерживали с Людовитом Штуром. Он писал для «Даницы» и «Коло». В 30-х годах Штур и учащаяся молодежь Пожунского лицея выписывали издания Гая, учили хорватский язык, интересовались хорватской литературой. Штур переписывался с Гаем, Бабукичем, Вразом, Раковацем, Мажураничем и др. [30].

inslav

Деятели иллиризма одобряли в своих изданиях национальную деятельность чехов и словаков, заимствовали опыт и находили в ответ дружескую поддержку своим начинаниям. Загреб не мог остаться безучастным к такому важному факту в национальной жизни словаков, как литературно-языковая реформа Штура и издание им в 1845 г. словацкой политической газеты с литературным приложением. Это означало поворот в литературно-языковом развитии словацкого народа. В те годы в словацкой среде шли горячие споры о литературном языке словаков. Ряд видных деятелей чешского и словацкого Возрождения, в том числе Шафарик, Коллар, Палкович, защищали чешский язык для словацкой литературы.

В хорватской национальной среде исторический поворот Штура вначале был встречен положительно, несмотря на то, что он находился в противоречии с генеральной линией иллиризма на литературно-языковое слияние южных славян.

«Даница» опубликовала в середине 1845 г. статью Б. Шулека «Народность словаков», посвященную национальному развитию словаков. В ней автор заявлял: «Что касается нас, мы считаем, что словаки правильно сделали, отделившись от чехов и избрав свой путь; потому что их цель не может состоять в грамматике, но в просвещении и образованности народа, а этого они действительно легче достигнут, обучая массу на ее родном языке, нежели на другом языке, который менее знаком». Вместе с тем Шулек выражал мнение, что «конечной целью этого отделения должно быть медленное, постепенное, естественное, но зато тем более крепкое соединение словаков с чехами, и к этому избранный ими путь действительно приведет» [31].

Шулек полагал, что это сближение должно произойти через взаимное познание чехами и словаками их литературных языков, т. е. по существу на базе литературной взаимности, и путем лексического приближения. В связи с этим Шулек считал, что словацким писателям следовало взять за основу литературного языка не центральный, среднесловацкий диалект, а юго-западное словацкое наречие, наиболее близкое к чешскому языку, то наречие, на котором писали словацкие будители Бернолак и Голы [32].

Однако через некоторое время положение стало другим.

inslav

В 1846 г. резко изменилось направление литературного органа Далмации «Зоры далматинской» в сторону сохранения и закрепления в литературе далматинских языковых особенностей. Во второй половине 40-х годов усилились антииллирские настроения среди словенцев. В это время Штур опубликовал теоретическую работу «Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии» [33], где в приложении, отказавшись от своих прежних воззрений касательно целесообразности литературно-языкового южнославянского единства, высказался за сохранение словенцами и болгарами своей литературно-языковой индивидуальности.

В связи с этим представляется не случайным тот факт, что в «Данице» в 1847 г. была напечатана статья священника А. Вебера Ткалчевича «Краткое описание долгого путешествия», в которой с явным неодобрением говорилось о литературно-языковом отделении словаков от чехов. Ткалчевич называл этот шаг «сепаратизмом» и усматривал в нем прецедент для дальнейшего литературно-языкового дробления славянства, в том числе и южных славян. Особое недовольство Ткалчевич высказал по поводу замечания Штура о литературном развитии словенцев и болгар [34].

На это Ткалчевичу ответил в «Данице» сам Штур. В «Письме из Пожуна» [35] Штур писал, что он в первое время считал правильной тенденцию к литературному единству южных славян, однако со временем пришел к выводу о целесообразности литературно-языковой самостоятельности словенцев и болгар. Штур разъяснял свое понимание славянского единства. Он видел его не в литературно-языковом слиянии, а «в единстве стремлений, в единстве принципов, в одной и той же цели». Он отрицал за таким «согласием» необходимость национальной основы. Это была концепция славянской взаимности, родившаяся на более высокой стадии национального развития славянских народов и их самосознания, нежели учение о славянской взаимности Коллара. Утверждая единство и целостность славянства, эта концепция принципиально отличалась от колларовской признанием национальной самобытности каждого славянского народа [36]. Трезвые взгляды Штура относительно литературно-языкового развития южных славян шли вразрез с представления-

inslav

ми хорватских национальных деятелей. От их лица вновь на страницах «Даницы» выступил Ткалчевич, где в пространном «Ответе господину Людовиту Штуру» настаивал на едином литературном языке для южных славян и одновременно подчеркивал нецелесообразность литературно-языкового отделения словаков от чехов [37].

Чешское и словацкое влияние на развитие освободительного движения в Хорватии и Славонии не ограничивалось идеологической сферой, оно касалось также форм национальной борьбы. «Матица» в Загребе возникла не в последнюю очередь по примеру чешского издательского центра «Матица ческа», который был основан еще в 1831 г. Прообразом загребского Народного дома был Народный дом в Праге. Народные балы в Хорватии устраивались по типу чешских балов и т. д.

Чешское влияние на хорватское общественное движение признавали и сами хорватские деятели. С. Врбанчич писал в «Данице» в 1845 г.: «Если посмотрим, какими средствами остальные народы, в особенности наши братья чехи, чужой дух, который у них точно так же, как и у нас, господствовал, истребили и национальный язык и национальный дух в общественную жизнь ввели, – увидим, что они достигли этого главным образом национальными развлечениями, как-то: национальный театр, национальные музыкальные академии, вечера, декламации и т. д.» [38]. Все эти формы национального движения проявились и в Хорватии. Но, конечно, хорватские национальные институты не были простой копией соответствующих чешских заведений. Они сообразовались не только с потребностями, но и с конкретными условиями хорватского национального развития.

У освободительных движений славян в Австрийской империи в первой половине XIX в. было много общего в области идеологии и тактики.

Гораздо слабее были хорватско-польские культурные связи. В значительной мере это объяснялось тем, что среди поляков после 1830–1831 гг. идея славянской взаимности была непопулярной и тяга к общению с другими славянами – ограниченной.

Но «Даница» стремилась регулярно информировать хор-

inslav

ватскую общественность о национальной жизни поляков в разных польских областях. Начиная с 1835 г. в журнале помещались библиографические сведения о польской литературе, а затем и более обстоятельные обзоры польских книг, журналов и газет, информация о развитии польской культуры, статьи о выдающихся польских писателях и деятелях науки, материалы по истории Польши.

Первоначально источником этих сведений была чешская и частично австрийская печать. Но в дальнейшем «Даница» помимо нее опиралась и на польскую прессу, выходившую в Варшаве, Львове и Познани. В «Коло» печатались обзоры польской литературы, написанные Вразом по польским источникам, а также редактором варшавской «Денницы» П. Дубровским и чехом В. Запом, жившим во Львове. И. Мажуранич и С. Враз переводили с польского, особенно стихотворения Мицкевича. Гай переписывался с некоторыми поляками и был лично знаком с учеными Кухарским и Мацеевским.

Иллиризм и Россия

Издания Л. Гая впервые стали знакомить хорватскую читательскую публику с общественной жизнью России. Гай рассматривал могущественную в то время Россию как моральную опору угнетенного славянства. Он понимал, что величие, политический вес и авторитет русского государства способны были оказать и оказывали влияние на рост национального самосознания порабощенных Австрией и Турцией славянских народов, придавали им силы и уверенность в борьбе. Этим объясняется желание Гая как можно шире и обстоятельнее через свои издания ознакомить хорватскую общественность с историей и современной жизнью русского общества.

В 30-х годах информацию о русском обществе редакция «Даницы» черпала из австрийских и чешских газет. Вначале прямого контакта с Россией вообще не было. Это придавало помещавшемуся в «Данице» материалу о России налет случайности. «Даница» не всегда могла фиксировать внимание хорватской общественности на важнейших явлениях общественной жизни России и подчас помещала малосодер-

inslav

жательные и невыразительные заметки, почерпнутые из посредственных источников.

И в 40-х годах «Даница» брала материал о России в основном из австрийской и чешской прессы. Но кое-что перепечатывалось из русских газет и журналов. Только Враз, как редактор «Коло», имел сведения непосредственно от П. Дубровского, редактора варшавской «Денницы», но это касалось исключительно литературной жизни России.

Получение в Хорватии книг и журналов прямо из России было связано с неимоверными трудностями. Книги по торговому каналу шли из Петербурга через Лейпциг и Вену. В самой австрийской столице с трудом можно было достать русскую книгу. Даже в 1847 г. Враз в письме Ганке жаловался: «Вообще могу Вам сказать, что мы в отношении русской литературы находимся в страшной темноте, потому что не имеем ни средств, ни путей выбраться на свет» [39]. Все это ограничивало возможности хорватских деятелей в ознакомлении хорватского общества с Россией.

В «Данице» материалы на русские темы публиковались с начала выхода издания. Первоначально это были нравоучительные сентиментальные рассказы о «добродетелях» русских царей и императоров. Но постепенно «Даница» перешла к систематическому освещению современной жизни России, стала знакомить хорватскую читательскую публику (конечно, в переводе) с образцами русской публицистики, поэзии, прозы и т. д.

В 1837 г. была напечатана первая в Хорватии статья об А.С. Пушкине, краткий очерк биографии и творческого пути поэта, основанный на сведениях из австрийской печати [40]. В 1838 г. из заметки «Гордость русской литературы», написанной по материалам венских газет, хорватская общественность впервые узнала о русском баснописце И.А. Крылове [41].

С 1839 г. в «Данице» помещались обзоры русской литературы [42]. В 1841 г. был напечатан «Обзор художественной русской литературы» за подписью «у» [43]. Надо полагать, что автором его был И.И. Срезневский, находившийся в это время в Загребе и печатавшийся в «Данице». В обзоре впервые упоминались имена М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Д.В. Давыдова. Почти одновременно «Даница» перепечатала из «Северной пчелы» статью, рассказывающую об издательской

inslav

деятельности А.Ф. Смирдина, много сделавшего для русской литературы [44]. Во втором выпуске «Коло» были опубликованы выдержки из письма П. Дубровского с обзором русской журналистики, научной и художественной литературы за 1842 г. Впервые тогда хорваты узнали о Н.В. Гоголе и его романе «Мертвые души». В письме Дубровского, напечатанном в третьем выпуске «Коло», сообщалось о первом в России собрании сочинений Гоголя, отмечался успех его романа «Мертвые души», говорилось о выходе романа Лермонтова «Герой нашего времени». Дубровский сообщал подробные сведения о вышедших в России книгах по истории, юриспруденции, географии, этнографии, лингвистике, экономике, медицине, военному делу и т. д [45].

Русской культуре «Даница» посвятила заметку «Музыка в России» (1841), где говорилось о русских композиторах первой половины XIX в. – М.И. Глинке, А.Н. Верстовском, Н.Ф. Львове [46]. В следующем году в разделе «Всеславянские вести» было рассказано о художнике И.К. Айвазовском [47].

Первые сведения о научной жизни и просвещении в России сообщались в статье Гая «Некоторые славянские общества как средство народного просвещения», помещенной в «Данице» в 1836 г. В ней в числе прочих перечислялись русские научные и культурно-просветительные учреждения и общества [48]. Той же теме были посвящены статья «Народное просвещение в России», переведенная Бабукичем из журнала «Ost und West», и статья «Академия наук в Петербурге» [49]. Как было отмечено выше, «Даница» сообщала о новинках научной литературы в России, а также помещала материалы по истории и этнографии страны. Таковы были статьи, заимствованные или составленные на основе австрийской печати: «Возникновение Петербурга», «Заметки из России», где описывались некоторые русские народные обычаи, «Монголы под Киевом», исторический рассказ «Ярослав и новгородцы» [50]. В 1839 г. из «Северной пчелы» была переведена заметка об истории введения гражданского шрифта в России [51].

В «Данице» нередко помещались в переводе публицистические и исторические сочинения русских авторов, заимствованные как из чешских, так и непосредственно из русских изданий. Это были сочинения А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, Ф.В. Булгарина.

inslav

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Данице» перепечатывались публицистические и исторические сочинения русских авторов охранительного направления. Частично причина состояла в узости круга источников, находившихся в распоряжении редакции журнала. Несомненно, что частые обращения редакции к «Северной пчеле» Булгарина и Греча связаны с тем, что это был единственный русский периодический орган, получаемый Иллирской читальней в Загребе. Сказывалась в данном случае и неосведомленность хорватских либеральных деятелей. Но был здесь и налет политической нетребовательности либералов: Впрочем, Гай и его окружение вряд ли серьезно задумывались над тем, к какому политическому лагерю принадлежали Шишков, Карамзин, Булгарин и др. Для них важно было, чтобы содержание публикуемых статей служило хорватскому освободительному движению.

В хорватских литературных органах помещались в переводе стихотворения и рассказы русских писателей. В 30-х годах сочинения русских авторов заимствовались из чешских изданий. Но позднее хорватские писатели переводили непосредственно с русского. Первым было напечатано в 1837 г. в «Данице» стихотворение Карамзина «Отечество» в переводе М. Топаловича [52], затем в переводе Враза и Деметера стихотворения Лермонтова, А.С. Хомякова, Д.В. Веневитинова. Но больше всего хорватские авторы переводили Пушкина. Этому способствовало то обстоятельство, что Л. Гай имел в своей библиотеке его «Собрание сочинений» издания 1838 г. [53]. В «Данице» стихотворения Пушкина печатались в переводе Враза, Деметера, М.Д. Во второй книге «Коло» за 1842 г. была помещена «Пиковая дама», переведенная М. Поповичем. Деметер дал в альманахе «Искра» за 1844 г. вольный перевод «Метели», во «Всеобщем загребском календаре» за 1846 г., издателем которого был А. Жупан, а редактором С. Врбанчич, была напечатана повесть Пушкина «Выстрел».

В «Данице» были опубликованы повести Булгарина, М.П. Погодина, второстепенные сочинения Карамзина. Кукулевич-Сакцинский обработал повесть Карамзина «Марфа-посадница».

Хорватские писатели, в первую очередь Враз, Деметер, Ив. Мажуранич, испытали на себе влияние русских класси-

inslav

ков, в особенности Пушкина. Во втором выпуске «Коло» Враз в литературно-критической статье писал: «Мы не можем всем тем нашим господам, которые пишут повести, иного рекомендовать, как то, чтобы они читали повести Пушкина, Гоголя и старались стать для нас, иллиров, в нашем духе тем, чем являются два названных писателя в русском духе для русских братьев» [54]. А несколько раньше Враз замечал: «Им (произведениям дубровницких классиков. – *И.Л.*) недостает того, над чем дивятся русские почитатели Пушкина» [55].

В переводах хорватских писателей с русского был элемент случайности. Переводились нередко малозначительные авторы, а у видных русских писателей – второстепенные произведения [56]. Эти случайности объяснялись тем, что хорватские литераторы в своей переводческой деятельности были связаны кругом русских произведений, которые к ним попадали [57]. Но сказывалось в данном случае и недостаточное знание ими русской литературной жизни.

В России о национальной деятельности Гая и его соратников первыми узнали ученые и литераторы, следившие за жизнью славян. Источником этих сведений были чешские деятели, тесно связанные с Петербургом и Москвой. Так, Шафарик, который переписывался с профессором Московского университета М.П. Погодиным с 1835 г., часто в своих письмах упоминал о Гае и его деятельности [58].

В сентябре 1838 г. Гай в Берлине вошел в непосредственный контакт с русскими официальными лицами. Гай просил о материальной помощи для расширения своей типографии и приобретения для нее русского шрифта. Однако надежды Гая на получение русской помощи тогда не оправдались.

В 1839 г. он направил в Петербург своего эмиссара С. Херкаловича с такого же рода поручением. В 1840 г. Гай сам посетил Россию. Он был с визитом у А.Х. Бенкендорфа, который рекомендовал его министру народного просвещения С.С. Уварову. Русские официальные лица воздержались из политических соображений от прямой поддержки Гая, но сбору средств в его пользу частным путем воспрепятствовано не было. В Петербурге Российская академия определила Гаю помощь в 1000 руб. [59].

inslav

По приезде в Москву Гай посетил Погодина. Он представил русскому ученому ряд записок различного содержания, касавшихся теории иллиризма и его значения на славянском юге [60]. Погодин, слышавший о Гае раньше и одобрявший его деятельность, а теперь узнавший его лично, взял на себя хлопоты для оказания ему материальной поддержки.

Гай был радушно встречен в среде русских славянофилов. А.С. Хомяков писал Н.М. Языкову 28 августа 1840 г.: «Наша Москва входит в славу. Сюда явился Гай, восстановитель Словенства Иллирийского» [61]. Наиболее активную роль в сборе средств для Гая сыграли Погодин и С.П. Шевырев, руководившие подпиской. Им, а также Хомякову, Павлову, Самарину, Аксакову принадлежали главные вклады: подписка принесла 17 тыс. руб. серебром [62]. Русские славянофилы познакомили гостя с историческими памятниками Москвы, ее бытом, театром [63].

Гай выехал из Москвы в Петербург, не дожидаясь завершения подписки, с рекомендательными письмами славянофилов к ряду лиц. Но его вторичное пребывание в столице было неудачным [64].

На деньги, полученные из России, Гай приобрел собрание рукописей, книг, разных древностей и редкостей для национального музея, а также, будучи в России, собрал значительную коллекцию русских книг и рукописей.

До 1843 г. Гай переписывался с Погодиным, но затем сношения его с Россией прервались [65]. Можно предположить, что это было связано с карательными мерами, предпринятыми австрийским правительством в отношении хорватского освободительного движения. Гай был вынужден отойти от открытой политической деятельности и проявлять осторожность в своих зарубежных связях.

В 1842 г. Гай был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей [66].

Первое сообщение в русской печати о национальной литературной и культурно-просветительной деятельности в Хорватии появилось в 1836 г. в «Журнале Министерства народного просвещения». В сентябрьском номере этого издания под рубрикой «Литература славянских народов» было напечатано письмо видного русского ученого П.И. Кеппепа к редак-

inslav

тору журнала, где, в частности, содержалась очень краткая информация об издании Гаем национальной хорватской газеты и его реформе орфографии [67].

В 1838 г. в том же журнале был напечатан отрывок из письма Шафарика к Погодину, где в числе прочих новостей сообщалось о получении Гаем императорского разрешения на содержание собственной типографии [68].

В 1839 г. в журнале были приведены более подробные сведения о литературном развитии хорватов и дана краткая характеристика их литературной жизни со ссылкой на авторитетное мнение Шафарика. Журнал писал: «В числе прекраснейших произведений особенное обращают па себя внимание «Песме и приповедке» од Люд. Вукатиновича... Это собрание, как видно уже из заглавия, содержит в себе песни, баллады и рассказы; последние писаны прозою. По мнению Шафарика, первое отделение всего удачнее. В песнях обнаруживается живость и нежность чувств, изящество слога и гармония языка. Многие стихотворения Вукатиновича можно почесть лучшими перлами новейшей поэзии иллирийцев. Некоторые из баллад также довольно удачны; в рассказах же виден отличный талант автора» [69]. С большим одобрением, ссылаясь на Шафарика, журнал писал и о публицистической брошюре виднейшего представителя иллиризма графа Я. Драшковича «Слово благородным иллирским дочерям» [70]. Как видно, русская печать в первое время черпала сведения об общественной деятельности в Хорватии из чешских источников.

В 40-е годы в «Журнале Министерства народного просвещения» приводились библиографические данные о новой хорватской литературе. Русский историк и филолог М. Касорский в разделе «Новые иностранные книги» обстоятельно рассказал о деятельности С. Враза по собиранию фольклора и привел в переводе на русский язык некоторые песни из его сборника словенских народных песен. Касторский охарактеризовал также последнее издание популярной книги Качича Миошича «Приятная беседа славянского народа» и дал в переводе несколько песен из нее [71]. Были и другие упоминания в журнале о литературной жизни Загреба.

С наибольшей полнотой национальная жизнь зарубежных славян вообще и хорватов, в частности, освещалась в научно-литературном журнале охранительного направления

inslav

«Москвитянин», который выходил с 1841 г. Его редактором и издателем был М.П. Погодин. Уже во втором номере журнала в обзоре «Славянские племена», представлявшем собой перевод, дополненный редактором, характеризовалось национальное Возрождение славян в Австрийской империи.

Журнал писал, что в Загребе «господствует пламенная любовь ко всему отечественному и славянскому». «Душою этого направления, – продолжал «Москвитянин», – Гай, Иллирийский Новиков, достойный идти наряду с первыми славянскими знаменитостями и посвятивший всю жизнь свою делу возрождения своих соплеменников. Нельзя достаточно оценить его трудов; он издает газету и журнал, печатает книги, задает работы, собирает материалы, приготовляет Иллирийский словарь, пишет Историю. Одним из знаменитейших и важнейших его подвигов почитается сообщение общего имени, иллирийцев, всем отраслям юго-западных сербов, – кроатов, далматов, словенцев, черногорцев, против которого спорят еще только одни настоящие сербы. Неутомимая его деятельность принесла в короткое время плоды неимоверные» [72]. «Москвитянин» с одобрением писал о деятельности Гая и национальном пробуждении хорватов.

В дальнейшем «Москвитянин» регулярно освещал состояние хорватской литературы, сообщал некоторые сведения о других формах национальной жизни и политической борьбы в Загребе. В одних случаях это были обзоры, специально посвященные хорватским сюжетам, в других – хорватский материал давался вместе с другими славянскими известиями. Эти обзоры, информация, помещавшиеся в журнале в специальном разделе «Славянские известия» (затем «Славянские новости»), принадлежали перу И.И. Срезневского, Н.А. Ригельмана, П. Дубровского, т. е. лицам или побывавшим в Хорватии, или близко знакомым с литературной жизнью хорватского народа. В обзорах обстоятельно и со знанием дела сообщалось о новинках хорватской литературы, состоянии периодических изданий, давалась квалифицированная оценка отдельным произведениям. Журнал писал и об оживлении литературной деятельности в Далмации. Из «Москвитянина» русская общественность узнала об основании кафедры национального языка и литературы в загребской Академии. Журнал знакомил с деятельностью Иллир-

inslav

ской Матицы, читален, рассказывал о развитии хорватского национального театрального и музыкального искусства и т. д.

Русские обозреватели высоко оценивали успехи хорватской литературы. «Прекрасная политическая газета» – так писал П. Дубровский о газете Гая. С большой похвалой отзывался он и о «Коло». «Особенною деятельностию в этом сборнике, – замечал Дубровский, – отличался г. Враз, благонамеренный славянин, молодой ученый человек, одаренный замечательным поэтическим талантом». Историческую повесть Л. Вукотиновича «Оруженосец» литератор квалифицировал как «лучшее произведение в беллетристике южных славян» [73]. О «Путевых мелочах» А. Немчича-Гостовинского было сказано, что «это сочинение самобытное и совершенно оригинальное» [74].

Одобрительный отзыв Дубровского встретила и брошюра М. Мажурапича «Взгляд на Боснию, или Короткое путешествие, совершенное в эту провинцию одним патриотом». «Вот книжка в высочайшей степени любопытная! – замечал он. – Все в ней ново, занимательно... Наш путешественник коснулся всех сторон жизни босняков и в небольшой книжке прекрасно умел представить подробную и живую картину этого бедного славянского племени» [75].

Сведения о хорватской литературе содержались в письмах Шафарика, в отрывках, публиковавшихся на страницах «Москвитянина». От номера к номеру обзоры и материалы, касающиеся национальной жизни в Хорватии, Славонии и Далмации, становились в журнале обстоятельнее, насыщеннее и качественнее. Они были проникнуты уважением к общественной деятельности, доброжелательством и верой в успех дела национального хорватского Возрождения. Вместе с тем на большинстве из них лежала печать славянофильских идей [76].

Известия о хорватском национальном развитии помещались в варшавском журнале «Денница», который в 1842–1843 гг. издавался Дубровским на русском и польском языках. В 1843 г. в журнале были перепечатаны стихотворение Кукулевича-Сакцинского «Славянская родина» на хорватском языке, словенская народная песня из сборника Враза и стихотворение Раковаца. «Денница» регулярно освещала состояние творческой деятельности в хорватских областях. Эти обозрения частично были написаны самим Дубровским, частично же пред-

inslav

ставляли собой извлечения из писем Враза к редактору, Я. Шафарику и др. В 1843 г. Враз поместил большую и обстоятельную статью «Обозрение литературы южных славян за 1842 г.».

Общественная жизнь в Хорватии находила отражение и в других органах русской периодической печати. В 1846 г. в журнале «Современник», издателем которого в то время был профессор Петербургского университета П.А. Плетнев, была напечатана статья Срезневского «Литературное оживление западных славян». Показывая истоки и формы национального Возрождения западнославянских народов, Срезневский писал: «Особенно важно было возбуждение хорватов, ставших лицом к лицу со своею народностью против мадьяров, вздумавших силою мадьярить все около себя. Чтобы утвердиться более, хорваты отказались обрабатывать литературное свое провинциальное наречие, приняв наречие сербское, и указали этим на возможность литературного соединения большей части славян задунайских. Мадьяры ожесточились Но чем сильнее был их напор на славян, тем с большей энергией славяне отстаивали свое право, тем более привлекали к себе сочувствие соплеменников» [77].

Срезневский заблуждался, как и многие современники, рассматривая штокавский диалект, положенный загребскими деятелями в основу общехорватского литературного языка, исключительно сербским говором. На штокавском диалекте говорила и значительная часть хорватов. Главное же состояло в другом – в признании русским журналом права хорватского народа на национальное развитие.

Фактические сведения о литературной деятельности в Хорватии, почерпнутые из немецких источников, имелись и в журнале «Маяк» – консервативном по своему идейно-политическому профилю [78].

В 30–40-е годы XIX в. интерес к национальной жизни хорватского народа проявляла русская печать в основном недемократического направления. Но ее освещение культурного развития хорватов было благожелательным, преисполненным признания больших достижений и достоинств хорватских творческих усилий. Такое освещение хорватского освободительного движения имело положительное значение (независимо от субъективных устремлений отдельных издате-

inslav

лей) для ознакомления русского общества с жизнью и борьбой немногочисленного и мужественного хорватского народа.

В 1846 г. в издании «Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете» был помещен в переводе О.М. Бодянского «Закон Винодольский» – историко-юридический хорватский памятник 1288 г., изданный в 1843 г. А. Мажураничем.

В 40-х годах XIX в. Хорватию и Славонию впервые посетили русские ученые и путешественники. Еще в 1839 г. в Вене Бодянский, командированный за границу для научной подготовки на кафедру славянской филологии в Московском университете, лично познакомился с Гаем [79]. В 1840 г. Бодянский приехал в Загреб. В следующем году с целью изучения хорватского языка и литературы в Хорватию прибыли Срезневский и П.И. Прейс, готовящиеся на кафедру славистики Харьковского и Петербургского университетов. Они объехали Истрию, Далмацию, южные области Военной Границы. Хорватию посетил В.И. Григорович, проходивший подготовку для занятия кафедры славистики в Казанском университете [80]. В 1841 г. в Загребе побывали в качестве путешественников попечитель одесского учебного округа, председатель Одесского общества любителей истории и древностей Д.М. Княжевич и крупный деятель русской журналистики Н.И. Надеждин [81]. В 1843 г. Загреб посетил литератор В.А. Панов [82]. В 1845 г. в Хорватии и Славонии были профессор Петербургского университета Ф.В. Чижов, историк русской литературы А.Д. Галахов, публицист и переводчик Н.А. Ригельман [83].

Русские слависты и путешественники общались с видными представителями хорватского Возрождения, бывали на национальных вечерах, в Иллирской читальне, в национальном театре. Они познакомились с достопримечательностями Загреба и других мест Хорватии. Большой интерес проявили русские к народному быту, народным хорватским песням и вообще к фольклору [84].

Русские ученые и путешественники были окружены в Хорватии радушием и вниманием. Срезневский по прибытии в Загреб писал матери: «На другое утро я отправился к Гаю: стоило мне сказать, что я русский и Срезневский, как меня и Гай, и другие, бывшие у него, давай целовать, обни-

inslav

мать. Они меня не ждали: Шафарик писал им, что я буду в Загребе из Далмации» [85]. Теплое отношение хорватских национальных деятелей к русским отмечал и Ф.В. Чижов. «Вообще нас на руках носят, – записывал он в своем дневнике, – то один с нами, то другой – беспрестанно» [86].

Те же чувства и наблюдения выразил Чижов в письме к Языкову из Загреба 5/17 июня 1845 г.: «Трудно было бы мне перечесть мои новые знакомства, а число моих новых знакомых и число моих друзей – людей, на всяком шагу доказывающих истинное, неподложное ко мне влечение, – одно и то же. Не думайте, что тут что-нибудь преувеличено; поверьте, что я испытываю приязнь их ежеминутно, особенно теперь, когда я, вот уже недели полторы, как нездоров, живу вдали от города и лечусь холодною водою. Еще поверьте чистосердечно тому, что я такой приязни их ничем не заслужил, не имев времени и даже не стараясь заслуживать. Тут все, что несется мне в дар, несется одному имени Русского» [87].

«Даница» освещала пребывание русских славистов в Хорватии [88] с горячей симпатией. В 1841 г. Срезневский писал из Загреба: «Ревность в изучении русского языка страшная... Не только тут, но во всей Кроации, Славонии, отчасти в Далмации и далее все молодое поколение за русских» [89].

Из хорватских национальных деятелей ближе всех к русским был Враз [90]. Среди посетивших Хорватию русских наиболее активное и горячее отношение к хорватскому Возрождению проявлял Срезневский, впоследствии крупный представитель русской славистики. Он приобрел в Хорватии искренних друзей. Чижов записал в дневнике: «...Здесь Срезневский оставил по себе славную память» [91].

Особенно теплые отношения установились между Срезневским и Вразом. Они совершили путешествие по хорватскому Загорью и словенским землям. Некоторое время их сопровождал Ив. Мажуранич. Срезневский и Враз длительное время переписывались. Враз поддерживал связь и с Бодянским [92]. Дружба Враза с русскими учеными вызвала подозрение у правительства. За ним была установлена негласная слежка.

Срезневский еще до приезда в Загреб, т. е. до непосредственного контакта с представителями хорватского национального Возрождения, имел представление об их литера-

inslav

турно-языковой деятельности и одобрял ее. В письме к Ганке от 29 января 1841 г. из Вены он писал по поводу грамматики кайкавского наречия Кристиановича, вышедшей в старой орфографии еще в 1837 г., следующее: «Правописание, как и во всем, что выходит из типографии Жупана. Пора бы, кажется, оглянуться и принять правописание Гая... Человек тем и отличается от неразумной скотины, что усваивает себе все хорошее; а Г. Жупан, кажется, не паяц, имеющий хлеб от обезьян» [93].

Срезневский понимал целесообразность духовного сближения южных славян. Вместе с тем он первое время разделял и заблуждения относительно возможности литературно-языкового соединения словенцев и хорватов. В письме Ганке 20–30 марта 1841 г. он писал: «В новых своих изданиях он (Мурко – *И.Л.*) хочет употребить иллирийское правописание, дай бог! Хоть бы это общее правописание приняли словенцы штирийские и крайнские, и того уже было бы довольно для их сближения литературного с остальными иллирийцами, а то у них до сих пор в этом отношении "что город, то норов, что улица, то обычай". Местные простонародные особенности наречий не могут вредить, а, напротив, должны быть полезны образованию общего литературного языка» [94].

Приехав в Хорватию, Срезневский с большим уважением и одобрением отнесся к литературным и другим национальным начинаниям Гая и его соратников. «О духе "домородства" я уже не говорю, – замечал он в письме к Ганке, – душа проснулась и хочет жить, и чем больше живет, тем больше хочет жить. Мадьяроманы кусают себе язык, но что с этого!» [95]. Срезневский писал об успехах «литературы иллирийской». «Между сими писателями, – замечал он, – первое место, если не по слогу и множеству сочинений, то по духу возбуждения, по влиянию на всех других, бесспорно, принадлежит незабвенному Гаю... Враз, Вукотинович, Деметер, Кукулевич-Сакцинский, Раковац, Стоос и некоторые другие, как поэты с душою, заняли бы почетное место во всякой литературе. Особенно мне нравится Враз, как поэт, умеющий понимать дух народный. Бабукич и Мажуранич не могут не быть памятны по филологическим трудам...» [96].

Высоко оценил Срезневский художественность стихотворного сборника Враза «Голоса из Жеравинской дубравы». «А как

inslav

Вам понравились Glasi Žeravinski? – спрашивал он в письме Ганку. – Неправда ли, что это бы были перлы в любой литературе?» [97]. Срезневский подчеркивал интерес хорватской молодежи к славянским языкам. Русский ученый с удовлетворением отмечал успехи национального театра, деятельность читальни в Загребе и т. д. Он писал о южнославянском сближении: «Утешительно также видеть, что к "слоге иллирской" приступают не только дубровчане, далматинцы, сербы, сремцы, но и босняки и даже краинцы, каринтийцы и штирийцы» [98].

Одобрительно оценивал деятельность представителей хорватского Возрождения и П.И. Прейс. Он писал М.С. Куторге из Загреба 1 октября 1841 г.: «В Кроации за семь лет ничего не было. Теперь же в одном Аграме работают две типографии без устали; выходят две газеты (политич. и литературн.) на иллирском (или, что все равно, на сербском); к новому году число повременных изданий увеличится вдвое; в каждом несколько значительном городе устроены кабинеты для чтения (читальницы): их теперь уже 6; скоро будет основан в Аграме музей и ученолитературное общество при нем; в Аграме же заведен постоянный театр иллирский; по городам странствуют труппы. Мысль – не отстать от прочих собратий – одушевляет всех... Молодежь возбуждена к деятельности живой, патриотической. Если мерить европейским аршином, то, конечно, сделанное не Бог знает что, но, ради Бога, можно ли более сделать в продолжение 7 лет? Не забудь еще, что все это творится усилиями частных людей и большею частью людей не богатых, не без борьбы со старым поколением и с неприятелями разного звания и происхождения» [99].

Оценивая в целом положительно вклад сторонников иллиризма в национальное развитие хорватского народа, Срезневский вместе с тем критически относился к некоторым сторонам их теории и практики. Он не одобрял распространенное среди поэтов иллиризма подражание в языке далматинским и дубровницким классикам XVII в., считая это анахронизмом. Срезневский целиком поддержал точку зрения и направление творческих усилий Враза, считавшего основой нового литературного языка народную речь [100].

Будучи в Загребе, Срезневский и Прейс с неодобрением наблюдали трения между Гаем и Вразом в связи с желанием последнего начать новое литературное издание. Прейс при-

inslav

ложил немало усилий, чтобы убедить Гая в целесообразности выхода «Коло» [101].

Срезневский понимал искусственность и нежизнеспособность названия «иллиры» вместо этнонимов «сербы», «хорваты» и т. д. В январе 1842 г. он писал Ганке из Вены: «Я уже не говорю об имени иллиров, которым хотели бы иные совершенно заменить имя сербов и хорватов, или правильнее одних сербов, потому что имя хорват еще дозволено –поневоле. Имя сербов из истории не вытрешь. Впрочем, бог даст, детский спор за имя совершенно кончится [102]. Теперь уже и сами загребчане, разумеется, умнейшие, идут против иллиромании (см. в Illir. Nowin. Zimne misli, L. Vukotinoviča)» [103]. Но при всем своем критическом отношении к названию «иллиры» Срезневский был против споров об именах и выступал за практическое сближение сербов и хорватов в чистоте и правильности языка [104].

Русские слависты сотрудничали в хорватских периодических изданиях. Срезневский выступал в «Данице» [105], печатал народные песни, записанные в Сене [106]. В «Коло» были опубликованы его обозрения чешской литературы и библиографические заметки. Прейс поместил во второй книге «Коло» «Старинное открытое письмо» (глаголический оригинал из 1457 г.). Григорович, будучи в Загребе, предоставил в распоряжение Враза свое богатое собрание болгарских и македонских песен. Часть из них была напечатана в «Коло» за 1847 г.

Русские ученые и общества обменивались книгами с хорватскими деятелями и организациями. Срезневский, Бодянский, Дубровский посылали книги лично своим знакомым в Хорватии и читальне в Загребе [107]. В свою очередь Срезневский, Погодин, Дубровский, Бодянский получали книги от Враза [108]. Петербургское общество земледелия и сельского хозяйства отправляло книги для хорватского Хозяйственного общества [109].

Итак, хорватские национальные деятели в одних случаях завязали, в других – значительно расширили литературные и научные связи Хорватии и Славонии с другими славянскими землями и странами.

Было бы неправильно думать, что до иллиризма у хорватов не было культурных контактов с другими славянскими народами. Иллиризм значительно расширил их, проложив контакты в новых сферах, и завязал их там, где они ранее не существовали.

inslav

Главное же состояло в том, что за хорватско-славянскими связями в период иллиризма стояли созидательные общественные силы, что эти связи служили их укреплению.

Упрочение и расширение в годы иллиризма культурных хорватско-славянских связей сыграли большую положительную роль в духовном и общественном развитии хорватского народа. Благодаря этим контактам хорватская национальная культура формировалась в тесном общении с европейской творческой мыслью вообще, вбирая в себя достижения творческих усилий славянских и других европейских народов. Систематическое ознакомление хорватского общества с богатствами литературы, близких ей искусств и науки других славян повышало духовную культуру хорватов, расширяло их общественный кругозор. Успехи национальной жизни славянских народов укрепляли исторический оптимизм, веру в будущее, чувство национального достоинства у хорватов. Связи иллиризма с освободительными движениями других славян обогащали активные в национальном отношении силы хорватского общества опытом освободительной борьбы.

Деятельность представителей хорватского Возрождения по укреплению хорватско-славянских связей в области культуры служила сплочению славянских народов, их взаимному духовному обогащению.

Связи иллиризма с немецкоязычной культурой

Традиционность хорватско-немецких связей в духовной сфере была существенным обстоятельством, определившим их интенсивность и многообразие форм в годы иллирского движения. Вместе с тем иллиризм принес с собой новое в том отношении, что сознательным социальным носителем этих связей в хорватской среде выступил теперь либеральный слой общественности. И это оказало прямое влияние на содержание хорватско-немецких контактов в области идеологии и культуры.

Предметом пристального внимания передовых кругов хорватского общества была прежде всего литература немецкого Просвещения. Все большие мыслители и писатели немецкого Просвещения поднимали в своих сочинениях вопро-

inslav

сы общественно-политического развития Германии, которые в теоретическом плане чрезвычайно остро встали и перед формировавшейся хорватской нацией. Это были проблемы возрождения достоинства и обогащения родного языка, утверждения национальной идентичности народа, воспитания патриотизма, укрепления гражданского сознания, развития светской культуры общенародного значения, ликвидации раздробленности территории проживания хорватов, совершенствования общества. Важно отметить, что ведущие немецкие философы, публицисты и поэты не ограничивались узконациональными рамками проблематики. В поле их зрения было все человечество, в том числе и славянский мир [110].

Идеи национальной идентичности и суверенитета, главенствовавшие в творчестве передовых мыслителей Германии эпохи Просвещения, нашли горячий отклик у прогрессивно настроенных хорватов, осознавших актуальные вопросы хорватского общественного развития и пытливо искавших пути их решения.

В неменьшей мере хорватской общественности 30-х годов XIX в. был близок прогрессивный немецкий романтизм с его неудовлетворенностью существующей действительностью, свободолюбивыми чувствами, гуманистическими мечтами и культом народной поэзии. А немецкая патриотическая литература, рожденная эпохой национально-освободительной войны против Наполеона, воодушевляла к живой и энергичной деятельности и вселяла уверенность в успехе.

Общая идейная атмосфера в Германском союзе в 30–40-х годах XIX в., оппозиционность немецких мыслителей, с их симпатией к веку Просвещения, политический пафос поэтов «Молодой Германии» [111] – все это ускорило вызревание хорватской национальной мысли.

Многие идейные положения немецкого Просвещения и романтизма получили широкое распространение в Европе и стали достоянием общественной мысли соседних с хорватами народов, вступивших на путь национально-освободительной борьбы. Поэтому в некоторых случаях трудно установить, было ли немецкое идейное влияние на иллиризм прямым или прогрессивные идеи, выдвинутые немецкими мыслителями, вошли в хорватскую литературу и публицистику опосредованно – через национальную

inslav

печать чехов, венгров и других народов.

Отзвук идей немецкого Просвещения прослеживается прежде всего в теоретических положениях иллиризма о главенствующей роли национального языка для духовного развития каждого человека и народа в целом, о неразрывной связи между судьбами национального языка и судьбами народа, его значимостью, славой, просвещенностью.

В печати иллиризма, особенно в первые годы движения, когда упор делался на защите и развитии общехорватского литературного языка, часто приводились цитаты из сочинений немецких публицистов, писателей и ученых о национальном языке. Гай в статье «Нет патриотизма без любви к материнскому языку», опубликованной в журнале «Даница», говоря о необходимости развития и обогащения национального литературного языка для возвышения народа, ссылался на некоего немецкого ученого, с горечью писавшего о временах господства французского языка в образованных кругах немецкого общества, убогости родного языка и бесславии тогда немецкого народа [112]. В другой статье, «Общество друзей народного иллирского образования», Гай цитировал слова великого немецкого просветителя, философа и поэта И.Г. Гердера о необходимости возрождения крепости и силы родного языка [113].

И. Майер в статье «Голос патриота» привел, в частности, высказывания знаменитого Э.М. Арндта, поэта и публициста, активного участника освободительного движения против Наполеона, о важнейшей роли национального языка в жизни каждого человека и народа и пагубных последствиях слепого предпочтения иностранных языков [114]. На идеологов иллиризма оказали влияние именно сильные стороны противоречивого творчества этого немецкого мыслителя – национально-освободительный, патриотический накал его произведений. И, возможно, по примеру Арндта, выпустившего в 1813 г. «Катехизис для немецких солдат», Раковац назвал свою брошюру, излагавшую цели и задачи движения, «Маленький катехизис для взрослых».

В другой корреспонденции – «Отклик патриота» – И. Майер для обоснования патриотической деятельности напоминал горькие слова немецкого писателя XVII в. И.М. Мошероша, с болью писавшего о плачевном состоянии родного языка и страсти образованных сословий к иностранному языку в Германии. В кор-

inslav

респонденции были даны также выдержки из сочинений Гердера, где говорилось о том, что язык является выражением души и сердца народа, его мыслей и чувств, что нельзя нанести большего ущерба народу, как лишив его национальной самобытности, своеобразия духа и языка [115].

Деметер в статье «Мысли об иллирском литературном языке» подкреплял свои соображения о языке и поэзии выдержками из книги «Эстетика» немецкого философа-кантианца Ф. Бутервека [116].

Редакция «Даницы», особенно в 30-х годах, весьма часто использовала высказывания немецких философов, историков, писателей в качестве эпиграфов к отдельным номерам журнала. Это были мысли И.Г. Гердера, Э.М. Арндта, Я. Гримма, Ф. Шлегеля, И. фон Мюллера, В.Т. Круга, Эрнести и др. о достоинстве национального языка, важнейшей роли его в жизни народа, неразрывной связи языка с национальным характером народа, ненормальности и пагубности обучения детей исключительно иностранным языкам, вместо родного, и т. д. [117].

Эпиграфом к программному «Объявлению» 1839 г. Л. Гай взял решительные слова Гердера: «Тот, кто не любит свой родной язык, сладостные, святые звуки своего детства, призывный голос своей родины, не заслуживает имени – человек» [118].

Процесс формирования хорватской национальной идентичности заставил деятелей национального Возрождения заинтересоваться духовной жизнью простого народа. Их теоретические взгляды относительно сущности и значения народной поэзии, соотношения народного творчества и профессионального искусства, народных, национальных корней литературы и культуры восходят к Гердеру. Через сочинения деятелей иллиризма, затрагивавшие народное песенное творчество, красной нитью проходит гердеровский мотив о том, что народное творчество является самовыражением народа, его души, мышления, чувств и чаяний. Вслед за немецким мыслителем, сделавшим большой вклад в развитие идеи народности, хорватские иллирские идеологи проводили положение об основополагающей роли народного творчества в формировании национальной культуры, о необходимости создания самобытной культуры в опоре на народную традицию, об ориентации литературы и искусства не на узкий круг знатоков, а на народ [119].

inslav

Пример и авторитет Гердера, ревностного собирателя фольклора, вдохновлял деятелей иллиризма в их стремлении пробудить в хорватском обществе интерес к народному поэтическому творчеству. В 1835 г. в «Данице» была напечатана статья Гая «Кое-что о народной поэзии в целом», представлявшая собой переработку сочинения И. Венцига. Гай напоминал в ней о большом успехе и значении сборников народных песен, изданных Гердером [120].

Хорватские деятели, чтобы показать справедливость своей борьбы за национальный язык и культуру, нередко привлекали в печатных выступлениях мнение немецких авторитетов о языке, литературе и истории славян. В 1837 г. в «Данице» был напечатан отрывок из предисловия к изданной в Лейпциге книге «Историческое обозрение славянского языка в его различных наречиях и славянской литературы». В этом отрывке говорилось о красоте и силе славянских языков, о тяжелой судьбе славянских народов, явившейся причиной их отставания в области духовного развития, о значительном прогрессе их в последнее время в этом направлении и т. д. [121].

В статье В. Бабукича «Любители славянского языка у иностранных народов» были названы среди прочих почитателей славянских языков немецкие ученые, поэты и мыслители – Гердер, Аделунг, Шлёцер, Гримм, Бопп, Гёте, Герхард и др. В статье были даны краткие биографические сведения о них, названы их сочинения, касающиеся славян, переводы произведений славянских поэтов, приведены высказывания выдающихся немцев о древности славянской истории, о важности знания славянских языков и т. д. [122].

Я. Драшкович в заключение своей брошюры «Слово благородным иллирским дочерям», написанной, кстати, на немецком языке, призывая хорваток к изучению славянских языков, цитировал Гросс-Гоффингера, писавшего в своем журнале «Адлер» в 1838 г. о расцвете славянских литератур и вкладе славян в духовную жизнь Европы [123].

Высказывания Гердера, Л. Ранке и других немецких авторов об обширности заселенной славянами территории, их способности к сохранению своей самобытности в прошлом, о выразительности славянских языков, о необходимости внимания к славянским народам и т. д. часто использо-

inslav

вались как эпиграфы к номерам «Даницы» [124].

О силе и широте влияния немецкой общественно-политической мысли на мировоззрение деятелей иллиризма нельзя судить только по цитатам и высказываниям, хотя они являются прямым показателем духовных связей. Это влияние представляло собой глубинный идеологический процесс, который не всегда получал внешнее выражение, а тем более словесное подтверждение.

Из всех направлений немецкой умственной жизни наиболее сильное воздействие на национальную идеологию иллиризма оказали немецкое Просвещение и немецкая патриотическая литература периода освободительных войн против Наполеона. Общественная отсталость Хорватии была причиной того, что это влияние ограничилось умеренно оппозиционными течениями немецкой идеологии, в то время как Германские государства знали подлинно демократические явления в области общественной мысли, а в 40-х годах здесь развернулась деятельность основоположников марксистского направления.

В тесном контакте с немецкой научной мыслью развивалась хорватская наука, в первую очередь история. Глубокий отклик у хорватских деятелей нашли гуманистические положения Гердера об исторической значимости всех народов, больших и малых, господствующих и угнетенных, о равенстве народов независимо от величины и положения. В середине 1835 г. в «Данице» были напечатаны под заглавием «Славянские народы» мысли Гердера о славянстве из его основного социологического труда «Идеи философии истории человечества» [125]. Предсказания немецкого мыслителя об освобождении и большом историческом будущем славянских народов, его высказывания об их трудолюбии, миролюбии и мужестве вдохновляли участников иллиризма на борьбу, служили им идейным оружием для обоснования прав хорватов на свободное и равноправное развитие.

Гай в своих исторических работах «Краткое введение в историю Великой Иллирии» и «Кто были древние иллирийцы?» искал подтверждения своим мыслям о древности славянской истории, едином происхождении славян с ведущими европейскими народами, славянской принадлежности древних

inslav

иллирийцев в сочинениях иностранных, в том числе и немецких, ученых. В свою очередь и Драшкович, настаивая в вышеназванной брошюре на славянском происхождении древних иллирийцев, ссылался, помимо Шафарика, на А.Л. Шлёцера, И. фон Мюллера, К.Г. Пёлитца и Гросс-Гоффингера [126]. На немецкую историографию часто опирался в своих работах ведущий представитель хорватской исторической науки И. Кукулевич-Сакцинский.

В «Данице» нередко помещались в переводе с немецкого языка исторические и этнографические материалы. В 1836 г. из венского журнала были перепечатаны этнографические заметки генерала Велдена, знакомившие с современной жизнью и бытом черногорцев. В переводе В. Бабукича был опубликован исторический очерк «Венды, славянское племя». Нередко на страницах «Даницы» появлялись почерпнутые из австрийских журналов исторические рассказы полунаучного характера, прославлявшие храбрость и отвагу славян в борьбе с врагами («Храбрость хорватов в битве при Арколе», «Иллиры в 1813 г.» и др.) [127]. Эти переводы с немецкого делались с учетом задач иллирского движения.

В 1842 г. в Загребе был издан «Немецко-иллирский словарь» Ив. Мажуранича и Я. Ужаревича. В 1846 и 1849 гг. вышли две части «Иллиро-немецко-итальянского словаря» И. Дробнича. Это были очень нужные в те годы книги.

Ведущие деятели иллиризма знали немецкую философию. Об этом свидетельствует следующая запись Раковаца в его дневнике: «Сегодня я был в народной кофейне с Деметером, Вразом, Шандором и Кукулевичем. Зашла речь о главных талантах в Европе, и только я и Враз защищали немцев. Другие говорили, что у немцев слишком много теории и мало практики, затем, что немцы в поэзии, романе, драме и водевиле не могут сравниться с англичанами и французами. Это – правда, но немцы являются первыми в философии, а философия – наука над всеми науками» [128]. Враз в письмах и статьях упоминал Г. Гегеля и Л. Фейербаха [129].

Многообразные формы носили хорватско-немецкие связи в области периодической печати и художественной литературы. Хорватская национальная газета, особенно в первые два года, когда у редакции не было корреспондентов и

inslav

поток информации был ограничен, почти целиком заимствовала материал из австрийских периодических изданий. И в дальнейшем австрийская пресса оставалась главным источником политических сведений для газеты Гая.

В журнале «Даница» находили место самые разные материалы немецкого происхождения. Прежде всего это были теоретические и публицистические статьи. Как правило, они давались в вольном переводе, при котором их содержание приспосабливалось к нуждам хорватского общественного развития. За редким исключением, эти материалы шли без указания источника, автора и переводчика. Такой характер носили статьи «О космополитизме» (В.Т. Круга), «Мысли о народности и родном языке», «В каком отношении находится искусство к ремеслу», «Народность и космополитизм», «Прогресс человеческого просвещения согласно событиям всего мира», «Немного о языке», «О почитании своего народа» (И.Г. Чокке) и др. [130].

В журнале было много переводных статей научно-просветительного профиля.

В «Данице» печатались в переводе произведения немецкой литературы. Но гораздо чаще публиковались занимательные, чувствительные и назидательные рассказы и повести невысокого уровня. Редакция вынуждена была, заботясь о популярности журнала, идти навстречу широко распространенным вкусам и наклонностям читательской публики.

Вначале редакция «Даницы» черпала материал об общественной жизни в других славянских странах и землях, в том числе и в России, целиком из австрийских изданий. С расширением контактов значение австрийских источников в этом плане уменьшилось, но не исчезло совсем.

Журнал старался информировать своих читателей о немецко-славянских культурных связях. Сообщалось, например, что известный публицист Варнгаген фон Энзе, по словам «Даницы», «матадор немецкой литературы, который вслед за Гёте, может быть, имел самое сильное и широкое влияние на немецкую литературу», изучал русский язык [131]. «Даница» писала о переводе А. Ауершпергом (А. Грюном) «иллирских народных песен» на немецкий язык, о чешских переводах произведений Ф. Шиллера, о выходе в Германии и Австрии книг о славянах, об открытии кафедр славянских языков и литератур в германских

inslav

университетах и т. д.

Сильное влияние немецкого романтизма испытала художественная литература иллиризма. Это воздействие проявлялось как в идейных устремлениях отдельных хорватских поэтов и прозаиков, так и в их художественном методе. Враз сформировался как поэт целиком под действием прогрессивного течения в немецком романтизме. Он сам признавал влияние на его музу В. Гёте, Л. Уланда, А. Шамиссо, А. Платена, Ф. Рюккерта, А. Грюна, Н. Ленау [132]. Творчество этих представителей немецкой поэзии было проникнуто гуманизмом, оптимизмом и гражданственностью. В ранней молодости Враз писал на словенском языке патриотические песни в духе Т. Кёрнера и Ф. Клопштока. Следуя Ф. Рюккерту и Платену, Враз принес в хорватскую литературу газели [133].

С немецким романтизмом соприкасалось творчество и других поэтов иллиризма. Многочисленные баллады Вукотиновича представляли собой переработку баллад Л. Уланда. Стихотворение Михановича «Тоска по родине» было написано по образцу стихотворения Гёте «Миньона». А в основе известной песни Кукулевича-Сакцинского «Славянская родина» лежала патриотическая песня Э.М. Арндта «Wo ist das Deutschen Vaterland?» [134].

Произведения И.Г. Зейме и Г. Гейне вдохновили Немчича-Гостовинского на создание замечательных «Путевых заметок». Под воздействием немецкого романтизма формировалось творческое лицо Прерадовича [135].

Немецкое влияние сильно чувствовалось в стилистике и ритмике хорватской национальной поэзии и прозы, особенно на начальном этапе их развития [136].

Составной частью литературной деятельности представителей хорватского национального Возрождения были переводы с немецкого. Наиболее часто поэты иллиризма обращались к Ф. Шиллеру, обогащая тем самым духовное развитие хорватов творениями великого немецкого классика. В «Данице» за 1835–1847 гг. были напечатаны в свободном переводе Раковаца, Трнски, Деметера, Боговича, Враза, Суботича, Кукулевича-Сакцинского стихотворения Шиллера «Тайна воспоминаний», «Немецкая муза», «Порука», «Достоинство женщин», «Песнь о колоколе», «К радости», «Перчатка», «Желание», «К Минне», «Аль-

inslav

пийский стрелок», «Бой», «К Эмме», «Раздел земли», «Прощание Гектора» [137].

В различных сочинениях хорватских поэтов и публицистов упоминались имена Шиллера, Гёте, Гейне. Изречения Шиллера и Гёте использовались как эпиграфы к отдельным произведениям. Эпиграфом к одному из номеров «Даницы» за 1840 г. были взяты пламенные слова Шиллера о неразрывной связи каждого человека с отечеством [138]. Богович в статье «Об основании национального театра» привел большую цитату из Шиллера о значении театра в формировании общественного сознания [139].

В «Данице» был напечатан, также в переводе на хорватский язык, ряд стихотворений известных немецких поэтов Просвещения Г.А. Бюргера, Х.Ф. Геллерта, С. Гесснера, Л. Гёльти. В стихотворных сборниках С. Враза имелись переводы из Л. Уланда [140].

В хорватском национальном журнале были представлены повести, рассказы, воспоминания модных в то время А. Книгге, И.Г. Чокке, Г. Штиглица и др.

В переводческой деятельности хорватских писателей нашли отражение как просветительское, так и романтическое направления в немецкой литературе. Деятели иллиризма переводили и печатали в своих изданиях прозу и стихи не только передовых немецких писателей, но и выразителей мещанской идеологии в художественном творчестве, популярных среди читательской публики. Однако представители хорватского Возрождения использовали этот материал в соответствии с интересами национального развития.

Тесно связан был с немецкой культурой хорватский национальный театр. Репертуар новисадской труппы, которая в 1840–1841 гг. давала в Загребе, Карловаце и Сисаке представления на положении профессионального национального театра, в значительной мере состоял из пьес, представлявших собой переработку или перевод сочинений немецких драматургов и комедиографов. Среди них была историческая драма Кукулевича-Сакцинского «Степко Шубич», в основе которой лежала пьеса Коцебу, «Никола Шубич граф Зринский, или Осада Сигета» – вольный перевод исторической трагедии Кёрнера «Зринь». Эти драмы были написаны на сюжеты из хорватской истории и при

inslav

соответствующей обработке текста носили освободительный характер. Труппа ставила также комедии Коцебу, пьесы Э. Эберта, Ф.И. Гольбейна, Ф. Гальма (Мюнх-Беллинггаузена) и других немецких драматургов.

Когда в 1847 г. силами артистов немецкого театра в Загребе регулярно стали даваться представления на хорватском языке, основу их репертуара составили пьесы Коцебу. Бытовые комедии, мещанская драма и водевили этого автора господствовали на любительской сцене.

В Загребе в годы иллиризма была издана серия переводных пьес в 10 книгах под общим названием «Избранные пьесы», куда вошли произведения преимущественно немецких драматургов: Гальма, Коцебу, Гольбейна, Кёрнера, Эберта. Изданный в 1842 г. сборник пьес включил две пьесы Коцебу в переводе Галаца [141].

Среди немецких драматургов, представленных в годы иллиризма на хорватской сцене, первое место занимал эпигон мещанской драмы А. Коцебу. Хорватские национальные деятели, не имевшие ни сценического, ни переводческого опыта и традиций, располагавшие ограниченными средствами и возможностями, шли навстречу запросам невзыскательной части хорватской публики. Они находили в сентиментальных драмах и поверхностных бытовых комедиях Коцебу, пользовавшегося широкой популярностью у мещан как среди самих немцев, так и за пределами их проживания, доступный и развлекательный материал для хорватского зрителя. Пьесы Коцебу были хорошо известны в Хорватии в постановке немецкого театра. В конечном итоге обращение к творчеству Коцебу обусловливалось не идейными, а чисто утилитарными соображениями.

В Вене деятели иллиризма издавали некоторые свои книги. Они бывали в австрийской столице и непосредственно наблюдали ее культурную жизнь.

Большая заслуга деятелей иллиризма состояла в том, что в сложном комплексе хорватско-немецких отношений в годы подъема хорватского освободительного движения они сумели выделить прогрессивное и важное для духовного развития хорватов звено и сделать хорватско-немецкие идейные и культурные связи достояниям хорватского национального Возрождения.

inslav

Эти связи благодаря своей целенаправленности сыграли значительную роль в формировании хорватской освободительной идеологии, в обогащении национальной литературы хорватов, в развитии искусства общенародного значения и вообще в подъеме культурного уровня хорватского общества. Они содействовали общению хорватов с европейской общественной мыслью и культурой в целом, расширению хорватского общественного горизонта, не давая замкнуться в узких рамках провинциализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Лещиловская И.И.* Представления хорватских интеллектуалов о славянах и России в XVII–XVIII вв. // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII – начале XX вв. М., 2011.

[2] Dela Stanka Vraza. Zagreb, 1877. D. 5. S. 414.

[3] Ibid. S. 362, 363.

[4] Ibid. S. 400.

[5] *Страњаковић Д.* Како је постало Гарашаниново «Начертаније» // Споменик. Београд, 1939. XCI. С. 95.

[6] Kolo. 1847, VI. Račun od Matice horvatsko-slavonske. S. 3–15.

[7] *Smičiklas T., Markovič F.* Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. Zagreb, 1892. S. 263.

[8] Ibid. S. 262.

[9] Ibid.

[10] Danica. 1838. Br. 51. S. 202.

[11] Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 70–71.

[12] Теперь Братислава.

[13] *Torbar J.* O životu i djelovanju d-ra Bogoslava Šuleka // Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1897. Sv. 11. S. 103, 104, 107.

[14] *Deželič V.* Pisma pisana d-ru Ludevitu Gaju i ńeki ńegovi sastavci (1828–1850). Zagreb, 1909. S. 175–178; *Šurmin D.* Hrvatski preporod. Zagreb, 1903. I. S. 131, 132.

[15] *Deželič V.* Pisma... S. XVII.

[16] Ibid. S. 179, 180.

[17] Ibid. S. 185, 186, 191, 192; Danica. 1837. Br. 23. S. 89, 90.

[18] Статья Шафарика была перепечатана в брошюре Драшковича «Слово иллирским дочерям».

[19] Danica. 1840. Br. 26. S. 101.

inslav

[20] Matica hrvatska. 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 39.
[21] Danica. 1835. Br. 35–38.
[22] Danica.1836. Br. 4–9.
[23] Dela Stanka Vraza. S. 316; *Petrè F.* Poizkus ilirizma pri slovencih (1835–1849). Ljubljana, 1939. S. 139, 257; *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Варшава, 1894. С. 194.
[24] *Deželič V.* Pisma... S. XVII.
[25] Как уже говорилось, так именовались королевства Хорватии, Славонии и Далмации.
[26] *Deželič V.* Pisma... S. 98.
[27] Danica. 1836. Br. 38. S. 154.
[28] Danica. 1844. Br. 43. S. 170–171; Br. 44. S. 173–175.
[29] Danica. 1841. Br. 38. S. 154.
[30] *Deželič V.* Pisma... S. 209–220.
[31] Danica. 1845. Br. 28. S. 111.
[32] Ibid.
[33] Книга вышла в 1846 г.
[34] Danica. 1847. Br. 38. S. 150–151.
[35] Danica. 1847. Br. 47. S. 187–188.
[36] *Матула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии // Развитие капитализма и национальные движения в славянских землях. М., 1970.
[37] Danica. 1847. Br. 51. S. 202–204; Br. 52. S. 205–207.
[38] Danica. 1845. Br. 9. S. 35.
[39] *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 181.
[40] Danica. 1837. Br. 22. S. 85–86.
[41] Danica. 1838. Br. 13. S. 51–52.
[42] Danica. 1839. Br. 11. S. 43–44; 1840. Br. 13. S. 52; Br. 14. S. 54–56.
[43] Danica. 1841. Br. 37. S. 151.
[44] Danica. 1841. Br. 36. S. 146–148.
[45] Kolo. 1842. II. S. 91–94; 1843. III. S. 108–116.
[46] Danica. 1841. Br. 47. S. 194–195.
[47] Danica. 1842. Br. 13. S. 52.
[48] Danica. 1836. Br. 31. S. 123–124.
[49] Danica. 1839. Br. 5. S. 20; Br. 6. S. 24; 1843. Br. 37. S. 147–148.
[50] Danica. 1837. Br. 36. S. 148; Br. 37. S. 149–151; Br. 51. S. 205–207; Br. 52. S. 210–211; 1847. Br. 26 и след.; 1845. Br. 41.

inslav

S. 160–164; Br. 42. S. 166–167.

[51] Danica. 1839. Br. 28. S. 112.

[52] Danica. 1837. Br. 14. S. 53.

[53] *Badalić J.* Ruski pisci u književnosti hrvatskog preporoda // Hrvatsko kolo. 1946. S. 350.

[54] Kolo. 1842. II. S. 106.

[55] Цит. по: *Кулаковский П.А.* Иллиризм... С. 273.

[56] *Badalić J.* Ruski pisci... S. 347, 348–352.

[57] По утверждению югославского ученого И. Бадалича, стихотворные переводы с русского в 40-х годах делались по сборнику стихотворений русских поэтов (Лермонтова, Языкова, Хомякова и Веневитинова), который был у Враза, См.: *Badalić J.* Ruski pisci... S. 352.

[58] *Попов Н.А.* Людевит Гай в России в 1840 году // Древняя и новая Россия. СПб, 1879. № 8. С. 277.

[59] Там же. С. 278–280.

[60] Там же. С. 280–281.

[61] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Т. V. С. 444.

[62] Эту сумму назвал М.П. Погодин в своей речи в 1868 г. Хомяков же писал в 1840 г. о 20 тыс. руб. (Барсуков Н. Жизнь и труды... С. 447).

[63] *Попов Н.А.* Людевит Гай... С. 283.

[64] Там же. С. 284.

[65] Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1880. Вып. III. С. 704–708; *Попов Н.А.* Людевит Гай... С. 284.

[66] *Лещиловская И.И.* Иллиризм. М., 1968. С. 299.

[67] Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП), 1836, сентябрь. С. 653.

[68] ЖМНП. 1838, июль. С. 193.

[69] ЖМНП. 1839, февраль. С. 26.

[70] Там же.

[71] ЖМНП. 1840, ноябрь. С. 72–90.

[72] Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 474, 475.

[73] Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 80, 81.

[74] Москвитянин. 1846. Ч. V. № 9–10. С. 185.

[75] Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 70.

[76] Москвитянин. 1841. Ч. IV. № 8. С. 489, 491; 1842. Ч. III. № 6.

inslav

С. 395–396; Ч. II. № 3. С. 211–214; 1845. Ч. VI. № 11. С. 37–46; 1846. Ч. II. № 4. С. 177–178; Ч. V. № 9–10. С. 184–186.

[77] Современник. 1846. Т. 42. С. 322–323.

[78] В русских журналах в рассматриваемое время помещались и другие материалы, касающиеся хорватской истории, этнографии и т д. Однако они выходят за тематические рамки данной работы.

[79] ЖМНП. 1839, август. С. 23.

[80] *Ягич В.И.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 324, 326, 334, 335, 344.

[81] Danica. 1841. Br. 28. S. 116.

[82] Građa za povijest književnosti hrvatske (далее – Građa...). Zagreb, 1916. Knj. 8. S. 337–338.

[83] Славянский архив. М., 1958. С. 146, 147.

[84] См.: Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. СПб., 1893. Вып. I. С. 32 и сл.; СПб., 1893. Вып. II. С. 152 и сл.; Славянский архив. М.,1958. С. 148 и сл.

[85] Живая старина. СПб., 1893. Вып. I. С. 32.

[86] Славянский архив. С. 150.

[87] Современник. 1846. Т. 43. С. 251–252.

[88] Danica. 1841. Br. 14. S. 56; Br. 28. S. 116; 1840. Br. II. S. 44.

[89] Живая старина. Вып. I. СПб., 1893. Вып. I. С. 37.

[90] Славянский архив. С. 146.

[91] Там же. С. 149.

[92] Живая старина. СПб., 1895. Вып. I, С. 46.

[93] *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке... С. 954–955.

[94] Там же. С. 959.

[95] Там же. С. 963.

[96] Там же. С. 964–965.

[97] Там же. С. 1013.

[98] Там же. С. 965.

[99] Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.Й. Шафарику, Куршату и др. // Живая старина. СПб., 1891. Вып. III. С. 41.

[100] *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке... С. 993–994, 1012.

[101] Живая старина. СПб., 1891. Вып. III. С. 39.

[102] Речь шла о сербско-хорватской полемике вокруг названия «иллиры».

inslav

[103] *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке... С. 1013.
[104] Там же. С. 1012, 1013.
[105] Danica. 1841. Br. 37. S. 149–150.
[106] Danica. 1841, Br. 42. S. 171.
[107] Građa... Knj 3. S. 289; *Badalić J.* Ruski pisci... S. 344; Dela Stanka Vraza. S. 357; *Petré P.* Poizkus ilirizma... S. 258; Живая старина. СПб., 1895. Вып. I. С. 51, 56.
[108] Живая старина. СПб., 1895. Вып. I. С. 55; *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке... С. 1043; Idem. Tri pisma Stanka Vraza P.P. Dubrovskomu (K istoriji rusko-hrvatskih kńiževnih sveza u 19. vijeku) // Građa... Knj 8. S. 340; Dela Stanka Vraza. S. 299.
[109] Славянский архив. С. 164.
[110] История немецкой литературы. М., 1963. Т. II. С. 12, 17, 18.
[111] О влиянии на иллиров поэтов «Молодой Германии» упоминал Дж. Шурмин // *Surmin Đ.* Hrvatski preporod. Zagreb, 1904. II. S. 242–243.
[112] Danica. 1835. Br. 21. S. 81, 82.
[113] Danica. 1836. Br. 34. S. 136.
[114] Danica. 1836. № 1. С. 2–4.
[115] Danica. 1837. № 1. S. 3, 4.
[116] Danica. 1843. № 2. С. 7, 8.
[117] Danica. 1836. Br. 12. S. 45; Br. 13. S. 49; Br. 14. S. 53; 1837. Br. 17. S. 65; Br. 26. S. 1; Br. 29. S. 11; Br. 31. S. 1. Br. 42. S. 169; 1838. Br. 7. S. 25.
[118] Danica. 1839. № 47. С. 184.
[119] Kolo. 1842. I. S. 126, 128; II. S. 105, 106.
[120] Danica. 1835. Br. 43. S. 270–272.
[121] Danica. 1837. № 27. С. 109–110; № 28. С. 113–114.
[122] Danica. 1839. № 1. С. 2–3; № 2. С. 6–8.
[123] Ein Wort an Iliriens hochherzige Töchter über die ältere Geschichte und neueste literarische Regeneration ihres Vaterlandes vom Grafen Janko Drašković. Agram, 1838. S. 53.
[124] Danica. 1837. Br. 32. S. 129; Br. 34. S. 133; Br. 35. S. 137; Br. 35. S 141; Br. 36, S. 145; Br. 43, S. 173; Br. 47. S. 188; Br. 48, S. 193; Br. 50. S. 201; Br. 52. S. 209.
[125] Danica. 1835. № 33. S. 231, 232.
[126] Danica. 1836. № 18. S. 70, 71; 1839. № 11. S. 41; № 12. S. 47; № 13. S. 50; Ein Wort... S. 22.

inslav

[127] Danica. 1837. Br. 32. S. 21; 1839. Br. 22, 23; 1840. Br. 29.
[128] Цит. по: *Barac A.* Hrvatska knjizevnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije. Književnost ilirizma. Zagreb, 1964. Knj. I. S. 123.
[129] Ibid. S. 226.
[130] Danica. 1837. Br. 17, 18; 1839. Br. 36; 1840, Br. 21, 24, 25; 1845. Br. 16, 17, 32; 1846. Br. 49.
[131] Danica. 1839. Br. 38. S. 152.
[132] Dela Stanka Vraza. Zagreb, 1863. D. I. S. 225.
[133] *Barac A.* Hrvatska knjizevnost ...S. 156, 228.
[134] Ibid. S. 155, 187, 207.
[135] Ibid. S. 258, 290.
[136] Ibid. S. 109, 115.
[137] Danica. 1838. Br. 30, 47; 1839. Br. 17, 19, 20, 30; 1840. Br. 8, 17; 1841. Br. 33, 36; 1842. Br. 11, 24, 34; 1844. Br. 35; 1845. Br. 31.
[138] Danica. 1840. Br. 52. S. 205.
[139] Danica.. 1845. Br. 18. S. 70–71.
[140] Dela Stanka Vraza. Zagreb, 1864. D. II. S. 59–60; Zagreb, 1866. D. III. S. 33.
[141] Buturica igrokazah narodnoga kazališta od Drag. Galca. Zagreb, 1842.

inslav

Глава VII

ГОРОД В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ В ГОДЫ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

С завершением наполеоновских войн наступила общая стабилизация жизни в Европе. Постепенно поднималась экономика Австрийской империи после неоднократных военных поражений и финансового краха.

С 20-х годов пошло на подъем хозяйство Хорватии и Славонии. Крупные города были центрами ремесла, мануфактур и активной торговой деятельности. В 1838 г. по Купе от Сисака до Карловаца и далее к морю было отправлено 1300000 цент. зерна, 4 млн. штук дубовых бочечных досок, 60000 цент. табака, 30000 цент. сала и других товаров [1]. В 1846 г. на осенней ярмарке в Крижевцах было продано около 3000 свиней «в далекий свет» [2]. Таков был экспортный потенциал (включая транзит) хорватских городов.

Внутренняя торговля совершалась в городах в многочисленных лавках, на воскресных базарах и на крупных по торговому обороту ежегодных и ежеквартальных ярмарках.

В городской торговле происходили заметные перемены. *До 1793 г. в Загребе не было ни одной торговой лавки, где* продавалась бы готовая одежда. *С XV в. ее производство и* сбыт являлись исключительным правом портняжного цеха. Но на рубеже XVIII и XIX вв. произошел прорыв цеховой монополии. Во второй четверти XIX в. в Загребе и других городах работали лавки и модные магазины, торгующие вне цеховых рамок готовой одеждой, мужской и женской, дороги-

inslav

ми товарами мануфактурного производства, аксессуарами, шелковыми шейными платками, бархатными и шелковыми шляпками, драгоценностями, украшениями из кружев и лент и пр. Все это поступало из Вены и стран Европы. В лавках можно было купить самые разнообразные хозяйственные товары. Торговцы с востока держали лавки в предместьях Загреба, где продавались дешевые вещи для простонародья [3]. В торговле появились профессионалы, способные квалифицированно вести крупные коммерческие дела [4].

Модные магазины с их витринами создавали впечатление праздничности, достатка. Газеты, содержавшие объявления о новых заграничных товарах, были знаком стабильности. Все это поднимало значение города в глазах общества.

Событиями в городской жизни были ярмарки. Самые крупные из них проходили в Загребе, Вараждине, Карловаце и Осиеке. Они устраивались 1–4 раза в год и длились по 14 дней. За неделю ранее обычно проходили скотные базары. Русский ученый И.И. Срезневский, побывавший в 1841 г. в Загребе, так описывал в письме матери летнюю ярмарку в городе: «Сегодня в Загребе ярмарка – вашар-саям и для горожан, и для селян. На площади перед иллирской народной кофейней рядами расставлены палатки, и в них продают в одном ряду бронзу и медь, женские и мужские готовые платья, шляпы, шляпки и чепчики, посуду, в других – народные платья, кожи, узды, ремни и т. д. На другой площади, – новой – толпы народа и главный торг лошадьми, коровами и пр. ... Перед палатками на огне печется мясо. Кое-где продают рыбу, сыр» [5]. Ярмарки собирали продавцов, покупателей, просто глазеющий люд из города и со всей округи. Они во многом сохраняли традиционные, народные черты. Но в целом, уличная торговля, со скотными базарами на площадях города, печением на открытом огне колбас и молодого скота снижали уровень урбанизации Хорватии. Ведуты Загреба запечатлели противоречивый облик столицы – полусельский пейзаж, кафедральный собор и городские строения.

Ремесло и торговля, оставаясь основой экономики городов, продолжали во многом влиять на развитие последних.

inslav

Во второй четверти XIX в. расширялась территория городов. Это происходило за счет роста числа домовладений и в результате слияния предместий с центром. В хорватской столице были снесены городские ворота, и в 1850 г. Градец, Капитул и предместья образовали один большой город – Загреб.

В рассматриваемое время продолжалась медленная миграция дворян из сельской местности в города. Дворяне и богатые горожане были основными застройщиками в городах. Интенсивно строились каменные здания для проживания и торговли. Новые церкви появлялись редко. Заметно росло число зданий административного назначения (Осиек, Загреб, Самобор). В Загребе были возведены дворец бана и жупанийский дом. Интенсивно развивалась соціальная инфраструктура городов. Было построено много гостиниц с ресторанами, скромных постоялых дворов, трактиров, кофеен. В Загребе появилось здание театра, в Карловаце – дом для Народной читальни.

В городах не было доминирующего архитектурного стиля. Лишь немногие дома имели отчетливо классицистический облик. Главным архитектором классицизма был чех Бартол Фелбингер. В подавляющей массе дома, особенно знати, перестраивались, сохраняя барочные пространство и основу. Обогащение архитектурных форм здания происходило посредством классицистических элементов на лицевом фасаде. Дома украшались колоннами на этажах, пилястрами с разнообразными капителиями, портиками в новом стиле, аркадами, треугольными фронтонами, скульптурами на фронтонах и в люнетах свода, аттиками с декоративными элементами, легкими парапетами, балконами с коваными оградами. В интерьере аристократических домов выделялись просторные вестибюли, лестницы и залы (дворцы Деметровича и К. Драшковича). В городской архитектуре присутствовал также бидермейер, характерный в основном для небольших зданий. Они имели простой план, гармоничные линии, полукружный свод на первом этаже, гладкие стены фасада, иногда украшенные разорванной гирляндой и небольшим декором.

К середине века центр Градеца имел барочно-классицистический вид. В архитектурном отношении города Хор-

inslav

ватии и Славонии развивались по среднеевропейскому типу [6]. Украшением городов стали цветники и парки.

Города в Хорватии и Славонии по-прежнему выполняли важную административную функцию, будучи центрами жупаний с их ограниченным дворянским самоуправлением. Здесь размещались жупанийские власти, здесь проходили «реставрации» – выборы должностных лиц на дворянских скупщинах. В Загребе заседал сабор и находился бан. С развитием иллирского движения и обострением политической борьбы между мадьяронской и иллирской группировками дворянские съезды проходили чрезвычайно бурно, а реставрации достигали высокой степени драматизма. И хотя сами горожане прямого и непосредственного участия в выборах не принимали, реставрации захватывали и будоражили весь город. Они являлись неотъемлемой частью жизни городов, инфраструктура которых была задействована в дворянских мероприятиях. П.И. Прейс в письме М.С. Куторге от 1 октября 1841 г. описал Загреб в момент таких событий: «Приехав в Аграм, мы остановились в трактире. Наступил Сабор (в роде Дворянских выборов) и ярмонка. Вся Кроация съехалась в Аграм. Трактирщик гонит нас с квартиры... Срезневский пошел искать квартиру, – и не нашел: все занято» [7].

Активно проявляла себя в жизни городов церковь. Регулярно совершались службы, обряды, церковные процессии и праздники. Вокруг Рождества и Пасхи была организована жизнь религиозного человека. Пышные церковные церемонии, по-прежнему собирая верующих, были событиями в жизни городов. Так или иначе они втягивали в свою орбиту городское население. Но с точки зрения зрелищности, эстетического воздействия они утрачивали для простого горожанина исключительное значение. Центр общественного интереса перемещался в светскую среду, которая предлагала много нового, неожиданного и праздничного.

В годы хорватского национального Возрождения интенсивно формировалась социальная инфраструктура городов. Ее составной частью были лечебные заведения. В 1804 г. на главной торговой площади Загреба Хармице открылась большая городская больница с аптекой. Солидный денежный взнос на ее строительство сделал епископ Врховец. В 1846 г. больницу осно-

inslav

вал также Хаулик. Городские медицинские учреждения появились в Вараждине (1839) и Карловаце (1845), а в Нова-Градишке было открыто жупанийское лечебное учреждение. Помимо них, на территории Хорватии, Славонии и Военной Границы существовало много мелких частных лечебных заведений для размещения и лечения больных. В округе городов устраивались бальнеологические лечебницы – «купальни».

Медицинское образование хорваты получали в Вене, Пеште, Буде, Падуе и Болонье. Среди участников иллиризма были врачи: Д. Деметер, А. Ванцаш, Дж. Шпорер, А. Прауншпергер, Я. Ужаревич, В. Атанасиевич и др. Лица с медицинским образованием, практики нередко выступали в печати по вопросам медицины. О них особенно много писал Шпорер. Авторы связывали недостатки здравоохранения с узостью автономии Хорватии и Славонии [8].

В Далмации больницы появились в первые годы XIX в. В Задаре лечебное учреждение было открыто в 1804 г., в Шибенике – в 1807 г. В дальнейшем в провинции работали четыре больших городских больницы: в Задаре, Шибенике, Сплите и Дубровнике – и две маленьких – в Которе и на Хваре. В Истрии и Приморье в начале XIX в. было около 30 разного рода госпиталей, на основе которых возникли пять крупных больниц: в Риеке, Пуле, Пазине, Ровине и Копере.

Укрепление социальной инфраструктуры Загреба и других крупных городов проходило с участием институций, связанных с изданием и распространением печатной продукции. В 1826 г. бывшая типография Новосёла в Загребе перешла в руки Ф. Зуппана (Жупана), оснастившего ее современным оборудованием. Еще раньше Жупан приобрел и книжный магазин. Но в то время мало выпускалось книг.

В Осиеке продолжала работать до середины XIX в. типография семьи Дивалд. В 1821 г. в Вараждине открыл печатное заведение И. Санджилла, который издавал книги на немецком и диалектах хорватского языка. В 1833 г. типография перешла в руки его зятя Й. Платцера. Его семья занималась типографским делом много лет. Первая типография в Карловаце была основана в 1809 г., во время француз-

inslav

ского правления. Она работала короткое время. С 1822 г. в городе действовала типография И. Преттнера.

Типография А. Мартечини в Дубровнике выпускала сочинения местных писателей, но старым правописанием. Собственник напечатал каталог своих изданий и альбом известных дубровчан на итальянском языке. Продукция этой типографии распространялась во всех хорватских провинциях. В Задаре в типографии А.Л. Баттары с 1806 г. печаталась двуязычная газета «Кральски Далматин». С 1826 г. в том же городе действовала типография М.С. Демарчи. Именно из нее выходила в свет «Зора далматинска». В Сплите работали две типографии, но они по значению уступали другим далматинским подобным заведениям [9].

Подлинный сдвиг в книгоиздательском деле произошел с открытием в 1838 г. типографии Гая, снабженной улучшенной техникой. На нее легла основная масса печатной продукции иллиризма. В соответствии с новыми вкусами типография предлагала также обществу разнообразные модные услуги: изготовление визиток разноцветной печати, с позолотой, красочных обложек для торжественных стихотворений, печатных аксессуаров для балов, свадеб и других мероприятий. Все это несло на себе печать времен [10].

Принципиальным событием в развитии книгоиздательского дела стало создание Матицы иллирской.

Об уровне общественного интереса в Хорватии и Славонии к периодике и книгам на новом литературном языке свидетельствуют тиражи изданий и подписка на них. В первом полугодии 1835 г. газета и журнал Гая выходили тиражом в 700 экземпляров, подписчиков при этом насчитывалось 676 человек, из них 190 приходились на Загреб. Во втором полугодии тираж упал до 520 экземпляров, а подписчиков осталось 480 человек. В дальнейшем тираж изданий колебался около 700 экземпляров. Хорватские книги издавались тиражом в 250–600 экземпляров, в то время как издательская продукция на латинском и немецком языках имела тиражи до 1000 экземпляров. Тиражом в 600 экземпляров вышел стихотворный сборник Враза «Гусли и тамбуры». Он собрал в Загребе 221 подписчика. Среди них были: 7 врачей, 3 низших офицера, 12 адвокатов, 21 чи-

inslav

новник. 22 священника, 34 студента богослова, 35 студентов философов, 6 юристов, 17 гимназистов, 21 торговец и ремесленник, 1 профессор и 1 дворянин [11]. Покупателями книг на новом литературном языке, а значит и потребителями культурных новшеств, выступали в основном представители средних, незажиточных слоев – интеллигенция, учащаяся молодежь, священники, торговцы. Национальная культура занимала благородное сословие в значительно меньшей степени, чем политические события.

Малочисленность покупателей книг на новом литературном языке немного восполняли библиотеки. Главной из них была библиотека Королевской академии наук. В 1816 г. она получила право на бесплатный экземпляр изданий, выходивших из типографии пештского университета. В 1819 г. она стала публичной. С 1837 г. библиотека получала обязательный экземпляр печатной продукции, выпускавшейся в Хорватии и Славонии. Но ее фонды оставались весьма скромными. В 30-х годах книжное собрание Академии включало около 12000 томов. Среди них лишь несколько десятков книг были на диалектах хорватского языка [12]. С развитием издательской деятельности участников иллиризма начал медленно меняться состав книжного фонда Академии в пользу книг на национальном литературном языке.

О размерах отдельных частных библиотек свидетельствуют крупные приношения в дар академической библиотеке их владельцами. В свое время много книг подарил Академии Крчелич. Графиня Э. Патачич в два приема, в 1818 и 1835 гг., передала библиотеке 2775 томов. Все книги были на латинском и немецком языках [13].

По воспоминаниям И. Ткалаца, в доме графа Дж. Драшковича, который командовал полком на хорватской Военной Границе (его место пребывания находилось недалеко от Карловаца), стояли два застекленных шкафа, полных книг в нарядных переплетах. Среди них было многотомное издание «Достопримечательности мира». В доме графа, при его посещении семьей Ткалаца, мальчик (ему тогда было 8 лет) впервые услышал слово «библиотека». В его доме, в поместье близ Карловаца, было всего несколько книг – легенды о святых,

inslav

книги по хозяйству и строительству да томик стихов Горация на латинском языке [14].

В хорватских условиях даже в 30-х годах крупные частные книжные собрания были редким явлением, при этом случавшиеся в дворянских домах книги были исключительно на латинском и немецком языках. Это были разговорные языки в семьях дворян и городских торговцев. Деятелям иллиризма предстояла трудная и долгая борьба за внедрение в обществе национального литературного языка.

В годы иллиризма самые крупные частные книжные собрания принадлежали Гаю и Кукулевичу-Сакцинскому. В их библиотеках старинные книги и рукописи на разных языках соседствовали с новой хорватской литературой. Монастырские библиотеки по традиции обслуживали монахов обителей.

Библиотеки, при всей их малочисленности и скромности в Хорватии и Славонии, были хранителями хорватских и иноязычных духовных ценностей на письменных языках. Они выполняли также функцию распространения культурных достижений в обществе. Библиотеки, призванные быть очагами и показателями социокультурного развития городов Нового времени, в Хорватии и Славонии были по своему состоянию на пути к этому.

Социальные задачи библиотек восполнили в известной степени читальни, открывшиеся в 30-х годах в городах по инициативе деятелей иллиризма. Помимо своей основной, просветительной задачи, читальни выполняли роль общественных клубов, где встречались единомышленники, обсуждали новости. Все это оживляло каждодневную жизнь городов, насыщая ее событиями и разнообразя слухами.

Коммуникативную функцию выполняла почтовая служба. В 30-х годах регулярное почтовое сообщение совершалось два раза в неделю из Загреба в направлениях: Вараждин–Вена – австрийские земли; Крижевцы–Венгрия; Самобор–Любляна–Триест; Карловац–Риека – Далмация. Между Загребом и Карловацем регулярное почтовое сообщение имело место четыре раза в неделю. Для посещавших Загреб было открыто много мест временного проживания [15]. Благодаря поч-

inslav

товой службе Загреб стал деловым и гуманитарным центром обширного региона.

Города были средоточием общественной жизни, которая начала активно развиваться в годы иллиризма. Она проявлялась в разных начинаниях, мероприятиях и формах, которые устраивались и проходили по инициативе иллирского актива. Это были издательская деятельность на национальном литературном языке, участие в подписке на национальные газеты и журналы, авторское присутствие в них, организация культурных учреждений и обществ и работа в них, театральное любительство и многое другое.

Общественная активность в городах была неодинаковой интенсивности. Впереди шел Загреб, задававший тон и другим городам. Бурное развитие здесь национальной жизни отмечал Ф.В. Чижов, посетивший Хорватию в 1845 г. «Все это пишется в одном из самых славянских городов, – записывал он в своем дневнике, – где в настоящую минуту жизнь кипит, где все движется, все борется...» [16]. Однако эту живость придавали городу не торговцы и ремесленники, из которых первые были по большей части немецкого происхождения, а интеллигенция, представители небогатого дворянства и духовенства, которые составляли половину городского населения. В начале XIX в. город насчитывал 8000 жителей.

Меньше патриотического подъема наблюдалось в чопорном Вараждине и Крижевцах. В «Путевом дневнике по Хорватии», опубликованном в 1846 г., один венгерский путешественник писал: «Я должен сказать, что Загреб более горячо и воодушевленнее относится к своему языку, нежели Крижевцы или Вараждин. Здесь и немец говорит по-хорватски, там и видный хорват – только по-немецки» [17]. В Крижевцах и Копривнице общественная жизнь оживилась в 1846 г.

Холодное отношение к иллиризму было в Осиеке, наиболее крупном и экономически развитом городе Славонии. Ни одно национальное культурно- просветительное учреждение или общество не смогло продержаться здесь длительное время. «Патриоты» в городе были малочисленны, или не проявляли активности и не имели опоры в обществе, считала национальная газета [18].

inslav

Подобное положение в ряде городов объяснялось разными причинами. Но главными из них были общественная пассивность предпринимателей – немцев, консерватизм цеховой ремесленной массы и сила инерции у части хорватских жителей. Приведенные факты свидетельствовали о трудностях, которые приходилось преодолевать участникам иллиризма. Но при всей сложности общественно-политической ситуации в северохорватских провинциях импульсы к национальному пробуждению исходили из городов.

В 30-х гг. XIX в. Градец выдвинулся как зачинатель новых форм городской жизни в области времяпрепровождения и развлечений общества. Это касалось прежде всего балов, которые стали общественными событиями. На балах происходило слияние непринужденного общения гостей, отдыха и демонстрации национальной идентичности.

Балы устраивались в десятке дворцов. Они были как раздельные, для дворян и горожан, так и открытые, публичные, для всех, готовых внести плату за входной билет. На последних реализовывался один из постулатов иллиризма – принцип единения и согласия.

С 1835 г. самые блестящие балы проходили в помещении театра в центре Градеца, где имелся большой танцевальный зал. Двумя годами позднее было построено здание «Стрельбища», в котором Общество загребских стрелков, основанное в 1786 г., по примеру подобных обществ в Средней Европе устраивало балы для «патриотического общества».

Организаторами балов часто выступали молодые «загребские юристы». Случалось, инициатива исходила от «молодых загребских патриотов», «патриотической молодежи», «патриотов». В Загребе предприимчивый директор немецкого театра Бёрнштейн устраивал на масленицу по 3 бала в неделю. Лицевой фасад здания, где проходил бал, украшался гербами Хорватии, Славонии и Далмации, а также иллирскими эмблемами – звездой и месяцем. В танцевальном зале висели транспаранты с патриотическими лозунгами, плакаты с национальными изречениями. Помещение освещалось морем свечей. Присутствующие получали напечатанные патриотические стихотворения. Наиболее значительным балам посвя-

inslav

щались заметки в «Данице», что свидетельствовало о важности, в глазах современников, подобных мероприятий.

Дамы приходили на бал в платьях, выполненных в национальных тонах – белом и красном. Мужчины были нередко в иллирской одежде. Так демонстрировалась национальная хорватская идентичность. Цветы, аксессуары, разные мелочи – все это усиливало национальный колорит бала.

Бал создавал настроение празднества, веселья, что отвечало общему оптимистическому взгляду иллиров на будущее. Это было радостное пробуждение жизни. Еще более раскрепощенными, внутренне свободными, чем балы, были маскарады.

Сердцевину бала составляли танцы. Появились танцмейстеры, предлагавшие обществу посредством газетных объявлений свои услуги. Как и в Вене, в Загребе танцевали вальс, польку, галоп, мазурку, иногда – наследие XVIII в. – котильон и кадриль. Но явились новшества и в танцах. В январе 1842 г. на балу в Стрельбище впервые на общественном мероприятии был исполнен народный хорватский танец «коло». Предварительно младший офицер Бродского граничарского полка обучил дворянских девушек и молодых людей этому танцу. На балу коло повела известная графиня Сидония Эрдеди, подав тем самым знак дамам из высшего общества приобщиться к народному танцу. Графиня и другие дамы, принявшие участие в коло, были награждены каждая стихотворением, специально написанным по этому случаю. Приподнятое настроение гостей на этом балу, общее веселье захватило всех, так что и в 6 часов утра в танцевальном зале было тесно. Постепенно исполнение коло на балах вошло в моду.

Оркестры на балах исполняли танцевальные мелодии, основанные на народных напевах. Гостям полагалось говорить на национальном литературном языке. Но на практике не всегда было так – звучала на балах и немецкая речь.

В сентябре 1842 г. в Загребе состоялись торжества, продолжавшиеся три дня, по случаю 600-летней годовщины провозглашения Золотой буллы – грамоты венгерского короля Эндре II Арпада от 1222 г., закрепившей дворянские привилегии. Загреб был освещен множеством свечей. Домовладельцы украсили свои дома плакатами на латинском и хорватском

inslav

языках, специально напечатанными в типографии Л. Жупана. Торжества включали театральное представление, торжественный обед на 200 персон, устроенный городским судьей в Стрельбище, и большой бал во всех помещениях театра.

Мадьяроны, группировавшиеся вокруг Казино, устраивали отдельные балы.

Запрещение названия «иллиры» в 1843 г. сбило волну национального воодушевления в Загребе. С 1844 г. в хорватской столице стали устраиваться, по примеру чешских «бесед», вечера под тем же названием. На «беседах» исполнялись вокальные произведения на хорватском и других славянских языках, декламировались патриотические стихотворения. Присутствовавшие пользовались в разговоре новым литературным языком [19].

Среди патриотов особенно популярными были «беседы» в доме Я. Драшковича. Здесь велись разговоры на актуальные темы. У графа собирался круг высокой литературы. С целью оживления общественной жизни в 1844 г. в Стрельбище стали практиковаться «беседы» два раза в неделю. На этих вечерах гости обычно группировались по интересам. В зимнее время единомышленники собирались в частных домах за игрой в карты.

Популярным местом встречи участников иллиризма был дом Йосипы Ванцаш. Она была душой патриотов, а ее дом постоянно был открыт для них. Исключительной доброты женщина, она благожелательно относилась к гостям, оказывала им помощь, особенно больным Вразу и Лисинскому. Некоторое время они жили с ней по соседству.

Балы вернулись в Загреб в преддверии «Весны народов». Сама атмосфера была напоена общественными ожиданиями. В феврале 1847 г. в Загребе состоялось торжественное открытие Народного дома. К этому событию был приурочен большой бал, на котором присутствовало более 800 приглашенных гостей. Каждый из присутствующих получил программу танцев и специально написанное к этому событию стихотворение Деметера.

Через год, 9 февраля 1848 г., в Вене состоялся грандиозный славянский бал. Его посетили 3000 славян, прожи-

inslav

вавших в Австрийской империи. Присутствовали на балу и хорваты в народной одежде, трижды исполнившие коло.

В это же время загребские юристы организовали бал в Народном доме. Не желая отстать от Вены, они создали танцевальную программу в виде веера. Ее получили дамы, а господа довольствовались маленькой книжицей. Этот бал, гости которого были охвачены застоявшимся патриотическим и национальным угаром, продолжался в течение 11 часов.

В других городах Хорватии и Славонии также проявлялась общественная жизнь. Здесь гастролировали театральные труппы, устраивались музыкальные концерты, любители давали театральные представления. Некоторые из таких мероприятий завершались балами.

Наиболее оживленная городская жизнь была в Карловаце. Во время масленицы здесь регулярно устраивались балы и маскарады в гостиницах «У римского императора», «У золотого якоря», в частных домах. Их устроителями выступали горожане, офицеры, чиновники. В 1847 г. в Карловаце работал специальный педагог, который обучал горожан танцевать коло.

В Вараждине еще в 1819 г. было организовано «Общество стрелков», и уже в следующем году в известном городском парке «Пратер» было воздвигнуто Стрельбище с гостиницей. Оно стало излюбленным местом общения горожан. В воскресные и праздничные дни здесь собирались члены Общества – дворяне, чиновники, богатые горожане. В основном это были немцы. Так Стрельбище превратилось в рассадник немецкого языка. Городские увеселения устраивались в редутном зале в центре города. Он вмещал около 400 человек. При необходимости здесь возводилась сцена, и помещение превращалось в зрительный зал.

В городке Крапине общественная жизнь была сосредоточена в зале фаянсовой мануфактуры, который мог функционировать и как театральное помещение. Крапину посещали любительские труппы. В 1841 г. в городке было образовано «любительское патриотическое общество», которое давало представление на хорватском литературном языке. Собралось более 500 зрителей. По его окончании участники около 5 часов утра устроили шествие с оркестром, исполнявшим

inslav

народные напевы, к дому Гая. Здесь собравшиеся исполнили в честь него две песни и приветствовали возгласами «живио!». Графиня А. Сермаже сдавала свой дом в Крапине в аренду для театральных представлений. После них городской оркестр обычно под народные напевы совершал обход городка, но, случалось, публика отправлялась на бал в гостиницу «К Данице». Регулярно балы проходили также в Самоборе.

Неотъемлемой частью балов была печатная продукция, которая их сопровождала. Это были объявления, приглашения, визитные карточки, танцевальные программы, стихи, написанные к событию, книжечки – воспоминания о бале. Они украшались виньетками с лирой, иллирскими символами, на оборотной стороне их помещались патриотические стихотворения. Новый литературный язык, на котором, как правило, была напечатана эта продукция, получал дополнительную форму распространения в обществе.

Балы в годы иллиризма, сохраняя увеселительный и коммуникативный характер, существенно отличались от балов XVIII в. Они были частью общественных мероприятий, которые устраивались или использовались активом иллиризма для упрочения в обществе национального хорватского языка и распространения патриотических идей. Хотя новый литературный язык с трудом оттеснял немецкий с общественной арены [20].

У поместных дворян среднего и небогатого достатка были свои развлечения. Дворянские забавы в 20-х гг. XIX в. И. Ткалац описал в своих «Воспоминаниях». С середины июля десяток и больше дворянских семей, проживавших близ Карловаца, собирались по очереди друг у друга, гостили в каждом доме по три–четыре дня, гуляли, плясали, веселились, затем отправлялись далее по кругу, пока не возвращались к первому дому. Эта карусель продолжалась до тех пор, пока хватало вина и еды. Совершались визиты и к удаленным знакомым, тогда отправлялись в путь всей семьей, в экипажах, с конями и прислугой. Это продолжалось до наступления зимней непогоды, которая делала дороги непроезжими. Гостеприимство было частью дворянской морали, и никто не задумывался над тем, что угощение 50–60 гостей и содержание 30–40

inslav

коней сказывалось на материальном положении дворянской семьи целый год. «Люди совершали глупости, не думая о будущем», – писал Ткалац. В такие дни в комнате на ночлег располагалось по 8-10 человек, женщин и детей, мужчины, если им не хватало места, отправлялись на ночь в соседние крестьянские дома. По окончании танцев женщины уходили спать, а мужчины бездельничали и играли в карты [21].

С наступлением зимы посещение соседей прекращалось. Дворянство переселялось в город. В Карловаце давались зимой немецкие спектакли и итальянская опера. На сцене большей частью шли пьесы Коцебу, Иффланда и Коллина. Из опер наиболее любимым композитором был Россини. Театрального помещения в Карловаце тогда не было, сценические постановки давались в танцевальном зале средней величины в городской гостинице. Не было ни лож, ни галерки, в партере в первом ряду восседали высшие гражданские чины, в следующих рядах сидели дамы, мужчины же размещались за рядами кресел. Девушки вообще не посещали театр. На масленицу «чиновные верхи» давали официальные балы, кроме них два раза в неделю устраивались публичные танцы. В 12 часов ночи в масленичный вторник музыка замолкала и танцы прекращались. Во время поста существовал обычай: в имущих домах собиралось по вечерам общество – друзья, знакомые и «чиновные верхи». На таких встречах исполнялась музыка, но танцы не дозволялись. Тотчас после Пасхи дворянство покидало город, чтобы с середины июля начать новое турне по соседям [22].

Уже были признаки начавшегося национального Возрождения хорватов, но полугородское – полусельское дворянство в Хорватии продолжало находиться в полусонном состоянии. Как писал И. Ткалац, этот круг ничего не слышал ни о современной жизни, ни о больших научных и технических открытиях и изобретениях тех лет. Мемуарист назвал такое состояние «райским незнанием». «В Хорватии жилось, как на каком-нибудь острове в Тихом океане и как будто время вообще его не касалось». Но иллиризм принес с собой свежий ветер перемен, который встряхнул Хорватию. Не пройдет и

inslav

15 лет, как сила социально-политического развития приведет дворян в консервативный лагерь общественного движения.

Новые веяния затронули бытовую культуру городских сословий, особенно в Загребе. По словам Ткалаца, до начала 40-х годов XIX в. быт горожан был простым. Только очень богатые люди имели в домах несколько примитивно окрашенных комнат. Бумажные обои считались исключительной роскошью. Настил на полу был из досок, раз в неделю его выскабливали белым песком. Паркет был редкостью. В старых отменных домах на стенах висели портреты предков, как правило, плохо написанные, в лучшем случае посредственная гравюра в черной рамке.

Центральное место в доме состоятельных дворян и торговцев занимала гостиная. Она обычно имела софу, несколько кресел и стульев, обитых шерстяным сукном, реже шелковым дамастом. Обстановка включала круглый стол, зеркало, застекленный шкаф для серебра, мог быть и рояль. Перед софой полагался ковер величиной в 1,5-2 м., случалось, он покрывал всю комнату. В столовой в центре стоял большой, часто раскладной стол, тут же были столик для сервировки, несколько маленьких столов для игры, кушетка и как можно больше стульев. В спальне, кроме кровати, находились туалетный столик, зеркало, несколько шкафов и картины с изображением Богородицы. Мебель имела черты бидермейера с его удобством и простотой. Хорватский городской интерьер соответствовал среднеевропейскому типу.

В зажиточных домах в сервировке стола использовалась фарфоровая посуда венского и европейского производства с серебряными приборами. Но была в ходу и фаянсовая посуда загребской и крапинской мануфактур, на долю малосостоятельных семей оставалась оловянная посуда с такими же приборами. Широкое распространение имела также стеклянная посуда местного изготовления, которое было в Хорватии и Славонии традиционным. Стекольные заводы предлагали рынку как предметы каждодневного потребления, так и высококачественные художественные изделия. Кроме того, на хорватском рынке вращалось во множестве хорошее стекло

inslav

штирийского и чешского производства, отличавшегося новой техникой отделки и украшениями [23].

В рассматриваемое время в состоятельных городских домах стало больше уделяться внимания еде. Особое значение придавалось аппетитности и свежести приготовленных блюд. Виноделие не было развито, и хозяева с гостями довольствовались домашним вином примитивного изготовления. Хорваты много пили кофе, а чай не любили.

Визиты «из учтивости» совершались около 12 часов утра, а приятельские посещения – около 4 часов дня, и они затягивались до вечера. Хозяева предлагали гостям кофе со сливками или молоком, иногда и хлеб с маслом. Мужчины пили вино и «черный» кофе [24].

Обычным костюмом мужчин были сюртук и фрак разных цветов, большей частью темных. Праздничной одеждой дворян были венгерская «аттила» – черный расшитый сюртук и узкие брюки, отделанные галунами, сапоги, меховая шапка и сабля. Новостью иллиризма был костюм, созданный активными участниками движения. Его главной частью была сурка, верхняя одежда, из сукна обычно коричневого цвета, расшитая красными галунами (тесьмой), с длинными широкими рукавами. Сурка имела шелковую подкладку красного, реже синего или белого цветов. Она сочеталась с узкими брюками синего цвета. Головной убор представлял красный колпак, какой носили хорватские крестьяне в Далмации и на хорватской Военной Границе. Колпак был украшен иллирской эмблемой – звездой с месяцем. В этом костюме участники движения появлялись в общественных местах, за исключением периода запрещения названия «иллиры».

Дамы придерживались венской моды, которая на деле представляла запоздалую на год и более парижскую моду. Шелковые платья были большой роскошью, и их могли позволить себе лишь дворянки и жены богатых торговцев. Каждодневная женская одежда состояла из платья простого сукна или хлопчатобумажной ткани. Существенно изменилась конструкция женского платья. Расставшись ко II четверти XIX в. с ампирской завышенной талией и лишь намеками на рукав, оно обрело подчеркнутую талию, широкий удобный рукав и

inslav

широкую юбку с кринолином. На поверхности платья располагались всевозможные украшения. Особенно модными были вышивки. Они использовались для отделки платья. Вышитые изделия широко применялись также для декорирования интерьера, преподносились в качестве подарка. С подъемом иллиризма состоятельные дамы, стремясь продемонстрировать свою причастность к нему, стали носить народные платья с богатой вышивкой. На плечи набрасывалась сурка белого цвета, отделанная красными галунами, на голову надевался убор, подобный тому, какой носили крестьянки в Посавине. Вскоре эта мода захватила Загреб, Вараждин, Карловац, Сисак и другие города. Так благородное сословие и состоятельные горожанки демонстрировали свое единение с народом, одновременно отдавая дань романтическому вкусу [25].

Потребности разных слоев горожан в каждодневных предметах удовлетворялись в основном местными мастерами. Были ремесленники, которые делали украшения для дома, часовщики, золотых дел мастера и др. Все предметы, изготовленные загребскими высококвалифицированными специалистами, отличались простотой и имели украшения в стиле бидермейера. Изысканные вещи хорватское высокое дворянство приобретало в Австрии.

Иллиризм буквально вторгся в повседневную жизнь городов, в первую очередь Загреба. В общественных местах транспаранты с патриотическими лозунгами создавали атмосферу национального подъема. В домашней обстановке посуда и даже мебель напоминали о насущных вопросах времени. Фарфоровые кофейные чашечки, стеклянные бокалы, серебряные предметы (сахарницы, солонки), табакерки нередко имели иллирские надписи, изречения, патриотические четверостишия, эмблемы. Украшениями игральных карт стали народные мотивы. Дамские прически не обходились без заколок и шпилек со звездой и месяцем. Признаки иллиризма, за исключением времени запрещения названия «иллиры», были везде и всюду.

Исключение составляла замкнутая цеховыми рамками городская ремесленная среда. Корпоративная жизнь ремесленников, больше всего озабоченных сохранением цехового

inslav

строя, протекала в привычном, устоявшемся русле. Цеховые мастера с их узкогрупповыми интересами были в стороне от яркой общественной жизни с ее патриотическим энтузиазмом, демонстрацией хорватской идентичности, гражданскими порывами. Мир цеховых ремесленников характеризовался разложением, застоем и замкнутостью.

Городская жизнь в Хорватии и Славонии в период национального Возрождения, особенно в годы иллиризма, складывалась из экономического, политического и социокультурного компонентов. При этом последний не столько создавал этнографическую картину, сколько был частью широкой панорамы историко-культурного развития городов.

К новой жизни пробуждались в первую очередь северохорватские города, особенно Загреб, откуда культурное обновление распространялось на всю периферию. Благоустройство городов, сдвиги в здравоохранении, развитие книжной торговли, возникновение разного рода обществ, появление публичной библиотеки, театральное любительство, вовлеченность жителей города в общественные мероприятия, облагораживание быта, формирование городской образованной среды – эти и другие культурные новации в городах были важными свидетельствами становления в Хорватии и Славонии города Нового времени. Социальное развитие городов создало творческую среду, без которой было невозможно формирование новой культуры. В свою очередь образованная общественная среда во многом влияла на складывание многоликого и в то же время цельного образа обновляющегося города.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Fenyes Al.* Statistik des Königreichs Ungarn. Pesth, 1843. Th. I. S. 306.

[2] Novine. 5.XII.1846. S. 408.

[3] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987. S. 126.

[4] Novine. 15.VII.1846. S. 240.

[5] Путевые письма И.И Срезневского. СПб., 1895. С. 240.

inslav

[6] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 124–127; *Maroević I.* Arhitektura i urbanizam u Hrvatskoj u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. Zagreb, 1985.
[7] Живая старина. М., 1891. Вып. III. С. 41.
[8] *Belicza B.* Medicina i zdravstvo u hrvatskim zemljama u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. S. 159–160.
[9] *Bratulić J.* Tiskarstvo i književarstvo za Jlirskoga pokreta // Hrvatski narodni preporod. S. 42, 43.
[10] Novine. 17.IV.1847. S. 124.
[11] *Bratulić J.* Tiskarstvo... S. 43.
[12] *Budiša D.* Rukopisne ostavštine hrvatskih preporoditelja u fundusu Nacionalne i sveučilišne biblioteke // Hrvatski narodni preporod. S. 44.
[13] *Bratulić J.* Tiskarstvo... S. 43.
[14] *Tkalac I.* Uspomene iz Hrvatske. Zagreb, 1945. S.85.
[15] *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 139.
[16] Славянский архив. М., 1958. С. 142.
[17] Novine. 1.VII.1846. S. 223.
[18] Novine. 14.XI.1846. S. 384.
[19] Danica. 1844. Br. 14. S. 53–54.
[20] О балах и других увеселениях в городах в годы иллиризма см.: Danica. 1840. Br. 11. S. 43–44; Br. 13. S. 51–52; 1841. Br. 9. S. 34; 1843. Br. 9. S. 36; Br. 10. S. 39; Br. 36. S. 144; 1844. Br.14. S. 53–54; 1848. Br. 8. S. 32; *Premerl N.* Društveni život u Sjevernoj Hrvatskoj kao dio preporodnog nacionalnog programa // Hrvatski narodni preporod. S. 135–139.
[21] Tkalac I. Uspomene... S. 50–51.
[22] Ibid. S. 52.
[23] Ibid. S. 236; *Stančić S., Comisso Đ., Gagro K., Ivoš J.* Primijenjena umjetnost u Hrvatskoj u prvoj polovici 19. stoljeća // Hrvatski narodni preporod. S. 312–314.
[24] *Tkalac I.* Uspomene... S. 236–237.
[25] Ibid. S. 237; *Kampuš I., Karaman I.* Tisućljetni Zagreb... S. 131; *Schneider M.* Nošnja iliraca // Hrvatski narodni preporod. S. 371 i sl.; *Stančić S. i dr.* Primijenjena umjetnost... S. 315.

inslav

Вместо заключения

В 60–70-х годах XIX в. Австрийскую империю охватил новый всеобъемлющий кризис. Вновь поднялась волна освободительных движений угнетенных народов. Составной частью этих процессов было хорватское общественно-политическое движение. Его кульминация пришлась на конец 60 – начало 70-х гг., когда решался вопрос о реорганизации империи в дуалистическое государство и месте Хорватии и Славонии в дуалистической системе. События разворачивались в накаленной атмосфере борьбы политических «партий» в самой Хорватии. После установления в империи в 1867 г. дуализма через год, в 1868 г., было заключено хорватско-венгерское Соглашение, согласно которому хорватские провинции оставались в составе Венгрии на основе ограниченной автономии. С внесением в него в 1873 г. незначительной корректировки ведущие политические силы Хорватии отступили перед властями. Положение в Хорватии и Славонии на некоторое время стабилизировалось.

В неразрывной связи с освободительным движением протекало развитие хорватской национальной культуры. Она испытывала сильное воздействие политической борьбы. Все видные культурные деятели этого времени непосредственно участвовали в ней или были тесно связаны с разными политическими группировками.

Ведущую роль на культурном поле Хорватии и Славонии играла литература. До начала 1880-х гг. хорватская литература развивалась в романтическом русле с постепенным нарастанием в ней реалистической тенденции. Центральной фигурой литературной жизни той эпохи был Аугуст Шеноа (1838–1881). Его творчество, включавшее поэзию, прозу, драматургию, публицистику, литературную и театральную критику, отразило зрелость хорватской литературы. Шеноа получил юридическое образование в Праге, где он сформировался как патриот, сторонник свободы и самоутверждения славян. Пройдя путь от романтизма к реализму, Шеноа впервые в Хорватии раскрыл теоретические принципы реалистического искусства в журнале «Виенац». Писатель видел задачу литературы в постановке важнейших вопросов жизни и воплотил эти начала в своих исторических и социальных романах и повестях. Широкую известность получил его

inslav

роман «Крестьянское восстание» (1877), посвященный антифеодальной борьбе хорватских и словенских крестьян в 1573 г. под руководством Матии Губеца. Писатель положил начало новому типу исторического романа в хорватской литературе. Шеноа обращался также и к современной тематике (повести «Барон Ивица», «Нищий Лука» и др.). Его творчество явило собой вершину хорватской прозы XIX в.

С 1880-х гг. основным литературным направлением в Хорватии стал реализм. Его утверждение протекало в острой борьбе с пришедшей из Франции теорией натурализма. Писатели-реалисты первого поколения группировались вокруг журналов «Виенац», «Хрватска вила», «Балкан». Кроме прозаиков (Е. Кумичич, А. Ковачич, К.Ш. Джальски, Й. Козарац и др.), хорватский реализм представляли два крупных поэта А. Харамбашич (1861–1911) и С. Краньчевич (1865–1908).

Изобразительному искусству во второй половине XIX в. молодые хорваты учились в Италии, Вене и Мюнхене. Центром хорватской живописи и ваяния был Загреб. Художники работали в жанрах портрета, исторической композиции и пейзажа. Среди них были распространены идеи патриотизма, чувство обеспокоенности за судьбу родины. Наиболее выразительным художником того времени был В. Буковац (1855–1922). Его творчество развивалось в рамках академизма. Видной фигурой в истории хорватского ваяния стал И. Рендич (1849–1923), первый среди национальных скульпторов создавший публичный памятник Качичу Миошичу. В 1874 г. в Загребе прошла первая выставка картин национальных художников. Она отразила реалистическую тенденцию в хорватском изобразительном искусстве.

В хорватской архитектуре второй половины XIX в. господствовал эклектизм. Наиболее видным архитектором был Г. Боле (1845–1926). В стиле эклектики были построены здания Ремесленной школы и Протестантской церкви в Загребе.

В сфере музыки в 1860-е гг. в Хорватии выдающимся мастером был композитор и педагог И. Зайц (1832–1914). Он создал оперы и оперетты, хоровые и сольные вокальные произведения. Зайцу принадлежала романтическая опера «Никола Шубич Зринский» (1876). В его творчестве сочетались национальные формы с отголосками итальянской оперы.

inslav

Развитию научной деятельности в Хорватии способствовало основание Югославянской академии наук и искусств (1867) и Университета в Загребе (1874). Они были созданы при покровительстве и материальной поддержке епископа Й. Штроссмайера, проявлявшего большой интерес к культуре. Кроме того, он заложил основы картинной галереи и выступал щедрым меценатом.

Больших успехов достигла хорватская историческая наука. Важный вклад в ее развитие внес своими фундаментальными публикациями и исследовательскими трудами И. Кукулевич-Сакцинский. Его работы утвердили характерную черту хорватской исторической науки XIX в. – изучение истории и культуры хорватского народа в этнокультурном пространстве славян, в особенности южных. За заслуги ученый был избран иностранным членом Петербургской Академии наук, почетным профессором Харьковского, Киевского и Петербургского университетов. Российское правительство наградило его орденом Св. Владимира III степени за вклад в науку и межславянское сотрудничество. Благодаря научной деятельности Кукулевича-Сакцинского хорватская историческая наука вышла на уровень европейских исследований. Крупным представителем хорватской историографии был загребский каноник Франьо Рачки (1828–1894). В течение 20 лет он являлся президентом Югославянской академии наук и искусств, выступая убежденным сторонником южнославянского сотрудничества. Рачки последовательно исследовал проблемы государственной традиции и целостности занимаемой хорватами территории. Ему принадлежали такие труды, как «Движение на славянском юге в конце XIV – начале XV в.» (1868), «Богомилы и патарены» (1869–1870), «Борьба южных славян за государственную независимость в XI в.» (1873–1875). Они имели не только большое научное, но и общественное значение.

Первым хорватским историком, создавшим обзорный труд по истории Хорватии, был Тадия Смичиклас (1843–1914), идейный последователь Штроссмайера. Его главным исследованием была двухтомная «Хорватская история» (1879–1882).

К исходу XIX в. значительно обогатилась источниковая база хорватской исторической науки, ученые освоили критический метод работы с источниками, расширили круг изучаемых проблем и дали глубокое освещение хода событий.

inslav

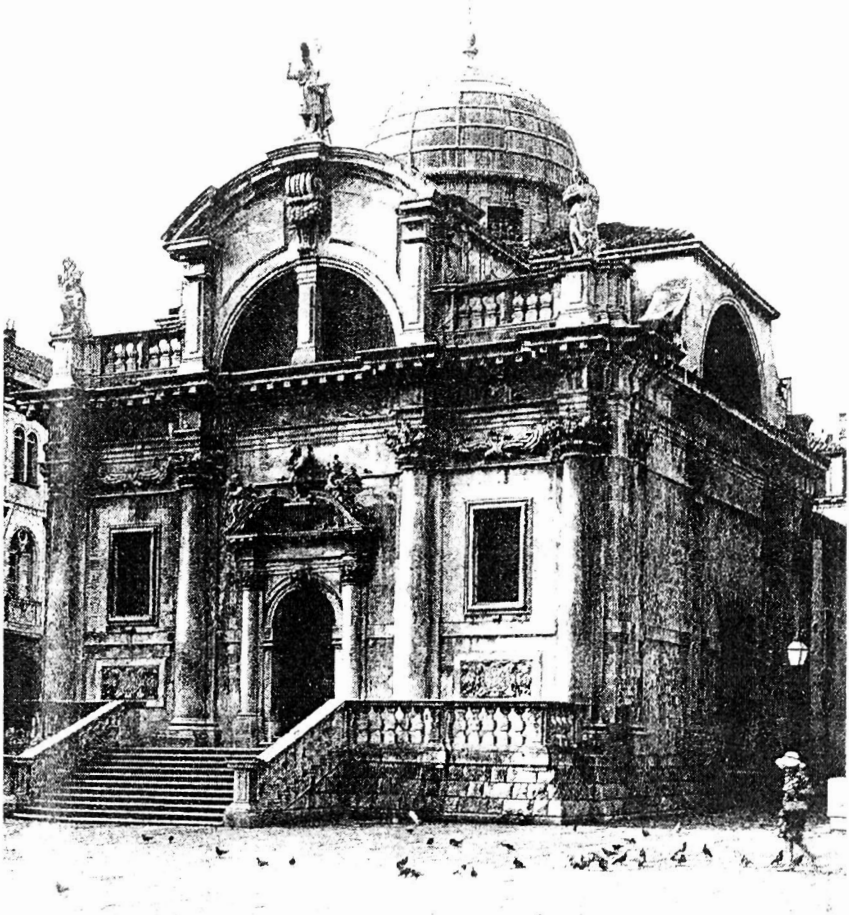
Известные успехи были достигнуты в области естественных и точных наук – ботаники, географии, геологии, физики. Но в Хорватии не было условий для проведения сложных экспериментов. Поэтому талантливый хорватский физик Никола Тесла был вынужден эмигрировать в Соединенные Штаты, где он сделал открытия мирового значения.

С 1861 г. начался новый период в развитии хорватского театрального искусства – хорватский сабор объявил театр национальным достоянием, и в Загребе открылся Хорватский народный театр на постоянной основе с репертуаром патриотической направленности. Постепенно репертуар расширился за счет произведений мировой классики. В 1874 г. на сцене впервые была поставлена русская пьеса – «Ревизор» Н.В. Гоголя. В 1870–1889 гг. в Загребе давались оперные представления под руководством И. Зайца.

Пережившая хмурые годы неоабсолютизма Иллирская матица возродилась к жизни. В 1868–1873 гг. она и Югославянская академия представляли один организм. С восстановлением самостоятельности Матица получила новое название – Хорватская Матица и председателя Кукулевича-Сакцинского. Рост духовных запросов хорватского общества, потребность в книге, с одной стороны, материальное укрепление Матицы, с другой – позволили ей развернуть широкую издательскую деятельность и работу по распространению общедоступных книг. Со времени своего основания и до конца века она распространила 1 млн. экземпляров книжной продукции. При этом произошли изменения в организационной структуре самого общества, что способствовало расширению его социальной базы и превращению в подлинно массовую организацию. В XIX в. Хорватская матица была фактором формирования национальной хорватской культуры в ее тесном контакте и взаимодействии с культурами других южных славян и славянским миром в целом.

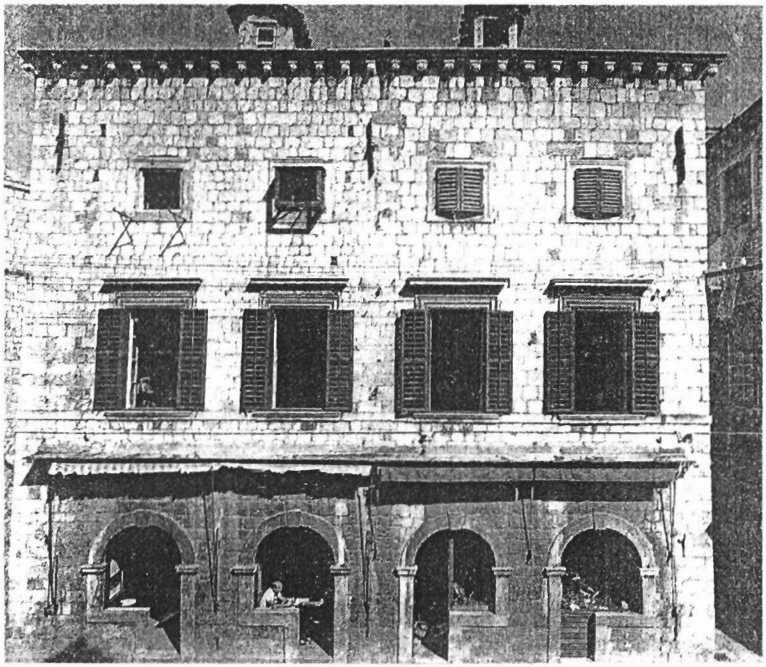
В 1860-х гг. развернулось национальное Возрождение в Далмации. В 1862 г. была основана Далматинская матица. В 1912 г. состоялось ее объединение с Хорватской матицей. Бурный и насыщенный событиями XIX в. завершился оформлением общенациональной хорватской культуры и образованием целостного хорватского культурного пространства.

inslav



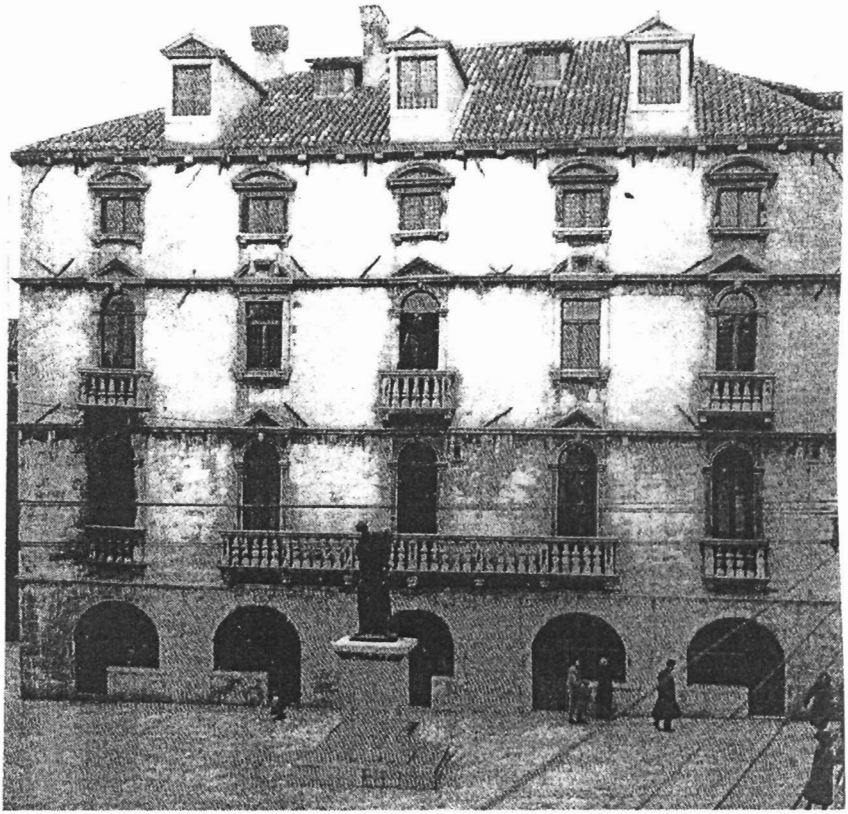
Дубровник. Церковь Св. Влаха. 1706 – ок. 1715.

inslav



Дубровник. Дом на Страдуне

inslav



Сплит. Дворец Милеси. Конец XVIII в.

inslav

Дом туропольского дворянина. Хорватия

Загреб. Капитул и епископский дворец. Около 1845 г.

inslav

Загреб. Главный фасад церкви Св. Катарины.
Середина XVII в.

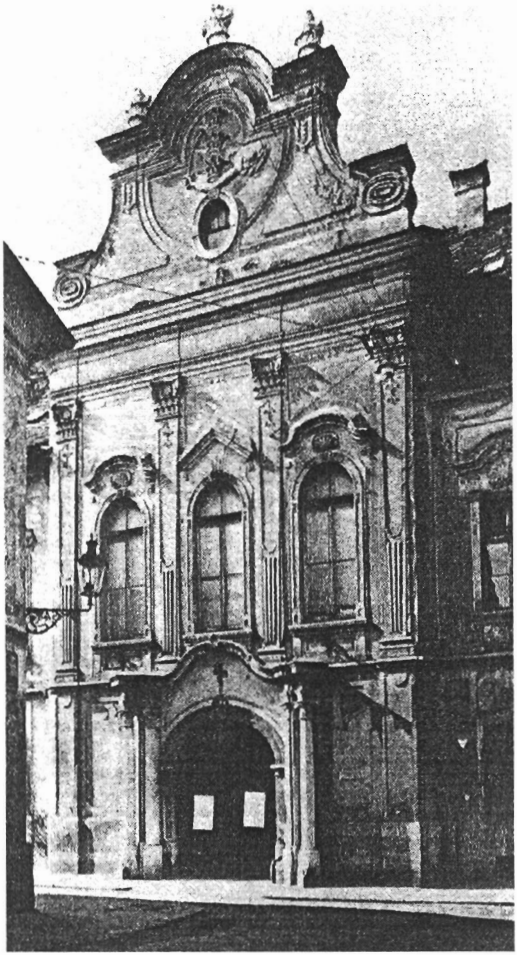
inslav

Загреб. Церковь Св. Катарины.
Sv. Франциск. Скульптор Ф. Роба.
1728–1729 гг.

inslav

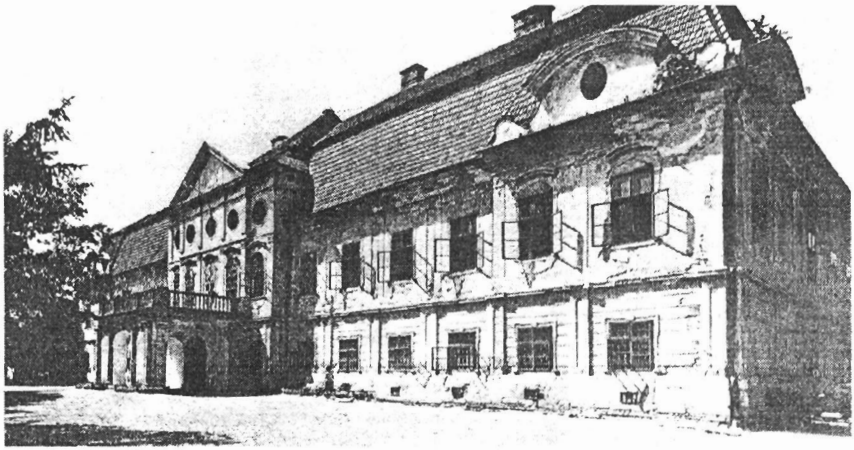
Фасад дома. Архитектор Б. Фелбингер

inslav



Загреб.
Дворец Войковича – Оршича – Рауха.
1764 г.

inslav



Дарувар (Славония). Дворец А. Янковича. 1771–1777 гг.

inslav

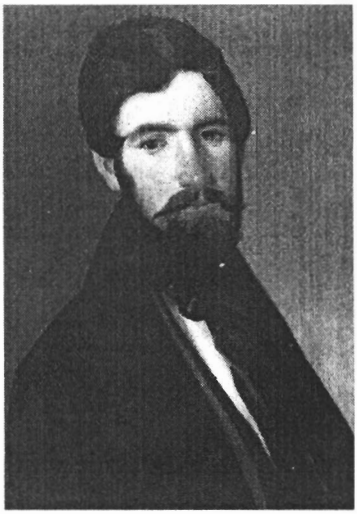
Людевит Гай. 1836–1838 г.

Граф Янко Драшкович

Людевит Вукотинович

Павао Штоос

inslav



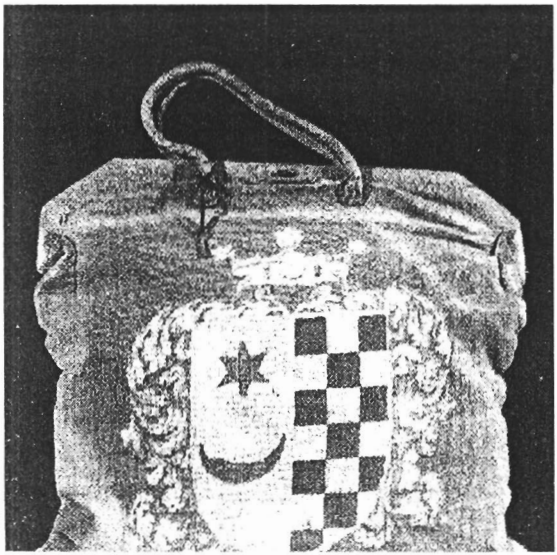
Станко Враз.
Художник М. Строй. 1841 г.

Л. Гай в сурке

Иван Мажуранич

Иван Кукулевич-Сакцинский

inslav

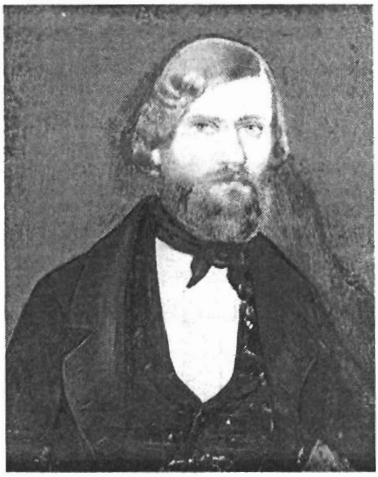


Дорожная сумка А.Гая
с иллирскими символами

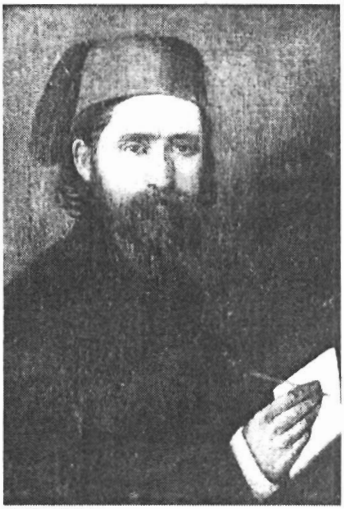
Димитрия Деметер

inslav

Драгутин Раковац. 1855 г.

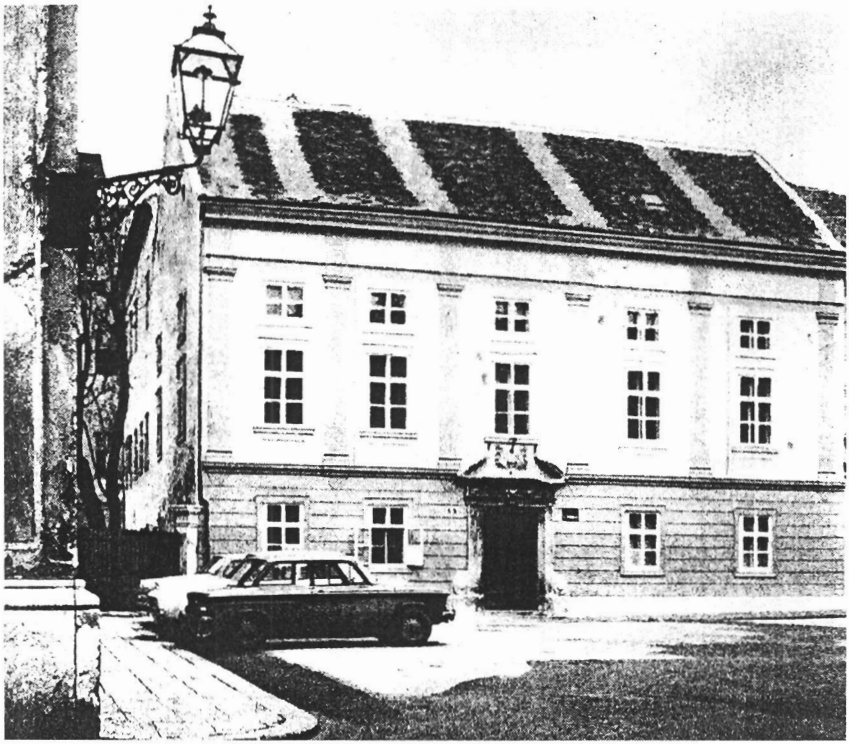


Антун Немчич-Гостовинский



Векослав Карас.
Автопортрет. 1840 г.

inslav



Здание Королевской академии (современный вид)

inslav

Фасад дома. Архитектор Б. Фелбингер. Загреб. 1814–1815

inslav

Научное издание

Лещиловская И.И.

Хорватия в XVII–XIX веках:
культурные аспекты
исторического развития

М., 2013. 460 с.

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН

Оригинал-макет, обложка – М.И. Леньшиной

На обложке:
История Хорватов. 1932 г. Скульптор Иван Мештрович.
Народный музей, Белград.
(копия перед зданием Загребского университета)

На титуле:
Влахо Вуковац (1855–1922). Хорватское Возрождение.
Парадный занавес Хорватского народного театра
в Загребе

Подписано в печать 16.04.2013 г., Формат 60×90 1/16. Печать цифровая.
Бум. офсетная № 1. Гарнитура Bookman Old Style. 28,75 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 0206.

Институт славяноведения Российской академии наук
119334 г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, корп. В.

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»
Тел./факс: 8 (499) 252 14 31. E-mail: tez_sale@mail.ru

inslav

inslav

И.И. Лещиловская

Хорватия в XVII–XIX веках:
культурные аспекты исторического развития